

Б И О Г Р А Ф И И В Е Л И К И Х С Т Р А Н

ГЕНРИ В. МОРТОН

РИМ

ПРОГУЛКИ
ПО ВЕЧНОМУ ГОРОДУ

Annotation

Об этом городе без малейшего преувеличения можно сказать — он был, есть и будет; перефразируя известную песню — был, есть и останется Вечным. Тому, кто оказался в этом городе, открывается панорама мировой истории с древнейших времен и до наших дней: холмы, видевшие республику, на которую равняются современные демократии; дворцы и храмы — наследие величайшей в истории человечества империи; катакомбы первых христиан, церкви и соборы, прославившие в веках христианскую религию; монументы Нового времени и приметы сегодняшнего дня — неоновые сполохи рекламы, модернистские архитектурные проекты, автомобильные «пробки» на запруженных улицах.

- [Генри В. Мортон](#)
  - [Вечный город: взгляд со стороны](#)
  - [Глава первая. Встреча с Вечным городом](#)
  - [Глава вторая. С Капитолийского холма в тишину садов](#)
  - [Глава третья. По Виа Сакра в Древний Рим](#)
  - [Глава четвертая. От Кастель Гандольфо к дворцам и аренам](#)
  - [Глава пятая. Катакомбы — гробницы святых и колыбель христианства](#)
  - [Глава шестая. Папа, история и будни Рима](#)
  - [Глава седьмая. К Квиринальскому дворцу и Пантеону](#)
  - [Глава восьмая. Жизнь Ватиканского холма](#)
  - [Глава девятая. Визит в Ватикан](#)
  - [Глава десятая. Прогулки вдоль Тибра и Трастевере](#)
  - [Приложение](#)
  - [Библиография](#)
  - [От автора](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)

- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)

- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)

- [117](#)
  - [118](#)
  - [119](#)
  - [120](#)
  - [121](#)
  - [122](#)
  - [123](#)
  - [124](#)
  - [125](#)
  - [126](#)
  - [127](#)
  - [128](#)
  - [129](#)
  - [130](#)
  - [131](#)
  - [132](#)
  - [133](#)
  - [134](#)
  - [135](#)
  - [136](#)
  - [137](#)
  - [138](#)
  - [139](#)
  - [140](#)
  - [141](#)
  - [142](#)
-

Генри В. Мортон

РИМ

Прогулки по Вечному городу

Вечный город: взгляд со стороны

*Ставя босую ногу на красный мрамор,
тело делает шаг в будущее —
одеться.*

*Крикни сейчас «замри» — я бы тотчас
замер,
как этот город сделал от счастья в
детстве...*

И. Бродский

Об этом городе без малейшего преувеличения можно сказать — он был, есть и будет; перефразируя известную песню — был, есть и останется Вечным. Тому, кто оказался в этом городе, открывается панорама мировой истории с древнейших времен и до наших дней: холмы, видевшие республику, на которую равняются современные демократии; дворцы и храмы — наследие величайшей в истории человечества империи; катакомбы первых христиан, церкви и соборы, прославившие в веках христианскую религию; монументы Нового времени, включая помпезный шедевр «новой античности» — мемориал Виктора Эммануила, и приметы сегодняшнего дня — неоновые сполохи рекламы, модернистские архитектурные проекты, автомобильные «пробки» на запруженных улицах. Попав в этот город, бродя по его улицам, словно наблюдаешь и переживаешь наяву «спрессованную» историю человечества, переходишь из эпохи в эпоху, из века в век. И достаточно трудно избавиться от ощущения неправдоподобности происходящего: неужели на самом деле ты там, где когда-то основал поселение Ромул, где вершил славные дела «народ квиритов», где требовал разрушения Карфагена

Катон, где пришел к власти, а затем пал Цезарь, где безумствовал Нерон, где утвердил Святой Престол апостол Петр, где творили Бенвенуто Челлини и Микеланджело, Торкватто Тассо и Джанлоренцо Бернини. Еще этот город внушает растерянность: этот город подавляет своим многовековым величием, своей судьбой, вместившей немало «знаковых» событий, своей аурой, по-прежнему во многом сохраняющей имперский блеск; он слишком древен, слишком славен и слишком много дал миру, чтобы человек, впервые в него попавший, не почувствовал себя ничтожной мошкой. Имя этому городу — Рим.

О Риме и о тех ощущениях, которые этот город вызывает у путешественника, прекрасно сказал Иосиф Бродский:

В этих узких улицах, где громоздка даже мысль о себе, в этом клубке извилин прекратившего думать о мире мозга, где то взвинчен, то обессилен, переставляешь на площадях ботинки от фонтана к фонтану, от церкви к церкви — так иголка шаркает по пластинке, забывая остановиться в центре, — можно смириться с невзрачной дробью остающейся жизни, с влечением прошлой жизни к законченности, к подобию целого. Звук, из земли подошвой извлекаемый — ария их союза, серенада, которую время оно напевает грядущему...

Впрочем, Генри В. Мортон, английского журналиста и признанного классика «travel writing», то есть литературы о путешествиях и для путешествующих, получившего известность своими литературными «скитаниями в поисках Лондона», Рим не пугал и не повергал в растерянность. Прибыв в Вечный город из мегаполиса, по праву считающегося столицей мира, Мортон, человек классического образования и классической культуры, ощутил себя в Риме почти как дома. При этом он, безусловно, оставался в Риме «чужаком», чужестранцем, — и тем интереснее его впечатления от римских красот, обычаев и традиций.

Приятных прогулок по Вечному городу!

Глава первая. Встреча с Вечным городом

С римского балкона. — Шум Рима. — Прогулки по Риму. — Завтрак у собора Святого Петра. — Фонтан Треви. — Суеверия.

1

Те, кто не уснули, время от времени бросали взгляды вниз, на Альпы. Горы лежали под крылом нашего самолета, напоминая макет в геологическом музее, и хотя стоял июль, многие вершины были все еще белые.

Иногда мною вдруг овладевает ощущение причудливости и даже фантастичности нашего века, и, приведя свое кресло в наиболее комфортабельное положение, я подумал: как это, в сущности, странно — мчаться к Риму по небу, при том что многие из нас совершенно не осознают масштаба и роли горной преграды, которая столь ужасала наших предков. Пока я смотрел вниз, тщетно стараясь опознать горные перевалы — Мон-Сени, Сен-Готард, Большой Сен-Бернар и Малый Сен-Бернар и знаменитый Бреннер, — в моей памяти сменялись картинки... Ганнибал и его голодные слоны, Карл Лысый, умирающий на Мон-Сени, император Генрих IV, спешащий в 1077 году сквозь январские снежные бури заключать мир с папой, императрица и ее придворные дамы, привязанные ремнями к бокам волов, точно мешки с сеном.

— Не желаете ли леденец или мятную конфетку? — спросила стюардесса, когда мы пролетали над Альпами.

Чувства, которые на протяжении многих столетий испытывали направлявшиеся к Риму путешественники, выразила в одной единственной фразе леди Мэри Уортли Монтегю, написав из Турина в 1720 году: «Благодаренье Богу, я благополучно миновала Альпы». Даже в ее времена,

когда этот «гранд тур» обставляли так красиво, переход через Альпы был полон опасностей, по крайней мере вызывал опасения. Экипажи обычно разбирали и перевозили на спинах мулов, а путешественники, завернувшись в медвежьи шкуры, надев бобровые шапки и теплые рукавицы, усаживались в кресла, подвешенные на двух шестах, которые затем несли через перевал проворные горцы. Монтеня, отправившегося в Италию, чтобы забыть о своей желчнокаменной болезни, подняли на Мон-Сени, но на вершине ему пришлось лечь в сани; на том же перевале собачку Горация Уолпола, Тори, сожрал волк. Пока все эти эпизоды беспорядочно мелькали в моем мозгу, мы миновали Альпы, и вскоре нам уже предстояло пристегнуть ремни перед посадкой в Риме.

Дорога из аэропорта в город была долгой и утомительной, но меня согревала мысль о «комнате с балконом», к которой я неуклонно приближался. Я неделями представлял себе этот балкон, хотя никогда его не видел. Возможно, бугенвиллеи там и не окажется, говорил я себе, но герань в горшках непременно найдется; и вечерами я буду смотреть, как солнце садится за собор Святого Петра, как многие смотрели до меня; а ласточки — интересно, в июле есть ласточки? — будут разрезать воздух криками, которые, это известно в Риме любому ребенку, означают: «Иисус... Иисус... Иисус!»

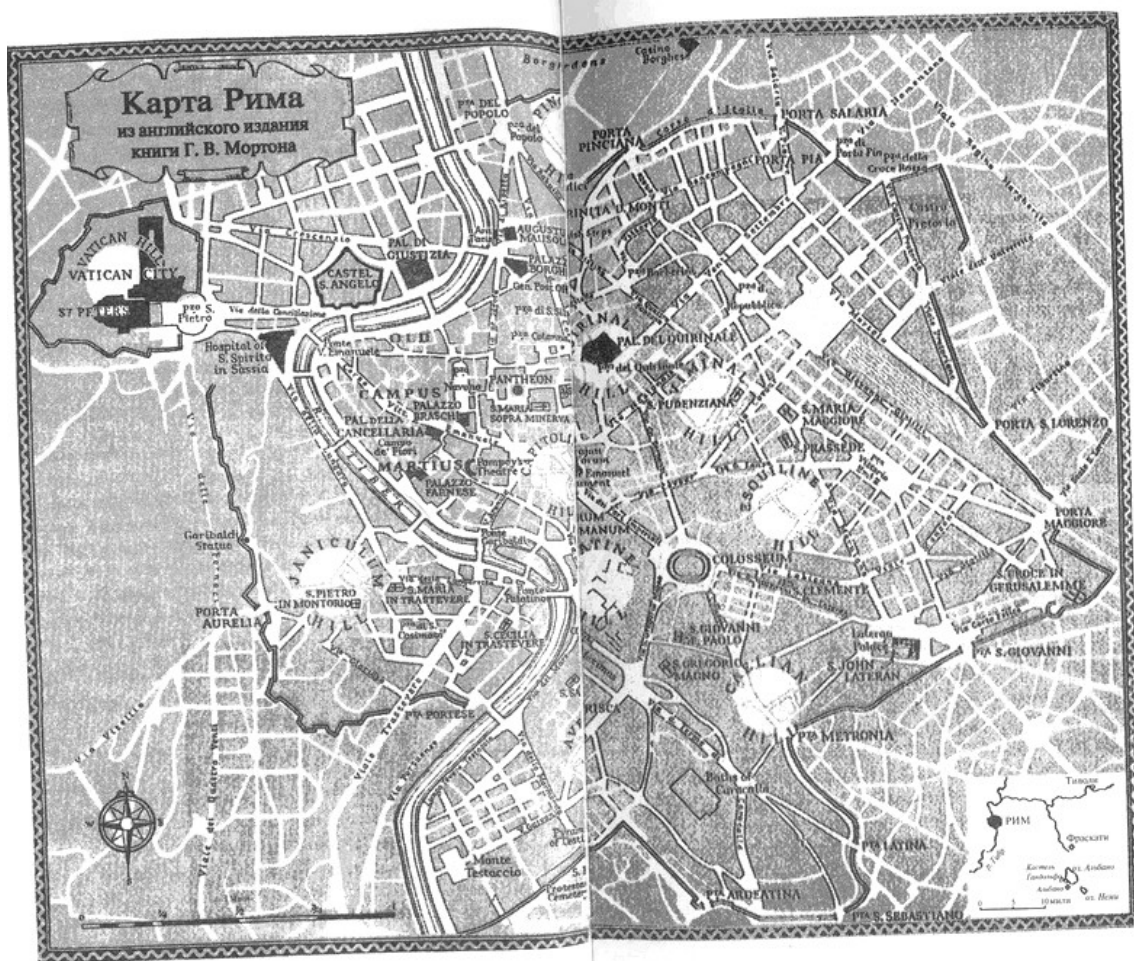
Мы увидели развалины акведука, хромающего по городу, и хоть я и узнал их, вспомнив фотографии, но все никак не мог вспомнить названия. В первые же десять минут я понял, что Рим — не открытие, а припоминание. Мы пронеслись сквозь пригороды, где бетонные многоквартирные дома, потомки римских инсул, но гораздо крепче и прямее, стоят среди груд булыжника; потом проехали через ворота с башенками в стене Аврелиана и влились в мощный поток зеленых трамваев и автобусов; и на наших глазах то и дело оживали репродукции из книг, виды с открыток, присланных когда-то друзьями, картины из тех, что висят на стенах в старомодных домах

приходских священников. Время от времени мы вдруг узнавали какой-нибудь памятник или фонтан.

Я переместился вместе с багажом в такси и направился вниз по холму сквозь горячий золотой полдень, спеша к вожденной комнате с балконом. Люди пили кофе под голубыми зонтиками на Виа Витторио Венето. Потом такси свернуло в боковую улицу и поехало прямо, до арки довольно строгого вида.

2

Может быть, он именно здесь, мой балкон? И это то самое место, о котором я так долго мечтал? Мне ничего не было видно, кроме здания напротив, беспечно забрызганного коричневой краской много лет назад. Из окон на меня смотрели с холодным любопытством, с каким смотрят на новичка в классе. Мужчины в смешных треугольниках из газеты чинили крышу. Еще мне были видны магазины, рестораны, парикмахерская и закусочная, где еда дымилась в кастрюлях, выставленных на подоконник вместе с блюдами персиков и банками оливок и артишоков. У входа в подвал сидел горбатый сапожник, похожий на гнома. У него был полон рот гвоздей, он проворно вынимал их и загонял в подметку туфли. Я разочарованно отвернулся: еще одна иллюзия рассеялась, этот балкон был явно не из тех, какие, видимо, доставались более удачливым писателям, — то есть с романтическим видом на собор Святого Петра.

Пансион, где мне предстояло поселиться, находился в боковой улочке, в нескольких сотнях ярдов от садов Боргезе. Это был бы вполне впечатляющий адрес при том условии, что знакомые только писали бы мне письма, а не приезжали в гости; а то бы они непременно увидели cortile, [1] где официанты, чистя креветок, не забывали отпускать комплименты любой проходившей мимо служанке. Еще гостю предстояло испытать здешний лифт. Дело в том, что Италия — страна неработающих лифтов. Это нововведение здесь не прижилось. Часто лифт вообще закрыт, а иногда он находится в полном распоряжении какой-нибудь старой женщины, живущей в подвальном этаже и время от времени выскакивающей с ключами. Бывает, что лифт — платный, а частенько поднимаетесь вы в лифте, а спускаться вам приходится пешком.

Лифт моего пансиона был просто одержим дьяволом. Никогда не видел более злобного механизма. Случались дни, когда он пребывал в хорошем настроении, но чаще — в плохом. Когда он злился, он плевался мелкими голубыми искрами и останавливался не на том этаже. Почти каждую неделю приходилось вызволять застрявших между этажами, и тогда срочно призывали людей в заляпанных спецовках, чтобы они проделали эту операцию. Иногда, нажав на кнопку на первом этаже, вы тем самым запирали на верхнем пожилую даму, которую потом доставляли вниз — словно разгневанная Афина спускалась с небес со шваброй вместо копья. Однажды я поймал в ловушку мусорщика с двумя ведрами.

По вышеуказанным причинам я всегда предпочитал преодолевать пять пролетов красивой мраморной лестницы пешком. Изысканные ступени римских лестниц — одно из первых моих воспоминаний об этом городе: ступени из мрамора и травертина, низкие ступеньки Возрождения, гораздо более снисходительные к вашим ногам, нежели крутые ступени Древнего Рима: ступени, направляющиеся влево, вправо и прямо от площади Испании, как будто намереваясь продемонстрировать, как может себя повести лестница, если предоставить ей возможность выбирать; благородные ступени к церкви Санта-Мария-ин-Арачели; элегантные ступени, ведущие на Квиринал; величественные ступени собора Святого Петра и других бесчисленных церквей, фонтанов и дворцов — самые удивительные ступени в мире. Даже ступеньки моего pensione^[2] приходились бедными родственниками ступеням площади Испании, но их твердый шаг и нежный уклон вознаграждали меня за вздорность лифта.

Я всегда завидовал людям, которые не замечают того, что их окружает. Они, конечно, многое теряют, но, с другой стороны, не знают тирании неодушевленных предметов и могут гулять по миру сами по себе, подобно кипплинговской кошке. Я никогда не умел насладиться подобным безразличием и не знал покоя, пока не обретал какого-

нибудь убежища — аналога рая. Это нетрудно во времена путешествий поездом и пароходом, потому что можно ведь взять с собой книги и разные мелочи; но сейчас, когда люди путешествуют по воздуху, не обременяя себя почти ничем, кроме той одежды, что на них, требуется какое-то время, чтобы устроиться. Однако через неделю-другую, после некоторой перестановки мебели и размещения в комнате книг и карт, мое жилище постепенно утратило свой тюремный вид. Оно даже начало мне нравиться. Я скучал по тому моменту, когда вернусь туда вечером, закрою за собой дверь и смогу обдумать то, что увидел за день.

Большинство квартир напротив были постоянно заняты, хотя некоторые сдавались на ночь или на две постояльцам, которые потом безвозвратно исчезали из твоей жизни. Среди постоянных жильцов был один человек, который, стоило первому лучу солнца коснуться его подоконника, тут же выставлял маленький кактус в горшке, а первое, что делал вечером по возвращении домой, — убирал его оттуда. Над ним жила пожилая женщина, похожая на хищную птицу — она часами сидела у окна, высматривая что-то в окнах нашего дома. Мы явно были ее единственным развлечением, заменяя ей чтение романов. Однажды утром я проспал дольше обычного, притом с открытыми ставнями, и проснулся от ее неподвижного, ничего не выражающего взгляда сверху вниз — так бдят у гроба; я в ужасе вскочил и закрыл ставни. Временные жильцы обычно были потные, измочаленные, чувствовалось, что они устали и стерли ноги: американцы со своими электробритами, добропорядочные немцы, светловолосые датчане и, разумеется, американские девушки, которые весело завешивали окна легкомысленными нейлоновыми предметами своего туалета. Их пестрое трепетание становилось фрагментом римской мозаики, они порхали как бабочки — сегодня здесь, а завтра их и след простыл, — современный эквивалент тех грешников, которые в прежние времена обретали наконец благодать, становясь пилигримами.

Множество подобных персонажей проходило через мой пансион. Почти все они были молоды и серьезны, и редко

кто из них задерживался более двух дней. Часто «доброе утро» я говорил швейцарцам, датчанам, немцам и французам, а «добрый вечер» — англичанам, испанцам, шведам и американцам. Все находилось в постоянном движении, и спустя неделю я сделался тут старейшим жильцом. Были еще две тонконогие девушки-австралийки в коричневых шортах, которые однажды появились с австралийскими флажками, торчащими из их огромных рюкзаков. Вещмешки таких размеров и веса непременно привели бы к мятежу среди гвардейцев. Согнувшись пополам, девушки шагали по Италии изящными ножками и видели, естественно, только землю. Вечером, правда, они удивительным образом преобразились, переодевшись в чистые хлопчатобумажные платица, а на следующее утро просто исчезли.

Через несколько дней я уже не променял бы свой балкон и на тот, с которого открывался бы самый лучший вид на Рим. Небольшой кусочек уличной жизни внизу был постоянным развлечением. Это был Рим Марциала. Величайший журналист на много столетий опередил камеру: он был непревзойденным фотографом имперского Рима. Однажды мне пришло в голову, что его комната на Квиринале, должно быть, напоминала мою; и ему тоже приходилось преодолевать множество ступенек! И еще, он был в ужасе, почти в обмороке от римского шума, как и я. Ему было трудно спать в Риме, и мне тоже. Я улыбался при мысли о том, каков он был — шум, вызывавший раздражение Марциала, шум Рима I столетия: молоточки медников, голос учителя, распекающего своих учеников, звуки трубы, каменщики, сооружающие статую Цезаря, менялы, звякающие монетами, — самая восхитительная симфония, какую я только мог себе вообразить. Однако Марциал в Древнем Риме, как и Хогарт в Лондоне XVIII века, находили эти звуки невыносимыми. Что бы они сказали о механическом аде современного Рима — города, где люди оценивают качество мотоцикла по громкости его выхлопов и великолепию его огненного шлейфа? Что подумал бы Марциал о другом, совершенно нелепом виде транспорта —

мотороллере? Неистребимое желание каждого итальянца перемещаться с помощью моторизированных средств и при этом с наибольшим возможным шумом, породило касту аккуратно одетых людей, очень прямо сидящих на своих стальных конях, как будто их так и вынесло из офисов на улицу, прямо на стульях. Чуть менее престижен, чем «веспа» или «ламбретта», но еще шумнее, — обычный велосипед, снабженный бензиновым двигателем. Недостаток мощности с лихвой компенсируется грохотом. А еще бытуют трехколесные вагончики с мотором, издающие звуки, подобные пулеметной очереди. В таких доставляют свой товар торговцы. Поразительно, как легко эта современная столица выносит атмосферу сумасшедшего дома. Лондон и Париж не выдержали бы римского шума и грохота, не смолкающего двадцать четыре часа в сутки. В конце концов я пришел к выводу, что итальянцы просто не слышат шума, а если и слышат, то получают от него удовольствие. Думаю, итальянца, как и испанца, заряжают гвалт и столпотворение; они помогают достичь того состояния умственного возбуждения, в котором он предпочитает жить и трудиться.

Уличная жизнь под моим окном была бы совершенно понятна и естественна для Ювенала или Марциала, особенно продовольственные магазины с их колбасами горячего копчения и парикмахерские с их непрерывной чередой юных лиц, обрамленных чудесными локонами. Сам я ненавижу ходить в парикмахерскую и всегда поражаюсь множеству мужчин в латинских странах, которые получают от этого удовольствие. В Риме, как и в Мадриде, полно жизнерадостных, счастливых мужчин, закутанных в простыни по шею, бросающих на себя в зеркало одобрительные взгляды и при этом перебрасывающихся шуточками с парикмахером. Возможно, такие сцены были распространены и в наголо обритый период, скажем, со времен Юлия Цезаря вплоть до Антонинов. Мой уголок Рима живет в столь регулярном ритме, что я бы мог сказать, который час, просто выглянув в окно. Первыми, ранним утром, появлялись официанты, они же уходили последними.

Интересно, думал я, когда европейские официанты спят? Они приходили, просматривая на ходу «Джорнале д'Италия», а чаще «Аванти!» или «Униту», поднимали ставни, снимали со столов стулья и расставляли их. Бармены облачались в белые куртки и готовили машины для кофе эспрессо к приходу первых посетителей. Утреннее солнце уже вовсю грело, и в кафе задерживали занавески. Многие посетители ограничивались выпитой стоя чашкой кофе и булочкой. Снова генетический опыт. Древние римляне были весьма умеренны в еде: чаша вина или воды и кусок хлеба — и они готовы хоть на Форум, хоть на прием к богатому горожанину. Затем появляются тележки с фруктами и цветами. Гвоздики и гладиолусы надо освежить под краном, что на углу, он открыт постоянно, и вода утекает зря; потом персики, виноград, дикая земляника, продолговатые помидоры, салат будут выложены на стойку. Шум станет ужасным. Улицы наводнят припаркованные автомобили, самокаты, велосипеды, грузовики. Они будут сигналить как сумасшедшие к вящей радости прохожих. Раз в неделю прибывают самые живописные персонажи — из Кампаньи привозят бочки вина, белого и красного. Эти странного вида повозки сейчас реже встречаются, чем несколько лет назад, когда, бывало, их выстраивалось по пять-шесть в ряд. У них по два огромных красных колеса, а возница сидит под тентом, натянутом на обручи. С тележек на землю будут спущены деревянные «рельсы», и бочки аккуратно перекачат в винные лавки.

Я никогда не знал, что здесь происходило между восемью-девятью часами и наступлением сумерек. Вернувшись домой, я обнаруживал, что первые неоновые фонари уже зажглись, а старая дама в окне стала всего лишь серым контуром на темном фоне окна своей одинокой квартиры.

Иногда мне случалось уходить из пансиона в шесть утра, и это лучшее время в Риме летом. Воздух еще свеж после ночи и, кажется, пропитан легким цветочным ароматом. В этот удивительный час голос Рима — это шепот, плеск фонтанов.

Самый лучший способ узнать незнакомый город — это много гулять по нему. В первые три недели я обязал себя ни за что не садиться в трамвай и не брать такси и сдержал слово, кроме, пожалуй, трех случаев. Как и во всяком музее, в Риме очень устают ноги, и римские холмы, едва заметные человеку на колесах, действительно напоминают о своем существовании, особенно к вечеру. На обратном пути, натерев и натрудив ноги, я иногда думал, что холмов стало в десять, а то и в двадцать раз больше. Я, бывало, лежал в постели и вспоминал свои дневные прогулки, площадь за площадью, церковь за церковью, фонтан за фонтаном, дворец за дворцом. Я устраивал себе экзамен по топографии: «Допустим, ты в Колизее, — говорил я себе, — А теперь иди к базилике Сан-Клименте и найди дорогу до Пьяцца Эзедра». Эта площадь, кстати, была переименована в площадь Республики, но старое название упорно держится. Или так: «Найди дорогу от мавзолея Августа к Пантеону, потом — на Пьяцца Навона, к Тибру, перейди через мост Святого Ангела к собору Святого Петра». Со временем я уже мог назвать все фонтаны и дворцы, мимо которых проходил; и так постепенно у меня в голове стала вырисовываться карта Рима, и я понял, что город, казавшийся сначала огромным, на самом деле так мал, что его можно пройти от ворот Пинчьо до ворот Святого Петра меньше, чем за час.

Все начиналось со знаменитых семи холмов Рима, но их становилось больше по мере того, как город разрастался: теперь их девять — восточнее Тибра, и два — Ватикан и Яникул — западнее. Но один памятник просто поразил меня. О нем известно довольно мало. Это Римская стена Она почти полностью окаймляет собою город, в ней около пятнадцати ворот, которые до сих пор используются каждый день. Я прошел вдоль всей стены, и не единожды, и в разное время. Самый впечатляющий отрезок — южный, между воротами Порты Сан-Джованни и Порты Сан-Паоло, оттуда виден крепостной вал со всеми укреплениями, с башнями и

бастионами. Когда стену возводили, она, возможно, обещала быть самым могучим укреплением в Римской империи, так что у вдумчивого римлянина, наблюдавшего за строительством в 271 году н. э., могло возникнуть то же предчувствие, что и у некоторых лондонцев в конце тридцатых годов XIX столетия при чтении памфлетов насчет Суэцкого канала. Император Аврелиан выстроил стену при первом отдаленном грохоте, при первой опасности нападения варваров, положив, таким образом, начало всем городским стенам. Европе скоро пришлось взять с него пример, парой столетий позже подобной стеной окружил себя и Константинополь. Кое-где залатанная, перестроенная, а местами разрушенная, стена Аврелиана с ее массивными воротами, по-моему, остается одной из драгоценнейших реликвий Рима.

Как я уже говорил, мне нравилось выходить из дома до шести утра, когда воздух свеж, а Рим еще толком не проснулся. Излюбленный мой маршрут — спуститься к Тибру, позавтракать в маленьком кафе с видом на собор Святого Петра. Иногда я шел вниз с холма, оставляя справа парк виллы Медичи, к террасе над Испанской лестницей; бывало, подходил к фонтану «Тритон» ради удовольствия посмотреть еще раз на «Тритона» Бернини, который в это время еще не загораживают такси, — на обнаженного морского бога, изваянного крупнее, чем в человеческий рост; сидящего в огромной раскрытой раковине. Обеими руками он подносит к губам другую раковину, витую, и пьет, запрокинув голову, воду, бьющую прямо в воздух и падающую так, что плечи и торс бога всегда мокры. За три столетия его силуэт несколько сгладился, отполированный водой, но «Тритон» по-прежнему здесь, бессмертный среди смертных.

В этот ранний час солнце стоит низко, касаясь куполов, башен и труб Рима, чуть позже оно обрушится вниз на стены, и тогда половина улицы станет золотой, а половину окутает сумрак. Древние дворцы окажутся наполовину на свету, и длинные тени, отбрасываемые их похожими на тюремные решетками, по мере того как солнце

поднимается, укорачиваются. В этот утренний час я, кажется, понял, каким должен был казаться путешественнику Рим, когда он еще не был столицей Италии, пока узкие улочки Рима Возрождения не начали задыхаться от выхлопов транспорта и глохнуть от шума. Дворцы с их забранными решетками окнами нижних этажей; красновато-коричневыми, желтыми, красными стенами; арками, ведущими во дворики, где фонтаны в стенах плачут в покрытые мхом чаши, — хотя и победоносно ренессансные, все же стояли в темных и узких переулках, напоминавших о прежнем, средневековом мире. Это утреннее время тишины и достоинства, так хорошо знакомое нашим предкам, продлится недолго. Скоро на дорогах, пытая и рыча, появятся первые автомобили и мотороллеры.

Однажды утром я поднялся до конца по Испанской лестнице и смотрел сверху на Тибр и собор Святого Петра. Это был тот самый знаменитый вид Рима, который я так надеялся увидеть со своего балкона. Когда Гёте стоял здесь в 1787 году, Испанская лестница уже шестьдесят лет как существовала, но обелиск на вершине еще не был воздвигнут, и только готовили площадку для фундамента. Землекопы обнаружили в земле останки садов Лукулла, которые во времена Древнего Рима тянулись до самого холма Пинчьо. Гёте говорил, что однажды утром его цирюльник поднял с земли плоский кусок обожженной глины с нацарапанными на нем цифрами. «Я внимательнейшим образом изучил сокровище, — писал Гёте. — Оно примерно с ладонь длиной и кажется частью большого ключа. Два старика у алтаря — прекрасная работа; я необыкновенно счастлив своей находкой».

Я взглянул вниз, на многочисленные ступени, и увидел у подножия лестницы цветочниц, которые устанавливали свои зонтики и шли к одному из самых странных фонтанов — «Баркачча» работы Бернини-отца, — чтобы освежить свои гвоздики и адиантумы. Думаю, Испанская лестница достойна не меньшего восхищения, чем любой из римских памятников. Не много найдется приезжих, которым не

случалось бы сидеть внизу как-нибудь солнечным днем, набираясь сил для восхождения. Эти ступени остаются в памяти со всей яркостью живых цветов, плещущейся у ног. И как странно и несправедливо, что эта лестница называется Испанской; единственное, что ее связывает с Испанией > — это то, что архитектор, Алессандро Спекки, спроектировал также фасад находящегося поблизости испанского посольства — палаццо ди Спанья. На самом деле лестницу следовало бы назвать Французской, так как она обязана своим существованием щедрости французского дипломата М. Шуазеля-Гуффье и ведет к французской церкви Тринита деи Монти (Святой Троицы на горах) и к вилле Медичи — ныне резиденции Французской академии изящных искусств. Глядя на эти ступени, не могу не вспомнить, что они были последним, что видел на земле умирающий Ките, — он смотрел на них из окна коричневого дома у подножия.

Большинство путешественников прошлого столетия упоминают о натурщиках и натурщицах, которые ходили здесь в национальных костюмах и принимали живописные позы, надеясь, что их заметят художники. Многие были из деревни, они приезжали в Рим из Кампаньи зимой: мужчины в синих куртках и коротких штанах козлиной кожи и женщины с повязками на головах и в красных или синих юбках. Их видел и очень забавно описал Диккенс, который узнал «одного старого джентльмена с длинными седыми волосами и огромной бородой, который фигурировал на половине страниц каталога Королевской академии».

Аанчиани был единственным писателем, насколько мне известно, который упоминает о следующем интереснейшем факте: некоторые из этих натурщиков носили италянизированные арабские имена, например Альмансорре (Эль-Мансур), и были родом из деревни Сарачинеско, высоко в Сабинских горах. Эти люди считались потомками части сарацинской конницы, отрезанной от остальных войск в результате рейда 927 года. Их предкам разрешили, ценою отказа от своей веры, остаться в горах.

Название «Баркачча» можно было бы перевести как «старая посуда», и этот фонтан — последнее произведение Пьетро Бернини, отца еще более знаменитого и талантливого, чем он сам, сына. Предполагается, что идея фонтана, изображающего тонущую лодку, пришла после большого наводнения на Рождество 1598 года, когда поблизости, у холма Пинчьо, в Тибре затонула баржа. Распространенная версия, что Бернини нарочно «утопил» фонтан — то есть поместил нагнетатель очень низко, — для того, чтобы он не скрывал ступеньки Испанской лестницы, неверна, так как фонтан появился здесь на целое столетие раньше лестницы. В Риме есть несколько картин XVII века, изображающих церковь Тринита деи Монти такой, какой она выглядела, пока не построили Испанскую лестницу. Помню одну, ту, что в музее палаццо Браски, и еще одну — в мемориальном музее Китса. Церковь на вершине холма когда-то стояла на краю круто обрывавшегося ущелья, заросшего деревьями, и лишь пара экипажей могла проехать одновременно по узкой кромке мимо главного входа. Удивительно наблюдать на этих старых полотнах, как архитекторы Возрождения и барокко беззаботно разбрасывают жемчужины своего творчества в грязи — очень часто к прекрасному фонтану вели грубые, немощеные дороги, пыльные летом и слякотные зимой. Сидя у фонтана «Баркачча», я увидел нечто, что, впрочем, наблюдал здесь неоднократно. Из ближайшего дома вышла девушка с большим кувшином и наполнила его из фонтана. Можно было бы подумать, что в некоторых домах нет воды. Но это вовсе не так. Просто дело в том, что вода в дома подается из акведука Марциа Пиа, а в фонтан — из знаменитого Аква Вирго, а любой современный римлянин вам скажет, как сказал бы и любой древний римлянин, что эта вода — самая вкусная в Риме. Я бросил короткий взгляд на окна дома, в котором умер Ките, и подумал, не с фонтаном ли «Баркачча» связана горькая эпитафия: «Здесь лежит тот, чье имя написано водой».

Итак, я сидел у фонтана, думая о площади Испании и об английских лордах XVIII и XIX столетий, которые имели

обыкновение снимать квартиры и дворцы поблизости. Их экипажи иногда были слишком высоки для арок, во дворы им было не проехать, и они так и стояли посреди площади, бок о бок, как сейчас стоят автомобили. И любопытные зеваки ходили вокруг них кругами, рассматривая гербы на дверцах, чтобы потом сообщить приятелям, какой еще славный пэр или светская красавица прибыли в Рим.

Я прошел по Виа Кондотти — Водопроводной улице Рима — скоро она будет полна народа, а сейчас пустынна и ставни все еще скрывают витрины модных магазинов. Улица ведет через Корсо к широким, современным дорогам, проложенным вдоль Тибра. Я забрел на маленький рынок, торгующий фруктами и овощами. Он приткнулся за домами, и уже вовсю работал. Я купил там два персика и пошел дальше и добрался наконец до Тибра, спокойного и бледно-голубого в утреннем свете. Как река он печально неинтересен.

Однажды в бурный и ненастный день,
Когда Тибр гневно бился в берегах,
Сказал мне Цезарь: «Можешь ли ты, Кассий,
За мною броситься в поток ревущий,
И переплыть туда?»^[3]

Мальчиком, исполняя в школьном спектакле роль Кассия, на мой взгляд, более предпочтительную, чем роль самодовольного Брута, я произносил эти строчки, представляя себе Тибр рекою шире Темзы у Лондонского моста; но в действительности эта речка разочаровывает; вероятно, разочаровывала и до того, как построили набережные. Но так сильна магия названия, что этим весенним утром я смотрел на реку с уважением и даже священным трепетом. Я шел по набережной и на противоположном берегу Тибра увидел большую полукруглую темно-красную гробницу Адриана, замок Святого Ангела, с его барочным ангелом на крыше, влагающим в ножны свой меч. Это архангел Михаил,

которого, по преданию, увидел Григорий Великий в 590 году, когда вел толпу больных чумой горожан к собору Святого Петра. Три дня новый папа, неся в руках крест, водил горожан по Риму с пением «Κύριε ἑλέησον»^[4] моля Господа не наказывать более жителей этой страшной болезнью. Перейдя через мост, святой Григорий взглянул на гробницу Адриана и увидел там архангела, влагающего в ножны пылающий меч, и тогда он понял, что гнев Господень улегся. Я где-то читал, что обычай говорить «Благослови тебя Господи» тому, кто только что чихнул, бытующий по всей Европе, восходит к тем древним временам. Говорят, что чума начинается с приступов чихания, и потому друзья чихающего в ужасе восклицают «Благослови тебя Господи», имея в виду, без сомнения «Помоги тебе Господи».

К этому великому памятнику ведет мост Святого Ангела, на перилах которого установлены статуи святых Петра, Павла и десять очень динамичных фигур ангелов, известных как «Breezy maniacs»^[5] Бернини, хотя в действительности их изваяли его ученики. Даже в самое тихое утро, когда нет ни ветерка и можно разглядеть каждый кирпичик замка, отраженного в глади Тибра, этих ангелов словно обдувает какой-то страшный средневековый ветер.

Перейдя через мост, я смотрел на обширный кирпичный полукруг, изъеденный временем и пробитый во многих местах пушечными ядрами, — все, что осталось от мраморной гробницы, выстроенной могущественным Адрианом для себя и своей семьи; тем самым великим Адрианом, который правил в золотом веке. Вспомнив его печальное бородатое лицо — говорят, он отрастил бороду, чтобы скрыть шрам, — я подумал об Адриановом вале и представил правителя в наших холодных пределах — бросающим взгляд через продуваемые ветрами болота, на земли пиктов; или в Лондоне — наблюдающим за судами, что причаливают в Биллингсгейте. Это был один из величайших императоров-путешественников. Он побывал во всех уголках своих владений, совершив серию тщательно спланированных турне: улаживая вопросы на местах, проводя деловые встречи, предотвращая войны

переговорами. И все это происходило в мире, который по сравнению с нашим кажется странно разумным.

Я был уже около собора Святого Петра и через несколько сот ярдов оказался у широкого и пышного проезда, построенного фашистским правительством во время торжеств, посвященных подписанию Латеранских соглашений в 1929 году. Именно в том году я увидел Рим впервые. Там, где сейчас широкая Виа дела Кончиллационе, был тогда чудесный муравейник старых улочек, скрывавших до последнего момента великолепие церкви и площади. Базилика являлась взору внезапно, чудесная и неожиданная. Больше никто не сможет испытать эту дрожь изумления, потому что теперь собор Святого Петра виден издалека — таков вклад архитекторов Муссолини, которые хотели как лучше. Сохранившийся на тот момент дом, где была мастерская Рафаэля, тоже снесли, чтобы устроить эту злосчастную авеню.

Неподалеку я заметил длинное здание, смотрящее на реку, с чудесным маленьким ренессансным крыльцом и восьмигранной башней. Для всякого англичанина этот уголок — одно из самых интересных мест в Риме. Это больница Святого Духа, живой потомок старого приюта, построенного королями англосаксов в VIII веке и всегда посещаемого пилигримами. Я подошел к зданию больницы, чтобы прочесть забавное название улицы, написанное на стене, — Лунготевере-ин-Сассия. Слово «Сассия», или «Саксия», напоминает о квартале саксов, который быстро разросся в этой части Рима и доходил до самых ступеней собора Святого Петра. Англичане называли свои поселения саксонским словом «burh» (а не германским «burgh»), а слово «borgo», которое до сих пор можно увидеть на табличках с названиями улиц в окрестностях Ватикана и собора Святого Петра, — его итальянский вариант. Каждый, кто переходит мост Святого Ангела, направляясь к собору Святого Петра, неизбежно вступает на территорию бывшей саксонской колонии, связывавшей Рим с Англией сто лет, до тех пор пока не родился Карл Великий.

Я подошел к собору Святого Петра, в этот ранний час уже залитому солнцем. Оно всходило слева от колоннады. Ватикан был освещен, и собор тоже; обелиск в центре площади отбрасывал длинную утреннюю тень; фонтан справа от меня встряхивал на солнце своей белой кудрявой головой, а тот, что слева, пока оставался в тени. Огромная площадь была пуста, если не считать нескольких торопящихся фигурок. Ни одного туристского автобуса. Только священнослужители поднимались по ступеням базилики, пора было готовиться к мессе. Глядя на эту церковь, мы все сразу становимся провинциалами. Я, по крайней мере, всякий раз изумленно разеваю рот, прямо как жители отдаленных провинций в имперские времена, взглянув на храм Юпитера или форум Траяна.

Вполне процветающие на вид магазины в конце улицы, торгующие *Articoli Religiose*^[6] и *Oggetti Sacri*,^[7] еще не открылись, и я заглянул в их витрины, полюбовался четками, медалями, папскими флагами, моделями собора Святого Петра, бронзовыми фигурками апостолов, белыми статуэтками святой Цецилии, Младенца Христа, репродукциями «Мадонны» кисти Андреа дель Сарто, изображениями папы, шествий с его участием и еще сотней других маленьких вещиц, связывающих сегодняшнего пилигрима с паломниками всех времен. Есть что-то невыразимо трогательное в таких сувенирах, знаках веры и благочестия; и я подумал, что вот все они разъедутся по миру, окажутся на разных полках и стенах, чтобы напоминать кому-то о Риме и служить доказательством того, что их хозяину довелось некоторое время дышать воздухом святости.

Маленькое кафе на углу еще не открылось. Я пришел слишком рано. Но официант провел меня к пустому столику на тротуаре, отодвинул стул, и сказал, что принесет хлеб «через секундочку». «Momentino» — такое же очаровательное словечко, как испанское «momentito». Что за чудесное место для ожидания завтрака летним утром! Слышен шум фонтанов с площади. Видно одно крыло колоннады, увенчанной фигурами святых, а за нею —

Ватикан. Строящееся здание скрывало сам собор Святого Петра, и я вспомнил, что через дорогу, на самом краю пьяццы, раньше было чудесное кафе, откуда открывался вид на весь собор, и вы могли даже прочитать надпись на его фасаде огромными латинскими буквами. Надпись гласила, что собор построен при папе Павле V, в 1614 году. Англией правил Яков I, Уолтера Рейли еще не выпустили из Тауэра искать Эльдorado, и Шекспир был жив.

Подъехал мальчик на велосипеде с плетеной корзиной хлеба. Через несколько секунд официант принес мне еще теплые, только что из пекарни, булочки, а также джем, масло, кофе и тарелку для двух моих персиков. Что может быть прекраснее этого момента в просыпающемся Риме?

Я вспомнил, как много лет назад, в свой первый приезд в Рим, февральским ранним утром надел выходной костюм и пришел сюда, готовясь к ожиданию в неверном утреннем свете у дверей ризницы собора Святого Петра. Я получил билет на высочайшую папскую мессу, которую Пий XI должен был отслужить в ознаменование подписания Латеранских соглашений и ликвидации «Римского вопроса». Сидя напротив высокого алтаря, среди надушенных норок, соболей, в окружении уложенных и оплетенных золотистыми сетками кос, я видел, как огромный храм наполняется людьми. Это казалось волшебством: будто врата времени распахнулись, чтобы впустить людей из залов Карнака или процессию, прошедшую по Виа Сакра. Папу внесли в церковь в паланкине, трубы играли, веера из павлиньих перьев трепетали, и все гулкое пространство загудело от приветственных возгласов. Впервые за сорок восемь лет Рим видел папу, который больше не был «пленником Ватикана». В нескольких ярдах от алтаря, перед которым ни один священник, кроме папы, не имеет права служить, я наблюдал высочайшую папскую мессу во всех подробностях. Пожалуй, не менее интересной фигурой, чем сам папа, был прелат в красной сутане и расшитой рохете, церемониймейстер, который то отодвигал одного кардинала в сторону, то поспешным взмахом руки подзывал другого. Он олицетворял собою традицию, живое, видимое

доказательство ее сложности; князя Церкви трепетно слушались его, опасаясь сбиться, словно мальчики — хористы.

Я закончил завтрак. Эти воспоминания заняли у меня так много времени, что площадь теперь уже сияла в утреннем солнце, и гид давно вещал что-то туристам, указывая то туда, то сюда. Вдруг я почувствовал, что меня задумчиво рассматривает темноволосый маленький человечек, без сомнения, тоже гид. Он приблизился и приподнял шляпу.

— Сэр, вы англичанин, да?

Хотя он сам уже ответил на свой вопрос, я кивнул.

— Сэр, вы знаете майора Джонса из военного министерства? — спросил он.

Чтобы не обидеть его, я сказал, что, кажется, слышал эту фамилию. Это обрадовало его, он достал из кармана смятую и грязную записную книжку, перелистал ее и с победоносным видом указал на подпись майора Джонса.

— О! — воскликнул он. — Такой славный джентльмен, сэр! Такой simpatico. Майор Джонс говорил, что моя trattoria — лучшая в Риме. Сэр, вы любите spaghetti, cannelloni, saltimbocca alla Romana?^[8] У меня есть! Пальчики оближете! — И он характерным жестом поцеловал свои сложенные пальцы. — Вкусно! Дешево! Вам понравится!

Поклонившись, он вручил мне карточку с адресом своего ресторана. Мимо с грохотом промчались шесть мотоциклов «веспа». Одним, как я заметил, управлял священник. Рим проснулся.

4

Есть анекдот про то, как англичанина, француза, немца и итальянца посадили в тюрьму, связали им руки и стали пытаться добиваясь признания. Все заговорили под пыткой, кроме итальянца. Когда этот герой вышел на свободу, его друзья спросили, как ему удалось вытерпеть такие муки и не заговорить. «Понимаете, — объяснил он, — я просто не мог ничего сказать, у меня же руки были связаны!»

Думаю, по-итальянски почти невозможно говорить, не жестикулируя. Это язык, требующий аккомпанемента: либо музыка, либо жесты; национальное искусство оперного пения сочетает в себе и то и другое. Так что Рим — город жестикулирующих. Есть жестикуляция *pianissimo*,^[9] жестикуляция *andante, robusto, fortissimo*,^[10] и так, одно за другим, весь день. Когда автомобиль врежется в другой, то водители выскакивают из машин и жестикулируют *furioso*,^[11] и это высший класс. Ни два грека, обжуливших друг друга, ни два испанца, друг друга оскорбивших, не смогли бы лучше исполнить этот спектакль: в ход идут все жесты, которые приберегались до срока: приседания, прикладывание согнутых пальцев ко лбу и внезапное их разгибание. Еще можно ударить себя в грудь и тут же широко развести руки; быстро отвернуться, как будто собираешься уйти навсегда, но тут же резко повернуться обратно и упереться в противника обличающе вытянутым пальцем; сложить пальцы в щепоть и потрясать ею у самого рта собеседника... И, наконец, как мне кажется, очень оскорбительный жест: втянуть голову в плечи и съежиться с отчаянно простертыми вперед руками, как будто обращаетесь к непроходимому, безнадежному идиоту.

Сам ландшафт Рима располагает к декламации. На уровне крыш стоят сотни жестикулирующих святых, их одежды треплет барочный ветер, их пальцы предостерегают, указуют, благословляют. Плавность архитектурных форм XVII века, в которых воплотилось удовлетворение Церкви прошедшей Контрреформацией, — сама по себе веселый, вдохновляющий фон для жестикуляции. Это декорации, в которых скромный пуританин с опущенными долу глазами невозможен: здешняя церковь — яркая, восстающая, настолько уверенная в себе, что даже не чурается комизма. Даже умершие, вернее, их фигуры в церквях, — в постоянном движении: сначала чуть приподнимаются на локте, потом, в более поздний период, встают на ноги, машут руками и жестикулируют. Только на этом фоне англиканский священник мог весело сказать мне об одном известном

человеке, недавно принятом в лоно Римской католической Церкви: «Да, он благополучно угодил в котел!», и, казалось, ангелы, херувимы и серафимы с трубами у пухлых губ, выдувают тот же радостный рефрен: «Он угодил в котел!»

Рим, который отпечатывается на сетчатке глаза и в сознании в первую очередь, — это не классический Рим, погребенный под мостовыми улиц и укрытый саваном времени, и не Рим средневековый, который теперь состоит главным образом из одиноких прекрасных колоколен, и не гигантские сооружения XIX века, и не современный бетонный Рим, — это веселый, склонный к декламации Рим пап, с его персиковыми и золотистыми дворцами, с его когда-то тихими площадями, величественными фонтанами и с этим его духом счастливого, удачно прожитого дня. Этот Рим вы найдете в излучине Тибра, где было раньше Марсово поле, его восточная граница — Корсо, которая летит, прямая, как дротик, от площади Порта дель Пополо до памятника Виктору Эммануилу, вдоль древней Фламиниевой дороги.

Все, что к западу от Корсо, где Тибр внезапно поворачивает напротив собора Святого Петра, — это Рим Возрождения. Он наследовал средневековому Риму, воздвигнутому на Марсовом поле, — вряд ли удачный адрес во времена цезарей. Здесь маршировали приземистые легионы, и кавалерия, не знавшая стремени, пускалась в аллюр; здесь голосовали; здесь принимали послов, которых из политических соображений не допускали в Рим, развлекая их за стенами города; здесь кремировали императоров, и отпускали у погребального костра плененного орла, чтобы он на крыльях отнес их души Юпитеру. Однако ни один древний римлянин не жил в этой наиболее населенной теперь части города. До Аврелиана она вообще находилась за городской стеной и, будучи расположена в низине, каждую весну оказывалась затоплена: но вполне годилась для бегов, состязаний колесниц и театральных представлений. Здесь был убит Юлий Цезарь, в портике театра Помпея, а неподалеку Домициан построил амфитеатр, чьи вытянутые пропорции

сохранила Пьяцца Навона. Здесь или, может быть, на одном из других ипподромов, в октябре проводились странные и ужасные состязания колесниц. Как только победившая колесница пересекала финишную черту, лошадь немедленно закалывали копьем, отрезали ей голову и украшали буханками хлеба. Уже ждали бегуны, готовые нести на Форум окровавленный хвост, который вручался верховному жрецу (понтифику максимуму), и тот передавал его весталкам для торжественного сожжения. Вероятно, этот древний, дикий ритуал должен был способствовать плодородию и обеспечить обильный урожай.

Наверно, самым ужасным временем в истории Рима было нашествие варваров. Население покидало Семь холмов, где прожило так долго, и мигрировало на низменные земли Марсова поля. Когда варвары отрезали акведуки и римляне остались без прекрасной и привычной воды, им пришлось идти к Тибру и к колодцам на болотистой равнине, которая и стала средневековым Римом.

Никогда не устану от старых улиц у Тибра, к западу от Корсо. Через каждые два ярда есть над чем подумать, около чего остановиться. Если бы эту часть Рима объявили зоной тишины, что правительству и придется сделать, если оно хочет, чтобы приезжие продолжали наслаждаться Римом, я бы порадовался. Хочется простить папам эпохи Возрождения многие их прегрешения за красоту, которую они здесь сотворили, и гениальность, которую они вскормили. Эта часть Рима в значительной степени обязана своей беспорядочной красотой средневековой планировке. Здания XVI века возведены на узких улицах XIV. Многие величественные дворцы, что называется, добыли себе место под солнцем только благодаря силе характера. Они возвышаются огромными галеонами над маленькой средневековой гаванью. Например, по пути от палаццо де Фиори к палаццо Фарнезе ты за несколько ярдов преодолеваешь несколько столетий.

Когда я бродил среди трущоб и дворцов ренессансного Рима, у меня иногда возникало странное ощущение: будто я живу в одной из шекспировских пьес; будто я могу вдруг

встретить сэра Тоби Белча, выходящего из таверны, или увидеть Порцию или Нериссу, выглядывающих из окна шляпного магазина; или Тачстоуна на мотоцикле, с Одри на заднем сидении. Хотя само уличное действо, причудливое пряничное веселье барокко, не пересекало Английского канала, чтобы порезвиться в Англии, как порезвилось в Испании, дух, вызвавший к жизни эти римские улицы, безусловно, был духом шекспировских пьес. В конце концов, не так уж странно связывать Шекспира с Римом эпохи Возрождения, ведь елизаветинская Англия вся пропитана итальянской атмосферой, и вечный щеголь в «маленькой обезьяньей шапочке, приставшей к голове, точно устрица» был не кто иной, как *diavolo incarnato*^[12] Размышляя о Шекспире, я подумал, что это он и вообще люди его времени впервые связали слово «Rome» со словом «room»,^[13] Рим — с пространством, с необозримостью пространства. Кассий говорит:

И это прежний Рим необозримый,
Когда в нем место лишь для одного!^[14]

и тот же каламбур повторяет Констанция в «Короле Иоанне». Способ произношения названия города, позволяющий так играть словами, сохранялся до сравнительно недавнего времени, и даже сейчас могут быть живы некоторые старики, которые помнят, как их бабушки и дедушки говорили о том, чтобы поехать в «Room». Кембл в роли Като произносил «Рим» как «Room», а Фарингтон в своем «Дневнике 1811 года» упоминает о том, что художник Лоуренс показал ему письмо от Каннинга, где спрашивал о произношении Кембла, и утверждал, что «Rome» должно быть созвучно «roam».^[15] Так мы и произносим название этого города сегодня.

Итак, бродить по Риму — вот что доставляет приезжему радость, хотя одновременно повергает его в отчаяние, ибо у Рима нет центра. Нет такой части города, которую можно было бы определенно назвать сердцем Рима. Это

удивительно для страны, в которой каждый город имеет свою центральную площадь с собором, где сконцентрирована вся городская жизнь. И это кажется еще необычнее, когда вспоминаешь, что Древний Рим, с его имперскими форумами, практически весь состоял из центра. Все дороги древнего мира вели в это могучее сердце Рима, на Forum Romanum. Красноречивее всего говорит о гибели Древнего Рима и конце его непростой жизни тот факт, что центр города потерян, забыт и никогда не будет отстроен. Как если бы через тысячу лет было утеряно местоположение Банка Англии, Королевской биржи и резиденции лорда-мэра, а коммерческий центр Лондона в 3000-м году оказался бы где-нибудь на Бромптон-роуд.

Вместо одного большого форума в Риме — бесчисленные площади, разбросанные по всему городу, и приезжему трудно определить, которая из них самая важная. Тяжело выбирать между Пьяцца Колонна, Пьяцца Барберини, Пьяцца делль Эзедра, площадью Испании и всеми остальными; и даже знаменитая площадь Венеции с памятником Виктору Эммануилу — скорее межевой знак и маяк для приезжего, чем центр городской жизни.

Причину размытости современного Рима следует искать, конечно, в истории. Диоклетиан, обнаружив, что Священная Римская империя слишком велика для того, чтобы управлять ею из одного центра, разделил ее на Восточную и Западную, а Константин построил Константинополь, или Новый Рим, столицу Востока. И она существовала, пока турки не захватили Константинополь в 1453 году; но род императоров Западной Римской империи пресекся в 475 году, после чего история Рима стала историей сменяющих друг друга нашествий варваров, которая закончилась уходом императоров Запада из старой столицы. Греческий Восток развивался сам по себе и процветал до 755 года, в то время как латинский Запад продолжал сражаться и при папах. В Рождество 800 года Лев III короновал своего собственного западного императора, Карла Великого, в соборе Святого Петра. И начались Средние века. Устройство Древней столицы к тому времени полностью изменилось.

Центрами Рима стали собор Святого Иоанна и собор Святого Петра; одна церковь находилась на северо-западной границе, вторая — на другом берегу Тибра. Путаница и упадок царили в древнем городе. В период Ренессанса Рим возродился не обычным городом, а государством священнослужителей.

Самыми важными его гражданами были церковники. Монахи и монахини. Им нужны были не биржи и рынки, а церкви и монастыри. Такой вот живописный конгломерат достался Гарибальди и Кавуру в 1870 году, когда они сделали Рим столицей вновь объединенной Италии.

Естественно, два непримиримых мира вступили в конфликт, и, думаю, Огастес Хэйр был первым, кто понял, что старый мир пап, который он знал и любил, должен погибнуть и, возможно, ему суждено быть разрушенным в угоду нуждам и амбициям современной столицы. Всего через семнадцать лет после объединения Италии он писал о переменах, которые развернулись благодаря тому, что он презрительно именовал «сардинской оккупацией». Читая литературу XIX столетия, вдохновленную Римом, и глядя на изображения Рима этого периода, проникаешься желанием, чтобы патриоты выбрали тогда Милан, а Рим оставили в покое, как святилище духа и обитель искусств. Имперский Рим умер и обращен в пыль, но призрак его жив. Этот призрак, который так часто волнует наше воображение, подобно низложенному монарху, был вновь коронован помимо воли. «Для меня, страстно любящего античность, — писал Гарибальди, — что такое этот город, как не столица мира? Королева, лишенная трона! Пусть так. Но из руин встает сверкающий, огромный, величественный, гигантский призрак — память о величии прошлого... Рим для меня есть единственный символ итальянского единства».

И уже по подбору прилагательных понятно, что памятник Виктору Эммануилу непременно будет воздвигнут.

Туристы катят в Рим каждый день из разных стран Европы. Их автобусы — огромные стеклянные дома, где путешественники сидят усталыми рядами, изолированные от ландшафта и жителей страны. Ночью эти автобусы стоят в боковых улицах около лучших отелей, и на их запыленных боках можно прочесть: Лондон, Берлин, Гамбург, Берген, Вена, Осло и многие другие названия. Целый день вы встречаете эти «экипажи» в разных частях Рима, а наутро они исчезают — уезжают на север, во Флоренцию, или на юг, в Неаполь. Не успеют горничные поменять постельное белье, как придут новые туристы, очень похожие на прежних: усталые, слегка ошалевшие, довольные возможностью вытянуть наконец ноги. Все замечательно организовано. Никогда еще в истории столько народу не имело возможности увидеть Европу сквозь стекло, путешествуя без всяких забот. Сегодняшние туристы успевают вернуться домой раньше, чем наши предки, передвигавшиеся со скоростью улитки, добрались бы до Болоньи. Автобусное сообщение налажено с военной четкостью и, похоже, опирается на опыт транспортировки пехоты, обеспечивая существование крупных европейских отелей. Осложнения, связанные с обменом валюты, а также вымирание племени богатых бездельников грозили гостиницам банкротством, пока в игру не вступили туристские агентства с их бронью на целый сезон. Свежий ветер странствий подул в паруса отелей, и до чего же быстро они к нему приспособились! Волшебные, похожие на дворцы заведения, которые прежде взирали на участников всевозможных туров как на низшие формы жизни и даже хвалились тем, что никакого отношения к этому не имеют, теперь радушно распахнули для туристов двери в свои мраморные залы. Иногда сам управляющий в визитке выходит на крыльцо встретить очередную, особо выгодную партию туристов, как раньше встречал какого-нибудь лорда в «роллс-ройсе».

Ничто в Риме так меня не поражало, как быстрота, с которой стираются древние традиции. Со времен Цицерона и Горация никто не приезжал в Рим летом, если мог

приехать в другое время. В древности богатые римляне покидали город, удаляясь на свои виллы у моря, когда «первые созревшие фиги и жара начинают поставлять гробовщику клиентов», как пессимистично заметил Гораций своему богатому другу; и эта древняя миграция существует до сих пор. В первых рядах — папа, который отбывает в свою летнюю резиденцию на Альбанских холмах, за ним тянутся состоятельные горожане, пока, наконец, к августу Рим полностью не остается на попечение второстепенных лиц. Но взамен каждого уехавшего римлянина на город обрушивается тысяча приезжих; и они продолжают прибывать в любую жару.

Пик наступает, когда вы можете встретить на самых фешенебельных улицах Рима девушек в джинсах в сопровождении молодых людей, одетых как для рыбалки где-нибудь на Великих озерах; или когда папский стражник возмущенно машет рукой в белой перчатке, сгоняя девицу в шортах со ступеней собора Святого Петра. Свобода в одежде, присущая туристам и раздражающая, например, испанцев, которые воспринимают ее как неуважение к своей стране, не трогает римлянина. Его ничем не удивить. За несколько столетий он успел насмотреться на приезжих.

Торопливый турист не является, как может подумать кто-нибудь, сугубо современным явлением. Доктор Джон Мур, побывавший в Риме в 1792 году, упоминает о настырном приезде, который нанял гида, резвых лошадей и хороший экипаж и промчался по Риму, методично «осматривая достопримечательности» с такой скоростью, что через два дня мог сказать, что видел все. Сэру Джошуа Рейнолдсу, подхватившему в холодных галереях Ватикана простуду, из-за которой он остался глухим до конца жизни, тоже было что сказать о туристах. «Некоторые англичане, — писал он, — приходили в Ватикан и шесть часов подряд записывали все, что им диктовал хранитель. На сами картины они почти и не глядели».

И сегодня можно наблюдать то же самое: неутомимые гиды влекут стада туристов вдоль бесконечных галерей, и наступает такой момент, когда даже самые выносливые

перестают притворяться умными и заинтересованными и понуро бредут, опустив глаза, под гениально расписанными потолками. Некоторые из туристов удивительно термостойки. Когда Рим лежит пластом в прострации сиесты, и магазины закрыты до пяти вечера, и асфальт плавится под ногами, а глядя на ряды выстроившихся такси, думаешь, что все водители скончались за рулем, этим путешественникам, которые, кажется, сделаны из асбеста, иногда вдруг приходит мысль выйти в пустынный город.

Особняком стоят верующие пилигримы, первые «приезжие» в Риме. Они почти такие же, какими были их древние предшественники, и видеть хотят то же, чему поклонялись пилигримы в Средние века. Собор Святого Петра и главные базилики всегда полны этих людей, их сразу можно отличить от других приезжих. И дело не только в том, что они знают, где и когда преклонить колена, и не стесняются сделать это — дело в том, что, откуда бы они ни приходили, они — часть римского пейзажа. Они не местные, но они здесь дома.

6

В боковых улицах, в нижнем конце Виа дель Тритоне вы уже слышите постоянный звук падающей воды. Звук этот сразу привлекает внимание в городе, потому что это не вежливый шепот фонтана, а дикий рев водопада в горах или в лесу. Как будто перевал Килликранки оказался вдруг в Риме. Если вы последуете за этим звуком по узким улочкам, он выведет вас к самому впечатляющему фонтану в Риме, а сейчас еще и самой популярной достопримечательности — фонтану Треви.

Помню, как тихо и пустынно было вокруг Треви вечерами много лет назад; как, взяв здесь *carrozza*^[16] как мне часто случалось, я вдруг обращал внимание на его одинокий рев в свете фонарей или лунном свете. Время от времени мимо проходила парочка, они бросали монетку духам воды, чтобы вернуться в Рим еще раз. Я и сам так сделал, когда впервые

был в Риме; и хотя я забыл при этом повернуться спиной, но примета сработала. Даже сэр Джордж Фрэзер, автор «Золотой ветви», бросил монетку, как признается в примечании к изданию Павсания. «В Риме, — пишет он, — есть фонтан, в чашу которого люди все еще бросают монеты в надежде, что это залог их будущего возвращения в Вечный город. Ваш покорный слуга без колебаний последовал этому обычаю». Приятно представлять себе великого собирателя поверий и мифов перед бурлящим фонтаном и без колебаний следующего обычаю!

Фонтан Треви фигурировал во всех романтических историях, написанных о Риме в XIX столетии, и это никак не повлияло на туристские маршруты, но совсем недавно фильм, в котором Рим всего лишь служит фоном для нескольких любовных эпизодов, напомнил миру о Треви, и теперь это самое посещаемое в Риме место. Весь день и добрую половину ночи небольшая площадь заполнена людьми; туристские автобусы подъезжают и стоят здесь ровно столько времени, сколько требуется, чтобы успеть бросить монетку и сделать фотоснимок; бросающие монеты все еще здесь в половине второго ночи, и темноту то и дело пререзают вспышки фотоаппаратов. Я видел дно чаши Треви, устланное никелевыми монетами, за двадцать четыре часа их успевают набросать столько, что уличные мальчишки здесь вполне состоятельны. Они изобрели множество видов черпалок и других хитроумных приспособлений, а два полицейских постоянно и бдительно следят, чтобы ragazzi^[17] не ныряли, сбросив одежду, в это Эльдorado. По ночам фонтан Треви всегда ярко освещен, даже в ночи полнолуния.

Хотя Треви и не является моим любимым римским фонтаном, но этот водный маскарад не может не восхищать и не поражать смелостью фантазии. Идея поместить гористый пейзаж с водопадами, с Нептуном и его свитой, постоянно пребывающей в неистовом движении, перед фасадом спокойного и благопристойного ренессансного дворца, просто потрясает своей невероятностью. По-моему, это в высшей степени характерно для Рима — упрятать

романтику куда-нибудь поглубже в узкие улицы или поселить на площади, еле-еле способной ее вместить. В каком городе, кроме Рима, кому-нибудь пришло бы в голову воздвигнуть такой памятник в подобном месте? В Париже он стоял бы отдельно, на подобающей площади; в Лондоне ничего столь фантастического, вероятно, вообще не было бы создано. В том-то и заключается особое очарование Рима, что, завернув за угол, лицом к лицу сталкиваешься с чем-то прекрасным и неожиданным, поставленным здесь столетия назад, причем явно очень небрежно, как бы между прочим. Рим — город волшебства за углом, бездумно разбросанных, забытых на обочине шедевров, что и сообщает любой прогулке азарт охоты за сокровищами.

Чудесно бывает привести приезжих к фонтану Треви в первый раз и насладиться выражением изумления и восторга на их лицах. Однажды я привел сюда американку, чья реакция, вероятно, привела бы в восхищение Бернини, который, как говорят, проектировал этот фонтан, и Никколо Сальви, который убил себя столетием позже, строя его.

— О, да это настоящий маленький театр! — воскликнула она. — Пойдемте, займем наши места в ложах.

Я уверен, что Бернини и Сальви хотели, чтобы мы думали и чувствовали именно это, когда спускаемся по ступеням к чаше фонтана и отрываемся от повседневной жизни. Мы действительно в барочном театре, и готовы целиком отдаться этому иллюзорному миру; и нет ничего, что могло бы отвлечь наше внимание от каменной сцены, на которой победоносно стоит Нептун, а его кони, закусив удила, куда-то рвутся, а тритоны трубят в свои рога. Сидя спиной к улице, стараясь уследить за сотней маленьких водопадов, вырывающихся из камня, ты выпадаешь из действительности, как на представлении хорошей пьесы.

Вода фонтана, которая клоочет в фонтане Треви, известна еще как Аква Вирго, которую римляне считают вкуснее любой другой воды. Она — из Кампании, это четырнадцать миль отсюда, и впервые была проведена в Рим в 19 году до н. э., когда был построен одноименный акведук (Аква Вирго). Готы и бургундцы перекрыли ее в 537

году н. э., и впоследствии даже в XV столетии подача не была восстановлена полностью. Аква Вирго поступает в Рим через сады Пинчьо и, напав фонтан «Баркачча» у подножия Испанской лестницы, обеспечивает водой еще около пятнадцати крупных и сорока более мелких фонтанов, из которых Треви — самый важный. Сначала фонтан Треви был невзрачным и скромным, он находился за углом на Виа деи Крочифери; но за сто пятьдесят лет, которые он там бил, Рим стал величественным и великолепным, и Урбан VIII, папа из семьи Барберини, чьи пчелы^[18] жужжат по всему Риму, решил сделать Треви посовременнее. Урбан, хотя и перенес Треви на его нынешнее место, не выполнил замысла Бернини. Еще десять пап перебывали у власти, пока наконец первоначальный замысел не был осуществлен Климентом XII, занятым стариком, который был избран в возрасте семидесяти восьми лет и провел у власти десять лет. Архитектор Сальви начал свой огромный труд примерно в 1723 году, том самом, когда началось другое знаковое для Рима строительство — Испанская лестница. Она, однако, была построена за три года, в то время как строительство фонтана Треви заняло тридцать девять лет, продолжалось при правлении Бенедикта XIV и было завершено при Клименте XIII, в 1762 году. Сальви к тому времени умер, подорвав свое здоровье тем, что провел слишком много времени в промозглой сырости акведука.

Посетители бросают свои монетки весь день под хохот, радостные крики и щелканье фотоаппаратов. Хотелось бы мне знать, когда родился этот обычай, ведь он не может быть старше, чем конец XIX столетия. Коринна из книги мадам де Сталь встретила своего Освальда лунной ночью у фонтана Треви в 1807 году, но там и речи нет ни о каких монетах; и Шарлотт Итон, которая увидела фонтан в 1817 году и которой он не понравился, тоже ничего в него не бросала. Самое раннее известное мне упоминание о монетах я обнаружил в «Мраморном фавне», опубликованном Натаниэлем Готорном в 1860 году. Его таинственный персонаж, Мириам, спускается ночью к Треви и говорит: «Я выпью столько этой воды, сколько вместят мои сложенные

ладони... Через несколько Дней я покину Рим; а есть традиция: если отпить из фонтана Треви, то вернешься, какие бы невозможные препятствия не возникли на твоём пути». Так что, похоже, сначала речь шла о том, чтобы пить отсюда воду, а традиция бросать монетки появилась позже. В любом случае, к тому времени как вышло восьмое издание «Путеводителя Бедекера» в 1883 году, обычай уже устоялся, и «Бедекер» даёт инструкцию: отпить из фонтана (чего современные туристы не делают) и бросить в него монету. Ничего не сказано о том, чтобы повернуться к фонтану спиной. К 1892 году, когда Ч. Рассел Форбс написал свои «Прогулки по Риму», обычай уже превратился в ритуал. «Если хотите вернуться в Рим, — пишет Форбс, — придите сюда в последний день перед отъездом, зачерпните левой рукой воды из чаши фонтана, выпейте её, потом отвернитесь и бросьте в фонтан полпенни через левое плечо». Мэрион Кроуфорд через шесть лет писала: «Кто придет к великому фонтану в час, когда лучи высокой луны скользят по струям, и отопьет воды из чаши, и бросит монету далеко в середину чаши, в дар гению места, обязательно вернется в Рим, молодым или старым, рано или поздно».

Фонтан ди Треви по-прежнему бьет все той же водой. Она хранится в резервуаре в здании за фонтаном и подается под давлением по бесчисленным трубам. Раз в неделю, во вторник утром, струи утихают, и чистильщики ползают по камням, отмывая Нептуна и его свиту перед тем, как новый недельный запас воды не закачают в резервуар и он не будет пущен в дело. Я как-то утром был поражен бесхитростностью парня, который, казалось, пытался ловить в фонтане рыбу, не обращая внимания на сигналы полицейского, подзывавшего его своим жезлом. Наконец страж порядка прогнал его прочь сердитым криком «Via!». [19] Жрец водяных богов в обличье элегантного молодого уличного фотографа поведал мне, что в разгар сезона во время еженедельной уборки из фонтана вынимали от 50 до 60 долларов. Я удивился, но он заверил меня, что это правда.

— Что делают с деньгами? — спросил я.

— Большая часть идет на больницы и детские приюты, — ответил он, — ну и, конечно, чистильщики получают свою долю.

Фасадом к Треви, в углу маленькой площади, стоит небольшая церковь Святых Виченцо и Анастасио, построенная при великом кардинале Мазарини; а голову женщины над главным входом, говорят, ваяли с его любимой племянницы — Марии Манчини. Если кто полагает, что человеку, самому пробивающему себе дорогу наверх, лучше все-таки дождаться царства демократии, пусть обратит внимание на историю кардинала Мазарини. Его отец был дворецким в семье Колонна, а потом управляющим. Он женился на незаконнорожденной дочери хозяина и дожил до того, чтобы увидеть своего сына кардиналом, истинным правителем Франции, а свою внучку Марию — замужем за князем Колонна. Овдовев, бывший дворецкий женился на Порции Орсини и стал единственным человеком в истории, которому довелось быть женатым на представительницах обеих враждующих семей.

Церковь воздает иногда странные и жутковатые почести. На бронзовой доске слева от алтаря — имена двадцати двух пап, завещавших свои сердца и внутренности этой церкви, которая является приходской церковью палаццо Квиринале. До 1870 года, пока Квиринале был папским дворцом, Сикст V, а потом и все папы, скончавшиеся после него в Квиринальском дворце, составляли такое вот странное завещание. Их сердца хранятся в мраморных урнах подобно тому, как в Египте в канобах хранились внутренности фараонов.

7

Если стоять лицом к Испанской лестнице, то по правую руку будет дом Китса, а по левую — «Чайная Бабингтон». Между ними — та самая тонущая лодка, которая, увы, может служить иронической аллегорией судьбы

состоятельной аристократии, представители которой, кстати, вдохнули жизнь в площадь Испании на целые два столетия. Однажды, сидя в «Чайной Бабингтон», я задумался об этом интересном названии. Заговор Бабингтона... Томас Бабингтон Маколей. Не каждый день слышишь такое имя...

В 1893 году тридцатилетняя незамужняя англичанка приехала в Рим, имея при себе сто фунтов, чтобы открыть дело, подходящее для молодой леди. Она была из дербиширских Бабингтонов, католического семейства, наиболее ярким представителем которого был Энтони Бабингтон, повешенный и четвертованный в 1586 году за то, что возглавил заговор против королевы Елизаветы. Его смерть была ужасна. Сначала на его глазах был повешен его друг Баллард, а Бабингтон, вместо того чтобы молиться, стоял рядом «не сняв шляпы, как будто это он руководил казнью». Его казнили следующим, причинив ему дьявольские мучения, и четвертовали еще живым. На Елизавету эта казнь произвела столь сильное впечатление, что она велела других заговорщиков, которые должны были умереть на следующий день, сначала добросовестно повесить, а потом уж четвертовать. Имущество Бабингтона перешло сэру Уолтеру Рейли, а для себя Елизавета выбрала прекрасные часы. Лорд Маколей был дальним родственником казненного и при крещении получил имя Бабингтон.

Как бы там ни было, спустя триста лет после всех этих событий мисс Анна Мария Бабингтон прибыла в Рим вместе с подругой. По странному совпадению подруга эта тоже была потомком человека, принявшего смерть от руки палача. Звали ее мисс Изабел Каргилл из Дандина, Новая Зеландия. Ее дед основал Университет Отаго и состоял в родстве с Дональдом Каргиллом, одним из авторов шотландского «Ковенанта». С характерным для жителей равнинной Шотландии выговором Дональд обвинял Карла II в вероломстве, тиранстве и разврате, ходил и проповедовал по всей Шотландии. Он был таким же непримиримым протестантом, каким Бабингтон — католиком. Наконец он

был схвачен, обвинен в государственной измене и казнен в 1681 году. По какому странному стечению обстоятельств эти две женщины объединились, чтобы открыть совместное дело в Риме?

Год 1893 был богат событиями, и две дамы быстро поняли ситуацию, которую одна английская газета того времени охарактеризовала как «давно ощущаемую необходимость». Близился юбилей папы Льва XIII, и Рим наполнился гостями. В феврале его святейшество благословил пятидесятитысячную толпу; в марте на фонографе Эдисона — Белла записал пластинку для президента Соединенных Штатов; в апреле принял принцессу Уэльскую, потом королеву Александру, которой дал автограф. И, мало того, в апреле Рим увидел празднование серебряной свадьбы короля Умберто I и королевы Маргариты Савойской. Пилигримы покинули город, и Рим наполнился королевскими гостями, людьми светскими. Едва ли не правительственные ландо отъезжали от железнодорожного вокзала, направляясь к Квириналу, сопровождаемые королевскими кирасирами в шлемах с развевающимися хвостами; из них выходили кайзер Вильгельм II и его супруга Августа-Виктория, бородатый молодой герцог Йоркский (будущий король Англии Георг V), который наслаждался своими последними двумя месяцами холостой жизни и многие другие особы королевского ранга. Среди всего этого великолепия, блеска и веселья всем хотелось... выпить чашку хорошо приготовленного чая. Вот эту-то насущную необходимость мисс Бабингтон и мисс Каргилл взялись удовлетворить.

Их первая чайная располагалась на Виа Дуэ Мачелли и имела такой успех, что скоро открылась еще одна на Пьяцца ди Сан Пьетро. В следующем году освободилось теперешнее здание на площади Испании — раньше в нем размещались дворцовые конюшни — и так как оно находилось в центре английского Рима, то лучшего места было не найти. Мисс Бабингтон и мисс Каргилл убрали помещения японскими коврами, а в главном зале посередине поставили пальму. В чайной было газовое освещение. «Англо-америкэн» от 10

декабря 1894 года сообщал, что «чайная мисс Бабингтон действительно достойна хорошей и многочисленной клиентуры. Она чистая, удобно обставлена, теплая и хорошо проветривается. К чайной примыкает очень милая читальня, она в нижнем этаже, то есть не надо подниматься ни по каким лестницам; а что касается качества кухни, и обслуживания, и умеренности цен, то уверяем вас, что Ницца могла бы с большой пользой для себя поучиться у мисс Бабингтон».

Предприятие Бабингтон — теперь лишь тень прежнего. В 1903 году мисс Каргилл вышла замуж за профессора да Поццо, известного художника, но продолжала работать в чайной, то и дело сменяя за кассой свою партнершу по бизнесу. В 1928 году мисс Бабингтон, которая к тому времени была уже очень старой женщиной и почти ослепла, удалилась от дел и переехала жить в Швейцарию; так что синьора да Поццо дальше справлялась одна. Теперь чайной занимается ее дочь, графиня Доротея Бедини.

Может быть, самое удивительное, — сообщила она мне, — что двое из тех, кто начинал все это, до сих пор с нами: Джулия Надони — она за кассой, и Анита де Сантис — за прилавком с пирожными. В последнюю войну наша семья уехала в Альпы, там нас и застало перемирие 1943 года, но мы не могли вернуться в Рим, пока война не кончилась. Но благодаря преданности Джулии Надони да и всего персонала в целом наша чайная работала все девять месяцев немецкой оккупации и закрылась всего лишь на несколько часов, в тот день, когда немцы вошли в город. Этим самым днем и ограничивается весь ущерб, понесенный нами во время войны — шрапнель выбила стекла. Но всю войну фамилия «Бабингтон» украшала вывеску.

Итак, «Чайная Бабингтон» продолжает готовить чай в мире, очень отличном от мира 1893 года. Сомневаюсь, правда, что мисс Бабингтон понравились бы нынешние туристы в открытых майках и разноцветных пляжных рубашках из Майами, которые теперь сюда заходят. Но есть и другие клиенты. Вы сразу обратите внимание на небольшие группки графинь и маркиз, попивающих чай и

беседующих на том английском, которому их обучили великие послы Англии в Италии — английские гувернантки. Покойный король Испании Альфонсо любил чай и был убежденным бабингтонцем.

В английской чайной в высшей степени особенная атмосфера. Чтобы понять, насколько она сильна и живуча, вам надо лишь перейти дорогу, оказаться на Виа Кондотти и посетить «Кафе Греко», которое старше «Бабингтона» и почти не изменилось с тех пор, как Лист, Байрон и Вагнер сидели за его маленькими мраморными столиками. Среди самых невероятных завсегдатаев был Буффало Билл.

Хотя там вам предложат отличный чай, было бы разумнее заказать холодный кофе. Я там подслушал любопытный обрывок разговора. Молодой американец описывал свои комнаты в старом палаццо:

— А посередине дворика — один из этих мраморных фонтанчиков. Но я к ним привычный. Я воспитывался в Доме, где на них иногда садились, — сказал он.

Его собеседник несколько удивился.

— Дело в том, что когда-то моя бабушка привезла два таких из Рима, — объяснил американец, — и приспособила их под... биде!

8

Шеренга экипажей с красными колесами на Виа Вене-то ожидает своих пассажиров из дорогих отелей. На упряжи каждой лошади — по колокольчику, а возницы — настоящие римляне, римляне из Трастевере. Итальянцы рассказывали мне, что их диалект и их юмор просто бесценны; они для Рима — то же, чем для Лондона были кокни, которые теперь повывелись. Они — из римского XIX века, и, безусловно, ваш прапрадедушка в медовый месяц держал вашу прапрабабушку за руку в такой *carrozza*, и они ехали по безмолвным улицам полюбоваться Треви при лунном свете. Сегодня, как и в старые времена, этот вид транспорта используется в основном влюбленными или теми, кто хочет

испытать новые ощущения — покататься в настоящем экипаже. Возницы, возможно, огорченные явными преимуществами автомобилей и мотоциклов, стали жадными до денег.

Однажды вечером, раздумывая о том, как чудесно было ездить по улицам в те счастливые времена, когда не было слышно никаких других звуков, кроме теньканья колокольчика на упряжи и цоканья копыт по мостовой, я подошел к одному из возниц, он свесился вниз и спросил:

— You wanna take a buggy ride?[\[20\]](#)

О вечный Рим! Вот так древний римлянин времен упадка мог бы обратиться к какому-нибудь готу или вандалу на языке победителей!

Глава вторая. С Капитолийского холма в тишину садов

Капитолийский холм. — Трагедия Риенцо. — Санта-Мария-ин-Арачели. — Санто Бамбино. — Дипломатическая вечеринка. — Американский Рим. — Сады Боргезе и Пинчьо.

1

Мне кажется, Капитолийский холм — это одно из самых совершенных мест в Риме. Приподнятое над городской суетой, не затронутое конфликтом между новым и старым. Туда по-прежнему проходят через ворота XVI столетия, а вся красота этого века навечно застыла в изысканных, персикового цвета зданиях, ограничивающих площадь с трех сторон. В центре — Марк Аврелий со своими кудрями и как будто только что подстриженной и надушенной бородой, верхом на бронзовом коне, на котором все еще сохранились остатки позолоты, точно он только что, а не много веков назад, выехал на утреннюю прогулку. Во всех городах есть такие места — какая-нибудь церковь или сад, куда можно прийти, как в святилище, в минуту счастья или скорби; и, несмотря на ее великую и бурную историю, площадь Капитолия — это для меня как раз такое место. Столетия лижут ее края и откатываются от нее крутыми волнами, и скала Капитолия, на которой застыл философ на золотом коне, высится над потоком Времени.

Это невысокий холм, около ста шестидесяти футов, с акрополем, на вершине которого римляне, за шесть столетий до Рождества Христова, построили величайший храм мира — храм Юпитера Капитолийского. В своей первоначальной ипостаси Юпитер был примитивным этрусским персонажем, и чтобы придать его лику пунцовый цвет, его раз в год красили красной краской — *minium*.

Когда какой-нибудь цезарь или военачальник праздновал победу, он выезжал, одетый Юпитером, с раскрашенным лицом, в колеснице, запряженной непременно белыми, как кони Юпитера, лошадьми; и процессия всегда заканчивалась на Капитолийском холме, где триумфатор приносил жертву богу. В более поздние, имперские времена примитивный краснолицый бог был заменен золотой статуей. Черепица на крыше храма — золотая, двери тоже, а порог — бронзовый, так что здание сияло в солнечном свете над Форумом.

По правую руку от Капитолийского холма, отделенная от него в древние времена узкой полосой болота, — длинная гряда Палатинского холма, где цезари строили свои дворцы. А в долине между этими двумя холмами находился древний Форум. Главная улица Форума называется Виа Сакра — Священная дорога. Она считалась священной, потому что вела мимо храма Весты, дома верховного жреца, понтифика максимуса, к храму Юпитера на Капитолийском холме. Итак, Форум смотрел на Капитолий снизу вверх, в то время как Капитолий взирал сверху вниз на сердце Римского мира, этот центр цивилизации, куда вели все дороги и где все дороги начинались.

Существует легенда, что во время раскопок первого храма Юпитера была найдена человеческая голова, которая, как решили, принадлежала мифическому герою по имени Толлий. авгуры истолковали находку как знак того, что однажды Рим станет главой (caput) всего мира. И тогда холм называли Capitolium (capite Toll) — «голова Толия», так появилось слово Капитолий, которое используется сейчас во многих государствах, прежде всего в Вашингтоне, где так называют место заседаний парламента. Соседний холм, Палатин, дал Европе слово «дворец» — palatium. Еще одно слово повседневного употребления родилось на Капитолии, где рядом с храмом Юпитера стоял храм его жены, Юноны — Juno Moneta. Так как римский монетный двор находился именно в этом храме, то слово Moneta перешло в европейские языки в формах money, monnaie, moneda, munt и mtinze. Храмы разрушились и исчезли с лица земли, но

слова, зародившиеся на этих римских холмах, до сих пор на устах у всех.

Капитолийский холм — это еще и символ. Во времена Древнего Рима подход к нему был через Форум, и великие храмы Юпитера и Юноны и все остальные строения фасадами смотрели на Форум, повернувшись спиной к современному Риму. Но потом наступили столетия упадка. Форум умер, превратился в руины, самого Юпитера едва помнили. Его великий храм разрушился на куски и рассыпался по склону холма. Жизнь затеплилась здесь снова, когда в раннем Средневековье на месте бывшего храма Юноны построили церковь, посвященную Деве Марии, а неподалеку от бывшего храма Юпитера воздвигли укрепленный дворец магистрата. Он смотрел уже не на старый, умерший мир, а на новый. И главное, история сделала потрясающий по своему изяществу жест: оба здания были обращены к собору Святого Петра.

Всякий раз, поднимаясь на Капитолий, я нахожу новые поводы для восхищения. Во-первых, лестницы-двойняшки, ведущие на холм. Возможно, красота и очарование римских фонтанов, столь восхваляемых всеми, затмили грациозность и необычность римских лестниц. Редкий день я не останавливался, чтобы задуматься о том, как прекрасно устроен какой-нибудь обыкновенный лестничный пролет, ступени, отшлифованные подошвами тысяч пешеходов, которые всегда воспринимали их как нечто само собой разумеющееся. Воспользовавшись волнистостью здешнего рельефа, архитекторы Возрождения не упустили возможности создать величайшее разнообразие ступеней: если Испанская лестница — воплощение искусства строить ступени, то две лестницы, ведущие к вершине Капитолия, — великолепный пример хороших манер в архитектуре. Эти два пролета идут бок о бок, при том, что их разделяют два столетия. Крутые мраморные ступени — их сто двадцать четыре, — ведущие к церкви Санта-Мария-ин-Арачели, были построены в XIV веке — как попытка задобрить Деву Марию во времена эпидемии Черной смерти. Они были доставлены с Квиринальского холма и когда-то вели к великому храму,

построенному Аврелианом, — храму Солнца. До эпохи Возрождения это были единственные ступени, ведущие на Капитолий, и если вы взглянете на них, а еще лучше, по ним подниметесь, они скажут вам, что были устроены для крепких римских икр. Первое, что вы узнаете о древних римлянах, прогулявшись по Риму, — это то, что они презирали лестницы, по которым легко подниматься. Вскарabкаться по лестнице, ведущей к церкви Санта-Мария-ин-Арачели, тяжелее, чем преодолеть сотни мелких ступенек времен Возрождения. Когда архитекторы создавали площадь на Капитолии, они столкнулись с проблемой — сделать подъем, который был бы достоин уже существовавшего древнего пролета и в то же время не соперничал бы с ним. Итак, они сделали не лестничный марш, а что-то вроде пологого пандуса, он начинается рядом с более древними ступенями, имеет небольшой уклон и легко и изящно ведет к вершине. Что-то в этом есть от вежливости молодого человека, пропускающего старших вперед.

Значительный разворот римской мраморной лестницы влево, как я уже сказал, — испытание для икроножных мышц, и мне приходилось видеть старинные гравюры, на которых женщины преодолевают лестницу на коленях. Они делали это, умоляя Деву Марию уладить их домашние неурядицы, прося Царицу Небесную дать им мужа или ребенка. Любопытно отметить, что здесь постепенно происходила довольно необычная религиозная трансформация: люди поднимались к храму, когда-то посвященному языческой Царице Небес, Юноне, богине, которая занималась делами женщин от рождения до смерти. Без сомнения, женщины древнего мира обращались к Юноне с теми же просьбами, с какими идут сегодня к Пресвятой Деве.

Хоть мне и случалось несколько раз преодолеть эту лестницу, но все же я предпочитаю более милосердную Кордонату. На самом верху, на балюстраде, стоят Кастор и Поллукс, и не в доспехах, а почти обнаженные, давая понять всю странность своего происхождения причудливой формы

маленькими шапочками, представляющими собой половинки лебединого яйца, ведь их матерью была Леда. Итак, передо мною на коне восседал Марк Аврелий, а за ним стоял Дворец сенаторов (палаццо Сенаторе), и белые статуи на его крыше четко вырисовывались на фоне римского неба. Слева от императора — Капитолийский музей, а справа — Дворец консерваторов (палаццо деи Консерваторе); оба здания сейчас хранят прекраснейшие сокровища Древнего Рима.

Всякому, кто коллекционировал римские монеты, этот запомнившийся на всю жизнь портрет кудрявого и бородатого императора кажется чудесным. Он напоминает вам старого друга. В сознании вашем эхом звучит его голос: «Вот путь к совершенству — проживать каждый новый день, как последний, не впадая ни в горячку, ни в спячку и не пытаюсь играть роль». А в другой его максиме не содержится ли предчувствие грядущего христианства: «Если кто причиняет тебе зло, сразу же постарайся посмотреть на все с его точки зрения, независимо от того, плоха она или хороша. Как только ты поймешь его, тебе станет жаль его, ты не будешь больше удивляться его поступку, ни сердиться на него». И все же не Марк Аврелий, а Траян стал единственным римским императором — почетным христианином, единственным некрещеным христианином в истории. И святой Григорий Великий, тронутый состраданием Траяна к беднякам и вдовам, попросил Бога открыть врата христианского рая для этого доброго и милосердного язычника. И Господь, не очень-то охотно, надо полагать, отозвался все-таки на молитву святого Григория, но поставил условием, чтобы святой впредь не злоупотреблял его снисходительностью, обращаясь с подобными просьбами. Проблема некрещеного христианина волновала Средневековье, пока святой Фома Аквинский не урегулировал этот вопрос, объяснив, что Траян явился после смерти и достаточно надолго, чтобы его успели окрестить; так что все в порядке. Глядя на философа, я подумал, что все же, пожалуй, было бы легче сделать христианина из него, а не из Траяна. «Что бы кто ни говорил и ни делал, — писал Марк Аврелий, — мой долг —

быть добрым». И мне нравится думать, что в Колизей он всегда шел, испытывая большую неловкость, и очень раздражал остальных зрителей, просматривая и подписывая документы во время кровавых игрищ. По иронии судьбы, он обязан сохранением своей бронзовой конной статуи на улице Рима великолепной ошибке раннего христианского мира: его перепутали с Константином Великим.

Эта совершенная пьцца была задумана Микеланджело, хотя и завершена его последователями. Это он перенес Марка Аврелия с Латерана, где тот стоял пятьсот лет, и поставил его на постамент, сделанный из колонны храма Кастора и Поллукса; и вот он едет на коне, прототип всех бронзовых всадников, которые с того времени прищипоривают своих коней на улицах и площадях мира. Микеланджело обязаны своим существованием и те прекрасные ступени, которые, изгибаясь, слева и справа подводят к главному входу во Дворец сенаторов, где сейчас римский муниципалитет.

С этим зданием у меня связаны необыкновенные и счастливые воспоминания. Многие годы тому назад я побывал здесь на балу. Бал давали по случаю женитьбы бывшего короля Умберто на бельгийской принцессе Мари Жозе в январе 1930 года. Я вспоминаю путешествие из Парижа в Рим в одном вагоне с молодым человеком, при чьей коронации в качестве короля Георга VI я присутствовал^ Вестминстерском аббатстве семь лет спустя. Он, герцог Йоркский, представлял на этой свадьбе своего отца, Георга V.

Рим волновался, по улицам бродили группы крестьян со всей Италии в национальных костюмах, некоторые били в барабаны и играли на дудках; другие, приехавшие из Абруцци, в штанах из овечьей кожи, играли на мелодичных piffero, [\[21\]](#) более похожих на ирландские свирели, пастушьи, как мне говорили.

Мне как корреспонденту иностранной газеты предоставили место в Королевской капелле Квиринальского дворца, откуда я наблюдал торжественное свадебное

шествие к алтарю. Именно тогда я впервые увидел Муссолини. Он мрачно плыл в сверкающей процессии с выражением хорошо рассчитанной брутальности на лице. И я, помню, подумал, что у него профиль поздних императоров, Диоклетиана или Иовиана.

Вечером губернатор Рима давал бал на Капитолии, на который были приглашены все первые красавицы Рима, а также носители всех мундиров, кавалеры всех орденов и наград в Европе. Пока гости стекались по древним лестницам и заполняли обширные приемные, поражавшие своими гобеленами и сверкающие хрустальными люстрами, я думал, какая фантастическая декорация для столь блестящей ассамблеи — Дворец сенаторов.

Когда пробило полночь, мы собрались у окон, чтобы посмотреть на Форум в лучах прожекторов и на процессию людей в белых одеждах, медленно приближавшихся по Виа Сакра. Это шествие, устроенное в честь свадьбы, нарушило тишину ночи звуками флейт, чтобы потом раствориться, подобно призраку, в темных руинах.

Один профессор повел меня как-то в кладовые под дворцом, где стены сложены из массивных блоков *reperino*, [22] зазоры между которыми столь узки, что в них едва можно просунуть ноготь. Они были сложены каменщиками за несколько столетий до Рождества Христова. Мы говорили о более раннем дворце, который Микеланджело снес, чтобы освободить место для нынешнего. Оба дворца были построены на огромных руинах римского Табулярия, Государственного архива, где на бронзовых дощечках хранились записи обо всем, что произошло в Риме. Я, помню, подумал, что все это напоминает последний акт «Аиды». Неясные звуки музыки едва доносились до нас, пока мы обследовали эти залы, похожие на гробницы, и видели перед собой каменные лестницы, ведущие вниз, казалось, в самое сердце Капитолийского холма. Мы обсуждали Риенцо, самую впечатляющую и фантастическую фигуру в истории прежнего дворца, но ни одному из нас и в голову не пришло — действительно, это было бы оскорблением величества — задуматься о том, что диктатор, вокруг которого все

вращалось тогда, напоминал знаменитого трибуна. Мне кажется, что Риенцо и Муссолини необыкновенно похожи: их судьбы — смесь блестящих идей и обусловленных их человеческими качествами провалов. И та же театральность, склонность к красивым жестам. Это сходство заставило меня еще раз с интересом проследить жизненный путь Риенцо.

Еще сравнительно недавно Муссолини казался чисто современным феноменом, но в действительности он представлял собой хорошо известный исторический тип, и его ужасная смерть доказывает лишний раз, что разъяренная итальянская толпа может быть в XX веке не менее дикой, чем была в XIV.

2

Странно, что Голливуд не состряпал одного из своих дорогостоящих исторических *soufflé*^[23] из времен Риенцо. Папская область, как верил весь мир, стала собственностью Франции, и папы оставили Рим, предпочтя приятное Авиньонское «заточение». Рим превратился в бескрайнее ристалище для необузданных баронов. В излучине Тибра теперь толпились башни красного кирпича, это был город вооруженных банд, кланов Колонна и Орсини, между которыми непрерывно происходили стычки, город грабежей, убийств и всяческого беззакония; он снова облачился в наряд трагической нищеты, который уже надевал за несколько веков до того, когда, покинутый Восточными императорами, сделался добычей варваров.

В этом Риме начала XIV столетия, в 1313 году, и родился Кола ди Риенцо. Там и вырос этот мальчик из небогатой семьи, сын содержателя таверны. Он выучил латынь и бродил среди руин, расшифровывая надписи и созерцая былую славу Рима. Как странно, что эта его мечта о Риме смогла воспламенить сердца людей во времена, когда в жителях города уже не осталось и капли древнеримской крови. Риенцо, грезивший среди развалин, воображал себя

Цезарем, ведущим разрушенный город в новую эру славы. Он был красив, одержим и владел даром убеждения.

Это было время Петрарки. Над Италией всходила заря Возрождения, и очень возможно, что Риенцо присутствовал при увенчании Петрарки лавровым венком на Капитолии. Так начиналось это диковинное сосуществование искусства и литературы с убийствами, поджогами, изнасилованиями, мародерством, которые стали столь распространены чуть позже. Какая странная картина, не правда ли: дикие хозяева Рима сошлись у Капитолия, чтобы отдать дань первому современному ученому мужу.

В возрасте тридцати лет Риенцо был отправлен с миссией в Авиньон, поздравить папу Климента VI с избранием и попросить его от имени содержателей гостиниц, которые составляли теперь большую часть римского населения, вернуться в Рим. Папе так понравился красноречивый посланец, что он задержал его при себе на год. По возвращении в Рим Риенцо ясно увидел свой путь. Он безгранично верил в свою звезду. Знать смеялась над ним. Стало принято приглашать его на обед, чтобы послушать его забавные проповеди и угрозы. Но все это время он тайно собирал граждан Рима, призывая их не жалеть сил для того дня, когда власть знати будет свергнута и придет *Buono Stato*, как он это называл, — «доброе государство», в котором будут править закон, порядок и мир. Он смотрел даже дальше, предвидя объединенную Италию — эта мечта осуществилась лишь в 1870 году.

Риенцо был прирожденный пропагандист. Так, например, он подговорил художников ночью украсить стены Рима аллегорическими изображениями Веры и Надежды, осиротевшего, плачущего города, разгневанных апостолов, а также новым политическим символом — изображением тонущего корабля. Утром Рим проснется, думал он, увидит эти рисунки и проникнется мечтой о грядущей революции. После двух лет подготовки Риенцо предпринял свой «поход на Рим».

Утром 20 мая 1347 года капитолийский колокол пробил stormo^[24] и сбежались жители. Риенцо и его сподвижники провели ночь в соседней церкви и теперь вышли к народу. Риенцо был в доспехах, с непокрытой головой, впереди его отряда несли знамена Свободы и Справедливости. Он хорошо выбрал момент: Колонны и других представителей знати не было в Риме. Поддерживаемый народным энтузиазмом, его голос победоносно звенел, провозглашая законы «доброго государства»: убийцы должны быть казнены; все юридические дела рассмотрены в течение пятнадцати дней; ни один дом не может быть разрушен без разрешения властей; каждый район Рима должен иметь свою гвардию; у берега надо постоянно держать корабль для охраны торгующих купцов; мосты, замки, крепости — все это не баронам, а народу; дороги будут безопасными, потому что всех грабителей переловят; и еще много-много столь же прекрасных правил. Единогласно Риенцо получил верховную власть и титул трибуна и освободителя Римской республики.

Те, кто помнит марш Муссолини по Риму и последующие годы, подтвердят, что ничто не произвело на население столь сильного впечатления, как то, что он заставил поезда ходить строго по расписанию и распорядился позаботиться о чистоте улиц. Реформы Риенцо примерно так же действовали на современников. Менее чем через месяц он написал удивленному понтифику, что дороги безопасны, что в Риме наконец можно спокойно жить. Современник сообщает, что «леса возвеселились, потому что в них не стало больше грабителей. Волы начали пахать. Пилигримы вновь потянулись к святыням, купцы ездят туда-сюда по своим торговым делам. Горе и ужас тиранам, а добрым людям, освобожденным от бремени рабства, — радость». Старому Стефану Колонна, который, прослышав о победе Риенцо, помчался было обратно в Рим, угрожая «выбросить этого дурака из окна Капитолия», пришлось уносить ноги, а знать, которая прежде потешалась над Риенцо, была вынуждена присягнуть ему на верность.

Так началось это царствование, продлившееся семь месяцев. Риенцо проявил себя блестящим сенатором, но никуда не годным цезарем. Как и его последователя, поставившего местные нужды выше мировых проблем, его сгубили собственные капризы и причуды.

Его тщеславие и склонность к театральным эффектам были огромны. Он скакал по Риму, одетый в желтые и зеленые шелка, подбитые горностаем, сжимая в руке стальной скипетр с навершием в виде позолоченного серебряного яблока с заключенным в нем фрагментом Святого Креста. Однажды он решил посвятить себя в рыцари.

В баптистерии Латерана есть базальтовая купель, в которой, как ошибочно считается, был крещен Константин Великий. Риенцо провел ночь в баптистерии и совершил очистительное омовение в купели. Наутро толпа увидела, как он прогуливается по балкону Латеранского дворца, облаченный в пурпур, с золотыми рыцарскими шпорами на ногах. Протрубили трубы, и он обратился к толпе с балкона. Воображение может перенести нас и на шесть веков вперед, на балкон палаццо Венеция. Это был уже не голос градоначальника — то был глас императора. Когда Риенцо обратился к папе, призывая его вернуться в Рим, пугливые протесты папского викария потерялись в барабанной дробе. Он заявил свое право избирать германского императора — право, как он сказал, принадлежащее народу Рима. Он повелел всем, кто с ним не согласен, предстать перед ним и изложить причины своего несогласия под страхом навлечь на себя высочайшее неудовольствие. Ночью был большой пир. Из ноздрей лошади Марка Аврелия били фонтаны вина.

Риенцо сам составил план церемонии своей коронации. Высокие сановники Церкви возлагали на его голову один за другим символические венки из плюща, лавра, мирта, трав, собранных под аркой Константина, и после того, как каждый венок касался его головы, нищий, стоящий за тронем, забирал его и нанизывал на меч. За всеми этими символами скрывалась одна идея. Риенцо пригласил представителей итальянских городов на коронацию и

теперь скрепил их союз с Римом золотыми кольцами. Итак, этот император речей и спектаклей был первым, кто предвидел объединенную Италию. Но какой же он был шарлатан! Его жизнь — сплошные представления и антракты. Перед тем как принять папского легата, чтобы отчитать его и призвать к порядку, Риенцо отправился в ризницу собора Святого Петра и взял там далматик, которые римские императоры надевали на коронацию.

Его закат был ускорен бездарной драмой, в которой, как всегда, он назначил себя на главную роль. На пиру Риенцо вдруг арестовал всю римскую знать. Он послал к ним исповедников со Святыми Дарами, а утром их всех отвели в зал, чтобы казнить. Когда они появились перед ним, причем многие на коленях умоляли его даровать им жизнь, Риенцо спустился со своей трибуны и произнес речь о способности прощать, как одной из главных добродетелей, после чего... пригласил их всех на обед! Они ушли, возненавидев его и поклявшись отомстить.

Между знатью и простыми горожанами скоро началась открытая война, а мысль о том, чтобы облачиться в доспехи с какой-нибудь иной целью, кроме участия в процессии, повергала Риенцо в дрожь. Однако, трепеща от страха, он отправился на битву. В бою у ворот Сан-Лоренцо, под проливным дождем, где множество знатных римлян было убито, горожане, скорее благодаря сопутствовавшей им удаче, нежели искусству, победили. Риенцо теперь возомнил себя паладином. Он торжественно освятил свой меч на алтаре церкви Санта-Мария-ин-Арачели. Папа, оскорбленный таким самомнением, приказал людям оставить его, и те, после того как семь месяцев вынуждены были вести жизнь комедиантов, были склонны сделать это. Поняв, что спектакль закончен, Риенцо воскликнул: «Ныне, в седьмой месяц, я изгнан из своих владений!», — и укрылся в замке Святого Ангела. Новость о его отречении распространилась по озадаченному городу — ведь никакого мятежа не было. Сквозь удивленную толпу перед крепостью протиснулся стройный молодой монах. Это была верная жена Риенцо, которая, переодевшись, пробиралась к нему.

Риенцо прожил еще семь лет, некоторые считают, что в Аbruцци, среди отшельников и провидцев. Утешители обещали ему новое царство славы и почета. В один прекрасный день он исчез с гор и отправился в Прагу к императору Священной Римской империи, который немедленно передал его папе в Авиньоне. Климент VI умер, и его место занял Иннокентий VI, который решил с помощью Риенцо покончить с затянувшейся анархией в Риме. Папа испробовал старое испытанное средство. Итак, Риенцо, снова великолепно разодетый, был отправлен в Рим с войсками папы. Люди помнили представления, которые устраивал им их трибун, и с радостью устремились ему навстречу. Однако вместо романтического Риенцо они увидели толстого грубого человека. Один из знавших его раньше людей писал: «У него пузо, как бочка, а вид самодовольный, как у аббата Асинико, у него полнокровие, красное лицо, длинная борода. Его физиономия изменилась, глаза как будто воспалились, иногда наливаются кровью». Это в самом деле был финал драмы. Мог ли старый премьер вернуться на сцену?

Теперь он был другим человеком. Судьба дала ему еще один шанс. «У него не было денег, чтобы заплатить солдатам, — пишет биограф. — Он ограничивал себя во всех расходах; даже мелочь — на нужды армии. Такого человека свет не видывал; он один взял на себя заботы обо всех римлянах... Он отдавал приказы и все устраивал, определял время нападения, и сколько людей захватить, и куда послать шпионов. Этому конца не было». Он даже сделался храбр. Риенцо-комедиант стал человеком действия; но «в делах людей прилив есть и отлив»,^[25] а Риенцо этого не учел. Было слишком поздно. Римляне хотели еще зрелищ.

Им не нравился этот странный суровый Риенцо, который взимал с них налоги вместо того, чтобы произносить речи. Им хотелось фанфар и шествий; а вместо этого они получили новые налоги на соль и вино и воинскую повинность. В юности Риенцо часто бывал пьян от власти и славы; теперь, достигнув среднего возраста и став настоящим пьяницей, он смотрел на все более трезво.

Римлянам хотелось отшатнуться от него, так он был энергичен и настолько склонен требовать от них жертв. Теперь, когда он наконец-то получил возможность воплотить в жизнь мечту о *Buono Stato*, его последователи больше не хотели этого. Однажды утром, когда он лежал в постели во Дворце сенаторов на Капитолии, только что «умывшись греческим вином», как биограф описывает его завтрак, он услышал дикие крики толпы, кричащей «Смерть предателю!» В прежние времена Риенцо вызвал бы стражу; но, кажется, теперь он наконец-то проникся духом Древнего Рима. Облачившись в доспехи и взяв в руку знамя Рима, он вышел, чтобы говорить с толпой. Его не стали слушать. Он вернулся во дворец и обнаружил, что остался в нем один. Вскоре он почувствовал, что где-то горит, и понял, что толпа подожгла главные ворота. У него оставалась лишь одна возможность: храбро умереть. Но он не воспользовался этим шансом. Связав простыни, он спустился по ним во двор, предварительно избавившись от бороды и накинув какие-то тряпки поверх своего пышного одеяния. Риенцо смешался с толпой, присоединившись к крикам: «Смерть предателю!», но кто-то, разглядев золотые браслеты под лохмотьями, узнал его. Толпа проволокла его к подножию высокой лестницы церкви Святой Марии-ин-Арачели, где в те времена казнили преступников, и там он стоял около часа, потому что никто не мог решиться убить его. Его лицо было «черно, как печь», он был в зеленых шелках и пурпурных чулках барона. Так он и стоял, скрестив руки, пока наконец человек по имени Чекко дель Веккио не взял меч и не пронзил его. Риенцо выволокли за ноги на Сан Марчелло, где он висел потом вниз головой два дня и две ночи. На третий день тело притащили на площадь перед мавзолеем Августа и сожгли с грудой чертополоха.

Если вы, поднимаясь на Капитолий, взглянете с Кордонаты в небольшую ложбинку слева, вы увидите небольших размеров статую человека в монашеской одежде. Так Рим нехотя отдает должное тому, кто в каком-то смысле опередил время.

От Дворца сенаторов открывается один из величайших видов Рима. Внизу лежит Форум, он тянется от арки Септимия Севера до арки Тита, за которой — Колизей. Он совершенно мертв, как после бомбежки. Туристы, снующие среди руин со своими картами, напоминают людей, пытающихся отыскать засыпанных заживо. Приходящий сюда сегодня, к сожалению, не может погрузиться в романтические размышления, как его предки, потому что для нас упадок цивилизации не является чем-то давним и романтическим, предметом для неторопливых размышлений. Защищенные твердой уверенностью в том, что мир становится все лучше и лучше, наши предки могли позволить себе роскошь чудесно и поэтично морализировать среди руин; мы же вместо этого рыдали на развалинах. Если воображение викторианцев лишь приятно щекотала фантазия Маколея: что, мол, новозеландец однажды сделает набросок развалин лондонского собора Святого Павла, то нашему поколению выпало подумать о том, как себя защитить. Я смотрел на распростертый подо мною Рим, Рим, по которому ходил Цезарь, в котором произносил свои речи Цицерон, где Плиний Младший утомлял своих друзей литературными трапезами, где прогуливались Гораций с Меценатом, где Клавдий снискал имя воина лишь после того, как захватил Британию, где Нерон в действительности не играл на скрипке и не пел, и где Веспасиан навел порядок в имперских делах муштрой и дисциплиной.

Эта удачная точка обзора за Дворцом сенаторов примерно соответствует месту, где Форум переходит в Clivus Capitolinus,^[26] и путешественники, посещавшие Древний Рим, плелись сюда, сбивая ноги, подобно нынешним туристам, чтобы посмотреть на великие храмы и взглянуть вниз, на центр мира, с его частым пульсом, звуками и красками. Перед каждым значительным событием жрецы и авгуры поднимались по этой дороге попросить покровительства; по ней же проходил победоносный военачальник, и лавровый венок покоился над его

обветренным загорелым лицом, и это была вершина его триумфа. Когда процессия достигала подножия Капитолия, пленных должны были казнить, и в тот самый момент, когда в тюрьме, внизу, их душили или отсекали им голову топором, военачальник-триумфатор наверху, в храме Юпитера, накрывал себе лицо покрывалом и приносил в жертву белого быка, которого для этого случая специально откармливали на пастбищах в пойме Клитумна.

Всякий, кто стоял на Капитолии восемнадцать веков назад, в день, когда в Колизее проводились игры, мог внезапно услышать взрыв аплодисментов и восторженный рев восьмидесяти семи тысяч глоток. Собирались в разрушенном теперь амфитеатре за Форумом. Это были жестокие люди с небогатым воображением, однако лучшие из них обладали, по крайней мере, тремя добродетелями: верностью, серьезностью и строгостью. Именно эти римские добродетели, к которым Иисус Христос добавил еще и сострадание, сообщают такую красоту ранней Церкви.

Не могу присоединиться к хору тех, кто сожалеет о раскопках Форума. Без сомнения, столетие назад он выглядел весьма романтично, и живописные *contadini*^[27] облакачивались на поваленные колонны, и ваша прабабушка доставала свой альбом, чтобы сделать набросок, но раскопки значительно расширили наши знания о Древнем Риме и его жителях. Стоит признать, что такой монументальный труд, как «Овидиевы „Фасты“» Фрэзера не мог быть написан, например, во времена Байрона.

Приятно, глядя вниз на Форум, представлять себе толстяка Эдуарда Гиббона, обходящего эти камни «величавой поступью» во время своего краткого визита в Рим в 1764 году, когда ему первому пришла мысль написать «История упадка и разрушения Римской империи». «После бессонной ночи, — писал он, — я „величавой поступью“ обошел руины Форума; места, где стоял Ромул, где говорил Туллий, где упал Цезарь (как странно, что именно Гиббон, из всех, так ошибся!^[28]) предстали моему взгляду». Думаю, что поступь его могла бы быть еще величавее, если бы он обошел Форум сегодня, после раскопок.

Еще одно имя, которое приходит на память, — леди Элизабет Фостер, это «очаровательное животное», как однажды назвал ее Гиббон. Она стала второй женой пятого герцога Девонширского и была одной из нескольких женщин, перед которыми, говорят, великий историк преклонял колени и был не в силах подняться без посторонней помощи. Это правда: Гиббон восхищался ею. Он говорил, что она так соблазнительна, что если бы захотела, могла бы самого лорда-канцлера сдвинуть с его набитой шерстью подушки.^[29] Последние годы жизни она провела вдовой в Риме, где добилась весьма значительного успеха — связала фамилию Девоншир с именем тирана Фоки. Колонну, воздвигнутую в честь этого византийского деспота, последнюю на Форуме, не могли идентифицировать столетиями, пока герцогиня не открыла ее основания в 1813 году, во время раскопок, которые финансировала. Эта колонна — один из самых многообещающих объектов на Форуме. Она была неточно упомянута Байроном в 1817 году: «О ты, безымянная колонна со скрытым основанием».

«О Рим! — писал Байрон, — Моя страна! Город моей души!» Читатель может подумать, что поэт — старожил Рима. На самом деле он провел в «стране» всего лишь двадцать три дня, но поэты — непостижимые существа, они не зависят от времени. После своего краткого визита, большая часть которого прошла верхом, Байрон оставил нам более яркий образ Рима, чем многие из тех, кто прожил в нем всю жизнь. В Риме произошел один забавный случай, когда поэт позировал скульптору Торвальдсену. «Да сидите же спокойно, — попросил Торвальдсен, — и не надо напускать на себя такой вид!» — «Это мое обычное выражение лица», — отвечал Байрон. Торвальдсен знал, что тот хотел выглядеть Чайльд Гарольдом, не обращал на это внимания и ваял Байрона таким, каким его видел. Когда Байрону показали готовую работу, он сказал, что отсутствует портретное сходство. «У меня более трагическое выражение лица», — пояснил он. Вот так и с его прекрасными стихами о Риме. Они «более трагичны»,

чем был их автор в то время. Читатель представляет себе поэта с чувствительной душой, всхлипывающего на Форуме и подавляющего рыдания на Аппиевой дороге, тогда как в то время Байрон вел здоровый мужественный образ жизни, проводя весь день в седле, поспешно и бегло осматривая окрестности и тем не менее умея из воздуха уловить самую суть Рима.

Возвращаясь на площадь Капитолия, очень естественно думать о Риенцо и Микеланджело, но как странно представить себе, что однажды на колокольне развевался «Юнион Джек»! Это было в 1799 году, когда Нельсон вел военные действия на итальянском побережье, а наполеоновские войска отступали из Италии. Молодой морской офицер, ставший позднее адмиралом сэром Томасом Луисом, вел флотилию судов вверх по Тибру и, пристав в Риме, поднял британский флаг над Капитолием. В то же самое время другой англичанин, который позднее стал сэром Томасом Трубриджем, захватил несколько французских судов, груженных сокровищами Ватикана, которые британское правительство вернуло папе. Я где-то читал, что в знак признательности за участие в этом деле Трубриджу было дано право поместить на свой герб изображение перекрещенных ключей от собора Святого Петра. Забавно, как совершенно не связанные друг с другом события вдруг сопрягаются, потому что именно этот акт справедливости со стороны британского правительства несколько лет спустя побудил Ватикан дать соизволение на основание некатолического кладбища в Риме. Здесь похоронен Ките, погребен пепел Шелли и обрели вечный покой много англичан и других протестантов.

4

Благороднейших очертаний лестница ведет от Капитолия к церкви Санта-Мария-ин-Арачели, которая, как я уже говорил, стоит на месте храма Юноны. Здесь содержались знаменитые гуси, возможно в скрытом от

посторонних глаз птичнике, а может быть, они победоносно расхаживали, подобно сегодняшним «римским гусям», в окрестностях Барселонского собора. Возможно, этих птиц держали для гадания. По мнению коллегии авгуров, любая птица могла подать tripudium, то есть знак, например, тем, как ела или как отказывалась от еды, и хотя для предсказаний обычно использовались цыплята, гуси, хлопающие крыльями, тянущие шеи, кивающие головами, пьющие воду, хватающие корм, трясущие хвостом, не говоря уже о широком диапазоне их вокальных данных — от сварливого кряканья до истерического кхеканья, — должно быть, считались несравненно лучшими предсказателями. Плутарх, который никогда не держал гусей, особо подчеркивает, что когда галлы пытались подняться на Капитолийский холм, гусей Юноны держали на осадном пайке, и, следовательно, они, истощенные и возбудимые, были всегда готовы поднять тревогу. По собственному опыту, тем не менее, я знаю, что гуси, даже если они просто нашпигованы едой, — прекрасные часовые, они будут гоготать и хлопать крыльями от любого необычного ночного звука. После того как гуси Юноны спасли Капитолий, от них уже можно было ждать чего угодно.

Римляне не забыли птичьего патриотизма. Чиновники министерства финансов признали, что первейшей обязанностью казначея является достойное содержание гусей, так что раз в год гуся, облаченного в пурпур и золото, торжественно проносили вокруг Форума в роскошном паланкине. К сожалению, этот замечательный спектакль был омрачен обычной римской жестокостью, ибо вокруг Форума проносили также собаку, распятую на дубовом кресте — в назидание всем собакам, которые не залаяли в ту ночь, когда галлы попытались подняться на Капитолийский холм.

Впервые войдя в церковь Санта-Мария-ин-Арачели, я почувствовал, что шагнул в Древний Рим. Разумеется, я оказался в огромном зале с колоннами, обычном для присутственного места или суда. В Древнем Риме было много подобных зданий, и ранние церкви — иногда не

только тень древних камней, но их настоящее возрождение. Под открытым небом нелегко представить себе древние интерьеры, а старые церкви мгновенно даруют вам это впечатление.

Церковь Санта-Мария-ин-Арачели остается моим любимым ранним римским христианским храмом. Она сумрачна, и пространство мозаичного пола огромно. Двадцать две колонны, поддерживающие крышу, собраны из самых разных римских залов и храмов, так что они не одинаковые, а на одной из них видны слова «*cubiculo Augustorum*»,^[30] сообщающие о ее происхождении. Без сомнения, эти колонны были принесены на холм около 590 года, во времена Григория Великого, когда была освящена первая церковь в здешних местах. Пока святой Августин обращал жителей Кента, греческие монахи служили здесь обедню; четыре столетия спустя ее служили бенедиктинцы, но с 1280 года церковь перешла к францисканцам.

Интересно, где здесь сидел Гиббон, потому что именно в этой церкви он понял, в чем заключается дело его жизни. «Это было в Риме, 15 октября 1764 года, — писал он, — я сидел, размышляя, среди руин Капитолия в храме Юпитера, и пока босоногие монахи пели вечерню, мне пришла в голову мысль написать об упадке и разрушении этого города». В то время считали, что церковь Санта-Мария-ин-Арачели стоит на месте храма Юпитера. Гиббон, наверно, был бы приятно удивлен, если бы узнал, что находится на месте храма Юноны и слушает песнопения во славу Девы Марии именно там, где две тысячи лет поклонялись римской царице богов и людей. Я не раз представлял себе его, полного невысокого, возможно, в парике с косичкой, в табачного цвета сюртуке, бриджах до колен и с белоснежными манжетами. Босуэлл считал его «отвратительным, фальшивым, отталкивающим типом», но ведь именно так многие думали и о самом Босуэлле! Гиббону было двадцать семь лет, когда у него родилась мысль о книге, а когда последний том «Истории упадка и разрушения Римской империи» вышел в свет, ему исполнилось пятьдесят. Над последними томами он работал

в Лозанне и описал «последний час перед освобождением от этого бремени». Это был день, а скорее ночь, 27 июня 1787 года, между одиннадцатью и двенадцатью:

Я написал последние строчки последней страницы у себя в саду. Положив перо, я несколько раз прошелся по своей berceau^[31] под акациями, которые наряду с озером и горами образуют здешний пейзаж. Воздух был теплый, небо — чистое, серебряный диск луны отражался в воде, вся природа погрузилась в молчанье. Не стану скрывать, что был рад обретению свободы, а также известности, которая, возможно, должна была за всем этим последовать. Но гордость моя вскоре притихла, и меня охватила грусть: я как будто лишился общества старого испытанного товарища...

Гиббон, подобно Байрону, всего лишь посетил Рим как турист, и, казалось, у него не было желания возвращаться туда, где его впервые посетила мысль, которая заняла собою всю его жизнь и принесла ему долгую славу.

За углом церкви я обнаружил могилу человека, который в 1506 году нашел «Лаокоона» в своем винограднике. Это открытие вызвало такую сенсацию, что, как написано на надгробном памятнике, этот самый Фелис де Фредис имел право на память о себе по двум причинам: благодаря его собственным добродетелям и потому, что нашел «Лаокоона». Нам, видевшим так много репродукций и фотографий, трудно понять ажиотаж, охвативший двор папы Юлия II, когда статую открыли. Она была хорошо известна по описаниям Плиния, но, разумеется, никто ее никогда не видел. Франческо, сын Джулиано де Сангалло, который в то время был ребенком, описывал, как его отец и Микеланджело, взяв его с собой, отправились на место.

Мы пошли втроем, — писал он, — все втроем; меня нес на плечах отец. Когда мы поднялись туда, где лежала статуя, отец воскликнул: «Это „Лаокоон“, о котором пишет

Плиний!» Вход расширили, чтобы можно было вынести скульптуру; и, насладившись ее созерцанием, мы вернулись домой к завтраку.

Должно быть, в Риме Возрождения было немало таких счастливых утренних часов: старый знакомый, известный по ссылкам в классической литературе, вдруг протягивал белую мраморную руку из какого-нибудь виноградаря, и ему помогали выбраться на свет Божий.

Бродя вокруг церкви, я подошел к закрытой двери, перед которой молчаливо ожидали несколько женщин. Вскоре пришел молодой францисканец со связкой ключей, и я последовал за женщинами в часовню. Монах включил электрический свет под стеклянным колпаком над алтарем, и женщины опустились на колени перед розовощекой барочной статуей Младенца Христа около двух футов высотой. Она с головы до пят сверкала драгоценностями. Францисканец стал рассказывать нам об этой самой знаменитой чудотворной статуе в Риме.

«Санто Бамбино» упоминается почти в каждой книге, написанной о Риме, начиная с XVII столетия, и я рассматривал его с большим интересом. Как произведение искусства, он не очень красив. Некоторые говорят, что он вырезан ангелами из древесины оливы Гефсиманского сада; но другие, полагающие, что ангелы-резчики по дереву были бы более искусны, считают, что фигура была изготовлена каким-то монахом в XVII веке.

До совсем недавнего времени князь Торлония день и ночь держал наготове позолоченный экипаж, чтобы возить «Бамбино» к одрам тяжелобольных в Риме, и многие путешественники описывают торжественную процессию, часто следующую к месту назначения в темноте. Так ее запомнил Чарлз Диккенс, который, кстати, заметил, что появление «Бамбино» у постели больного, нервно истощенного пеловека на последнем издыхании, да еще в сопровождении многочисленной свиты, «нередко пугало пациента до смерти».

Сэр Алек Рэнделл, который был секретарем британской дипломатической миссии при Святом Престоле между двумя

войнами, в своей книге «Назначение в Ватикан» описывает, как к нему привезли «Бамбино», когда он серьезно заболел:

В 1927 году я слег с брюшным тифом, — пишет он. — Казалось невероятным, что я выздоровею, и меня причастили. Потом кто-то предложил привезти ко мне знаменитого «Бамбино» из церкви Санта-Мария-ин-Арачели. Мои преданные сиделки, жена и сестра Мэри Кэмптон, «синяя монахиня» (члены английского ордена Общины Святой Марии носили синюю одежду с капюшонами), неуверенно согласились. Отец Филипп (Лэнгдон), ежедневно посещавший меня, предложил свои услуги, чтобы отправиться в машине кардинала за довольно аляповатой, но весьма почитаемой здесь статуей младенца, разумеется, в сопровождении монахов-францисканцев, чьей обязанностью являлось доставлять ее к умирающим. Когда они попробовали пересечь площадь Венеции, их остановил кордон солдат. Тщетно отец Филипп указывал на кардинальский герб и привилегированный номер на автомобиле. Ему отвечали, что никому не разрешено здесь ездить, пока не прибудет дуче и не произнесет свою речь с балкона дворца. Отец Филипп настаивал: он сказал, что едет к умирающему и везет к нему «Бамбино». При этих словах солдаты немедленно отдали честь, пропустили машину, и «Бамбино» вовремя прибыл ко мне, и были прочитаны соответствующие молитвы. Сестра Кэмптон потом довольно мрачно вспоминала, что от всего этого ажиотажа я действительно чуть не умер, но и годы спустя, когда я снова посетил Рим, люди спрашивали меня, не является ли мое выздоровление одним из чудес, совершенных «Бамбино».

Самый разумный комментарий по этому поводу принадлежит профессору Джузеппе Бастианелли, который, будучи консультантом Муссолини, сам вовсе не был

фашистом, но ученым-скептиком старой либеральной традиции. Так вот, он сказал: «В таком случае, как этот, врач не может сделать ничего; сиделки — очень мало; и лишь Бог может подстелить больному соломки».

«Бамбино» — все еще один из самых знаменитых врачей в Риме, он выезжает в больницы, родильные дома, на дом к тяжело больным; но теперь, как сказал мне монах, он путешествует в такси.

— А когда «Бамбино» вывозили в последний раз? — спросил я.

— Вчера, в больницу, поздно ночью, — ответил францисканец.

— И как часто он выезжает?

— Раза два-три в неделю, иногда чаще.

Я подошел поближе к алтарю и увидел корзины, битком набитые сотнями писем из всех уголков мира: из Голландии, Аргентины, Германии, Швеции, Кении (это — от ребенка), из Соединенных Штатов, Англии, Алжира. Это только те марки, которые сразу бросились мне в глаза. На многих письмах вместо адреса стояло: «Бамбино, Рим». Письма идут нескончаемым потоком. Их не распечатывают. В каждом — просьба какого-нибудь человека, которому плохо или больно. Через неделю письма убирают, и их место занимают новые.

— Что вы делаете с этими письмами потом? — спросил я.

— Их сжигают.

— Нераспечатанными?

— Конечно. Они не имеют отношения к нам. То, что там написано, — это между отправителями и Бамбино.

— Кто-нибудь из братьев собирает марки?

Молодой человек улыбнулся.

Я обратил внимание на удивительную коллекцию драгоценностей, сверкающих на статуе. Деревяшка за ними было и не разглядеть. И мне рассказали занятную историю. Около четырех лет назад, когда церковь днем была закрыта, вор, который в ней заранее спрятался, открыл дверь в часовню и снял с «Бамбино» все драгоценности. Потом он снова спрятался, а когда церковь открыли в

четыре часа, спокойно вышел. Такое святотатство ужаснуло Рим; но уже через неделю «Санто Бамбино» был опять весь увешан драгоценностями, которые я и видел сейчас, — бриллиантами, изумрудами, жемчугами, рубинами, сапфирами. Тут были медальоны, ожерелья, серьги, браслеты.

Раз в год Бамбино помещают в великолепный presepio, то есть в ясли, и торжественно проносят по городу, начиная с самых верхних ступенек, чтобы он благословил Рим. В это самое время юные римляне, от четырех до десяти лет от роду, появляются на улицах в своей лучшей одежде, декламируют стихи, произносят речи, которым их научили родители и священники. Мне рассказывали, что большинство из них в ходе этого испытания показывают себя настоящими маленькими Цицеронами, и, должно быть, это очень увлекательно наблюдать.

Не знаю, хорошо ли известно происхождение рождественских «яслей». Все началось со святого Франциска, который попросил у папы Гонория III разрешения отпраздновать Рождество такой необычной церемонией в маленькой деревушке неподалеку от Ассизи. Он объяснил, что вовсе не хотел бы, чтобы его обвинили в легкомыслии и неуместной веселости — потому и просит папу рассудить, не является ли его намерение неподобающим. Когда его святейшество узнал, что единственное желание Франциска — соорудить модель яслей и просвещать непросвещенных, он с Радостью дал свое согласие. Тогда святой Франциск обратился к известному своей строгостью и добродетелями человеку, и вместе они смастерили ясли, вола и осла, а также фигуры Пресвятой Девы и Младенца и выставили их в церкви. Святой Франциск был так доволен своим творением, что, говорят, всю ночь простоял перед ним на коленях и пел от радости и невыразимого счастья.

Не выйдя еще за пределы церкви, в часовне семьи делла Балле я обнаружил одну из самых необычных могил в Риме. Это могила сирийской девушки по имени Джореда Мани, и вот как она оказалась в Риме. В начале XVII века Пьетро

делла Балле, горячий молодой человек, так сильно влюбился в одну девушку, что покинул дом своих родителей и отправился пилигримом на Восток. В Каире, говорят, он взобрался на пирамиду и вырезал на самом верхнем камне имя своей возлюбленной. Но ничто не излечивает старую любовь лучше, чем новая любовь, и очень скоро Пьетро влюбился в красавицу сирийку, при крещении получившую имя Джореда. Они поженились в Багдаде, но после нескольких лет, прожитых в полном счастье, Джореда умерла в Персеполисе. Пьетро обезумел от горя и, подобно Хуане Безумной испанской, никак не мог расстаться с телом любимой. Он продолжал путешествовать, сопровождаемый гробом Джореда. Он побывал в Ширазе, выбрался к побережью, сел на корабль, отправлявшийся в Индию, добрался до Муската, пересек пустыню и посетил Алеппо и Александретту. Спустя пять лет скитаний он вернулся в Италию и поместил тело своей молодой жены в семейный склеп на Капитолийском холме. Однако история на этом не закончилась. Путешествуя, Джореда подружилась с молодой грузинкой с необычным именем — Мария Тинатин де Зибя, которая присоединилась к влюбленной паре в качестве компаньонки жены. В конце концов, удрученный потерей, Пьетро делла Балле женился на компаньонке покойной жены и зажил с ней в семейном палаццо в Риме. У них родилось четырнадцать детей. Итак, это романтическое паломничество за утешением окончилось в цветущем саду детской.

5

После утра, проведенного в окрестностях Аппиевой дороги, я простудился, что весьма обычно после блуждания по катакомбам, купил термометр, и оказалось, что у меня поднялась температура. Мне, наверно, следовало лечь в постель, но я обещал другу прийти на вечерний прием в посольство по случаю отъезда одного дипломата, и я решил, что было бы невежливо отказаться в последний момент. Я

сказал себе, что вечеринка, возможно, вылечит мою простуду и пойдет мне на пользу. И вот, преисполненный энтузиазма, какого я давно уже не испытываю по таким поводам, я взял такси в верхней части Виа Венето и насладился ночным воздухом садов Боргезе, когда машина нырнула в напоенные сосновым запахом сумерки.

Шикарный лифт, урча, добросовестно доставил меня на верхний этаж дома с фешенебельными современными апартаментами. И я погрузился в шум толпы, состоявшей из очаровательных и необычных людей, собравшихся в романтических декорациях. Из сада на крыше открывался прекрасный вид на Рим. Огни столицы сверкали и переливались внизу, а далеко на фоне неба вырисовывалась длинная крыша, и четыре огня обозначали антенны Ватиканского радио. Постукивание ножей и вилок, смех, буфет, набитый всем, чего не следует есть ночью, звон бокалов, группы красиво одетых людей, так живописно разбросанные под звездным небом, — все это наводило на мысли о Лукулле и Петронии Арбитре, и, глядя на потемневший город, я думал, что вот так же, должно быть, гости Цезаря смотрели вниз с Палатина.

Рим дипломатический — один из многих Римов, существующих в Риме. В этом городе вдвое больше дипломатов, чем в любом другом, так как представители множества стран ищут аккредитации как при Святом Престоле, так и в Квиринальском дворце. Что до Ватикана, то он слишком мал, чтобы вместить дипломатический корпус, так что ватиканские дипломаты живут в Риме и, таким образом, количество необходимых им зданий возрастает. Присутствие довольно значительного по численности иностранного населения порождает цепную реакцию; при хрустальных люстрах проводятся вечеринки с коктейлями, приемы, обеды, сменяющие друг друга в продолжение всего сезона. Если бы все дипломатические вечера были так же приятны, как этот, размышлял я, жизнь молодого секретаря посольства или атташе казалась бы просто раем, — этот чудесный, из XVIII века, дух привилегированности и очаровательной обыденности. Я

помню долгий разговор о бордюрах клумб с женой одного посла и о керамике — с торговым представителем одной страны, потом я столкнулся с самым типичным англичанином, какого я когда-либо видел, который в результате оказался испанцем. Я повел знаменитую киноактрису к буфету и заметил, как осторожно она изучала еду, выбирая то, что соответствовало ее диете. В конце концов, очаровательно «сдавшись», она выбрала scampi¹. Потом была баронесса, маленькая решительная женщина, которую вынудило приехать в Рим привидение. Можно представить себе множество поводов для приезда в Рим, но такая причина мне и в голову не пришла бы. Дело в том, что некий дух жил в замке где-то в глубине Италии, кидался в баронессу камнями и кусками штукатурки и сеял хаос в ее доме. Поскольку она была протестанткой, то деревенский священник, веря, что это дух еретика, ничего не мог с ним поделать. И вот она приехала в Рим, чтобы Ватикан рассмотрел ее жалобу.

— И что они говорят?

— Мне повезло, — ответила она. — Мое дело движется! Каждый день я встречаюсь со все более и более важными людьми. Не сегодня-завтра меня примет кардинал. Если сумею убедить их, что это привидение на самом деле монах, так как в моем замке когда-то был монастырь, тогда им придется прислать кого-нибудь, чтобы изгнать духа.

— А если вам не удастся их убедить?

— Тогда я останусь здесь, пока меня не допустят к самому папе римскому.

Интересно, много ли подобных посетителей приходится принимать Ватикану? Одного взгляда на баронессу достаточно, чтобы увериться, что она ни за что не покинет Рим, пока Ватикан не пообещает как следует позвонить в колокола, прочитать молитвы и зажечь кучу свечей, чтобы изгнать ее привидение.

Часы пробили двенадцать, когда я оказался на длинной пустой улице. Такси не было, и я пошел пешком. Голова болела, сердце бешено колотилось. Веселое легкое настроение сменилось нехорошими предчувствиями и

тревогой. Я стоял рядом с огромным барочным входом в Рим — у ворот Порты дель Пополо, через которые экипажи предыдущих столетий въезжали в Вечный город. Пройдя под аркой, я увидел громадную пустую площадь, освещенную фонарями, с обелиском в центре и четырьмя львами, по одному в каждом углу. Из их пастей вода низвергалась в мраморные чаши. Ночь казалась мне душной, как будто воздуха совсем не стало. Я подошел к одному из львов и опустил руку в чашу с водой. Вода оказалась ледяной. В отличие от большинства римских львов, которые с важностью низвергают в свои чаши потоки воды, эти львы на Пьяцца дель Пополо цедят сквозь зубы нечто веерообразное, подобное изогнутой тонкой стеклянной пластинке. Продолжая двигаться вверх по Корсо, я понял, что мне предстоит то, что всегда ужасало меня, — заболеть в чужом городе, переживать недуг не в своей собственной постели.

Утром смуглый доктор сказал, что пришлет ко мне медсестру — сделать укол. Много позже дверь открылась, и на пороге появилась невероятно толстая женщина, итальянская миссис Гэмп. Она немного постояла, тяжело дыша и близоруко осматриваясь в комнате, видимо, сиюсь разглядеть жертву. Я замороженно смотрел, как она села у окна, набрала шприц, который держала в двух дюймах от невероятно толстых линз своих очков. Увлекательно было наблюдать за человеком, который занимался алхимией, располагая столь современным оборудованием. На следующий день она сделала мне еще два укола, а на третий день меня еще раз посетил молодой доктор, сказал, что я выздоровел, и предъявил счет за лечение. Потом медсестра предъявила свой счет, потом аптекарь — за пенициллин. Катакомбная простуда обошлась мне в двадцать одну тысячу лир, что составляет более двенадцати фунтов. Довольно дорого быть здоровым в Риме, но болеть здесь — это уже роскошь.

В верхней части Виа Витториа Венето тротуары по обеим сторонам улицы затеняет огромное количество красных и голубых зонтиков. Это американская часть Рима, как площадь Испании была английской сотню лет тому назад. Здесь все немного богаче и немного дороже, чем в других местах — мы в долларовой зоне. Здесь можно посмотреть на «аристократию» нового времени, на кинозвезд и целлулоидных цезарей и на всех тех, чьи имена и фамилии ужасающим крещендо наползают на вас, когда показывают титры перед фильмом.

Долгие и весьма достойные связи Америки с Римом, судя по всему, начались, когда молодой Бенджамин Уэст прибыл сюда в 1760 году из Пенсильвании изучать искусствоведение к полному восторгу Рима, который обрадовался столь новому и необычному посетителю. Престарелый и совершенно слепой кардинал Альбани, чьи представления об Америке, вероятно, ограничивались неграми и хлопком, с интересом спросил людей, познакомивших его с американцем, белый он или черный. Когда ему сказали, что он очень светлый, старый кардинал, чей цвет лица явно выдавал в нем южанина, спросил: «Как! Еще светлее меня?» — слова, которые облетели весь Рим; «Светлее самого кардинала» — вошло в поговорку. Рим стал привлекательным для американцев лишь в середине XIX столетия, когда утвердилось американская традиция городской скульптуры. Наличие неограниченного количества мрамора, а также сословия каменщиков, обладающего наследственными навыками, превратило Рим в международную столицу скульптуров.

Джон Гибсон, сын торговца овощами и ученик Кановы, представлял в этом племени Англию. Среди его работ — статуя королевы Виктории, сидящей на троне между Правосудием и Милосердием в Палате лордов, а в здании Берлингтон Хаус есть галерея Гибсона. Он был непрактичный, рассеянный человек: ему неоднократно случалось отправить письмо, не надписав адрес на конверте, заблудиться, сойти не на той остановке. Он попросил у герцога Девонширского 500 фунтов на «Марса и

Купидона», который сейчас находится в Чатсворде, хотя в действительности эта скульптура обошлась ему в 520 фунтов. «У себя в студии он бог, но помощи ему Боже, когда он выходит за ее пределы!» — сказал как-то один из его американских учеников. Он подкрашивал свои скульптуры, как полагают некоторые — «табачным соком», а его в высшей степени реалистичные Венеры шокировали жителей Новой Англии и среди прочих — Натаниэля Готорна. Одна из богинь известна непочтительным ценителям искусства как «миссис Гибсон».

Датский скульптор Торвальдсен, которому принадлежит проект гробницы Пия VII в соборе Святого Петра и чьи колоссальные фигуры Христа и двенадцати апостолов находятся в копенгагенском соборе Богоматери, был идолом скандинавов. Потом хлынула волна американцев, как мужчин, так и женщин. Среди них были некто со странным именем Мозес Езекииль, имевший студию в Термах Диоклетиана, где стояло фортепьяно, на котором часто играл Лист; и Уильям Уитмор Стори, помогавший Браунингу заботиться о Уолтере Сэвидже Лэндоре после того, как семья выгнала несчастного восьмидесятилетнего старика на улицу; Сэмюел Морзе, тот самый, что изобрел азбуку Морзе; и Гарриэт Хосмер, самая выдающаяся женщина среди американских скульпторов, обосновавшихся в Риме, — из всех, кого Генри Джеймс назвал «беломраморной стаей».

Американская девушка 1850-х — это была та еще штучка, и она интересовала римлян ничуть не меньше, чем теперешние американки с конскими хвостиками на голове.

Хэтти (Гарриэт Хосмер) здесь, в Риме, времени не теряет, — писал Стори Джеймсу Расселу Лоуэллу в 1853 году, — и покажет римлянам, что девица-янки может делать все, что пожелает: ходить одна, ездить верхом, плевать на все их правила. Правда, вмешалась полиция и запретила верховую езду под тем предлогом, что она нарушает порядок на улицах.

Все это были приятели и друзья Натаниэля Готорна в римский период его жизни, и их студии, увиденные сквозь романтическую дымку, можно обнаружить в его до сих пор

очаровательном, хотя и неправдоподобном романе «Мраморный фавн». В этой книге он следовал известному рецепту, впервые изобретенному мадам де Сталь в «Коринне», а потом использованному Гансом Христианом Андерсеном, который написал книгу о путешествии в форме романа. Наши предки брали с собой в Рим «Мраморного фавна» и с важностью обходили окрестности, узнавая места, куда Готорн поместил своих персонажей, так же, как раньше они посещали улицы и площади, известные тем, что там грустили Коринна и Освальд. Как чудесно сознать, что эта магия все еще действует и даже была использована в фильме «Три монеты в фонтане».

Самым интересным из американских скульпторов был Уильям Стори, который с семьей и детьми обосновался в Риме и умер в Италии. Стори и Браунинги были неразлучны, пока смерть Элизабет Браунинг не заставила поэта вернуться назад в Англию. Под руководством Стори Браунинг начал лепить из глины, а Стори взялся за перо, и с удивительным успехом: его книга «Материя Рима» («Roba di Roma») — увлекательный рассказ о жителях этого города в последний период папского Рима. Стори довольно пренебрежительно описал тогдашнее американское высшее общество: «Низкие люди, снедаемые завистью, погрязшие в интригах и сплетнях», что же до американского посольства, то он назвал его «оскалом дипломатических кругов». Но международная художественная среда, в которой вращались они с женой, если верить ему, жила как в прекрасной Аркадии и была совершенно счастлива, просиживая за разговорами в «Кафе Греко», снимая за бесценок апартаменты во дворцах и выбирая себе натурщиков из толпы итальянцев, одетых в национальные костюмы разных областей, которые целыми днями принимали живописные позы на Испанской лестнице. Это был такой джентльменский и преимущественно англосаксонский Монмартр; при этом у всякого здесь хватило бы денег, чтобы летом уехать из Рима в горы.

Среди допущенных в дружественный американский круг, описанный Стори, был Ганс Христиан Андерсен,

который, что, возможно, не всем известно, начал свой путь к славе именно в Риме. В первый раз он приехал сюда в 1834 году бедным молодым человеком по довольно скудной государственной стипендии, в самом скверном расположении духа, будучи не в ладах с жизнью. Как и всякого приезжего протестанта, Рим привел его в восхищение и в то же время смутно встревожил. Он опасался монахов, подозрительно относился к монахиням, а братство иезуитов казалось ему сатанинским. Есть свидетельства, что когда во время торжественной церемонии в соборе Святого Петра тысячи собравшихся опустились на колени при появлении папы, одинокий прямой Ганс Христиан Андерсен напоминал стойкого оловянного солдата.

Однако он впитал атмосферу Рима и уже дома написал роман «Импровизатор», который и сейчас можно читать. Во всяком случае это книга гораздо менее манерная, чем «Мраморный фавн». Она сразу же стала пользоваться большим успехом в Дании, выдержала несколько изданий и была переведена на другие языки; так Ганс Христиан Андерсен впервые вкусил успеха. Он вернулся в Рим позже, выдающимся писателем, но, кажется, весьма неудачно провел здесь время. Была зима, и он заболел. По городу гуляла инфекция, а он был опечален, как, впрочем, и весь Рим, трагическим концом двадцатидвухлетней принцессы Гвендолен Боргезе, дочери шестнадцатого графа Шрусбери, которая скоростижно умерла от скарлатины и которую проводили в последний путь ее малолетние дети. Бедный Андерсен встретил Рождество один в своем жилище, его праздничный ужин состоял из винограда, правда, биограф не указывает, где он раздобыл виноград в декабре.

Примерно в это же время он посетил детский праздник, который устроили Уильям Стори и его жена. Браунинг тоже присутствовал. Ганс Христиан Андерсен прочитал детям «Гадкого утенка», а Браунинг — «Лошадку в яблоках», они со смехом промаршировали по апартаментам Стори, которые в то время представляли собой череду пустых комнат на втором этаже палаццо Барберини. Генри Джеймс,

издавший письма Стори, говорит, что Андерсену дети часто дарили увечных деревянных солдатиков, сломанных кукол и другие сокровища, и этих реликвий он никогда не выбрасывал, а носил их с собой в сумке. Можно себе представить, какие лица были у таможенников, когда этот меланхолический датчанин предъявлял для досмотра свой багаж!

Браунинг рассказал Стори странную историю о Теннисоне. Прибыв во Флоренцию по пути в Рим, Теннисон, который очень много курил, так расстроился, не сумев достать табака определенного сорта, что отказался от поездки в Рим и вернулся в Англию.

Именно в Риме Теккерей начал рисовать забавные маленькие картинки для знакомых детей, в том числе для Эдит Стори. Из этих-то картинок потом получилась «Роза и кольцо». Какие это были восхитительные дни в палаццо Барберини, когда Эдит выздоравливала после болезни, и приехал Теккерей, и сидел у ее постели, и показывал ей картинки, рассказывая еще не написанную историю!

Чуть позже из Америки приехал Мэрион Кроуфорд, сын Томаса Кроуфорда, скульптора, ученика Торвальдсена. Отца помнят по огромному количеству статуй и бюстов, в том числе конной статуе Вашингтона в Ричмонде, Вирджиния, и колоссальной статуе Свободы в Вашингтоне; а сын известен не меньшим количеством популярных романов, в которых действие развивается на фоне Италии вообще и Рима в частности, из которых больше других известен, вероятно, «Роман папиросницы».

Сидя сейчас на Виа Венето среди киноактеров и киноактрис, магнатов, чиновников Организации экономического сотрудничества, сенаторов и конгрессменов, работников информационной службы Соединенных Штатов, сотрудников Торговой палаты США и других организаций, видя на углу дворец, в котором размещается американское посольство, и повсюду натываясь на газетные киоски с американскими газетами и журналами, поневоле задумываешься: интересно, что бы из всего этого сделали Стори и Готорн. Большая часть

современного Рима удивила бы их, но, думаю, более всего — часть города, простирающаяся у ворот Пинчьо, которую их соотечественники полностью присвоили. У этого места свой, ярко выраженный характер, который распространяется и на боковые улицы, где вы найдете американские закусочные и американские рестораны, специализирующиеся на сэндвичах, цыплятах по-мерилендски, яблочном пироге, консервированных персиках, гамбургерах и кофе американо. Эти ненавистники колониализма создали, по сути дела, чистой воды колонию, где чувствуют себя как дома и где они всегда могут укрыться, как в крепости, после набегов на чужие земли! В американизме этой части Рима есть что-то захватывающее, в своем роде имперское. *Civis Americanus sum...* [\[32\]](#)

Я часто думал, сидя под синим зонтиком на Виа Вене-то, сколько же на самом деле ликов у Рима. Есть Рим церковный, Рим дипломатический, Рим археологический, Рим художников, Рим деловых людей, Рим туристов; и повседневный Рим, в котором большинство людей зарабатывают себе на жизнь. Даже Рим приезжего распадается на разные города. Например, я встретил человека, который писал трактат о *terra sigillata* [\[33\]](#) I века, и все, что происходило до Августа или после Траяна, для него просто не существовало. Я подумал, что ему можно только позавидовать — он четко и аккуратно выделил для себя свой сектор Рима. Еще я встречал пожилого американского священника, методично исполняющего задачу своей жизни — обойти все церкви Рима; каждое утро он вставал и, взяв с собой свое удостоверение священника и свой «список достопримечательностей», шел служить мессу в очередную церковь.

Еще был у меня знакомый архитектор, для которого Рим представлял собой всего лишь серию возвышенностей, дверных и оконных проемов. Как же жаль несчастного, сбитого с толку туриста, который, оказавшись втянутым в этот водоворот истории на два-три дня, должен освоить за это время события нескольких тысяч лет!

Иногда, ближе к вечеру, в конце жаркого дня, мне казалось, что я ощущаю в Риме запах моря. Это был даже не ветерок — скорее нежная свежесть, она как будто накрывала город. Это называется *ponentino* — небольшой западный ветерок — не путать с настоящим западным ветром — *poniente*. В такие дни я часто гулял по садам Боргезе и наблюдал закат с холма Пинчьо.

Сады Боргезе живут собственной приятной и размеренной жизнью, главные роли в этом спектакле принадлежат детям, собакам и влюбленным. Всякий раз, приходя сюда, я встречался с одним и тем же человеком с собакой и красным резиновым мячиком; с теми же монахинями, выводящими на прогулку крошечных девочек, построенных парами, в розовых платьицах; а иногда и с теми же самыми влюбленными, сидящими на траве или поедающими мороженое под пиниями. По субботам, днем, у озера разыгрывали представление Панч и Джуди, и как забавно было смотреть на запрокинутые детские мордашки. По воскресеньям молодые люди усаживали своих девушек в лодки и гребли в направлении храма Асклепия.

Мне нравилось бродить по одиноким лощинам среди кустарника. И я думал: как же печальны эти места, таинственны, волшебны — впрочем, как и все в Риме, населенном призраками. Сады опоясаны рядами пиний, вызывающих в памяти симфоническую поэму Респиги, в них есть Целые «улицы» атласных магнолий, высоких, словно дубы; и сумрачные лавры, и падубы. Итальянский обычай поставить статую или бюст в каком-нибудь пустынном месте придает таким старым садам пугающую языческую значительность. Робкий христианин может здесь испытать внезапное желание осенить себя крестным знаменем, потому что уши его уже готовы услышать странную музыку, а глаза подозрительно вглядываются в темные кусты, ожидая, что из них появится одинокий, полузабытый божок.

Вы переходите из дикости и заброшенности садов Боргезе к упорядоченности примыкающих к ним садов на

холме Пинчьо: геометрически правильно расположенные клумбы, дорожки, аллеи, знаменитые римляне (Наполеон-то, конечно, — чужой!) на мраморных постаментах. Римский нос всегда был отличной мишенью, и если вы однажды заметите, что у Агриппы или Вергилия носа не хватает, то всего лишь через день-другой с удовлетворением обнаружите, что недостающий орган быстро приставлен департаментом градостроительства, привычным к такого рода пластическим операциям и располагающим широким выбором носов для подобных случаев. И еще я хотел бы предупредить всякого, кто достаточно богат, чтобы купить бюст или статую у торговцев с Виа дель Бабуино: лишь одна из сотни античных статуй дошла до нас с неповрежденным носом. «Пятьсот-шестьсот голов, откопанных на моей памяти, — писал Ланчиани, — все, за исключением дюжины или двух, без носов».

Никто в Риме вам ничего не расскажет: предполагается, что вы либо все уже знаете, либо достаточно умны, чтобы узнать все самим. Это в первую очередь относится к необъяснимому и причудливому расписанию работы музеев, галерей и других общественных мест. Итак, если вы приложите некоторые усилия, чтобы узнать, почему же Наполеон помещен среди знаменитых римлян, что поначалу кажется столь странным, то вам откроется, что он здесь находится по праву — поскольку именно его архитектор, Валадье, перепроектировал Пьяцца дель Пополо. Ему же принадлежит проект садов Пинчьо.

Стена, окружающая Рим, которая поставлена под довольно странным углом, чтобы заключить внутрь холм Пинчьо, в этом месте носит название Muro Torto.^[34] Это единственный отрезок стены, который не ремонтировался и не укреплялся Велизарием, так как жители убедили его, что сам святой Петр присматривает за этим участком; и действительно, с этой стороны варвары никогда не нападали. Перед тем как дойти до знаменитой террасы, я, бывало, подходил к воротам сада виллы Медичи, чтобы полюбоваться сквозь железные прутья решетки, как здание XVI столетия спокойно дремлет среди цветочных клумб,

кипарисов и длинных, посыпанных гравием дорожек, по которым, кажется, в любой момент может пройти кардинал, занятый беседой с Веласкесом. Художник, как известно, жил некоторое время на вилле и писал этот сад. Но никогда я не заставлял там ни малейшего движения. Разве что ленивая бабочка порхала по кустам или птицы, которых в Риме не часто увидишь.

Итак, я доходил до террасы, с которой любому туристу в Риме случалось наблюдать закат за собором Святого Петра. Внизу лежала Пьяцца дель Пополо, по бледным камням которой сновали туда-сюда люди; автомобили въезжали через Порта дель Пополо — бывшие некогда въездом в Рим для экипажей. В центре площади, старой и безразличной ко всему, такой старой, что ничто больше не имеет для нее значения, стоял обелиск, который был древним уже тогда, когда Август привез его из Египта и поместил в тени Палатина, в *Circus Maximus*. Все колесницы проезжали мимо этого обелиска, поскольку он находится в центральной части дистанции; и вот теперь он продолжает взирать на римлян, все еще спешащих, все еще старающихся перегнать друг друга.

На площади три церкви, все они посвящены Святой Деве, и самая интересная из них — слева от меня, укрытая деревьями террасы. Это Санта-Мария-дель-Пополо, прямо за воротами. Церковь была построена в XII веке, чтобы изгнать отсюда дух Нерона, который, как рассказывали, имел обыкновение бродить по склонам холма Пинчьо и сидеть в обществе зловещих ворон под старыми орешнями. Когда расчистили участок, папа Пасхалий II срубил эти деревья своими собственными руками. Первоначальная церковь не сохранилась, но теперешняя до сих пор скрывает место бывшей гробницы Домициев, где пепел Нерона хранился вместе с пеплом двух его старых нянь и его возлюбленной Акты.

Я бросил взгляд на эту великолепную панораму, а затем дальше, на крыши Рима, на купол собора Святого Петра, теперь охраняемый четырьмя антеннами Радио Ватикана. Это — один из самых прекрасных видов в мире, и когда я

стоял в лучах заходящего солнца, весь пейзаж, с куполом в центре, с усыпальницей Адриана, Святым Ангелом на ее крыше и длинной, темной грядой Яникула слева, — весь пейзаж приобрел изысканную цветовую гамму, которая является не последним достоинством Рима. Это даже не закат, летом это какое-то остаточное свечение, которое так чудесно выглядит с Пинчьо. Солнце село. Золотистый свет, который, казалось, все еще поднимался от него, разлился по городу. Очертания купола резче вырисовывались теперь на фоне неба, где розовый цвет постепенно сместился к западу и поднялся вверх, чтобы смешаться с оставшейся густой синевой летнего итальянского дня. Этот насыщенный цвет, цвет, воспетый самим Гомером; цвет, которому должны сопутствовать пыль из-под копыт скачущих галопом лошадей и несущихся вперед колесниц; эпический цвет становился все более глубоким и темным по мере того, как небо догорало. Наконец восток окрасился красным, даже скорее ржавым, — обещание, что завтра будет такой же безоблачный день, какой только что закончился.

Это тот самый миг, когда наступает ночь. Улицы странно освещены в сумерках, они подсвечены розовым, потому что мягкий вулканический туф пропитался за день солнцем и сохранит его до утра. Стены домов приобретают оттенки шафрана, розы, персика, тротуары мягко лучатся, как будто лава помнит доисторические пожары. Купол Святого Петра — на том берегу Тибра, на фоне последних красных полос на небе — теперь черный. Колесница солнца умчалась, пыль от ее колес улеглась; и над Римом зажглись первые звезды. Это очень трогательный момент. Сначала один, потом другой — никогда не угадаешь, где это началось, — колокола Рима звонят «Ангелус» — Ave Maria, — и еще один день жизни прошел. Теперь темнота, а потом — завтра.

Мне всегда нравилось возвращаться домой прохладной ночью. Пинии стояли в ореоле отраженного света, тропинки

сбегались в полосу полной темноты, окаймленную огнями Рима. Таинственные даже при свете дня, ночью сады Пинчьо и сады Боргезе приобретают мистическое очарование. В этой части Рима ничего не строили с древних времен; здесь был удивительный дворец Лукулла, здесь он разбил волшебные сады и давал свои знаменитые пиры, которые со временем принесли ему большую славу, чем победа над Митридатом.

Самым быстрым способом разбогатеть в имперские времена было сделаться губернатором какой-нибудь провинции; и частенько те, что похитрее, доили Империю, а потом, подобно Лукуллу, разбогатев в Азии, возвращались в Рим, чтобы вести здесь роскошную жизнь и поражать современников своей экстравагантностью. Сады Лукулла раскинулись на вершине холма Пинчьо, но сам дворец, с его портиками, библиотекой, залами для пиров, распространился на южный склон, туда, где сейчас Испанская лестница. Плутарх пишет, что однажды, когда Помпей был болен, врач прописал ему блюдо жареных дроздов — в Риме это до сих пор деликатес! — которых можно было раздобыть в это время года разве что у Лукулла, на холме Пинчьо. Лукулл первым ввез вишни из Азии в Италию, а потом и в Западную Европу. Плутарх также рассказывает историю о Цицероне и Помпее: как они, случайно встретив Лукулла на Форуме, решили выяснить, правда ли, что знаменитый эпикуреец почти ничего не ест, когда обедает один. Так как близилось время обеда, а Лукулл в тот день не устраивал пира, они спросили, не могут ли отобедать у него сегодня. Он смутился и предложил перенести обед на завтра, на что они не согласились. Тогда он послал сообщить своему управляющему, что намерен отобедать в зале Аполлона; и когда все трое прибыли, для них был готов умопомрачительный пир, один из тех, которыми славился хозяин дома. Оказалось, что каждой комнате во дворце соответствовал свой уровень, свой размах развлечений, свое меню, и управляющему достаточно было знать название

комнаты, где собирался обедать хозяин, чтобы устроить подобающий прием.

Но вовсе не призрак Лукулла блуждает по ночам в садах на холме Пинчьо. Лукулл мирно покоится под грудой соловьиных язычков. Нет, здесь обитает призрак Мессалины, убитой в залах дворца. Эта потрясающая женщина присвоила сады через столетие после смерти Лукулла, отняв их у своего врага, Валерия Азиата. Затравив этого жестокого человека до смерти, она завладела его имуществом, и сады особенно пришлись ей по душе. Здесь она и укрылась, когда любящий супруг, престарелый Клавдий, человек, который, разумеется, последним в Риме узнавал о ее эскападах, в конце концов разгневался на нее. Мы никогда не узнаем, была ли Мессалина так ужасна, как ее описывают. Возможно, Агриппина, которая утвердилась в императорском дворце после нее, способствовала распространению о ней дурных слухов. Мессалине было всего двадцать шесть, когда она умерла, — слишком мало, чтобы успеть совершить все те безобразия, которые ей вменяют в вину. Однако в ту ночь, когда бедному Клавдию сказали, что она еще хуже, чем его бывшие жены, Мессалина, поняв, что все-таки навлекла на себя гнев этого слабого человека, бежала в сады Лукулла, надеясь переждать там бурю. Возможно, задуманное ей бы удалось, если бы вольноотпущенник Нарцисс очень скоро не рассказал, где ее искать. Трибун с отрядом гвардии тут же отправился в сады, имея приказ умертвить императрицу. Ее нашли там, где искали. Она сидела на полу дворца и рыдала в объятьях своей матери, которая держалась в тени все годы процветания и величия дочери, а теперь бросилась к ней, чтобы утешить ее в несчастье. Когда женщины поняли, что ворота открыты, и услышали шаги солдат, Лепида попробовала убедить дочь оставить этот мир, как подобает римлянке, то есть самой лишиться себя жизни. Трибун и его солдаты вошли в комнату. Мессалине вручили кинжал. Она приставила его к горлу, потом к груди, но у нее так и не хватило мужества. Тогда трибун вынул из ножен свой меч и зарубил ее одним ударом.

Чуть позже император, не заметив императрицы за пиршественным столом, поинтересовался, где она.

9

Напрягая каждый мускул, чтобы не обнять монахиню или не наступить на босую ногу францисканца, висишь в набитом битком зеленом римском автобусе, теоретически — держась за поручень, а на самом деле — уцепившись за что угодно или за кого угодно, лишь бы удержать равновесие. На первый взгляд нет ничего более неприступного на свете, чем общественный транспорт в Риме. Так как большинство римлян проводит жизнь, спеша утром на работу, днем — домой, на обед, после сиесты — обратно на работу и, наконец, вечером, после работы, домой, то существуют четыре «часа пик», когда на автобусных остановках образуются не то что очереди — толпы. Если бы ожидающим автобуса раздали мечи и щиты, то в момент прибытия автобуса можно было бы наблюдать великолепные батальные сцены.

Однако тому, кто собирается провести в Риме больше нескольких дней, следует приноровиться к этой восхитительной системе передвижения, к транспорту, готовому доставить его в любой уголок города за значительно меньшие деньги, чем плата в такси. Автобусы действительно самый дешевый вид транспорта в Риме. Говорю вам, стоит освоить его, даже не столько из практических соображений, сколько ради того ощущения триумфа, которое дает новый обретенный навык. Муниципалитету следовало бы награждать какой-нибудь ленточкой или медалью тех приезжих, кто преуспел в «технике езды автобусом». Это было бы что-то вроде первого шага на пути к почетному гражданству.

Когда римский автобус останавливается, он шипит, словно разъяренный дракон, и передние дверцы распахиваются, на первый взгляд без всякого участия человека. На самом деле они под контролем водителя.

Неискушенный приезжий, выждав, когда взъерошенные после предпосадочной битвы пассажиры как-то разместятся внутри, думает, что ему надо в эти двери. Как только он пробует войти, они злобно захлопываются у него перед носом, оставив его на тротуаре под сочувствующими взглядами темных глаз, следящих за ним из салона, пока автобус не тронется и не пропадет вдаль. Вероятно, еще ни одному герою не удалось проникнуть внутрь через переднюю дверь, и сделать это — значило бы грубо нарушить принципы езды в автобусе. Узкая задняя дверь, которая на практике является единственным входом, охраняется официальным лицом, заслуживающим гораздо более значительного звания, чем «кондуктор». Он — император автобуса. Он сидит на своем маленьком троне и продает билеты, не устывая при этом отдавать распоряжения стиснутым и задыхающимся людям в переполненном салоне призывая их «проходить вперед». Измученный, как после битвы, вы вручаете ему бумажку в пятьдесят лир и получаете взамен билет и полную горсть мелких монет, которых вам хватит на то, чтобы обеспечить себе на несколько ближайших столетий возможность возвращаться в этот город. Затем вы продолжаете борьбу, предпринимая решительные попытки пробраться в переднюю часть автобуса. Если вам это не удастся, вам суждено проехать на милю или две дальше, чем вы намеревались. Разумеется, новичок не знает, где ему выходить, и когда вдруг понимает, что сейчас будет его остановка, оказывается, что от выхода его отделяют двадцать плотно притиснутых друг к другу римлян. Следовательно, основная стратегия пассажира автобуса — начинать пробираться к выходу в тот самый миг, как вошел, с тем чтобы потом, за считанные секунды, при помощи *scusi*^[35] или *permesso*^[36] и нескольких легких пинков и толчков, успеть добраться до дверей раньше, чем они с шипением захлопнутся. Страхи некоторых новичков — оказаться в дверях как раз в тот момент, когда они захлопываются, и проехать в таком смешном положении до

следующей fermata,^[37] совершенно беспочвенны — у водителей начисто отсутствует чувство юмора.

Пассажиры автобусов — прекрасный срез римского населения. Ни в одном другом городе вы не сможете оказаться среди священников, монахинь, францисканцев, семинаристов и представителей других, самых разнообразных групп итальянского населения. Эти фыркающие зеленые драконы — такая же примета Рима, как красные двухэтажные автобусы в Лондоне.

Глава третья. По Виа Сакра в Древний Рим

Билет на Форум. — Римская тога. — Сенат. — Весталки. — Где был убит Цезарь. — Клеопатра в Риме.

1

Я купил билет на Форум и пошел по длинному пешеходному переходу (пандусу) к мостовым Древнего Рима. В пятидесяти футах надо мной была стена, опершись на которую люди простаивали целые дни, всматриваясь в руины, как будто надеясь, что что-нибудь произойдет; но здесь никогда ничего не происходит — разве что кошка погоняет мышь по площади, которая некогда была центром мира.

По пути я думал не о Ромуле и Реме, не о Цезаре и Августе, а о простых римлянах и о том, как они живут. И еще я подумал о тоге. Никакую более позднюю одежду нельзя поставить на одну доску с тогой. Она не сравнима с цилиндрами и утренними туалетами респектабельной викторианской эпохи. Ведь тога была национальной одеждой, а не одеждой определенного класса. Древний римлянин, увидев человека в тоге, знал, что это должным образом одетый гражданин Рима, рожденный свободным римлянин, находящийся под защитой римских законов; его нельзя распять на кресте, выпороть плетью и еще как-нибудь унижить или обидеть. Святому Павлу было позволено носить тогу, а святому Петру — нет. Принадлежавшие к какому-нибудь малочисленному народу, возможно, смотрели на одетого в тогу с уважением и завистью, как на человека правящей расы. Для жителя провинции человек в тоге был представителем официальной власти — губернатор, градоначальник. Если иностранец или раб позволял себе облачиться в тогу, его могли предать суду, и один такой

случай был в правление императора Клавдия, который и председательствовал на этом разбирательстве.

Столь серьезный и упорядоченный подход к жизни — *gravitas*,^[38] отличавшая древних римлян, не могли бы найти себе лучшего одеяния, чем тога. Рассказывают, что Цинциннат пахал в своем имении в *Ager Vaticanus*,^[39] когда прибыли посланцы из Сената, чтобы сообщить ему, что он избран диктатором. Увидев их издали, он послал жену поскорее принести ему тогу, дабы встретить их в подобающем виде. Это был поступок настоящего римлянина. Рассказывают также, что однажды раздражение императора Августа вызвала группа неподобающе одетых граждан, после чего он издал закон: впредь всем приходящим на Форум или присутствующим при играх носить тогу. В вопросах одежды императоры были так же щепетильны, как военное ведомство во времена начищенных медных пуговиц, и один за другим издавали эдикты об обязательности ношения тоги. Она в высшей степени красива и величественна, и все модники и щеголи, не говоря уже о государственных мужах и законниках, проводили в своих тогах по много часов. Римским эквивалентом отпаривания брюк было распределение специальных «лубков», в которые на ночь зажимали складки тоги.

Великий адвокат Гортензий тратил много времени на одевание перед зеркалом и однажды послал письменный протест своему другу, который, толкнув его случайно, нарушил расположение складок на его тоге. Он особым образом закладывал *umbo*, складку поперек груди, и, приходя на Форум, имел такой величественный вид, что трагики, Эзоп и Росций, часто следовали за ним по пятам, изучая его платье и манеру держаться. Очень длинные тоги, введенные в обиход некоторыми модниками — император Калигула однажды наступил ногой на край своей тоги и упал — осуждались моралистами; и, сочетая *gravitas* и *simplicitas*^[40] Август предпочитал простую тогу, сотканную дома его женой, Ливией, и ее служанками. Это была, безусловно, очень умеренная по длине тога — Август

считал, что он достаточно велик, чтобы не следовать моде, — и все же достаточной длины, чтобы скрыть сандалии на толстой подошве: рост Августа составлял всего-навсего пять футов и семь дюймов.

Существовало несколько видов тоги. Самой роскошной была *toga picta* — пурпурная мантия, в которую закутывали статую Юпитера. Первоначально победоносному военачальнику, празднующему свой триумф, было позволено надевать *toga picta*; это право предоставили Юлию Цезарю, первому римлянину, который мог облачаться в пурпурную одежду, когда захочет. Начиная с Августа, все императоры обладали этой привилегией, но лишь по государственным поводам. Шестьсот сенаторов носили *toga praetexta*, представлявшую собой обыкновенную белую шерстяную тогу, обшитую пурпурной лентой или каймой, ее надевали по официальным случаям, с кожаными сандалиями фасона, какого никто, кроме римлян, не носил. Была еще *trabea* — тога с красной каймой, которую носили некоторые жрецы и авгуры и, возможно, всадники. И наконец, обычная белая тога для простых граждан.

Несмотря на значимость, которую ношение тоги сообщало надевавшему ее, она не была популярна, римляне всячески старались избегать надевать ее. Носить ее было тяжело и неудобно, потому что в ней нельзя было делать ничего, кроме как медленно прохаживаться или произносить речи; кроме того, она была дорогая, и ее то и дело приходилось отправлять к валяльщикам для отбеливания. Как Ювенал, так и Марциал вечно ворчали о необходимости надевать тогу, появляясь в приличном римском обществе. Оба они предпочитали это сковывающее движения одеяние свободе и удобству простой деревенской одежды. Даже такой городской человек, как Плиний Младший, на своей загородной вилле ввел привлекавшее туда гостей правило: можно не носить тоги. Примерно так во времена Диккенса какой-нибудь клерк мог ненавидеть свой цилиндр, этот крайне неудобный головной убор, который приходилось то и дело отдавать в глажку

цирюльнику, пока шляпа не начинала выглядеть, как бездомная кошка.

Из описания многократно выстиранной тоги, которое оставил нам Марциал, ясно, что эта одежда не слишком хорошо выдерживала чистку, и, без сомнения, когда император устраивал гладиаторские бои, то, по крайней мере, верхние ряды, где сидела публика попроще, представляли собой великолепную выставку старых, потертых тог.

Обо всем этом я думал, бродя по Римскому форуму солнечным летним утром. Каково было бы вдруг оказаться в имперском Риме, и чтобы вокруг тебя кипела обычная жизнь Форума. Как интересно было бы наблюдать сотни людей в тогах. Я узнал бы по красным сандалиям сенатора, спешащего в Сенат; по одеянию с красной полосой определил бы авгура, идущего кормить священных кур; заметил бы щеголя в дорогой тоге; и простого горожанина в поношенной — должно быть, оба явились сюда свидетельствовать по какому-нибудь делу. И, без сомнения, профессиональное чутье свело бы меня с писателем, с кем-нибудь вроде Марциала. Он, одетый в прекрасную, но далеко не новую тогу, пробирался бы сквозь толпу, направляясь к своему издателю, в Аргилет.^[41] Как интересно было бы встретить человека, по-настоящему гордого своей тогой, например какого-нибудь британского князька, приехавшего в Рим и получившего гражданство по политическим соображениям, или смуглого, горячего и честолюбивого кельта из далекого Лондиниума за Темзой. Такой наверняка заказал бы себе тогу на Сэвил-роу, и каждая складка и морщинка на ней подчеркивали бы достоинство ее владельца, желающего выглядеть более римлянином, чем сами римляне.

Проходя по Виа Сакра (Священной дороге), я улыбнулся про себя: только благодаря нашим ассоциациям Форум вообще может быть интересен. Это кладбище, где похоронено сердце древнего мира, озадачит или даже оттолкнет многих современных посетителей, оно способно ожить и стать понятным, только если человек в

воображении восстановит отсутствующие колонны, заново позолотит навсегда исчезнувшие крыши, вернет статуи на постаменты и заполнит узкие проходы (как они удивительно узки!) шумной толпой людей, пахнущих помадой и чесноком, — и каждый толкается, пробивает себе дорогу, в общем, живет интенсивно, как мы сейчас.

На верхней площадке, рядом с аркой Тита, где начинается Виа Сакра, я помедлил и бросил взгляд на весь Форум, пытаюсь представить себе, каков он был в имперские времена. Любой клочок земли, на котором жили постоянно в течение тринадцати или четырнадцати столетий, мог, и сейчас может, измениться так, что его первоначальные обитатели вообще бы его не узнали. Но не думаю, что так случилось с Форумом. Да, то и дело производились какие-то преобразования и реконструкции, но так как многие здания здесь считались священными, то новые строения возводились на тех же местах и отличались от прежних лишь большим великолепием. Было бы правильно сказать, что форум, постоянно меняясь, оставался все тем же. Римлянин 100 года до н. э., представься ему возможность побывать на Форуме в 200 году н. э., обнаружил бы здесь совсем другие здания, но на тех же местах, что и прежние, знакомые ему. Оправившись от первого удивления, он скоро нашел бы дорогу от дома Сената до храма Весты и других основных строений; безусловно, он не чувствовал бы себя потерянным и сбитым с толку, как, например, Шекспир в Лондоне доктора Джонсона.

Когда я стоял на Виа Сакра, мимо проследовали молодой человек и девушка с путеводителем «Blue Guide» в руке.

— Ой, смотри! — воскликнула девушка, указывая на черные плиты, которыми вымощена мостовая. — Какие борозды остались от колесниц! Разве не удивительно?

Люди не любят, когда их поправляют, а иначе я непременно сообщил бы ей, что колесницы на Форум не допускались, разве что в дни триумфов или когда весталки выезжали на улицы, а борозды на мостовой — скорее всего, следы тележек каменотесов эпохи Возрождения,

отяжелевших от мрамора, награбленного для новых церквей и папских дворцов.

Стоя около арки Тита, я думал, каким великолепным видом Рима I века, должно быть, наслаждался путешественник, приближаясь к городу по Аппиевой дороге. Отсюда ему были видны Виа Сакра, а дальше — Форум. Слева Палатин обращал к солнцу великолепные фасады дворцов; а немного подальше, за скоплением крыш храмов и судебных залов, возвышался Капитолийский холм с великим храмом Юпитера, с его золотыми дверями и крышей. Чтобы увидеть Форум во всей красе, на него следовало бы посмотреть в правление Веспасиана. Я бы хотел наблюдать, как строится Колизей, видеть неподалеку Золотой дом Верона и новый храм Юпитера, заменивший старый, который сгорел во время волнений, предшествовавших прибытию Веспасиана в Рим. И, безусловно, мне хотелось бы хоть одним глазком взглянуть на этого великого воина, который свои первые шаги к пурпурной тоге императора совершил молодым офицером во время завоевания Клавдием Британии. Было бы интересно воочию увидеть этого человека, чье суровое, твердое лицо так хорошо нам знакомо по различным изображениям — в императорских носилках, с шествующими впереди ликторами; смотреть на него и помнить, что в молодости он форсировал Медуэй и вел второй легион Августа вдоль побережья Гемпшира, в западные области.

Священная дорога вела к храму Весты, где весталки поддерживали священный огонь. Как удивительно, что столь важная улица так узка и всего лишь около восьмисот ярдов длиной. Видя ее сейчас, пустынную, запущенную, заросшую сорняками по обочинам, трудно поверить, что это действительно знаменитая Виа Сакра, дорога, которая когда-то с утра и до вечера была заполнена народом.

Именно в начале Виа Сакра Гораций встретил своего навязчивого собеседника — человека, которого мы все знаем и который мучил его своей болтовней до самого Форума. У Цицерона тоже сохранились очень яркие воспоминания о Священной дороге, запруженной народом.

Нужно представить себе эти толпы людей, идущих по дорогам, стоящих и сидящих на ступенях храмов, входящих и выходящих из судов, обивающих пороги ростовщиков и менял: белые, строгие фигуры римских граждан, рабов в их грубых, подпоясанных туниках, приезжих, глазеющих на храмы, на дымок, курящийся над круглым святилищем Весты, протискивающихся поближе, чтобы посмотреть, как знаменитый оратор выходит из здания суда или известный сенатор входит во Дворец сенаторов. Нас бы заинтересовали и позабавили водяные часы — клепсидра. Ко временам Веспасиана они заменили собой старомодные солнечные часы. Удивительно, что такая практичная и деловая нация, как римляне, могла быть столь отсталой в измерении времени. Еще долго после того, как греки и египтяне стали определять время по механическим устройствам, время на Форуме объявлялось глашатаем около здания Сената, когда наступал полдень по солнечным часам, выкрикивал: «Meridies est!».^[42] И еще более странно, что народ, известный своей любовью к точности, довольно долго пользовался на Сицилии, например, греческими солнечными часами, настроенными для Катании! Постепенно в общественных местах были установлены точные солнечные часы, и в конце концов везде стали использоваться водяные. По мере того как капала вода, поплавки опускался, отмечая нужное деление на прозрачном цилиндре. Некоторые клепсидры были более сложны. Вода вращала систему колес, которые передвигали стрелку по диску, — похоже на современные часы. Иногда стрелкой была палочка, которую держала в руке фигура, установленная на вершине клепсидры; а самые замечательные водяные часы обозначали каждый час шорохом пересыпавшихся камешков или свистом.

Если бы мы пробились в Юлиеву базилику или в какой-нибудь еще суд во время слушания дела, то заметили бы, что чиновник в суде тщательно следит за водяными часами: останавливает их, когда зачитываются документы, и вновь запускает, когда начинают говорить адвокаты. Римляне были почти так же болтливы, как греки, и приходилось

постоянно отмерять время, то есть воду, обвинению, защите, и непосредственно суду. Когда секретарь объявлял, что отпущенная оратору вода закончилась, тот должен был закончить. Плиний упоминает, что как-то во время слушания одного очень важного дела ему разрешили десять больших клепсидр, но, проговорив почти пять часов, он все еще не закончил. Дело было таким важным, однако, что ему выделили четыре дополнительные клепсидры.

Марциал адресовал одну из своих эпиграмм болтливому адвокату:

Громко крича, ты просил о семи клепсидах для речи,
Цецилиан, и судья волей-неволей их дал.
Много и долго зато говоришь ты, и, все нагибаясь
К фляжке стеклянной своей, теплую воду ты пьешь.
Чтоб наконец утолил ты и голос и жажду, все
просим,
Цецилиан, мы тебя: выпей клепсидру до дна. [\[43\]](#)

Должно быть, это было потрясающе — проникнуть в Юлиеву базилику, — сейчас-то там лишь пустые постаменты и потрескавшиеся полы, — когда проходили *centumviri*, [\[44\]](#) и водяные часы тихо капали, отмеряя время, и восемьдесят судей в белоснежных тогах сидели на скамьях, а по обе стороны от них сидели знаменитые адвокаты. В день большого судебного процесса огромная базилика не могла вместить всех, кто приходил послушать; верхние галереи тоже были полны народа, мужчины сидели на одной стороне, женщины на другой. От Плиния мы знаем, что такие заседания бывали очень тяжелы как для судей, так и для публики. Жара стояла ужасная. Ораторам приходилось кричать, чтобы их расслышали. Иногда слушание прерывали оплаченные заранее «хлопальщики» — *laudiceni*, общее впечатление — шум, духота, всеобщее замешательство — значительно отличается от расхожего современного представления о римском судопроизводстве.

Самыми людными зданиями были лавки менял, ростовщиков и своеобразные акционерные общества — *publicani*. Ими были нашпигованы, как в лондонском Сити, самые разные здания. Римская империя — возможно, самый страшный пример бездушной эксплуатации в истории. Везде, где крылья имперского орла отбрасывали свою зловещую тень, стоял сборщик налогов. Работоторговцы и сборщики налогов шли вслед за легионами, и всякая успешная военная кампания означала грабительские поборы, тысячи рабов и трофеев и, следовательно, еще большее обогащение Рима.

Нам может показаться странным, что римляне времен Республики и ранней Империи держали мир под контролем без всякой специальной службы. Весь доход собирался обществами и отдельными лицами от имени государства, и выгодная должность сборщика выставлялась на торги. Счастливый обладатель ее затем подписывал контракт с государством на сбор оговоренной суммы, выплачивал государству депозит и продолжал собирать сколько мог, превышая сумму, обозначенную как допустимый доход. Так как такие «компании» отвечали за сбор доходов целых провинций, а также за выручку от государственных каменоломен, соляных копей, шахт, рыбных промыслов, лесов и многого другого, у инвестора был богатый выбор. Система была нехороша, и тем, кто читал речи Цицерона, памятна мрачная картина жизни провинций, стонущих от вымогательства продажных губернаторов и *publicani*; но чем больше денег собирали, тем больше богатели сборщики. С Форума новости с целым штатом посланцев летели в Рим. Любой слух был интересен, потому что обычно прояснял какую-то запутанную экономическую ситуацию. Не удивительно, что от Цицерона, Горация и Марциала мы узнаем то, что римляне просто не могли утаить от Форума: это было единственное место, где ты мог узнать, что происходит с твоими деньгами.

Банкиры Рима, должно быть, вершили большие дела на Форуме, потому что им был известен обменный курс в империи, они могли класть деньги на депозит и выдавать

чеки для иностранных банков. Когда сына Цицерона отправили в Афинский университет, он не стал брать с собой сундук денег, как сделал бы уже в Средние века, но взял с собой аккредитив, который должен был обналичить в Афинах. Вот приятный пример добрых отношений между нанимателем и нанятым, а также высокого уровня развития банковского дела: когда любимый секретарь Цицерона, вольноотпущенник Тирон, заболел в Греции, оказалось довольно несложно, имея банкира в Риме, получить в Греции все деньги, которые нужны были ему для оплаты лечения.

Однако очень трудно теперь, сидя на обломке мрамора на Форуме, вообразить суету в этом пустынном месте, представить себе паланкин, плывущий над головами по узким улицам, и прибывшего в нем богатого человека, сопровождаемого толпой прихлебателей, среди которых, может быть, есть и раб, чья должность называлась *nomenclator*, и в чьи обязанности входило помнить имена и занятия всех клиентов хозяина. Он нашептывал их на ухо своему господину, а людям льстило, что богатый человек их помнит. Лизоблюд — очень древняя должность, и в самом полном, то есть в самом неприглядном своем воплощении, она существовала в Риме. Этот человек, одетый в тогу с хозяйского плеча, льстил, шептал комплименты, обязан был с благодарностью принимать приглашения на обед, заранее зная, что его-то угостят вместе с самыми бедными гостями, самой плохой едой и дешевым вином. Он вовсе не обязательно был слабым никчемным человеком, он был, скорее, социальной проблемой. Ему не было другого занятия. Гордость не позволяла ему стать просто прислужником, а государство поощряло его лень бедняка. Это для него императоры строили удивительные, невероятные мраморные термы, цирки, амфитеатры. Пусть он спал на чердаке, зато гулять мог среди невообразимого великолепия. Имперский Рим состоял из нескольких богачей, нескольких сот состоятельных людей, тысяч местных бедняков и бесконечного числа рабов всех рас и оттенков кожи.

Кого бы вы хотели встретить на Форуме? Императора! Да увидеть цезаря, любого цезаря — ради этого стоило посетить Рим. Еще я не отказался бы посмотреть на кого-нибудь из этих состоятельных вольноотпущенников, которые прибыли в Рим из разных концов света рабами, а теперь стали чуть ли не могущественнее самого цезаря. И еще хорошо было бы посмотреть на авгура за работой. Вероятно, эти фокусники виртуозно несли свою торжественную чепуху, и меня не удивляет, что даже образованные люди во времена Цицерона вполне могли верить в то, что полет птиц или другие явления природы каким-то образом влияют на дела человеческие.

2

Самый значительный объект на Форуме — арка Септимия Севера. Император, воздвигший ее, был связан с Британией весь период своего правления; он и умер там, и тело его было сожжено в Йорке.

Септимий Север был солдат и наводил ужас в армии палочной дисциплиной. Однажды он разоружил и распустил преторианскую гвардию.^[45] Этот безжалостный, неразборчивый в средствах военный был нежным мужем и отцом. И хотя в его характере нелегко было найти симпатичные черты, невозможно не сочувствовать могучему военачальнику старого римского образца, чьи сыновья оказались его недостойны.

Каракалла, старший сын, получил свое прозвище из-за галльского плаща с капюшоном, который он любил и, став императором, ввел в армии. Имя его помнят лишь благодаря руинам его терм: летом там проходят оперные спектакли под открытым небом. Подобно Нерону и Генриху VIII, он, вероятно, был красив в молодости и, говорят, столь мягкосердечен, что «когда видел, как на приговоренных к смерти преступников выпускают диких зверей, плакал или отводил глаза, что, безусловно, подкупало людей». Какой неожиданный взгляд на римский плебс, который, как всегда

считалось, постоянно жаждал крови. Однако Каракалла очень скоро перерос эти сантименты и прослыл ужасным негодяем, да и Гета, ненавистный ему младший брат, оказался не многим лучше.

Когда пошел пятнадцатый год правления шестидесятидвухлетнего Севера, страдающего подагрой, на границе разыгралась беда — каледонцы начали делать вылазки за Адрианов вал. В Британии были беспорядки с самого начала императорского правления: войска объявили своим императором губернатора Клавдия Альбина, но тот, войдя в Галлию со всеми британскими силами, был разбит Севером у Лиона — крупнейшее сражение римлян с римлянами со времен битвы при Филиппах. Разгром британских легионов нарушил весь уклад жизни на острове, и набеги каледонцев на более богатый юг острова приняли столь угрожающий характер, что Север, несмотря на свою болезнь, решил сам отправиться в Каледонию, чтобы проучить вармаров. Еще, говорят, он был рад возможности оторвать Каракалла и Гету от веселой жизни в Риме и приучить их к дисциплине.

Римские историки, описывающие то, что случилось дальше, дают нам самую четкую картину Британии со времен Клавдия; мы впервые заглядываем в далекую Каледонию, которая тогда еще не была Шотландией. Прибыв туда осенью 208 года н. э. с сыновьями и императрицей Юлией император собрал большую армию и устроил свою ставку в Йорке. Каракалла и Гета постоянно ссорились, поэтому Гету оставили в Лондоне управлять югом, а Каракалла сопровождал отца. Всю зиму римские инженеры занимались, тем, что валили лес и наводили мосты через разлившиеся реки. Каледонцы всерьез забеспокоились. По различным свидетельствам, дошедшим до нас, это были люди, которые «живут в хижинах, ходят голые и босые, имеют общих жен и воспитывают вместе всех детей, которые у них рождаются. Управление в этих племенах демократическое, излюбленное их занятие — грабежи. Каледонцы сражаются на колесницах, в которые запрягают мелких, но быстрых лошадей; также они бьются и

пешими, очень быстро бегают и весьма решительны, если кто задумает их остановить. Вооружены они щитами и короткими копьями с медными набалдашниками на рукоятях; и когда они потрясают ими, то шум, ими издаваемый, наводит на противника ужас. Кинжалы у них тоже в ходу. Они способны переносить голод, жажду, любые лишения; они могут сидеть несколько дней кряду по горло в болоте — только головы торчат над водой. В лесу они питаются корой и кореньями; на все случаи жизни у них заготовлена пища, а голод они способны утолить одной единственной фасолиной».

Когда пришла весна, Север повел свою армию на дикие земли Каледонии. Сам он чаще путешествовал в носилках, чем верхом. Каледонцы внесли беспорядок в арьергард противника, перебили отставших, а в качестве приманки для остальных использовали выпущенный на волю скот. Леса и долины были полны врагов, но они словно таяли при приближении римских легионов, и тем никак не удавалось вынудить их принять бой. Римляне пробирались сквозь леса, преодолевали горы, форсировали разлившиеся реки, отражая постоянные партизанские атаки. Древние летописцы, которые всегда были не в ладах с цифрами, определяли потери римлян пятьюдесятью тысячами, что кажется невероятным.

Тем не менее римляне неуклонно продвигались на север через плоскогорья, пока не дошли до конца «Британского острова», где Север, чувствуя, что находится там, куда не ступала нога ни одного римского военачальника, велел провести некоторые астрономические наблюдения, после которых окончательно уверился, что Британия — действительно остров. Похоже, однако, что он дошел не дальше, чем до восточного побережья залива Мори-Ферт.

Продвинувшись достаточно далеко на север, чтобы удерживать уже завоеванное, оставив измученные легионы, зимовать в Абердиншире, Септимий Север вернулся в Йорк дожидаться следующего военного сезона. Здесь его здоровье ухудшилось, но решимость осталась непоколебимой. Весной он вернулся «на передовую»,

руководить кампанией. То ли трудности стали непереносимы, то ли Каракалла слишком долго испытывал терпение войск, но случился мятеж, который император погасил, появившись перед войсками в своих носилках. Указав на свои опухшие руки и ноги, он произнес: «Солдаты, запомните, командуют — головой!», приказал им повиноваться себе, и они немедленно подчинились.

Вторая кампания убедила каледонцев, что у них нет надежды устоять против такого решительного командующего, и осенью они запросили мира, обещая вести себя хорошо и уступить свои земли императору. Вполне удовлетворенный, он вернулся в Йорк, где вскоре узнал, что сразу после его отъезда каледонцы начали общее наступление. От этого его здоровье не улучшилось. Охваченный гневом и решимостью следующей весной окончательно стереть каледонцев с лица земли, Север серьезно заболел. Кроме военных неудач его угнетали страдания, которые он испытывал как родитель: ясно было, что Каракалла только и ждет его смерти. Когда император умер, подозревали, что его конец ускорила яд, который доктора дали ему по наущению Каракаллы; но подобные подозрения всегда возникали у смертного одра любого императора. В Йорке устроили погребальный костер, и тело Септимия Севера было сожжено с почестями, подобающими цезарю.

Императрица Юлия и ее сыновья увезли прах императора в Рим в алебастровой урне. Каракалла и Гета теперь оба были наследниками императорского престола. Оба они открыто ненавидели друг друга и старались сделать так, чтобы их пути не пересекались: один управлял Восточной империей, другой — Западной. Но это не устраивало Каракаллу, который все-таки хотел править один. Императрица назначила сыновьям встречу в своем дворце. Каракалла явился в сопровождении центурионов. Они получили от него приказ зарезать Гету. Юноша в испуге бросился в объятия матери, где и был заколот, брат же если не помогал, то спокойно наблюдал это.

Все это время триумфальная арка Септимия Севера, построенная в 203 году н. э., за пять лет до каледонских кампаний, стояла на Форуме. На ней было не только имя самого императора, но и имена Каракаллы и Геты. Убив брата, Каракалла тут же издал приказ стереть его имя со всех памятников в Риме, где оно было. На арке заметен пробел. Стертые слова: «...et Getae nobilissimo caesar»^[46] воссоздали потом по следам, оставленным скобами бронзовых букв, которые были убраны.

Каракалла правил всего семь лет, и это было время многочисленных зверских убийств. Говорят, его преследовали призраки отца и брата, которые нацеливали свои мечи на его грудь, и он никак не мог избавиться от них, хотя неустанно совершал паломничества к святилищам самых разных богов. Он пытался прогнать своих мертвых родственников, отправляя к ним на тот свет сотни современников, и, возможно, в конце концов сошел с ума. На тридцатом году жизни Каракалла был убит своим конюшим — подсаживая его в седло, тот вонзил ему в бок кинжал.

Тысячам приезжих британцев, каждый год видящим эту арку, как видел ее я, можно напомнить, что она здесь поставлена одним из первопроходцев Шотландии.

3

Я рассматривал арку Септимия Севера, размышляя о том, как император путешествовал по шотландским холмам в своих носилках, когда в нескольких шагах заметил ступени, ведущие к выдавшему виды зданию с высокими бронзовыми дверями. Я поднялся по ступеням и оказался в доме Сената — в Курии Древнего Рима, самом важном месте римского мира.

Ее обнаружили в 1937 году, когда снесли древнюю церковь Святого Адриана. Церковь рухнула — и открылся дом Сената, несколько пострадавший, правда, от своего тридцативекового пребывания под землей. Под полом была

обнаружена мостовая времени Диоклетиана — здесь встречались сенаторы в роковые времена, предшествовавшие падению Рима.

Я подивился безмятежно спокойным лицам окружающих, которые явно не знали, что стоят на исторической, священной земле. Да, это, можно сказать, праматерь всех парламентов. Я почувствовал острую потребность поделиться с кем-нибудь своим восторгом и заговорил с мужчиной, стоявшим рядом, но он ответил на незнакомом мне языке. Я вспомнил Гиббона, который прохаживался по Форуму «величавой поступью», и подумал, что уж он-то застыл бы, пораженный этим зрелищем.

Зал вовсе не выглядит великолепным, он совсем не большой. Три яруса мраморных кресел обращены к собранию. Председательствовавшие магистраты сидели на своих собственных, отдельных местах. В дальнем конце зала — кирпичная кладка, на которой раньше был алтарь и знаменитая золотая статуя Победы, привезенная Августом из Тарента.

С Курией связано много необычного. Это было священное здание, оно имело статус храма. Сенат не мог собираться до восхода или после захода солнца, таким образом, ночных заседаний парламента, столь привычных нам, Древний Рим не знал. Первым, что надлежало сделать сенатору войдя в Сенат, — подойти к алтарю Победы и бросить несколько зерен фимиама на жаровню, которая горела перед ним. Как и у нас в Палате общин, не существовало никакой трибуны, и выступающие обращались к собранию прямо со своих мест; когда голосовали, те, кто был «за», сдвигались в одну сторону, а оппозиция — в другую.

Здание, которое мы сейчас видим, — такое, каким оно было в период поздней Империи, во времена Диоклетиана. За свою долгую историю оно пережило расширение, реставрацию, дважды сгорало до основания. Считается, что оно стоит на месте еще более ранней постройки — зала заседаний третьего римского царя (670 г. до н. э.), где встречались старейшины, одетые в овечьи шкуры. В

зданиях, которые появились на этом месте позже, столетиями обсуждались дела Республики и Империи; отсюда управляли римским миром; всякому великому человеку в римской истории случалось возвыситься здесь свой голос; этот пол знает поступь каждого римского императора. Во времена Республики случались периоды, когда Сенат был столь аскетичен, что отапливать дом зимой считалось непозволительной роскошью. Я вспомнил письмо, написанное Цицероном брату в 62 году до н. э., в котором он сообщает, что важное заседание закрыли из-за холода. И публика очень развлекалась, глядя на то, как важные сенаторы выходили из заледеневшего зала, закутавшись в свои тоги с пурпурными полосами.

Должно быть, мой интерес был так заметен, что служитель, следивший, чтобы посетители не наступали на древний мрамор, подождал, пока мы не останемся одни, с очаровательной понимающей улыбкой итальянца быстро отодвинул барьер и взмахом руки пригласил меня шагнуть на пол Сената. Я рассмотрел все подробно и более всего заинтересовался кирпичной кладкой в конце зала, которая раньше поддерживала алтарь Победы перед чудесной статуей из Тарента. Любой студент теологии помнит дебаты, которые велись об этой статуе в IV веке, но кто мог бы вообразить, что ее пьедестал и сейчас можно увидеть? Дошедшая до нас переписка, протест Симмаха и ответ на него святого Амвросия знакомят нас с этой странной проблемой, возникшей во времена, когда Рим еще не был полностью обращен в христианство и некоторые твердолобые аристократы продолжали молиться старым богам.

Наступило время, когда в состав Сената стали входить как христиане, так и язычники. Христиане возражали против старинного обычая воздавать почести золотой богине, который соблюдался в Сенате со времен Августа. Не соблюсти этого правила для язычника было все равно, что для члена британского парламента по какой-то причине не поклониться спикеру. Христианам, однако, удалось убедить императора Константина убрать статую. Но они недолго

радовались своей победе. Статуя вернулась при Юлиане Отступнике и оставалась в Сенате около двадцати лет — все время правления Иовиана и Валентиниана I. Когда императором стал Грациан, христиане убедили его снова убрать статую, и это было сделано в 382 году н. э. Лидером фракции язычников был прямой и честный аристократ по имени Симмах, почитавший богов своих предков. Он обратился к императору с просьбой вернуть статую и был за это выслан из Рима. Когда на следующий год Грациан умер, Симмах вернулся в Рим и немедленно подал петицию все того же содержания новому императору Валентиниану II, тринадцатилетнему мальчику. Эта петиция — прелюбопытный документ — странно сочетает языческое мировоззрение, патриотизм и почитание традиций. Это просьба искреннего, правдивого гражданина во времена заката старой религии. Пафос этого документа дает нам представление о его авторе — старом человеке перед лицом нового мира, который ему не нравится и которому он не доверяет.

Святой Амвросий, епископ Милана, один из самых энергичных отцов христианства, прослышав про петицию, пожелал ознакомиться с ее копией. После этого он послал императору письмо, отвечая в нем на послание Симмаха пункт за пунктом, здраво и разумно. В письме Симмаха чувствуется усталость старой религии, а в ответе святого Амвросия — уверенность и сила новой веры. Среди аргументов Симмаха были ссылки на бывшее величие Рима и его великую историю, призванные доказать, что старые боги хорошо защищали государство. В ответ святой Амвросий упоминает о некоторых моментах римской истории, когда, как ему кажется, старые боги уснули. Например, он хотел бы знать, где же они были в ту ночь, когда галлы взбирались на Капитолий. «Где был тогда Юпитер? — спрашивает он. — Может быть, в одном из гусей?»

Эта занимательная полемика завершилась, разумеется, победой христиан, и статуя Победы больше никогда не возвращалась в дом Сената. Что с ней стало, никто не знает.

Мужчины всех национальностей сейчас поднимаются к Дому весталок, где в течение одиннадцати столетий любого появившегося мужчину постигла бы смерть. Это единственное место среди руин, где не надо вспоминать Горация или Ювенала, чтобы пробудить тени прошлого; здесь, каким бы христианином вы ни были, вы не можете не почувствовать нежного и благородного духа язычества, как будто бы один из прекрасных маленьких фавнов из музея Капитолия соткался из солнечного света и ластится к вам, чтобы вы его почесали за ухом.

Мне нравится думать, что в древности отцы христианской Церкви чувствовали то же самое, именно поэтому они и допустили, чтобы этот atrium^[47] стал, как и случилось, прототипом христианского женского монастыря; а также они стали посвящать своих дочерей Церкви почти с такими же обрядами, с какими принимали в священный орден.

Дом весталок — в руинах, и все, что увидит поспешный посетитель — это груда кирпича — остатки стен и широкое, поросшее травой пространство в центре, где в двух продолговатых бассейнах живут золотые рыбки. Некоторые из них — огромные, и всем им нравился хлеб, который я иногда крошил в воду. Вдоль одной из сторон разрушенной колоннады стоит ряд белых статуй. Они были найдены в развалинах, это скульптурные портреты некоторых главных весталок — Vestales Maximae. На голове одной из них — головное покрывало с пурпурной каймой, suffibulum, единственное, полагаю, сохранившееся изображение этого вида одежды. Его надевали исключительно в тех случаях, когда Весте несли соленые лепешки и другие приношения.

Вот и все, что вы можете увидеть; но можно представить себе двухэтажный великолепный монастырь, где все было из мрамора. Фрагменты колонн, которые поддерживали первый этаж, нашли: они были из cipollino,^[48] а те, что поменьше, сверху, — из редкого и драгоценного

breccia coralline.^[49] Спальни весталок находились в верхнем этаже, и стены комнат, инкрустированные мрамором, со временем обрушились на первый этаж. И тут обнаруживается печальная вещь. Этот мраморный дворец в холодную погоду становился настоящим склепом. Он был окружен высокими храмами и выстроен напротив склона Палатинского холма. Если прийти сюда днем, то видно, что он первым уходит в тень — как только солнце зайдет за холм; должно быть, это происходило еще раньше, когда Палатин был покрыт высокими дворцами. Пытаясь бороться с холодом и сыростью¹ весталки сделали двойные стены со стороны холма и везде приподняли полы, иногда при помощи распиленных amphorae, и между этими рядами распиленных пополам сосудов для вина горячий воздух от центрального котла циркулировал под полом. Печально думать, что честь и святость должны сопровождаться ревматизмом и артритом.

Так кто такие весталки и чем они занимались?

В первобытные времена огонь был магической сущностью, которая могла возникнуть, если потереть друг о друга две сухие палочки. В каждой общине имелась отдельная хижина, предусмотрительно построенная в отдалении от остальных — в ней постоянно поддерживали огонь. Пока мужчины были на войне или на охоте, а замужние женщины работали по дому и ухаживали за детьми, поддерживать огонь поручали молодым девушкам, у которых не было других обязанностей. Когда римляне стали цивилизованнее, то, что раньше диктовалось простым здравым смыслом, превратилось в религиозный культ: поддержание огня стало обрядом, который символизировал благополучие и безопасность государства. В дни величия Рима сама мысль о том, что священный огонь может погаснуть, ужасала, и дымок над крышей храма Весты ежедневно сигнализировал Риму, что в Империи все хорошо.

В древние времена хижины первобытных латинян и этрусков были круглыми по форме и строились из тростника. Когда начали строить из камня, храм Весты

опять-таки возвели круглым; таким он и остался до падения Рима — запечатленная в мраморе память о первобытной соломенной хижине. Все, связанное с Вестой, ее культом и функциями весталок, сохранялось с тем же религиозно-антикварным рвением. Сначала весталок было всего четыре, потом Шесть, а значительно позже — семь. В период истинного величия Рима их было шесть. Они считались священными существами и не подчинялись общим законам; обладали особыми привилегиями и были весьма обеспечены. Старшая весталка имела право на аудиенцию у императора в любое время. Когда весталки выходили куда-то, перед ними шел ликтор, и если случайно им навстречу попадался преступник, которого вели на казнь, они обладали привилегией простить его, каково бы ни было его преступление. Еще одной привилегией, значительной в таком городе, как Рим, где днем всякий транспорт на колесах был запрещен, было право ездить по улицам в любое время. Весталки могли располагать двумя транспортными средствами: высокая старинная двуколка для торжественных случаев и легкая повседневная коляска на каждый день. Даже консул обязан был, встретив весталок, уступить им дорогу.

Весталки находились под покровительством верховного жреца, Pontifex Maximus (понтифика максимуса), который был единственным мужчиной, имевшим над ними власть и право войти в Atrium Vestae — Дом весталок. Весьма возможно также, что он наполнил их дом служанками, которые за ними шпионили, так как любые их слова и поступки сразу же становились известны.

Вакансия открывалась только в случае смерти одной из весталок или в связи с уходом на заслуженный отдых после тридцати лет службы. Ее место занимала одна из девочек-кандидаток, которых предлагали их родители. Претендентки должны были быть физически полноценны, без всяких дефектов и особенностей. Новенькой полагалось быть не моложе шести и не старше десяти лет и иметь безупречных родителей. Есть свидетельства, что одной из девочек было отказано из-за разногласий между ее матерью

и отцом: считалось, что такая жрица будет негодна богине домашнего очага. Та, на которую пал выбор, прощалась с родителями, и ее доставляли к верховному жрецу. Он приводил ее в тот самый поросший травой двор Дома весталок и там произносил торжественные слова, обращаясь к ней *Amata*, — вероятно, этот титул содержал намек на теплоту и нежность ее предназначения — служения домашнему очагу. Церемония заканчивалась тем, что девочке остригали волосы и вешали их на священное дерево, после чего ее одевали в белые одежды весталки. Во время церемонии она давала обет целомудрия на тридцать лет. По истечении этого срока она была свободна покинуть орден и даже выйти замуж. Говорят, что очень немногие весталки когда-либо пользовались этой свободой, предпочитая оставаться весталками, пока не умирали в почтенном возрасте.

Весталке многому предстояло учиться: первые десять лет она училась, вторые — применяла то, чему научилась, и последние десять лет обучала молодых. Главной и постоянной заботой жриц Весты был, конечно, огонь в центре изысканного маленького храма, руины которого сейчас можно видеть в нескольких шагах от атриума. Это был один из самых красивых храмов в Риме — наполненное радостью, восхитительное мраморное здание с мраморными колоннами по кругу. Из середины его крыши конической формы вырывался дымок священного огня. Должно быть, по ночам над крышей было заметно мягкое теплое свечение; и, наверно, это и в самом деле было приятно — идя в темноте домой с Форума, взглянуть вверх и увидеть этот свет, и знать, что весталки на посту, поддерживают огонь, и, значит, все хорошо.

Если огонь внезапно гас, а такое случалось за одиннадцать веков, это было самым ужасным из происшествий. Сырые дрова, тропический ливень, задремавшая весталка — все это, вероятно, могло быть причиной несчастья. Если виновата была дежурная весталка, ее ждало суровое и даже дикое наказание. Верховный жрец порол провинившуюся. Это, без сомнения,

были отголоски прошлого: девочек в древности били за неосторожность и невнимательность. Затем вместе они вновь зажигали огонь, возможно, проверчивая дырку в доске из священной древесины. Этим способом верховный жрец пользовался раз в год, в марте, когда огню разрешалось выходить на свободу, зажигали новогодний костер — языческая версия церемонии схождения Благодатного огня, которую все еще совершают каждую Пасху православные греки в Иерусалиме.

Ни от какого священника, служащего мессу, не требовалось такой точности, как от весталки в соблюдении ее ритуала. Им запрещалось использовать воду из водопровода — воду приносили из источника, который был довольно далеко. Сначала весталки должны были ходить туда пешком, неся керамические сосуды с водой на голове, но позже эту работу за них стали делать служанки. Посуда, которой пользовались весталки, была самая древняя: глиняные блюда и чашки, которые вышли из употребления несколько столетий назад. Хлеб для приношений Весте весталки выпекали доисторическим способом из пшеницы первых собранных колосьев, как в те времена, когда жернов еще не был изобретен. Интересно наблюдать, как с течением времени архаизм наполнялся религиозным смыслом.

В дополнение к храмовым службам на попечении весталок находились некоторые мистические предметы, с хранением которых, как считалось, связано благополучие римского государства. Естественно, при пожаре на Форуме, а такое случалось довольно часто, весталки покидали священный огонь, и их единственной заботой становилось сохранение реликвий. Одной из них был Палладий.^[50] Считалось, что эта статуя была спасена из пожара Трои Энеем. Судьба этих предметов — одна из тайн Рима, и когда в прошлом столетии были проведены раскопки Atrium Vestae, все надеялись, что они прольют хоть какой-то свет на эту тайну. Но археологи пришли к заключению, что последние весталки унесли ее с собой в могилу.

Каждая весталка носила особый головной убор, известный как головная повязка. Эта полоска шерсти символизировала ее девственность. Если весталка забывала о своем обете, говорили, что она запятнала свою повязку. Это случалось нечасто — считанные разы за одиннадцать веков.

Однако был такой ужасный период — 114 год до н. э., когда разразился беспрецедентный скандал: три весталки запятнали свои головные повязки и расплатились за это ужасной смертью — их закопали заживо, так в Риме наказывали за инцест. Весталка, признанная виновной, лишалась всех регалий и подвергалась порке. Плутарх оставил лучшее описание того, что за этим следовало.

Потерявшую девство зарывают живьем в землю подле так называемых Коллинских ворот. Там, в пределах города, есть холм, сильно вытянутый в длину (на языке латинян он обозначается словом, соответствующим нашему «насыпь» или «вал»). В склоне холма устраивают подземное помещение небольших размеров с входом сверху; в нем ставят ложе с постелью, горящий светильник и скудный запас необходимых для поддержания жизни продуктов — хлеб, воду в кувшине, молоко, масло: римляне как бы желают снять с себя обвинение в том, что уморили голодом участницу величайших таинств. Осужденную сажают на носилки, снаружи так тщательно закрытые и забранные ременными переплетами, что даже голос ее невозможно услышать, и несут через форум. Все молча расступаются и следуют за носилками — не произнося ни звука, в глубочайшем унынии. Нет зрелища ужаснее, нет дня, который был бы для Рима мрачнее этого. Наконец носилки у цели. Служители распускают ремни, и глава жрецов, тайно сотворив какие-то молитвы и простерши перед страшным деянием руки к богам, выводит закутанную с головой женщину и ставит ее на лестницу, ведущую

в подземный покой, а сам вместе с остальными жрецами обращается вспять. Когда осужденная сойдет вниз, лестницу поднимают и вход заваливают, засыпая яму землею до тех пор, пока поверхность холма окончательно не выровняется. Так карают нарушительницу священного девства.^[51]

Место этих ужасных захоронений стало известно в 1872 году — профессор Ланчиани воссоздал ситуацию. Он вычислил, что погребальный склеп находился под нынешней Виа Гоито, примерно в тридцати ярдах от восточного входа в Министерство финансов, недалеко от Центрального вокзала. Там, скорее всего, эти бедные весталки, покинутые в беде Венерой, до сих пор лежат в своих ужасных могилах, и автомобили современного Рима проносятся над ними.

И, наконец, последний, возвышенный взгляд на весталок. Когда в 194 году н. э. храмы были секуляризованы, орден весталок упразднили. В это самое время Серена, красавица-жена римского наместника Арморики (севера Франции и Британии) Стилихона Флавия, будучи в Риме, посетила храм Великой Матери на Палатине. Там она увидела статую богини, стоящую над своим остывшим алтарем, все еще одетую и украшенную драгоценностями. Серена поднялась по ступням к статуе, расстегнула ожерелье богини и надела его себе на шею. Пожилая весталка, возможно, последняя из своего ордена, которая сопровождала Серену к храму, громко воскликнула, что это святотатство, и ее тут же убрали. Несколько лет спустя Серена была удушена по приговору Сената по подозрению в интригах с готами, и последние язычники в Риме сочли, что месть старых богов свершилась — вокруг шеи, которую некогда украшало ожерелье богини, обвилась веревка палача.

Мне показалось, что даже пыль в Доме весталок соткана из воспоминаний. Ни один религиозный орден в мире не ушел в тень, так мало запятнав себя. Я так и вижу жриц священного огня, проходящих в белых как снег одеждах, столетие за столетием, таинственных,

священнодействующих, символизирующих всех женщин, без различий национальности и религии, жриц домашнего очага.

Из-за груды камней послышался голос туриста:

— Что здесь такое? Есть что посмотреть?

Другой голос, очевидно, принадлежавший тому, кто сверялся с картой, громко прочитал:

— «Дом весталок». Нет. Смотреть нечего. Так, мусор всякий...

И двое молодых туристов, заглянув на минуту, перелезли через стену и затерялись в развалинах.

5

Однажды, когда, поднявшись вверх по Виа Сакра, я вышел к маленькому круглому храму, который в путеводителях значится как храм Ромула. Он был построен в память о сыне, получившем это имя в момент приступа любви к прошлому, случившегося вдруг с его отцом, императором Максенцием. Мальчик умер, а три года спустя и любящий родитель, отягощенный доспехами, нашел свою смерть в Тибре. Это была битва на Красных Камнях, после которой победоносный Константин Великий вошел в Рим с символическим изображением Христа на своих штандартах.

Но, глядя на круглый храм, я думал не о Ромуле. Я думал об отсутствии дверей на Форуме. А здесь были прекрасные бронзовые двери, с благородной прозеленью, какую увидишь на зеркале, тронутом патиной, или на монете. Пока я восхищался, одна из них медленно открылась. Это было довольно жутко — в таком тихом и пустынном месте увидеть в маленьком храме следы человеческого присутствия. Пока я гадал, кто или что может оттуда появиться, показался пожилой маленький итальянец, один из тех таинственных, очень просто одетых людей, стражей развалин, у которых маленькие домики с красивой лепниной.

Я поднялся по ступеням и сказал ему о том, как восхитили меня двери. Он ответил, что это древние римские двери, которые до сих пор держатся на своих старых петлях. Я было не поверил ему, но он был совершенно убежден, а уж он-то должен был знать. Его звали Джузеппе Протти, и он сообщил мне, что работает на Форуме уже тридцать пять лет, за это время здесь сменилось много археологов. В руке он держал бронзовый римский ключ, похожий на тот, проржавевший, который можно увидеть в Британском музее. Я спросил, не могу ли я открыть дверь, которой, если верить ему, удалось провисеть на своих петлях так долго. Он показал мне, как вставлять ключ в скважину, как после этого надо сильно нажать ладонью, и после нескольких моих неудачных попыток большой бронзовый щит, по крайней мере, в восемнадцать футов высотой, медленно открылся вовнутрь. Увы, сейчас храм — это просто хранилище для мраморных колонн и каменных обломков. Здесь есть где разгуляться кирке и совку. Никогда великолепная дверь не открывалась в более прозаически выглядящее помещение.

Я поднялся вверх по Виа Сакра, мимо места, где, я уверен, Гораций встретил Бора, и дошел до великолепной арки Тита. Если хотите посмотреть, как архитектура мельчает, сравните эту великолепную работу, эти постройки I века с тяжелыми и безжизненными фигурами на арке Септимия Севера, на другом конце Форума, изготовленными два с половиной столетия спустя.

Тит, сын Веспасиана, завершил Иудейскую войну и разрушил храм, построенный Иродом. Иосиф Флавий описывает все это ярко и сильно. Внутри арки, на горельефе, вы можете видеть Тита, триумфально проезжающего по Риму с трофеями своей кампании, в том числе — храмовой утварью, серебряными трубами и золотым семисвечником из разрушенного Иерусалимского храма. Это единственные скульптурные изображения реликвий иудеев, а их дальнейшая судьба покрыта мраком.

Известно, что до разграбления Рима варварами они хранились в храме Мира, который был прекраснейшим

музеем Рима, и были одними из немногих экспонатов, переживших пожар 191 года н. э. Считается, что часть иудейских трофеев исчезла во время разграбления Рима готами в 410 году н. э., и об этих вещах больше не слышали. Прокопий, писавший в VI веке, утверждает, что Гензерик и его вандалы, а также берберы и бедуины разграбили Рим в 455 году, и тогда же все, что осталось от сокровищ, погрузили в лодки и переправили в Карфаген. Там, вероятно, сокровища попали в руки Велизария, который переправил их в Константинополь.

Этому противоречит странная легенда: когда Аларих умер на юге Италии, его подданные повернули в сторону русло реки Бусенто, построили большую гробницу, куда вместе с мертвым телом сложили и все трофеи, включая иудейские предметы культа, привезенные из Рима, а потом вернули реку в прежнее русло. Всех работников они убили, чтобы никто никогда не узнал, где похоронен Аларих. Иудеи, однако, совершенно не верят в эти рассказы. В Талмуде сказано, что предметы из храма были просто брошены в Тибр, на дне которого и пребывают по сей день. Кажется, в XVIII веке иудеи Рима обращались к папе с просьбой позволить им обследовать дно Тибра, но его так и не обследовали.

У иудеев есть такое древнее суеверие: проходить под аркой Тита — к несчастью. Глядя на группы туристов, гуляющие по Форуму, я часто думал, сохраняется ли оно до сих пор. Но столько людей, судя по всему, евреев, бестрепетно проходили под аркой и столько не менее похожих на евреев, казалось, избегали ее, что я не могу прийти к какому-либо однозначному выводу. Когда я упомянул об этом в разговоре с гидом, он ответил, что примета, безусловно, остается в силе, и он неоднократно замечал, что еврейские группы далеко обходят арку Тита. Что до Колизея, про который известно, что он был построен пленными иудеями, то на этот счет не существует никаких предрассудков.

Когда вы смотрите на статуи цезарей в музеях Рима, вам может прийти в голову мысль, что даже у злодеев вполне приличные лица. Кто поверит, глядя на печальное, достойное лицо Тиберия, что в семьдесят лет этот старый развратник удалился от дел, чтобы предаться все тем же порокам на Капри? Кому придет в голову, что спокойный и даже чувствительный Клавдий был таким законченным негодяем и трусом, как о нем писали? Даже Нерон вовсе не кажется совершенно безмозглым и бесчестным человеком. Какой же вывод мы должны сделать? Это статуи лгут или «Жизнеописания цезарей» — просто собрание злобных политических сплетен? Автор его, Светоний, — странный персонаж, о котором известно очень мало, разве только то, что он родился в царствование Нерона и был весьма осторожным и подозрительным субъектом, который не вписывался в окружавшую его жизнь. Он пытался заниматься юриспруденцией, но отказался от этого занятия, попробовал себя на военном поприще и тоже не преуспел, в конце концов стал секретарем Адриана и исполнял эту должность, пока его не прогнали за непочтительное поведение по отношению к императрице. Кажется, отдохновение он обрел в библиотеке, в целомудренных радостях научных изысканий. Так как у него появился доступ к императорским архивам, имелась и возможность узнать интимнейшие подробности жизни великих. Его, похоже, гораздо больше привлекали их пороки, нежели их достоинства. Как у многих людей, ведущих тихую, уединенную жизнь, у него был нюх на скандалы. К тому же он был первоклассным политическим журналистом и прекрасно владел тонким искусством умолчания.

Думаю, ученые согласятся со мной в том, что восприятие ужасных пороков как невинных чудачеств и проявлений эксцентричности было типично для римской политической пропаганды. Обвинение в преступлении было римским эквивалентом современной карикатуры, и редкий известный человек был вне опасности. Этот дух злобной язвительности держался в Риме до времен Пасквино.

Почти все цезари были запуганными людьми. Очередной цезарь часто приходил к власти, переступив через труп своего предшественника, и очернить мертвого цезаря считалось в порядке вещей. Самой ужасной чертой этой системы (хотя нам, пережившим времена Гитлера и Муссолини, это знакомо) было бессилие когда-то всесильного Сената. Но, даже прекрасно зная и понимая это, трудно поверить, что столетиями выбирать императора было доверено банде головорезов, то есть преторианской гвардии; выбрать, а затем, когда им этого захочется, убить его и выбрать кого-нибудь другого. Будь Сенат достаточно силен, чтобы приструнить преторианцев, когда они убили Калигулу и быстро избрали Клавдия, которого обнаружили за занавеской, история пошла бы по-другому. Но сенаторы не контролировали ситуацию с самого начала, и далее им оставалось лишь исполнить унижительную роль — поздравить кандидата, выбранного дворцовой стражей.

Когда любой генерал в армии мог вдруг сделаться противником царствовавшего императора, не удивительно, что многих быстро и внезапно смещали и что многие императоры предпочитали прожить если и короткую, то хотя бы веселую жизнь. Иллюстрация нервного напряжения властителей — поведение Домициана, который так боялся быть убитым, что приказал покрыть стены дворца листьями слюды, чтобы всегда иметь возможность видеть то, что происходит у него за спиной. Рецепт долгого правления дал на смертном одре сыновьям Септимий Север: «Щедро награждайте солдат, больше ни о чем не заботьтесь».

Из пятидесяти пяти императоров, правивших от Августа до Иовиана около четырех веков, двадцать восемь были убиты, а трое покончили самоубийством; всего лишь семеро мирно пришли на смену своим отцам. В период с 235 по 285 год лишь один из двадцати восьми императоров умер своей смертью. Страшные жестокости и убийства, интриги, фактическое правление фаворитов — словом, все, что обычно связывают с Византией или с дворами калифов, было принято на Палатине, и остается лишь удивляться, что находились желающие быть цезарями. Но недостатка в

кандидатах никогда не было, люди убивали, подкупали, плели интриги столетие за столетием, чтобы надеть мантию, которая так часто и так скоро становилась им саваном.

Задумавшись над кровавой историей цезарей, неизбежно вспоминаешь первого из них, Юлия Цезаря, который считается величайшим человеком античности. Он погиб из-за банды республиканцев-идеалистов, а недовольные сенаторы поверили, что он хотел установить наследственную монархию. Некоторые его бюсты последних лет жизни являют нам грустного человека с морщинистым лицом, впалыми щеками, опущенными углами рта. Это лицо разочарованного семидесятилетнего старца; а ведь Цезарю, когда он умер, было всего пятьдесят восемь лет.

Современники заметили происшедшую в нем перемену: приступы нездоровья, учащение эпилептических припадков, забывчивость, раздражительность, усталость, переутомление.

Цезарь был убит не на Капитолии, как говорит Шекспир, не на Форуме, а в полумиле от него, в великолепном новом театре, который Помпей построил на Марсовом поле. Сенат собирался так далеко от своего исторического дома на Форуме, так как здание Сената перестраивалось и там нельзя было заседать.

Интересно проследить, что я и сделал однажды утром, передвижения Цезаря в последний день его жизни. В то время он жил со своей женой Кальпурнией в официальной резиденции понтифика максимуса на Форуме, в здании, соседнем с Домом весталок. Цезарь был последним верховным жрецом, который жил там. Август жил на Палатине и объединил старый Domus Publica^[52] с Домом весталок.

Именно в этот дом, в тишину ночного Форума вернулся Цезарь 14 марта 44 года до н. э. Он обедал со своим другом Лепидом, а после обеда просматривал государственные бумаги, краем уха слушая разговоры вокруг. Кто-то завел спор о том, какой смертью лучше всего умереть. Цезарь оторвался от бумаг и кратко сказал: «Внезапной», после

чего продолжал читать. Придя домой, он долго не мог заснуть, и Кальпурния тоже. Она во сне видела его мертвым и была так расстроена, что теперь уговаривала его отложить свое появление в Сенате.

Женщинам часто присуще шестое чувство, которому мудрые мужчины склонны доверять. И Цезарь поначалу собирался послушаться ее совета. По крайней мере, шестьдесят человек были вовлечены в заговор против него, и, без сомнения, Кальпурния чувствовала атмосферу сгущавшейся опасности. Цезарь в свои пятьдесят восемь, несмотря на все любовные похождения, служившие предметом армейских шуток и анекдотов, был все еще любим своей женой; и на стремление Кальпурнии уберечь мужа не повлиял тот факт, что ее знаменитая соперница Клеопатра находилась в тот момент на вилле Цезаря, на западном берегу Тибра. Однако, когда пришло время действовать, Цезарь презрел все страхи Кальпурнии и отправился на встречу с молодым человеком, который был назначен сопровождать его. Заговорщикам не терпелось осуществить свой кровавый план, пока слухи о нем не начали просачиваться.

От руин Domus Publica на Форуме до места, где был убит Цезарь, я дошел за пятнадцать минут медленным шагом. Невозможно теперь узнать, какой дорогой он шел, но возможно, что, покидая Форум, он бросил взгляд на строительство нового Сената, и, может быть, работы в то время были приостановлены, поскольку мартовские иды — это праздник. Каждый год 15 марта население Рима праздновало день таинственного божества Anna Perenna, которое представляли в обличье пьяной старухи. Народ пировал под деревьями или в увитых плющом беседках. Очень много пили. Овидий говорит, что люди стекались на Марсово поле, чтобы предаться возлияниям, и просили богов даровать им столько лет жизни, сколько они осушат чаш вина. Картина народного веселья — это последнее, что Цезарь увидел в жизни.

Театр Помпея на Марсовом поле был самым великолепным из подобных зданий в Риме, говорят, он

напоминал греческий театр в Митилене. Огромный полукруг мраморных кресел на открытом воздухе вмещал семнадцать тысяч, а за сценой были крытые колоннады и сады из сикомор, где публика могла прогуливаться в антрактах. К этим садам примыкало здание Курии Помпея, где полукруглые ряды кресел поднимались ярусами, обращенные к апсиде, в которой стояла знаменитая статуя Помпея. Это был тот самый зал, в котором собирался Сенат. Цезарь упал у ног статуи Помпея, сраженный двадцатью тремя ударами, и, говорят, последним его движением была попытка сохранить приличия — то есть сделать так, чтобы тога прикрывала его наготу. Брут, хвастливый хлыщ, «навлек на свое поколение величайшее бесчестье, какое только мог навлечь», как выразился профессор Дж. П. Магаффи.

Место, где стояло великолепное здание, находится несколько ниже заполненных народом улиц, недалеко от Ларго Арджентина. Ряды такси и трамвайные пути сегодня перегораживают то, что раньше было подходом к театру Помпея, и над землей не сохранилось ни следа здания; но если вы обследуете живописные улочки позади театра Арджентино, вы найдете маленькую заброшенную площадь, где многоквартирные дома, мастерские и офисы четко следуют изгибу зрительного зала; и это место называется Пьяцца Гроттапинта. Небольшой темный проход под аркой ведет к маленькой Пьяцца дель Бишионе, где в скромном ресторанчике «Панкрацио» есть зал в нижнем этаже, то есть в фундаменте древнего театра. Здесь вы можете посидеть среди глыб травертина, в стенах *opus reticulatum*, [\[53\]](#) и помянуть великого человека, который был подло убит неподалеку.

Как и многие части Рима, эти улицы с наступлением темноты легко ускользают на несколько столетий назад. Я думал, что довольно хорошо знаю их, пока как-то не заблудился тут ночью. Пейзаж полностью изменился, и я потерянно бродил по Риму Возрождения. Магазины и офисы закрылись, а из квартир и трущоб в подвальных этажах выходили мужчины, женщины и дети — местные жители, и

их лица и жесты при свете уличных фонарей казались не сегодняшними. Когда я приблизился к входу под арку, намереваясь выйти на Пьяцца дель Бишионе, оказалось, что — проход закрыт с обеих сторон и железные ворота заперты. В темноте туннеля я увидел лампу, горящую под изображением Мадонны. Я спросил какого-то человека, почему проход закрыт. Он сказал, что однажды здесь убили девушку, и с тех пор, как стемнеет, здесь закрывают.

Если Пьяцца Гроттапинта воспроизводит кривизну театра Помпея, то колоннада должна была находиться где-то под Виа ди Кьявари, а Курия — простираться к Ларго Арджентина. Так что если бы вы задались целью найти в Риме место, ближайшее к месту гибели Цезаря, вы бы, как это ни странно, пришли на ступени театра «Арджентино».

Этот театр существует с XVIII века, хотя и не раз перестраивался за это время. Именно здесь в 1816 году освистали на премьере «Севильского цирюльника» Россини. Несчастный композитор в ужасе бежал из зрительного зала в свое жилище на Виа деи Леутари; но через двадцать четыре часа ему суждено было проделать обратный путь — от отчаяния к славе, потому что на втором представлении публика признала оперу шедевром. Россини все еще благоразумно отсиживался дома, так что зрители пришли к нему сами, с факелами, и триумфально проводили его на праздничный банкет.

7

Несколько часов тело Цезаря лежало там, где он упал. Потом трое из четырех рабов, которые принесли его носилки, вошли в Курию, и, забрав окровавленный труп, отнесли его домой. Так как одного носильщика не хватало, носилки накренились, и рука Цезаря свесилась. Такое зрелище предстало Кальпурнии, когда рабы доставили мертвого хозяина в Domus Publica.

Большинство англичан, доверяя Шекспиру, ищут то место на Форуме, где Марк Антоний произнес свою речь. И

скорбящая толпа, вытащив кресла магистратов и вообще все, что могло воспламениться, сожгла труп там же и тогда же, без всякой похоронной процессии на Марсовом поле. И это место очень легко найти. Оно чуть севернее трех уцелевших белых колонн храма Кастора и Поллукса, которые служат ориентирами на Форуме. Сейчас не сохранилось ничего, кроме полукруглых остатков кладки из кирпича и туфа, служившей фундаментом алтарю, воздвигнутому позже на этом месте. Domus Publica — всего лишь на несколько ярдов в стороне, так что похоронная процессия едва ли могла бы пуститься в путь в обход волнующейся толпы.

Среди многих трудностей, возникших со смертью Юлия Цезаря, едва ли не самым интересным был вопрос, что теперь делать с Клеопатрой. С холма Яникул я посмотрел на английский парк виллы Дории Памфилы, где Клеопатра жила при Цезаре. Часть римской знати не принимала ее, и простые люди тоже. Хотя она и была македонской гречанкой без капли египетской крови, римлянам нравилось считать ее восточной гарпией, которая ничего хорошего Риму не принесет. «Я презираю царицу», — писал Цицерон Аттику; унизила ли она его каким-то образом, или старый республиканец считал ее основной причиной диктаторских амбиций Цезаря — нельзя сказать точно. Рим был шокирован и отшатнулся. Цезарь поставил ее статую с двумя большими британскими жемчужинами в ушах в новом храме Венеры Прародительницы, Venus Genetrix, — знак, как сочли многие, того, что Цезарь ожидал, что римляне будут считать его любовницу богиней.

К моменту смерти Цезаря ей было двадцать четыре года. Сыну, которого она ему родила, Цезариону, исполнилось три. Ребенок подрастал, и внешностью, и походкой все больше напоминал Цезаря. Странно, что Цезарь не упомянул своего сына в завещании. При всеобщем смятении, последовавшем за убийством, Марк Антоний поднял в Сенате вопрос о претензиях Цезариона на наследство, но претензии были признаны неправомерными, и из этого ничего не вышло.

Клеопатра со смертью Цезаря утратила любовь и покровительство величайшего человека в мире, у нее не осталось никаких надежд. Перед убийством в Риме ходили слухи, что Цезарь собирается на ней жениться и перенести столицу в Александрию, откуда, как фараон, будет править с Клеопатрой всем римским и греческим мирами. Надеясь стать женой Цезаря и считаться матерью его законнорожденного сына, Клеопатра уже видела себя царицей мира, а ее ребенок, в чьих жилах македонская кровь Птолемеев соединилась с римской кровью рода Юлиев, наследовал бы империю, какая не снилась даже Александру Великому.

В письме, написанном Цицероном в апреле, упоминается об отъезде Клеопатры. Она мужественно оставалась в Риме еще месяц после смерти Цезаря, выжидая, как все обернется; но когда она поняла, что все складывается против ее ребенка, то египетский флот отвез ее домой, в Александрию.

Однако именно во время пребывания Клеопатры в Риме произошло событие величайшей важности, связанное с ней, событие, которое повлияло на жизнь всех людей. Это была реформа календаря. Время совсем запуталось, и Цезарь решил начать отсчет заново с помощью юлианского календаря, который остается основой современной системы. В Рим пригласили египетских придворных астрономов, чтобы они помогли выработать новый календарь, основанный на египетском календаре Евдокса. Среди этих приглашенных был Сосиген, самый известный астроном в Египте; именно с ним Цезарь и советовался.

Год, предшествовавший введению нового календаря, вероятно, должен был показаться бесконечным: он содержал девяносто лишних дней! Потом начался первый год Юлианского календаря, где месяцы насчитывали по тридцать и тридцать один день, за исключением февраля, в котором первоначально было двадцать девять дней, а каждый четвертый год — тридцать. Месяц квинтилий был назван июлем в честь Юлия Цезаря, а спустя поколение секстилий был переименован в август, хотя история о том,

как Август украл из февраля один день, чтобы его месяц был таким же длинным, как месяц Юлия Цезаря, — это всего лишь старая и очень живучая легенда. Она повторялась из века в век и содержится даже в некоторых изданиях энциклопедии «Британника». Она основывается, видимо, на «De Anni Rationed»,^[54] написанном йоркширцем Джоном Холивудом, известном также как Сакробоско, который жил в Париже примерно в 1230 году и тоже напрог свое воображение, пытаясь объяснить укороченность февраля. Но древние документы свидетельствуют о том, что секстилис содержал тридцать один день за многие годы до того, как стал называться августом.

Занятно стоять на Яникуле и, глядя вниз на чудесный парк виллы Дории Памфила, размышлять о том, что юлианский календарь создавался именно здесь, в доме Клеопатры, более девятнадцати веков назад.

Клеопатра вовсе не была такой уж красавицей, если считать, что статуя в Ватиканской галерее — та самая, из храма Венеры Прародительницы. Мы видим молодую женщину в изящной позе, в греческом одеянии. Никаких следов неотразимого очарования и блестящей красоты, которые приписывали ей древние авторы. Статуя могла изображать любую молодую аристократку того времени, и если бы не надпись «Клеопатра», никто бы и внимания на нее не обратил.

Оставшиеся тринадцать лет своей жизни после смерти Цезаря Клеопатра провела в попытках возродить мечту о мировой империи. Она вышла замуж за Марка Антония, и если были нужны доказательства того, что Цезарион — действительно сын Цезаря, то они были даны великолепной церемонией в Александрии, когда Антоний произвел тринадцатилетнего мальчика в сорегенты вместе с его матерью и присвоил ему громкий титул Царя царей. После битвы при мысе Акции, в которой Антоний и Клеопатра были разбиты Августом, молодой Цезарион, уже семнадцатилетний юноша, был отправлен в Индию в надежде, что там он будет в безопасности; но его

перехватили по дороге, вернули в Александрию, где он был приговорен к смерти Августом.

Некоторые ученые склонны были видеть в Клеопатре Александра в женском обличье. Она мечтала объединить Запад и Восток, и было не удивительно, что власть интересовала ее больше, чем мужчины. Когда она вышла замуж за Антония, тому было уже пятьдесят, а ей — далеко за тридцать. Она располнела. Плутарх говорит: «Она притворялась, что сохнет от любви к Антонию, изнуряя себя диетой». Август, который видел ее после поражения, незадолго до ее самоубийства, нашел ее на постели, «на ней не было ничего, но рядом лежала какая-то одежда». Взгляд ее казался диким, волосы растрепались, голос дрожал, глаза запали. Она окружила себя портретами Юлия Цезаря и хранила письма, которые он ей когда-то писал. Август сел рядом и попытался успокоить ее, убеждая, что ей нечего бояться, но она сумела перехитрить его.

Должно быть, Август сразу узнал о самоубийстве Клеопатры, потому что, пытаясь спасти ее, тут же прислал к ней целителей из североафриканского племени псилли. В Риме они пользовались славой целителей от змеиных укусов и считались нечувствительными к яду змей и способными высасывать его. Но яд змеи *Echis carinata*, известной в Индии под именем «крайт», убивает за двадцать минут, и когда целители прибыли, было уже поздно.

Ее самоубийство лишило Рим великолепного зрелища — царица Египта в золотых кандалах. Так что Августу пришлось изготовить восковую фигуру Клеопатры, чтобы пронести ее по столице, празднуя победу.

8

— Можете ли вы сказать мне, почему пал Рим?

Вопрос был задан гиду англичанином в очках, похожим на учителя физики. Он стоял вместе с другими туристами на дороге, ведущей на Форум, а гид рассказывал о руинах. Бедный гид поначалу отмахнулся от вопроса и продолжал

свое. Но вопрос звучал снова и снова, и гид, бросив неприязненный взгляд на англичанина, поспешно повел группу обратно к автобусу; и они поехали в Колизей. Я от души пожалел гида. Несправедливо задавать такой вопрос с утра пораньше, когда до обеда еще надо успеть в Колизей и музеи Ватикана!

Чуть позже в тот день я поднялся на Палатин и заказал бутылку холодного пива в ресторанчике, стоящем среди дворцов. Возможно, кто-нибудь из ранних императоров пировал здесь и напивался пьяным. Вопрос молодого человека не давал мне покоя. Можно было бы возразить, что Рим не пал, а был превращен Церковью в другую, духовную империю. Но молодой человек явно не это имел в виду. Он спрашивал о том, почему западная часть величайшего военного государства древности была завоевана варварскими племенами, — ведь Восточная Римская империя не распалась до тех пор, пока турки в 1453 году не взяли Константинополь.

Странно: падению Вавилона, Египта, Персии и Греции никто не удивляется, а коллапс Рима на западе продолжает занимать мир и является предметом посмертного обсуждения, которое все еще не закончилось. Ни один современный историк не верит в то, что причиной падения Западной империи являются варвары. Старое дерево прогнило изнутри, до того, как пришли варвары и повалили его.

На месте гида я бы ответил молодому человеку предположением, что ключ к причине падения западных провинций — анархия и гражданская война III века. После смерти Септимия Севера в 211 году за семьдесят три года сменилось двадцать три императора, двое из которых правили всего по месяцу, трое — по году, и тринадцатилетнее правление Александра Севера было из ряда вон выходящим событием. Иногда весть об избрании нового императора достигала Рима вместе с вестью о его убийстве. Семьдесят лет гражданской войны и военной анархии, реквизиций, истребления населения, налогов, расстроеной торговли, инфляции, нищеты и террора

закончились реформами Диоклетиана, которые явились попыткой собрать государство воедино.

Трудно поверить, что римлянин времен Диоклетиана в его расшитом далматике — потомок римлян эпохи Цицерона; трудно также уловить в восточном деспоте, ожидающем, что придворные будут целовать край его одежд, сходство в цезарях века Августа, которые ходили по Форуму и запросто болтали и шутили с друзьями.

Самым удивительным было довольство и бездумная веселость Рима. Жители, воспитанные в трущобах, но проводящие свой день в мраморных дворцах, не помышляли ни о чем, кроме игрищ и бегов; Рим, смеясь, во весь опор мчался навстречу своей гибели. Гигантские руины терм Диоклетиана — как раз того времени, но когда смотришь на них, с трудом в это верится.

Диоклетиан испробовал все средства, чтобы скрепить то, что готово было рухнуть. В 301 году он заморозил заработную плату и цены и создал бюрократический аппарат, вдохновленный столетней практикой вымогательства. Сборщики налогов стали кошмаром для сельских жителей. Люди бежали из дома, чтобы не встретиться с ними, и мстили государству, становясь разбойниками. Богатым землевладельцам, научившимся избегать уплаты налогов, удавалось жить в своих поместьях, окружив себя серфами и вооруженной стражей (предвестье Средних веков), не подчиняясь чиновникам казны и то и дело подкупая их.

Возможно, самым худшим в государственном контроле была тактика фиксации не только заработной платы и цен, но и людей тоже. Теперь стало незаконным менять занятие, и сын был обязан продолжать дело отца. Все ремесла и профессии стали наследственными. На человека, бежавшего из булочной, желая стать серебряных дел мастером, начиналась охота, его ловили и водворяли обратно, как беглого заключенного. Рожденных в Риме больше не брали в солдаты. В армии служили в основном варвары-наемники под командованием пообтесавшихся в Риме варваров, потому что императоры предпочитали, чтобы их войсками

управляли офицеры, которые не станут претендовать на пурпурную кайму. Такие претензии были еще впереди.

И вот в этой карикатуре на республику Платона единственным местом, где человек переставал быть единицей, платящей налоги, и становился существом с бессмертной душой, была Церковь. Епископы действительно являлись пастырями для своих прихожан и имели мужество даже противостоять властям. Святой Василий однажды обругал префекта преторианцев, и тот сказал ему, что до сей поры никто не осмеливался так разговаривать с ним. «Не удивительно, — ответил святой Василий, — ты никогда раньше не встречал епископа». Кроме того, что были введены грабительские налоги и государственный контроль, Рим так и не оправился от переноса столицы на Босфор, осуществленного Константином. Огромное количество богатого и знатного населения, а также наиболее предприимчивая часть ремесленников последовала за императором и помогла ему основать новый город.

Современные историки, философы и экономисты, продолжая исследования, начатые Гиббоном, пытались выделить этот микроб, вызывающий распад нации; выяснить, почему народы, когда-то знаменитые своей энергией, теряют волю и приходят в упадок, в то время как другие, до этого ничем не выдающиеся, горят энтузиазмом. Ростовцев упоминает о «разочаровании», поражающем цивилизацию, и о чувстве, что будущее не стоит того, чтобы ради него жить. «Там, где мы наблюдаем этот процесс, — говорит он, — мы видим и психологические изменения у тех слоев и классов, которые создавали эту культуру. Их креативная способность и энергия иссякают; люди устают и теряют интерес к творчеству, перестают ценить его; они разочаровываются; больше не прилагают усилий, стремясь достичь идеала на благо человечества; их ум занимает либо материальное, либо цели, не связанные с жизнью именно здесь, на их земле, и осуществимые где угодно». В западных провинциях Рима, считает он, такое состояние души и ума — «апатия у богатых и недовольство у бедных»

— развивалось медленно и подспудно, но когда Империя после столетий мира и покоя оказалась перед необходимостью защищать себя, нужного для этого энтузиазма уже не было. «Чтобы спасти Империю, государство начало крушить и уничтожать население, унижая гордых, но не поднимая вверх униженных. И тогда возник социальный и политический конфликт III века, в котором государство, опираясь на армию, или, другими словами, на низшие классы, подавило классы высшие, унизило их и поставило в положение нищих».

Тенни Франк говорит об ослаблении нации в результате скрещивания сильных с генетически более слабыми слоями; О. Зеек пишет об «истреблении лучших» во время войны; Жюль Тютен говорит о тирании государственного контроля, которая означала, что «нигде не было простора инициативе и свободному труду»; и все эти симптомы свидетельствовали о параличе; государство начало как бы утекать сквозь ослабевшие границы, и имперская гордость римлян была теперь в дефиците. Не хватало энергии и энтузиазма, чтобы вернуть былое величие. Теперь энергией и энтузиазмом обладали варвары, и они хлынули в Рим, чтобы расположиться в нем, грабить и разрушать его, потому что их ужасали эти великие каменные города.

Первый взгляд на наших ранних европейских предков не доставит большого удовольствия. Сидоний Аполлинарий был римским аристократом и очень наблюдательным человеком, он владел поместьем на территории современной Франции и наблюдал, как бесчисленные орды продвигались к Альпам. Вероятно, мальчиком он видел и гуннов с их жиденькими бородками и приплюснутыми носами, сидящих на своих лошадях так, будто они родились кентаврами; конечно же, видел и обонял бургундцев, которые мазали волосы прогорклым маслом и оскорбляли все органы чувств своими манерами за столом и неаппетитными кушаньями; и готов в шкурах диких зверей, и голубоглазых саксов, которые плавали по морю в утлых скорлупках, обшитых кожами, и убивали пленных, чтобы умилостивить своих богов. Если верить Сидонию, то самыми

приличными на вид были франки: люди с серо-голубыми глазами и желтыми волосами, чисто, как древние римляне, выбритые и в подпоясанных туниках.

Многие племена обосновывались в Галлии и совершали набеги на римские города, иногда при полном одобрении их жителей, которые предпочитали необременительное правление варваров суровому гнету имперских чиновников. Из Рима многие бежали к варварам, и даже у худшего из варваров, Атиллы, был секретарь-римлянин. За исключением гуннов, племена не были такими уж дикими, охваченными ненавистью к цивилизации; наоборот, многие из них восхищались Римом, и многие их вожди, такие как Аларих, его зять Атаульф или Адольф (это имя значит «волк-отец» и до недавнего времени было очень популярно в Германии) хотели всего лишь стать римскими военачальниками и носить римские титулы.

Когда читаешь о тех бурных днях или думаешь о них, стоя на Палатинском холме, кажется невероятным, что мир настолько расшатался и разложился, что этот огромный, беззащитный, самодовольный город — Рим, который правитель Западной Римской империи уже покинул, считая пребывание в нем опасным, был разграблен в 410 году тем, кто им так восхищался, то есть Аларихом. И все-таки мир ужаснулся: величие Рима было оскорблено, и жизнь, которую люди знали, казалось, кончилась. Даже сейчас, когда мы читаем об этом и понимаем, что это было неизбежно, представляя себе, как готы собираются перед стеной Адриана в конце августа 410 года, мы чувствуем ужас, как будто являемся свидетелями преступления.

В истории бывают периоды, перед самым концом очередной эпохи, когда вдруг появляется женщина, приобретающая огромное влияние; и в ее странной и часто трагичной судьбе мы видим отражение духовного климата тех времен. Такой женщиной была Галла Плацидия, дочь Феодосия Великого, сводная сестра слабого императора Западной Римской империи Гонория. «Ее необычная судьба совпала с падением имперского Рима, — писал

Грегоровиус, — как трагедия Клеопатры совпала с падением Рима республиканского».

Мы могли бы на многих страницах описать разграбление Рима готами и вандалами, но, возможно, лучшее представление об атмосфере того времени мы получим, узнав историю молодой и красивой женщины из императорского дома. Галла Плацидия жила в Риме, когда летом 410 года предводитель готов Аларих встал лагерем за городскими стенами, уже в третий раз за два года. Сенат и народ были в ужасе. Рим, прекрасный Рим, еще нетронутый рукою гота, сияющий своими дворцами, императорскими форумами, амфитеатрами и термами, своими храмами, пока еще крытыми позолоченными листами, и улицами, вдоль которых стояли статуи, увешанные драгоценностями из золота и серебра, был не готов к осаде.

Когда Аларих пришел в первый раз, от него откупились золотом и серебром, выделанными кожами и пятьюстами фунтами специй. В августе 410-го он был уже сильно рассержен и не собирался заключать никаких сделок: он хотел проучить Рим и унижить его, им руководила обида. Годами он командовал войсками от имени Рима, но его амбиции не удовлетворили, он так и не стал римским генералом и не получил римского титула, и тогда он обратился против цивилизации, которой восхищался, и повел на нее большую армию, чтобы грабить и убивать.

Мы никогда не узнаем, почему Плацидия не бежала из Рима, как бежали многие, богатые и бедные, перед приходом Алариха. Бедные бежали в сельскую местность, богатые — в свои поместья на Сицилии и в других местах или отплыли в Северную Африку, прихватив с собой драгоценности и все богатства, какие могли унести. Беженцы достигли даже Палестины, где святой Иероним принял их со слезами сочувствия в Вифлееме; а вот святой Августин в Африке разгневался на них. Спасшись от ужасов осады, прибыв в Карфаген, они первым делом принялись узнавать, что идет в театрах. Августин Блаженный поберег

это доказательство римской бездумности и нерадивости для упоминания в «Граде Божьем».

Плацидия могла счесть бегство ниже своего достоинства, потому что сестре императора не составило бы труда присоединиться к своему брату в Равенне, где он и его двор укрылись в крепости на болотах. А возможно, никто просто не верил, что Аларих осмелится разграбить Рим, думая, что, как прежде, удастся от него откупиться.

Заблокировав город, дождавшись, пока там начнется голод, варвары вошли в ночь на 24 августа. Тысячи рабов встали на сторону готов, они с радостью показали варварам, где что хранится. Готы шли по Риму, гоня перед собой испуганную толпу, — и это была самая позорная страница в истории города. Не было зафиксировано ни одного героического поступка, совершенного римлянином. Деморализованные жители отдавали варварам все, что те требовали. Аларих разрешил своему войску грабить три дня, велел не убивать жителей без крайней необходимости и с уважением относиться к церквям. Он был христианин, а точнее арианин, как и многие его люди. Папы, Иннокентия I, в Риме тогда не было. Он отправился с миссией в Равенну просить жалкого бежавшего императора спасти город.

Ужас продолжался три дня, но зданиям Рима не было причинено ни малейшего ущерба. Готы хотели не крушить статуи и обелиски, а набивать ценностями свои карманы. Авентину с его ста тридцатью дворцами аристократов досталось больше всего. Здесь было больше всего случаев насилия, так как готы подозревали, что дрожавшие от страха хозяева дворцов скрывали от них сокровища. Это здесь благочестивая подруга святого Иеронима, Марцелла, была избита мародерами и, обняв их колени, умоляла пощадить невинность своей приемной дочери Принципии.

Странно, но некоторые из грабителей вели себя гораздо менее варварски, чем позже христиане. Тронутые мольбами Марцеллы (так говорит святой Иероним в письме, описывающем подробности осады, так, как ему их сообщили в Вифлееме), солдаты отвели Марцеллу и Принципию в безопасное место.

Зафиксирован еще один подобный случай. Гот ворвался в комнату, где молодая монахиня охраняла золотые и серебряные блюда и кубки. Когда грабитель был уже готов наброситься на сокровища, девушка сказала ему, что, конечно, он может поступать как хочет, но все это принадлежит святому Петру, апостол, без сомнения, накажет его за святотатство. Гот в ужасе бежал и доложил об этом случае Алариху. Тогда по приказу вождя целая процессия готов с чашами, лампадами и крестами, усыпанными драгоценностями, торжественно отправилась к собору Святого Петра, пробиваясь сквозь уличную толпу, и возложила принесенные сокровища к гробнице апостола.

Неизвестно, что происходило с Плацидией в эти три дня, но, без сомнения, ее хорошо охраняли люди Алариха и его зятя Адольфа. Когда готы убрались, унося с собой горы награбленного, они взяли с собой наценнейшее сокровище, свой главный в политическом смысле трофей — Галлу Плацидию, сводную сестру императора Запада и тетю императора Востока.

Беженцы из Рима, которые скрывались в горах и лесах, должно быть, пришли в ужас, видя, как готы уходят на юг, увозя с собой полные повозки сокровищ древней столицы мира и вместе с ними надежно охраняемую варварскими копьями прекрасную пленницу-аристократку, сестру императора, которой едва минуло двадцать. Что думала в это время молодая женщина, воспитанная в убеждении, что ее семья священна, неизвестно, но ее дальнейшие действия указывают на то, что безропотной пленницей она не была.

Аларих собирался плыть в Африку и перехватить римские суда с зерном, но ему не суждено было осуществить этот план. На юге Италии, в городе, носящем теперь название Козенца, в Калабрии, вождь внезапно умер, и Плацидии, вероятно, довелось присутствовать при его таинственных похоронах, о которых я уже упоминал, и видеть утерянную позже гробницу, где вождь готов остался лежать со своими сокровищами. Два года девушка скиталась вместе с варварами, теперь возглавляемыми Адольфом, пока Гонорий и давно влюбленный в Плацидию

военачальник Констанций старались добиться ее освобождения.

В 414 году императорские дворы в Равенне и Константинополе потрясла весть о том, что Платидия вышла замуж за Адольфа и стала королевой готов. Это произошло в Нарбонне, в доме первого из его горожан. Одета как знатная римлянка, сидя рядом с королем готов, также одетым в римское платье, Платидия со смешанными чувствами смотрела на пятьдесят красивых готских мальчиков в шелковых одеждах, каждый из которых держал два золотых блюда, по одному в каждой руке. На пятидесяти блюдах лежало награбленное золото Рима, а на других пятидесяти — драгоценности, украденные из аристократических домов Авентина. Таково было приданое римской принцессы. Свадьбу сыграли веселую. Готы и римляне перемешались в буйной пляске по столь радостному поводу.

Этот брак длился всего год. Платидия родила Адольфу ребенка, который умер, а вскоре после этого готский король был убит своим конюшим. Тогда Гонорий и Констанций возобновили свои попытки освободить Платидию, и в конце концов ее выдали им за 600 000 мер пшеницы. Она вернулась в Италию, прожив среди готов пять лет, и, вернувшись, почти сразу же была выдана замуж — вероятно, против воли — все за того же верного Констанция. Ей к тому времени было около двадцати семи. В следующем году она произвела на свет дочь Гонорию, которой суждено было сыграть в истории роль почти столь же странную, как роль ее матери, а еще год спустя — сына, который впоследствии стал императором Запада, Валентинианом III.

Констанций скоро сделался соправителем Гонория и был произведен в августы, а бывшая королева готов стала римской августой. Когда новости достигли Константинополя, племянник Платидии, император Востока Феодосий II, отказался признать ее титул, возможно, потому что так и не простил ей брак с готом. Это так рассердило Констанция, что его с трудом удалось отговорить от начала

военных действий против Константинополя. Но дни его были сочтены. Пробыв у власти всего лишь семь месяцев, он умер, и Платидия снова стала вдовой.

И тогда начался неприятный период ее жизни. Ее жалкий сводный брат воспылал к ней страстью и настолько не скрывал своих чувств, что разразился скандал, приведший к беспорядкам на улицах Равенны. Платидия совершенно растерялась, дворцовые интриги привели к тому, что она решила со своими двумя детьми уехать к императорскому двору в Константинополь. Без сомнения, ее там приняли весьма холодно, но тут Гонорий вовремя умер от водянки, и перед Платидией сразу открылось блестящее будущее. Ее сын, шестилетний Валентиниан, был провозглашен императором Запада, и она вернулась в Италию регентшей. Десять лет она правила умирающей Западной империей и еще пятнадцать лет сохраняла в своих руках власть. Она умерла в шестьдесят два года, и ее великолепный мавзолей, знаменитый своими мозаиками, до сих пор считается одной из главных достопримечательностей Равенны. Много веков забальзамированное тело Платидии в королевском одеянии покоилось на троне кипарисового дерева; говорят, можно было увидеть мумию через отверстие в стене; но в 1577 году какие-то дети, играя с огнем, сожгли императрицу и ее трон.

Всем известно, что дочери часто очень похожи на отцов, и в характере Платидии, а затем и ее дочери Гонорий были сила и тяга к власти, которых не хватало потомкам Феодосия Великого по мужской линии. Гонория была девушка с характером, при этом ей выпала несчастная судьба наблюдать, как плохо управляет Империей ее неспособный к этому брат. Ей же не давали выйти замуж ни за кого, кто мог хоть как-то претендовать на пурпур. В тридцать лет она все еще оставалась старой девой. Как раз в этом возрасте Гонория полюбила своего управляющего, человека по имени Евгений, и считалось, что с его помощью она рассчитывала убить Валентиниана III или каким-то другим образом убрать его с трона. Но заговор был раскрыт,

Евгения казнили, после чего было решено отдать Гонорию в жены обыкновенному состоятельному человеку. Надеялись, что брак навсегда отдалит ее от политики. И тогда, доведенная до крайности, она совершила очень странный поступок: эта нежная, хорошо воспитанная римлянка тайно послала свое кольцо Атилле, королю гуннов, умоляя его прийти ей на помощь. Тут, конечно, сказалось влияние ее матери; можно предположить, что Плацидия, рассказывая дочери о том, как правила готами, не старалась привить ей ужас перед варварами и отвращение к ним, а скорее наоборот.

Аттила, однако, был вовсе не похож на проримски настроенных готов. Этот низкорослый, коренастый, широкоплечий человек с приплюснутым монгольским носом, глубоко посаженными глазами и несколькими жидкими волосками на подбородке вместо бороды был упрям, заносчив и не знал жалости. Замечательный его портрет оставил Приск, историк, который с дипломатической миссией ездил к гуннам. Он описал также примитивные дома гуннских селений и королевские покои, где присутствовал на пире. Полудиким воинам подавали яства на серебряных тарелках, а их вождь Аттила ел куски мяса прямо с деревянной доски. Его подданные пили из золотых кубков, в то время как сам «Бич божий» — из простой деревянной чаши. А когда в зале зажгли факелы и явились акробаты и шуты — развлекать собравшихся, гунны покатывались со смеху, и лишь у одного Аттилы не дрогнул ни один мускул на лице.

Гунн был рад мольбе Гонорий и решил, что можно и жениться. Может быть, он и ухмыльнулся про себя, подумав о женитьбе на тридцатилетней римлянке, но все средства были хороши, чтобы держать в страхе Равенну и Константинополь.

Два года, 451-й и 452-й, он с огромной армией гуннов, франков и вандалов добивался своей «невесты». Именно во время этой кампании граждане Аквилеи в страхе покинули свой город и скрывались на островах в адриатических лагунах. Так был основан удивительный город Венеция.

Когда в 452 году Аттила подошел к Риму, повторилась паника 410 года, и послы, среди которых был и папа Лев I, вышли навстречу королю гуннов. Войдя в его шатер, послы обнаружили, что советники Аттилы разделились во мнениях: стоит ли брать город. В один из самых ярких исторических моментов гунн благоразумно отступил. Христиане утверждают, что он испугался апостолов; безусловно, судьба Алариха, который умер вскоре после разграбления Рима в 410 году, повлияла на решение Аттилы. Тем не менее через год Аттилу нашли мертвым в его постели, а девушка, которая стала его женой за ночь до того, в слезах сидела над его телом. Некоторые говорили, что у него лопнул кровеносный сосуд, другие — что молодая жена убила его во сне.

Неизвестно, что случилось с Гонорией. Ее образ на короткий миг сверкнул в сумерках истории, воззвав о помощи к диким силам, раздиравшим на части западный мир. Платидия и Гонория, мать и дочь, символизируют возможность союза между варваром и римлянкой, от которого в далеком будущем предстояло родиться Европе.

Через два года после смерти Аттилы, в 455 году, Рим разграбили вандалы под предводительством Гезериха. Эти люди переправились в Северную Африку и приобрели власть на море. Им суждено было вымирание из-за тяжелого климата и сытой жизни. Римский поэт хорошо описал разжиревших вандалов, лежащих на палубах своих кораблей, лениво глядя, как за них трудятся африканские рабы.

Гезерих, чья мать была рабыней, обладал неукротимым нравом и был хром после падения с лошади. Он повел крупные силы вандалов и мавров на Рим, и пока его корабли стояли у причалов Тибра, его люди четырнадцать дней грабили и убивали, пока не наполнили свои корабли сокровищами. Готы были просто джентльменами по сравнению с вандалами. Они не трогали церквей, щадили женщин и детей; слово же «вандализм» вошло в язык, как память о тех двух неделях вопиющей дикости.

Они украли золоченые бронзовые листы с крыши храма Юпитера и забрали даже медные горшки из кухонь на Палатине. Так как у вандалов обнаружилась тяга к прикладному искусству и архитектуре, они забрали вещи из дворцов, чтобы украсить ими свои виллы в Африке. По некоторым данным, еще Аларих похитил иудейские сокровища из храма Мира на Форуме, по другим — их украли вандалы или, по крайней мере, украли то, что от них осталось. Они погрузили все это на свои тяжелые корабли и прихватили с собой императрицу Евдоксию и двух ее дочерей. Рим был парализован.

Голод, грабежи, резня, пожары и чума продолжались, и в 476 году правление западных императоров закончилось, и Апеннинским полуостровом правили короли варваров. Среди них был один очень необычный варвар, Теодорих Остгот, который, не умея читать и писать, тем не менее глубоко уважал цивилизацию. Тридцать три года, с 493-го по 526-й, Рим переживал своеобразный золотой век. Завоеватель был влюблен в завоеванный город; враг стал верным рыцарем. Одетый цезарем, Теодорих жил со своим двором в Равенне, а когда приезжал в Рим, останавливался на опустевшем теперь Палатине. К Сенату он обращался на своей варварской латыни и учредил специальную полицию для охраны сотен статуй, которые стояли на улицах и форумах. Под покровом темноты опустившиеся римляне воровали бронзовые руки и ноги, чтобы переплавить их, и современник отмечает, что при Теодорихе статуи при этом не оставались безгласными, но издавали нечто вроде звона, которым предупреждали стражу, и она с пиками набрасывалась на ночных воров. Тот факт, что готу пришлось охранять статуи римских военачальников, консулов и поэтов прошлого от самих же римлян, — еще одно ужасное свидетельство упадка Рима.

После смерти Теодориха в 526 году отсвет его правления тут же погас, и византийский император решил снова отвоевать западные провинции. В 536 году Рим был отвоеван для императора Востока Юстиниана его великим

полководцем Велизарием. Еще через десять лет на сцене появился любопытный персонаж — гот Тотила.

Он осадил город и не снимал осаду, пока жители не стали умирать от голода прямо на улицах. Суп из крапивы, крысы и собаки считались деликатесами. Когда гражданскому населению разрешили уехать, то из города вышла процессия привидений, некоторые из них умерли по дороге, а прочих перебили поджидавшие их готы. Тем не менее великая стена Аврелиана стояла незыблемо, и пока оставшиеся римляне держались, питаясь травой и сорняками, которые росли на улицах, в их сопротивлении было величие и благородство, которое компенсировало трусость римлян в дни Алариха. В конце концов четыре грека часовых дезертировали к готам и предложили открыть им Ослиные ворота (Порта Азинария) рядом с Латеранским собором Святого Иоанна; потом они ночью незаметно проскользнули обратно, на свой пост. Ворота открыли, и с первым лучом солнца 17 декабря 546 года Тотила и его армия проникли в пустой город. Им даже не на кого было излить свою ярость. Это может показаться невероятным, но во всем Риме осталось всего-навсего пятьсот горожан, которые прятались в церквях. Дворцы стояли пустые, двери домов были открыты, знаменитые улицы и императорские форумы — молчаливы и покинуты, статуи, оставшиеся от прежних дней, довершали трагическую картину. Итак, готы одержали бескровную победу, у них была полная свобода действий, как у грабителей, забравшихся в дом, когда хозяева ушли.

У Тотилы было правило: ровнять с землей все города, какие ему случалось захватить, и так же он хотел поступить с Римом. Он сломал все ворота и начал разрушать стену. Последних жителей изгнали из города, и готы продолжали разрушения на безлюдных улицах. Когда они повалили треть стены, от Велизария пришло послание, призывавшее Тотилу хорошо подумать, прежде чем продолжать. В письме он предупреждал Тотилу, что, продолжая разрушать Рим, он разрушает и свою репутацию в мире. Тотила был странным человеком, иногда с ним вдруг случались приступы

сострадания, доброты и великодушия. В общем, он решил предоставить Рим его судьбе. Сорок дней в Риме не было ни одного живого существа. По улицам бродили дикие звери, в зимние холода пришли волки и разрыли тысячи могил.

Затем явился Велизарий, починил стену, привлек в город немногочисленных жителей, и жизнь началась в нем снова. Через два года Тотила вновь осадил город, и история повторилась. Часовые предали город, и готы взяли его; но их странный вождь больше не помышлял о разрушении Рима. Теперь ему хотелось возродить его. Огромные пространства в черте города были засажены пшеницей, а население Рима не превышало теперь населения маленького провинциального городка. Тотила зазывал новых жителей издалека и из окрестностей, а перед тем, как уйти, устроил кошмарное зрелище.

Circus Maximus, который вмещал в себя двести тысяч зрителей, стоял нетронутым, и, сидя в его мраморных креслах по приглашению готского короля, несчастные жители города собралось смотреть на игрища. В 549 году в последний раз состоялись состязания колесниц, и тени древних римлян, должно быть, плакали и заламывали руки, глядя на эту пародию на прошлое величие. Когда игры закончились, Тотила отправился наказывать Сицилию. Прошло четыре года, и вот он снова оказался вынужден защищать Рим от византийской армии. Тотила был убит в бою и тайно похоронен, но одна готская женщина показала его могилу грекам, они откопали тело и отправили его в Константинополь, где он был похоронен в ногах у Юстиниана.

Следующие сто семьдесят лет своей истории Рим зависел от Константинополя. Греческий экзарх в Равенне был наместником византийского императора. Наместник занимал часть дворцов цезарей на Палатинском холме и являлся номинальным правителем, а истинным правителем был папа. Греческие монахи заполнили монастыри и служили в церквях, греческие папы сменяли друг друга на престоле Святого Петра. Церкви Рима украшала чудесная мозаика, кое-что от нее сохранилось. В населении же не

могло сохраниться и капли древнеримской крови. Теперь, когда акведуки были перекрыты и холмы остались без воды, жители оказались притиснуты к Тибру, согнаны на Марсово поле. Таким увидели Рим первые пилигримы-саксы из Англии.

В 731 году Григорий II вышел из повиновения Константинополю, и владычество наместников кончилось. Рим цезарей теперь превратился в Рим пап. В этот великий момент папство наконец повернулось спиной к греческому Востоку и лицом к латинскому Западу, которому под его руководством предстояло стать Европой. Вооруженная духовным превосходством и властью, умудренная опытом прошлого, Папская область не являлась военным государством и нуждалась в защитниках. В Рождество 800 года папа Лев III возложил корону на голову Карла Великого, короля франков, и толпа приветствовала того как басилевса, словами, принятыми на коронации императоров Византии. Доктор Делайл Берне писал: «Приветствие римлян, обращенное к Карлу Великому как римскому императору, было первым младенческим криком при рождении Европы».

Глава четвертая. От Кастель Гандольфо к дворцам и аренам

Папа у окна. — Папская ферма. — День на Палатинском холме. — Дворцы цезарей. — Писатель в Древнем Риме. — Золотой дом Нерона. — Колизей.

1

По мере того как летний зной нарастает, все больше римлян уезжает из Рима, и вот наступает момент, когда из ворот Ватикана выплывает черный лимузин. Хрупкая белая фигура на заднем сиденье осеняет крестным знаменем собравшихся справа и слева. Толпа опускается на колени, а поднявшись, машет вслед удаляющемуся автомобилю с видной сквозь заднее стекло белой шапочкой. Папа отбывает в свою летнюю резиденцию в Кастель Гандольфо.

Теперь всякий, кто хоть сколько-нибудь чувствителен к исторической атмосфере, начинает чувствовать, что Рим опустел; монархи давно покинули этот город, но сейчас это ощущение особенно сильно, ибо короли приходят и уходят, а папа — навсегда. Возможно, никогда не было папы, который с большим правом мог бы рассчитывать на канонизацию, чем папа Пий XII. Воодушевленный рассказами о нем, я все больше и больше хотел увидеть человека, который когда-нибудь займет свое место среди святых. Поэтому я был счастлив получить билет на публичную аудиенцию. Папа дает их летом дважды в неделю, и я решил, что ради такого случая не грех нанять автомобиль с шофером.

Водитель машины производил впечатление вполне кроткого и спокойного человека, пока не сел за руль. Тут он сделался агрессивным, даже, я бы сказал, потенциальным убийцей. Мы на огромной скорости пролетели Пьяцца Барберини, проскочив в дюйме от человека на велосипеде,

развозившего свежие гвоздики, резко затормозили, чтобы не врезаться в другую машину, потом поддали газу, чтобы все-таки обойти ее, потому что мой водитель был склонен считать за личное оскорбление, если кто-нибудь его обгонит; пулей пронеслись по узким улочкам эпохи Возрождения, гудя как ненормальные и вынуждая прохожих шарахаться в стороны.

— За один год, — поведал он, повернувшись ко мне на секунду и одновременно нажав на газ, — у меня было девять аварий...

И, словно опасаясь, что до меня не дошло, он отпустил руль и воскликнул:

— Девять! Но я, — он игриво наклонился ко мне и весело помахал рукой, — я всегда оказывался прав и... получал компенсацию!

Мы продолжали мчаться. Тут перед нами возникла пожилая женщина в черном, из тех, что на любой итальянской улице решительно идут по проезжей части навстречу своей смерти. Он миновал ее. Я оглянулся и увидел, что она продолжает идти по проезжей части как ни в чем не бывало. Машины вокруг нас ехали с такой же огромной скоростью, как мы, повиновались общему для итальянского уличного движения закону и совершали маневры, похожие на движения птиц, то разлетающихся, то снова собирающихся в стаю. Вдруг прямо по курсу мы увидели слепого, которого переводил через дорогу маленький мальчик.

В любой другой стране мира, затормозив, мы бы неминуемо налетели на другую машину, и список убитых и раненых получился бы внушительный. Но, послушные инстинкту, который заставляет итальянского водителя чувствовать проблемы другого водителя, прочие машины «посторонились» и дали нам возможность объехать слепого. Затем мы бодро повалили несколько дорожных знаков, и, едва не задев девушку на заднем сиденье «веспы», оказались наконец на трассе Альбано, где и прибавили скорости.

— Как вышло, что вы так хорошо говорите по-английски? — спросил я.

— Я был у вас в плену, — ответил он просто, но в его словах звучала горечь и чувствовался намек на пережитое унижение.

Это выглядело всего лишь немного истеричным напоминанием о превратностях войны, но я подумал: неправильно воспринимать это, как нечто личное. В ответ я ограничился фразой:

— Ну что ж, надеюсь, я обращался с вами хорошо.

Мы ехали прочь из Рима, мимо того места, где кончаются трамвайные пути, мимо пустующих многоквартирных домов на насыпях щебенки, где итальянские киностудии создают свои драмы, по дороге, вдоль которой разрушенный акведук тянется через Кампанию, мимо аэропорта. Потом поднялись на зеленые холмы.

Водитель оказался действительно славным парнем, настоящим римлянином из Трастевере. Своим поведением он напомнил мне о том, как иронически и философски относились к превратностям судьбы английские кокни. Как и все итальянцы, он был знаком с кем-то, кто был знаком еще с кем-то, кто знал еще кого-то, и эта лестница святого Иакова могла привести его хоть на небо. При наличии стольких двоюродных братьев, дядьев и племянников, рассеянных по всему Риму, а также дипломатичности, почтения к родственникам и свободного времени для него в этом городе не было ничего невозможного.

Мы мчались по равнине, потом поднялись на прохладные Альбанские холмы. Когда папа отправляется в Кастель Гандольфо, весь район набит полицейскими. Мы встречали посты вдоль дороги через каждые пятьсот ярдов. Полицейские стояли, опершись на свои винтовки, и провожали нас взглядом. Одному из постов мой водитель отсалютовал долгим гудком и помахал из окна сердитому полицейскому.

— Кто это был? — спросил я.

— Двоюродный брат жены, — ответил водитель. Мы проехали по крутой и узкой улице и остановились на

солнечной площади с фонтаном в центре. В дальнем углу площади я увидел огромные ворота, за которыми находился дворец папы. У входа стояли два швейцарских гвардейца в своей полосатой красно-желто-синей форме и улыбались в объективы фотоаппаратов, наставленных на них доброй сотней герлскаутов из Бельгии. Водитель сказал, что ему тут надо навестить своего дедушку, а после обеда он встретит меня. Так как аудиенция никогда не начиналась раньше шести, мне предстояло как-то убить день.

Я приятно провел около часа в ближайшем кафе, наблюдая толпу, привлеченную в этот маленький жаркий городок аудиенцией. Тут были и целые семьи, и туристические группы, и пилигримы со своими священниками, герлскауты из Голландии и Бельгии, бойскауты из Англии, испанцы, датчане, американцы и даже некоторое количество священников с монголоидными чертами лица, должно быть из Сиама. Официант сказал мне, что это только авангард — основная часть приедет ближе к аудиенции в автобусах из Рима.

Христиане, когда они собираются вместе, всегда производят на других людей приятное впечатление своей жизнерадостностью. Вот и сейчас я заметил прежде всего именно эту черту. Они разговаривали на разных языках, но всех их объединяла Церковь, эсперанто их литургии, а в тот момент они к тому же были возбуждены и взволнованы от мысли, что чуть позже предстанут перед наместником Святого Петра и получают его благословение. Передо мной вырос высокий, розовощекий, чисто выбритый американец, который вызвал у меня ассоциации с рекламой внутриофисной селекторной телефонной связи, и с предупредительностью маркиза XVIII века спросил, нельзя ли им с женой присесть за мой столик.

Они пересекли Атлантику, чтобы посетить кладбище в Неттуно, где лежит их сын, молодой человек, убитый в свой двадцатый день рождения на побережье в Анцио.

— Он был очень хороший мальчик, — сказал отец.

— Он был славный мальчик, — спокойно сказала мать и отхлебнула кофе.

— Несколько недель назад мы удостоились личной аудиенции его святейшества, — сказал мужчина, — но хотели бы увидеть его еще раз, прежде чем уедем домой. Хоть одним глазком взглянуть, хоть издали.

Я пошел к высоким коричневым воротам дворца, где стояли два швейцарских гвардейца с алебардами в руках, жужжали и щелкали фотоаппараты. Летняя резиденция папы, столь любимая им, место, где он всегда стремится задержаться подольше, — это огромный дворец эпохи Возрождения, выстроенный Карло Мадерной, архитектором фасада собора Святого Петра. Чтобы построить этот дворец, пришлось снести древний замок Гандольфи, который стоял здесь веками над озером Альбано.

Самое странное в Кастель Гандольфо — что ты не видишь великолепного озера внизу. Ты его еще должен отыскать — оно сокрыто от тебя улицами городка. Я увидел озеро неожиданно. Пошел выяснить, где можно перекусить, свернул в какой-то переулок, вышел на террасу, устроенную на краю скалы, и оттуда внизу, в четырехстах футах, увидел то, что когда-то было кратером вулкана, а сейчас стало блюдцем голубой воды, окруженным холмами. Чудесное зрелище — этот огромный круг, когда-то выжженный огнем, а теперь поглощенный божественной синевой. На краю скалы стоял маленький ресторанчик, какие чаще встречаются в романах, чем в реальной жизни. Дюжина столиков, накрытых под навесом, увитым виноградом, на котором уже завязались маленькие виноградинки, кристально чистый воздух и озеро внизу.

Единственными посетителями кроме меня были пожилые итальянские священники в пыльных сутанах и широких, тяжелых туфлях. Их морщинистые простоватые лица лоснились от только что съеденного изрядного количества спагетти, не говоря уже о бутылке местного вина. Я заказал *stracciatelle alla Romana*,^[55] суп с яйцом, имеющий привкус XVI века, *scaloppini al Marsala*^[56] и сыр горгонзола. Официант горделиво поставил на стол графин с местным вином, сделанным, как он сказал мне, из винограда с собственных виноградников *padrone*,^[57] купажированное с

вином из Неми. Он подождал, пока я не попробую вино, и ушел счастливым, когда я признал, что оно — лучшее из всех здешних вин. Я как раз заканчивал свою трапезу, когда передо мной возник мой водитель. Он уже пообедал, но не отказался выпить вина.

— Хотите осмотреть ферму папы? — спросил он.

Я решил, что это потрясающая идея, я ведь даже не знал раньше, что папа держит ферму, и мы вернулись в машину, а вскоре уже въезжали в ворота импозантной виллы. Встретивший нас человек приподнял шляпу и поклонился мне, как будто я был особой королевской крови. У меня мелькнула мысль, что это тоже один из многочисленных родственников моего водителя. Мы проехали по великолепной аллее из очень старых деревьев и остановились на широкой террасе, откуда открывался потрясающий вид на Кампанию и Рим. Ступени с террасы вели в регулярный парк эпохи Возрождения, где росли красные и розовые бегонии, самшит, гелиотроп. Имелись фонтаны, лабиринты и живые изгороди. Последнее, что нам было видно с террасы, — это несколько черных кипарисов, без которых никогда не обходится римский пейзаж. Они походили на мрачных монахов, явившихся напомнить нам, что в жизни есть более важные вещи, чем лабиринты и водопады.

Папа обычно около часа гуляет по террасе, любуясь садами. Это сады виллы Барберини. Он приезжает сюда по специально проложенной для этого дороге, связывающей дворец с виллой. Мне рассказывали, что обычно он оставляет машину на террасе и прогуливается, иногда не отрывая глаз от книги. Мы вошли в небольшой giardino segreto,^[58] скрытый живой изгородью и со статуей Девы Марии над прудом.

— Вы заметили, что Святая Дева держит в руках букетик цветов? — спросил водитель. — Это его святейшество выбирает их для нее.

В руке она действительно держала четыре-пять скромных желтых цветков, которые, как я заметил, росли вокруг. Видно было, что они свежие и недавно сорваны. Как

это, должно быть, красиво — старый понтифик один в саду, в своей белой сутане с капюшоном и красных бархатных туфлях, тихим солнечным утром собирает полевые цветы для Мадонны.

Затем мы въехали в еще одни ворота, и за ними кипела работа. Мужчины и женщины обрабатывали несколько акров кукурузы. Мы прошли мимо полей, где выращивали картофель, капусту, лук, сквозь яблоневый сад, где зрел тяжелый розовый урожай. Везде чувствовался этот замечательный дух чистоты и аккуратности, какой бывает только на образцово-показательных фермах, где, кажется, за курятником притаился старший сержант и зорко следит, чтобы лопаты были надраены до блеска. Мы прошли несколько птичников, и над входом каждого помещалась прекрасная мозаика, изображавшая какой-нибудь сюжет из куриной жизни. Множество белых леггорнов и род-айлендских красных деликатно клевали в листьях кукурузы перед входом в свои птичьи дворцы. Они напоминали придворных Людовика XIV, наслаждавшихся пиром на свежем воздухе — *fete champetre*. Мне бы хотелось лучше рассмотреть куриную мозаику, но водитель уже увлек меня к молочной ферме. В коровнике, облицованном голубой плиткой, мы увидели сорок прекрасных фрисландских коров, которых содержали и кормили по последнему слову животноводства. Над их умиротворенными мордами висели таблички с указанием кличек, удоев и племенных особенностей. Я наконец-то смог блеснуть каламбуром, от которого трудно удержаться на ферме, принадлежащей папе: — А где же bull?^[59]

Меня провели в другой загон, где огромное, но коренастое черно-белое существо по имени Кристи, дар его святейшеству от одного американца, на секунду перестало жевать жвачку и злобно взглянуло на нас. У него были налитые кровью глаза убийцы и при этом длинные ресницы кинозвезды.

Тут мой гид спохватился и сказал, что нам надо торопиться обратно в город, чтобы успеть на аудиенцию. Я заставил его пообещать мне не торопиться очень уж сильно,

но уже через несколько минут он высадил меня у подножия холма, где к тому времени скопилась такая толпа, что не стоило и пытаться поставить машину на площади, там, где ставили утром.

Я пошел вперед, влившись в поток народа, который направлялся к дворцу. Даже в самом воздухе чувствовалось волнение. Все боялись, как бы не опоздать. Кроме обычных посетителей, было много семинаристов из летних школ, раскиданных вокруг озера; я заметил нескольких английских священников в черных сутанах, шотландцев в фиолетовых сутанах с красными поясами и пару немцев, чьи красные кардинальского цвета сутаны так украшали улицы Рима, пока не началась летняя миграция. Был один монах-францисканец, который словно сошел с фрески Фра Анджелико: жидкая золотистая борода и любопытные блеклые глаза — глаза, быть может, знакомые с видениями. И, конечно же, в этой движущейся толпе не обошлось без церковной «пехоты» — крепких деревенских священников-итальянцев в широких грубых башмаках.

Наши страхи оказались вполне оправданны. Дворик был уже полон. Огромная масса народа напирала, умоляя впустить, но папская стража безнадежно указывала руками в белых перчатках на толпу, которая уже вошла. Швейцарцы стояли, живописно скрестив свои алебарды. Мне, однако, как-то удалось протиснуться к воротам и пробраться внутрь, и вот я уже поднимался по мраморным ступенькам дворца. Толпа внизу гудела, как пчелиный улей. Потом несколько тысяч голосов запели гимн. Гвардеец указал мне на открытое окно и сказал, что я могу встать около него. Там заняли свои позиции уже около двадцати человек, так что мне было ничего не видно. Тогда я поднялся по лестнице, которая вела на крышу. Там-то, думал я, буду один, но никак не меньше тысячи человек опирались на парапет, сидели где только могли и даже, рискуя жизнью, примостились, как на насесте, на черепичном скате. Наконец мне удалось найти такое место у парапета, откуда открывался прекрасный вид на дворик внизу и центральный балкон дворца, на котором висел

красный флаг. Когда я разглядывал все это, человек, стоявший рядом, вдруг обратился ко мне со словами: «Возможно, вы меня не помните, но в последний раз мы с вами встречались в Булавайо!»

В толпе внизу появилась странная белая полоса — это оказались береты сотен американских моряков с пришедшего крейсера. Еще было множество девочек со знаменами в руках и пронзительными голосами — за ними присматривали монахини, и шумных мальчишек со своими деревенскими священниками, а еще — монахи, монахини, и... кого там только не было. Вдруг толпа издала победный клич, он получился гораздо громче, чем все крики, которые собравшиеся издавали до этого, и, взглянув в сторону балкона, я увидел, что в овальном черном проеме окна появилась белая, хрупкая, очень прямая фигура. Человек улыбался, поворачиваясь то вправо, то влево, потом сделал толпе знак, призывая к тишине. Выдохнув: «Viva il Papa!», толпа смолкла.

Затем Пий XII уселся на красный с золотом стул, пристроил поудобнее микрофон и обратился к собравшимся членам своей огромной семьи. При виде папы, вероятно, прежде всего должна приходиться мысль об историчности происходящего. Со священным ужасом смотришь на того, чья великая миссия уходит корнями в дни имперского Рима. Нити, связующей столь отдаленные времена и события, больше в истории не найдешь. Пышные церемонии цезарей сообщили фигуре папы эту торжественность. Но он не только просто равен цезарю, он — папа, он — отец, и в этом качестве мы и видели его сейчас, когда он спокойно беседовал с нами с балкона своего загородного дома. Это в каком-то смысле производило большее впечатление, чем когда я видел его в прошлый раз, проплывающим в *sedia gestatoriaх*, ^[60] под звуки труб и при покачивании страусовых перьев дамских вееров, потому что первые папы именно так разговаривали с первыми христианами — как отцы со своими детьми.

Странно говорить такое о небольшой фигурке в белом на балконе, но я чувствовал, что этот человек излучает на

нас необыкновенный покой и мир. Божественная благодать — вот слова, которые, пожалуй, лучше всего выразят то, что я хотел сказать. Даже если бы я не знал об аскетическом образе жизни и святости этого человека, я бы все равно это почувствовал. Это худощавый аристократ с тонкими и удлинёнными пальцами, какие Эль Греко любил писать у своих святых. Лицо у него худое и желтоватое, глаза — темные и глубоко посаженные. Он так прямо держится и так точен в каждом движении, что трудно поверить, что ему восемьдесят лет.

Раньше он был знаменит как кардинал-полиглот: он разговаривал с людьми на восьми языках. Это первый папа, который поднялся в воздух на самолете, спустился в шахту, ступил на борт подводной лодки. В 1917 году он передал кайзеру предложение Бенедикта XV стать посредником в переговорах воюющих сторон. Он знал Гитлера до Первой мировой войны. Он был избран папой в 1939 году, в день своего рождения, в шестьдесят три года.

Все это промелькнуло в моем сознании, пока я слушал его голос. В толпе время от времени восхищенно восклицали. Папа жестом призывал к тишине. Он говорил по-итальянски, потом по-испански — для группы паломников из Латинской Америки; потом по-французски; потом по-немецки. От возгласов каждой языковой группы, к которой он обращался, дворик просто гудел. Наконец папа спросил: «Есть здесь англичане?» И раздался мощный рев моряков: «Америка!»

Папа улыбнулся, повернулся к ним. И заговорил по-английски. Когда он закончил, они так рывкнули: «Боже, благослови папу!», что чуть не снесло крышу дворца.

Потом он повернулся к детям и сказал по-итальянски:

— Дети, я обращаюсь к вам.

— Да здравствует папа! — раздался пронзительный возглас, и все дети замахали флажками на балконе.

— Вы хорошие дети? — спросил папа.

В ответ раздался взрыв радостного смеха.

— Si, Santo Padre, si, si, si!^[61]

— Всегда ли вы читаете молитвы?

— Si, Papa, si, sempre, sempre.^[62]

— Хорошо ли вы едите? Хорошо ли вы спите?

Затем папа произнес очень простое наставление в доброй и правдивой жизни. Когда он закончил, половина женщин вокруг меня прижимала платки к глазам, и действительно, атмосфера была, как называют это испанцы, *emocionante*.^[63] Затем папа поднялся, поднял руку и благословил собравшихся. Он на минуту склонил голову в молитве, потом повернулся и пошел во дворец.

Я ехал обратно в Рим в глубокой задумчивости. Несколькими днями позже я рассказывал одному из чиновников Ватикана о своих впечатлениях об аудиенции, а потом, сменив тему, поведал ему и о том, как мне было интересно взглянуть на папского быка. Он попросил меня объяснить. Когда я рассказал ему о своем визите на ферму, на его лице появилась тревога.

— Но как вы туда проникли? — спросил он. — Это никому не разрешается!

Так что, как вы понимаете, в Италии просто надо быть знакомым с кем-то, кто знаком еще с кем-то, кто, в свою очередь, тоже имеет хорошие связи.

2

Когда путешественник в античные времена подходил к Риму по Аппиевой дороге, первым, что бросалось ему в глаза и ослепляло своим великолепием, были залитые солнцем императорские дворцы на Палатинском холме. Здесь жили цезари, и роскошь их жилищ возрастала по мере укрепления Империи, и не было в мире прекраснее дворцов. Отсюда они управляли своими богатыми владениями, здесь они жили, окруженные льстецами и рабами, здесь они часто гибли самой жалкой смертью — от руки наемного убийцы.

Столпившиеся на Палатине дворцы уже были древними, когда в IV веке Константин Великий решил перенести столицу в Константинополь. Скоро другой «Палатин», где купола явно преобладали над колоннами, отразился в водах

Босфора. Великолепие византийских дворцов стало легендой. Викинги рассказывали о них друг другу долгими зимними ночами; дикие балканские кочевники в степях знали об их блеске и, сидя у своих походных костров, говорили об императорском троне с золотыми львами, о золотом дереве с эмалевыми певчими птичками, которое стояло за троном. Пока римские дворцы на Палатине постепенно разрушались, византийские становились все пышнее, и так до тех пор, пока в 1453 году турки не завоевали Константинополь и султан не ахнул от изумления, войдя в императорские покои. Те, кто сейчас исследует запутанные ходы дворца султана в Стамбуле, не без оснований могут предположить, что перед ним лишь подобие римских дворцов на Палатине.

Палатин, однако, не всегда был царским холмом. Во времена Республики, с 509 по 31 год до н. э., это была территория аристократов и состоятельных людей. «Новые люди» — успешные ораторы и финансисты чувствовали себя здесь как дома. Это место было тем, чем стал Парк-лейн в правление Эдуарда VII. Август родился на Палатине и решил, что здесь ему будет удобно жить. В двадцать семь лет он получил от Сената подходящий дом и в нем поселился. Раньше дом принадлежал знаменитому оратору, врагу Цицерона, Квинту Гортензию, который очень любил животных. Гортензий жил в Риме весьма скромно, а все свои богатства демонстрировал на загородных виллах, которых у него было несколько. В его великолепном поместье в Таренте был погреб с десятью тысячами амфор хиосского вина и целой сворой прирученных им диких зверей. Говорят, во время пиров к гостям с ветвей деревьев вдруг спускался раб, переодетый Орфеем, и на зов его флейты сбегались дикие звери и резвились вокруг него. В прудах с соленой водой в Баули Гортензий держал морских рыб и кормил их с руки и однажды разрыдался, узнав о смерти одной из своих любимиц. Он любил и деревья и подкармливал их — поливал вином. Однажды он попросил Цицерона выступить вместо него, чтобы вовремя вернуться в свое поместье и полить свой любимый платан.

Что касается его жилища на Палатине, это был довольно скромный дворец, и он впоследствии очень подошел Августу. Август был слишком умен, чтобы, подобно своим менее значительным последователям, лелеять самомнение и окружать себя роскошью, и хотя со временем он купил и соседний дом и расширил свое жилище, говорят, он долгие годы продолжал спать все в той же маленькой спальне. Таким образом, дом Гортензия стал ядром целого созвездия дворцов, которое в конце концов образовалось на Палатине.

Одним из главных строителей был Тиберий, «цезарь Распятая». Он выстроил себе дворец на северо-западном склоне холма, а сменивший его сумасшедший Калигула поселился на самом краю, с видом на Форум, как раз над Домом весталок. Здесь Калигула был убит, а дрожащий Клавдий возведен на престол парой солдат, которые как раз проходили мимо. Нерон считал дворцы предшественников недостойными его и покинул Палатин ради своего фантастического Золотого дома. Ни Веспасиан, ни его сын Тит дворцов не строили, но Домициан, младший сын Веспасиана, переделал центр холма и его южный склон, построив стадион и удивительный дворец, где жил в постоянном страхе и в конце концов погиб в одном из мраморных залов от удара кинжалом в живот. Затем последовал перерыв длиной в столетие — на это время холм оставили в покое. Этот период включал в себя правления Траяна, Адриана и Марка Аврелия. Затем благодаря Септимию Северу, чья арка до сих пор стоит на Форуме и о чьих походах в Шотландию я уже рассказывал выше, юго-западный склон холма покрылся новыми великолепными зданиями. Однако к тому времени Палатин был уже так застроен, что император, пытаясь найти свободное место, вынужден был выстроить большую платформу на огромных опорах, которую до сих пор видно с Виа дель Чирко Массимо и которая сегодня является главной приметой этого холма.

Если не считать дворца Августа, дворцы Палатина принадлежали не слишком достойным цезарям. Личность Тиберия не вызывала симпатии, Калигула был безумен,

Нерон — хотя ему и не довелось приложить руку к Палатину — был весьма расточительным строителем, Домициан со временем превратился в жестокого тирана. «Добронравные» императоры, такие как, например, Клавдий — хоть и неврастеник, но человек неплохой, Траян, Адриан, Антоний Пий, Марк Аврелий, совсем не представлены на Палатине. Так что его дворцы — *malaise de pierre* — «припадки в камне» нескольких очень странных и эмоционально неустойчивых цезарей. Такова простая история этого холма.

3

Был один из тех летних дней, которые набрасываются на Рим, как львы. Солнце из всех сил пекло уже в девять утра, а в полдень жара обещала стать нестерпимой. Я подумал, что день выдался идеальный, чтобы разрешить, по крайней мере для себя, загадки Палатина: там тенистые пинии, заросшие травой берега, а в прошлый раз я видел Уголок, где под ветвями олеандров и падубов слабый родник точит каменный саркофаг. Лучше места для пикника не придумаешь.

В одной из превосходных лавок, что ютятся на укромных улочках Рима, я купил пармской ветчины и сыра бель паэзе, [\[64\]](#) в булочной рядом — хлебных палочек гриссини, а у торговца фруктами на улице — два персика. Бакалейщик явно меня неправильно понял, потому что ветчины у меня оказалось на десятерых, и, как потом выяснилось, это было кстати.

Направляясь на Палатин, я проходил узким переулком за тихим, полупогребенным форумом Юлия Цезаря. Ко мне подошел рыжеватый, наглого вида, потрепанный в битвах кот, хвост трубой, просто префект Ним или Бардольф, а не кот. Большинство животных человеческая доброта сильно изменила, и кошек — не меньше, чем других. Некоторые из этих полудиких созданий, живущих на развалинах Рима, сохранили генетическую память о пожарах, и хотя готовы стремглав бежать в свои норы при малейшем твоём

подозрительном движении, иногда ужасно скучают по человеческому голосу. У Нима, видать, были трудные времена, и он встал у меня на пути, урча, словно маленькая динамо-машина. Стоило мне наклониться, чтобы сказать несколько слов утешения и погладить кота, как точный, молниеносный удар лапы едва не выбил у меня из рук пакет с ветчиной. Я удивился, как если бы прохожий на улице попросил дать ему прикурить и тут же залез ко мне в карман. Отступив в тень стены, я дал коту ломтик ветчины, на который тот яростно набросился. Такое поведение, столь нетипичное для котов, которые и жареного цыпленка сначала десять раз обнюхают — не хотят ли их отравить, — дало мне понять, что у этого кота за жизнь. А на меня из всех дырок, из каждого угла уже надвигались усатые, предвкушающие поживу кошачьи морды. Скоро коты, серые, черные, полосатые, белые, рыжеватые и всех этих цветов в разных комбинациях, а также изящные кошечки с котятами, которые недавно научились ходить, расселись передо мной полукругом. Ним был вне себя от гнева. Это он нашел ветчину (и меня) и, конечно, хотел оставить нас для своего личного пользования. Он прижал уши, издал какой-то горловой хрип и сделал, подняв переднюю лапу, несколько угрожающих пассов. Он определенно был здешний цыганский барон.

Много веков римские бродячие коты населяли залы, где прежде пировал Джемшид.^[65] О котах упоминают путешественники XVIII века, наши предки подкармливали их в XIX, и сейчас их поголовье не уменьшилось. Хотел бы я, чтобы какой-нибудь биолог объяснил мне, почему в условиях свободного скрещивания белый окрас оказался таким устойчивым. Можно было бы ожидать, что доминантным станет серый или полосатый... В конце концов пятьдесят кошек за пять минут прикончили ветчину, которой хватило бы на десять человек, и я, оставив их расползаться по своим норам и руинам, ушел, удивленный и позабавленный этим неожиданным нашествием.

Я поднялся на Палатинский холм и оказался в самом уединенном и призрачном месте Рима. Пинии и падубы

отбрасывают тени на жутковатые могильные холмы, из которых скелеты дворцов нет-нет, да и высунут мраморные кости. Ступени ведут в заросшие травой подземелья. Длинные, сырые переходы, соединяющие помещения, напоминают жалкие останки какой-нибудь станции метро. От палящего солнца потрескались плиты цветного мрамора, которые помнят шаги цезарей. Я посмотрел на Форум: он просматривался весь, от начала до конца, залитый утренним горячим солнцем. С другой точки я взглянул на призрачный Circus Maximus (Большой цирк), огромное вытянутое строение, припудренное коричневой пылью, когда-то бывшее ипподромом и вмещавшее двести тысяч зрителей, а теперь — красноречиво пустое.

От запустения на Палатинском холме, холме, давшем европейским языкам слово «палаццо» — дворец, становится жутковато. Жадно вглядываешься в лицо какого-нибудь еще исследователя руин, который нет-нет да и встретится. И вот ты уже снова один среди фундаментов, обещающих тебе сверкающие стены, портики с колоннами, мраморные этажи, крыши и крыши, заканчивающиеся золотыми статуями богов и людей и позолоченными колесницами, запряженными четверками лошадей, подобными тем, что описаны в квадриге Лисия: ноздри его молочно-белых скакунов «выдыхают утро».

Одна из интереснейших руин на Палатине — так называемый дом Ливии, где, как теперь считают, жил Август. Несколько ступеней вверх — и я оказался в маленьких комнатках со стенами, украшенными медальонами. На них все видно очень ясно, изображения кажутся совсем свежими: Полифем все еще преследует Галатею, а Гермес спасает Ио. С некоторым ужасом я подумал, что, возможно, глаза самого Августа две тысячи лет назад останавливались на этих стенах. Служитель был более всего озабочен тем, чтобы я не пропустил водопровод, проведенный в ванную комнату.

Если это действительно дом Августа, он даже меньше, чем я мог себе представить. Впрочем, хорошо известно, что император жил очень просто. Он даже заставлял свою

гордую надменную супругу, Ливию, собственными руками ткать ему тоги. Однажды ему приснился странный сон, и с тех пор раз в год он садился на пороге своего дома, подобно нищему, принимал милостыню от проходивших мимо.

Он придерживался строгой диеты и часто питался только хлебом, размоченным в воде, и сушеным виноградом. Он очень мало пил вина. Он страдал от бессонницы, и когда один человек, которого считали богачом, умер в долгах, послал купить на торгах подушку, на которой умерший умудрялся хорошо спать. Август был невысокого роста, но так хорошо сложен, что рост не бросался в глаза, пока его не видели рядом с другими людьми. Волосы у него были светло-русые, а лицо нам хорошо знакомо, конечно, настолько хорошо, насколько может быть знакомо лицо человека, жившего так давно. Это умное, почти аскетическое лицо, может быть, немного холодноватое, непроницаемое. Никто не видел его улыбающимся, однако считалось, что он обладал чувством юмора. Однажды он очень удачно описал, как нервный человек подает петицию — «как будто предлагает мелочь слону». Марциал сохранил для нас только одну его эпиграмму, в высшей степени неприличную. Август был, возможно, первым в истории коллекционером окаменелостей и утвари эпохи палеолита. Все это он находил в морских пещерах Капри. Август был счастливым обладателем скелета кита.

В отличие от последователей, страдавших манией величия, Август позволял совершенную свободу слова и разрешал даже низшим отзываться о нем как угодно грубо. Тиберий однажды упрекнул своего приемного отца в таком попустительстве, считая его недостойным самого могущественного человека на свете, но Август ответил: «Мой дорогой Тиберий, не поддавайся юношескому волнению и не гневайся на того, кто плохо обо мне отзывается. Будет совершенно достаточно, если мы устроим так, чтобы они не смогли сделать нам ничего плохого». И все же при всех привлекательных качествах Август иногда кажется жестоким и бессердечным. Его первая жена, Скрибония, была на двенадцать лет старше его, он

женится на ней по политическим соображениям. Однако нельзя не согласиться, что было бы милосерднее объявить о своем решении развестись с ней не в тот день, когда она родила ему дочь. Он решил во что бы то ни стало жениться на Ливии, молодой жене Тиберия Нерона, которая, разведясь с первым мужем, вошла в его дом с двумя маленькими сыновьями. Август обожал ее всю жизнь, хотя сплетники не раз болтали о его связях с разными женщинами. Он умер в возрасте семидесяти шести лет, в объятиях жены, и его последние слова были: «Ливия, помни нашу с тобой жизнь, а теперь прощай!».

Ливию как-то спросили, свидетельствует Дион Кассий, как ей удалось так долго сохранить привязанность Августа, и она ответила: «Мой секрет очень прост: я всю жизнь училась угождать ему и никогда не проявляла неподобающего любопытства к его государственным и личным делам». У них не было детей, и так как смерть убрала с дороги наследников из семьи самого Августа, притом при обстоятельствах, которые казались современникам в высшей степени подозрительными, после смерти самого Августа Империю унаследовал сын Ливии от первого брака Тиберий и сама Ливия. Она была матерью «цезаря Распятия».

Статуи являют нам высокую, стройную, гордую женщину, которая могла бы позировать художнику или скульптору для портрета типичной римской матроны времен Республики. Уже бесполезно вглядываться в ее черты, стремясь найти там амбиции, ради осуществления которых она не погнушалась бы и убийством, но факт остается фактом: все наследники, которых выбрал бы себе сам Август, погибли, а Ливия и ее сын преуспели. В первые годы правления Тиберия Ливия пыталась воздействовать на сына, но он ненавидел ее, и когда она умерла, а ей было уже за восемьдесят, Тиберий даже не притворялся, что скорбит, и не пришел на похороны.

Короткая прогулка привела меня туда, откуда открывается вид на Circus Maximus. Огромная трибуна в несколько ярусов с «пнями» от многих колонн — вот все, что

осталось от храма Аполлона. Перед битвой при Акции, пребывая в неуверенности относительно своего будущего, Август дал обет воздвигнуть храм этому богу и, победив Антония и Клеопатру, он поспешил исполнить свой обет. Те, кто видел храм, восхищенно описывают его величие и красоту, редкий мрамор, из которого он построен, святилище внутри храма. Находящаяся там греческая статуя, которая на первый взгляд напоминает девушку, — Аполлон со своей лирой. А в ее основании было тайное хранилище, где Август прятал «Сивиллины книги». Их судьба — еще одна загадка Древнего Рима. Ланчиани утверждает, что они были все еще здесь в 363 году н. э., и только их и удалось спасти, когда в этом самом году префект полиции Апрониан и пожарные оказались бессильны предотвратить разрушение храма. Но после этого о книгах больше никто не слышал.

Еще удивительнее храма были две библиотеки, греческая и латинская, включенные в план постройки. Тут Август, несомненно, следовал плану, намеченному Юлием Цезарем. Читальный зал библиотеки, достаточно просторный, чтобы там мог собраться Сенат, украшали золотые, серебряные и бронзовые медальоны с изображениями знаменитых писателей и ораторов.

Мы с удивлением читаем Плиниевы описания «чтений», которые устраивались здесь время от времени авторами. В те времена было принято, чтобы писатели читали свои книги избранным слушателям из числа друзей и знакомых перед тем, как опубликовать их, и было модно посещать такие чтения. Ювенал признавался, что именно жажда мщения тем, чьи эпические произведения ему приходилось безмолвно выслушивать, частенько побуждала его писать собственные стихи. Среди «ужасов Рима» он называл пожары, обрушение плохо выстроенных домов и «фонтанирующих поэтов у Августа». Разумеется, только знаменитый писатель мог рассчитывать на чтения в библиотеке Августа. Предел мечтаний среднего литератора — пустая комната, нанятая для него покровителем. Кресла и

скамьи тоже приходилось брать напрокат, а иногда и слушателей нанимать.

Плиний описывает одно модное сборище, возможно, в библиотеке Августа, несчастных приглашенных, которые шли в зал на чтения, как на заклятие, некоторым удавалось промедлить, как бы замешкавшись, и подсылавших своих людей — вывести, сколько еще страниц осталось. Наконец, поняв, что «дело идет к развязке, они медленно входили в зал и присаживались на краешек кресла». Сам Плиний был неукротимым оратором, и подобное поведение ему очень не нравилось. Однажды в скверную, сырую погоду он вынудил своих друзей слушать себя два дня, и когда наконец спросил их, не остановиться ли ему, слушатели умоляли его читать и третий день. Как хорошо нам знакомы эти неискренние похвалы и аплодисменты! Мы просто видим Плиния, который, утомившись звуком своего собственного голоса, вдруг прерывается и говорит: «Нет, все-таки я думаю, мне следует сейчас остановиться», — и слышим возгласы несчастных страдальцев: «Нет-нет, дорогой друг, пожалуйста, продолжайте! Мы не хотим пропустить ни слова!» В другой раз он пригласил друзей к обеду, а потом две ночи подряд читал им стихи. Наконец они возроптали и сказали ему, что он плохой чтец. Это очень расстроило его. Он написал другу, спрашивая у него совета. Не следует ли ему заставлять читать вместо себя кого-нибудь из своих вольноотпущенников? И если да, то как ему самому следует вести себя в это время? Сидеть праздно и неподвижно или поддерживать чтеца взглядами, движениями рук, мимикой, возгласами, как это делают некоторые, знаете? Бедный Плиний! Сквозь его иронию проглядывает уязвленное самолюбие.

Современники сообщают нам очень подробно о том, как протекала жизнь писателя, сколько его трудов публиковалось, сколько делали копий. Прочитав свое новое произведение публике, писатель нес его издателю, который держал некоторое количество копиистов. Чтец диктовал текст книги, а переписчики писали его черными чернилами на листах папируса, которые потом скатывались в свитки.

Двадцать переписчиков, если они работали по несколько часов в день, несомненно, могли сделать тысячу копий, начисто, за отрезок времени, необходимый сегодня для производства даже самой маленькой книжки. Готовый рулон папируса надевался на валик, называемый *umbilicus*, [66] и составитель мог в свое удовольствие украшать его края — *согна*. [67] Часто рожки бывали очень красиво раскрашены и снабжены золотыми и серебряными шишечками. Можно было также покрасить края папируса, многие книги, как мы знаем, имеют золотой обрез, а заглавие часто висело на рукописи, подобно печати старинного документа, и все это вкладывалось в дорогой футляр под названием *membrana*.

Я редко видел, чтобы актер на сцене читал древний манускрипт, держа его правильно, то есть чтобы свиток был у него в левой руке, а правой он бы отматывал несколько дюймов, а затем продолжал освобождать следующие дюймы левой и сматывать правой, пока таким образом не дойдет до конца. Чтобы смотать рукопись плотно, удобно было первую страницу прижать подбородком, высвободив таким образом обе руки для отматывания умбиликуса. Если этого не знать, нас, современных читателей, могло бы сильно удивить замечание Марциала: нечитанную книгу он называет «книгой, которую не скреб небритый подбородок».

Автор обычно продавал свою книгу непосредственно издателям, хотя имел право, если захочет, издать ее сам, наняв собственных переписчиков. Но так поступали редко, и это не удивительно. Авторского права тогда еще не существовало, так что кто угодно мог выпустить пиратское издание. Поссориться с одним издателем и быть принятым с распростертыми объятиями другим — это удовольствие было недоступно древнему писателю, так как это было совершенно бесполезно: обозленный издатель всегда мог получить свое обратно. Горация издавали братья Сосии, Марциала — Атрект и Секунд, Квинтилиана — Трифон, Сенеку — Дор. Богатый друг Цицерона Аттик иногда издавал его в роскошных изданиях. Ни один автор не мог прожить на доходы от своих писаний, Марциал вечно ворчал

на жизнь литератора и жаловался, что не становится богаче от того, что его эпиграммы читают в Британии, Испании и Галлии, — ссылка на иностранные издания, которая нашла бы отклик в сердцах многих современных читателей.

«Книготорговый ряд» в Древнем Риме располагался в Аргилете, рядом с Форумом. Там находились магазины издателей. Некоторые из них были богато обставлены — как комнаты отдыха, где покупатель мог сидеть и созерцать книги, выставленные по обе стороны дверей. Рукописи хранились на полках, уложенные одна на другую, подобно отрезам материи, так что, возможно, римский книжный магазин на современный взгляд напоминал бы лавку торговца тканями. Не знаю, выдавали ли где-нибудь книги на дом, но библиотеки, в которые можно было прийти за консультацией, точно существовали, и не только в Риме, но и в небольших городках. Авл Геллий рассказывает, как однажды меж почтенных гостей на вилле около Тиволи возник спор о том, опасно ли пить ледяную воду в жаркую погоду. Те, кто считал эту привычку безвредной, усомнились в некоторых цитатах одного из гостей, который в подтверждение своей правоты тут же принес из публичной библиотеки цитату из Аристотеля, который очень не одобрял холодную воду в жару, считая ее опасной для здоровья. Геллий добавляет, что на гостей цитата произвела такое впечатление, что все они решили отныне отказаться отводы со льдом. Меня-то больше занимает не их решение, а вопрос: вернулся ли человек, бегавший в библиотеку, с книгой Аристотеля или он выписал оттуда цитату и принес ее своим собеседникам. А этого Геллий не сообщает.

Я переходил от руины к руине и вышел к приветливому и неожиданному указателю: «Бар», рука на котором указывала в тенистые кущи садов Фарнезе, где под высокими деревьями за пышными изгородями кардиналы когда-то делились своими мирскими тайнами и кипарисы склонялись послушать их. Похожие на привидения высокие деревья, кажется, наделены разумом, будто всосали его из пропитанной историей почвы. Хотя вокруг не было ни души,

я то и дело озирался в этом старом саду: не идет ли кто-нибудь следом.

В центре, там, где сходились запущенные аллеи, стоял умиротворяющего вида деревянный домик, который и был тем самым баром. Владелец, кивнув на «веспу», припаркованную у дерева, сказал мне, что летом он приезжает сюда каждый день, и его бар открыт, пока не зазвонят «Ave Mana». Я сел со своим стаканом у изгороди, совершенно поглощенный мыслью о том, что сады Фарнезе посажены на развалинах дворца Тиберия и Калигулы. Здесь никогда не проводилось тщательных раскопок, но в прошлом веке вдруг обнаружили караульное помещение, на стенах которого солдаты преторианской гвардии оставили надписи. Эта привычка стара, как мир. Один солдат написал по-гречески: «Многие писали всякое на этой стене, а я — ничего», на что его товарищ написал: «Браво!» В этом дворце жил Тиберий, когда кто-то — очевидно, из министерства иностранных дел, сообщил ему, что Понтий Пилат «контролирует ситуацию». Здесь проводил свою фантастическую жизнь безумный Калигула, если, конечно, можно верить всему тому, что о нем говорилось.

Поведение Калигулы вызывало отвращение у Сената, народа и, наконец, у армии. На четвертом году его правления его решили убить. Заговор был республиканским по духу, и убить его поручили трибуну когорты преторианской гвардии, которого Калигула однажды оскорбил. Подходящий момент представился во время ежегодных игр и театральных представлений, когда Калигула, выйдя из театра, собирался отправиться к себе во дворец — принять ванну и пообедать в антракте. Узнав, что прибыл хор греческих мальчиков, он повернулся поговорить с кем-то из них в коридоре. В этот момент трибун и ударил его мечом, причем так рассчитал удар, чтобы император упал наземь, но не умер. У него еще достало духу крикнуть: «Я жив!», и тогда стоявшие рядом солдаты вонзили в его тело свои мечи. Наиболее подробно описал его смерть иудейский историк Иосиф Флавий. Подробности он, без сомнения, почерпнул у Ирода Агриппы I, внука Ирода

Великого, который как раз оказался в Риме в то время. Ирод там воспитывался и близко знал императорскую семью. Ему была предназначена важная роль в событиях, последовавших за убийством.

Пока во дворце все было вверх дном, Клавдий, дядя мертвого императора, которому в то время был пятьдесят один год, скрывался за занавеской. Это был умный, педантичный царедворец, которого сравнивали с нашим Яковом I. В юности его в семье держали за дурачка, он страдал нервными расстройствами, например заиканием. У него подергивалась голова и походка была нетвердой. Все это забавляло современников. Услыхав топот солдат по коридорам дворца, дрожащий Клавдий спрятался за занавеской, не подумав о том, что ноги его видны. Солдаты выволокли его, но вместо того чтобы прикончить, как он ожидал, признали в нем члена императорской фамилии и объявили его императором! Так было положено начало этой страшной системе избрания императоров армией, которая просуществовала до падения Империи.

Между тем Ирод Агриппа I берет дело в свои руки. Известие о том, что Клавдий (с которым он вместе учился в школе) объявлен императором, вполне устроило его, но вместе с тем он знал, что Сенат — за Республику. Поспешив в Курию, по пути он встретил несчастного Клавдия, которого несли в носилках к казармам преторианцев, и ухитрился шепнуть ему несколько слов ободрения и поддержки. Прибыв в Сенат, он выразил республиканцам свою лояльность, но указал на то, что совершенно невозможно противостоять преторианской гвардии силами когорт из гражданского населения. Он настроил Сенат на более миролюбивый лад и сказал, что разумнее всего было бы оставить сейчас Клавдия у власти, а он, Ирод Агриппа, на правах старого друга будет за ним шпионить. Но, притворяясь республиканцем, Ирод Агриппа тайно отправлял Клавдию послания с призывами твердо держаться своей линии. Его изощренный иудейский ум сыграл свою роль в ослаблении Сената и укреплении позиций незадачливого Клавдия. Как странно: император,

захвативший и подчинивший себе Британию в 43 году н. э., в какой-то степени обязан своим возвышением и пурпуром внуку Ирода Великого.

Покинув полные призраков сады, я вышел к тому месту, где стоял дворец Домициана. Но вместо мраморных коридоров и, как положено во дворце, — часовых, молчаливых рабов, тихо ступающих по инкрустированному серебром полу, фонтанов во внутренних двориках, оникса и порфира — я увидел лишь груды булыжника. Тем не менее именно здесь жил и умер этот странный император, в чье мрачное правление Империя была наводнена шпионами. Сын грубоватого демократичного Веспасиана и брат великолепного Тита, Домициан по всем статьям не делает чести своей семье. Постоянный страх погибнуть от руки убийцы довел его до такого нервного напряжения, что он заразил им всех окружающих. Все боялись всех. Соглядатаи и доносчики были везде, а тюрьмы уже не вмещали подозрительных личностей.

Император обладал мрачным и зловещим чувством юмора. Однажды он пригласил самых важных в Риме людей к себе во дворец на пир. Когда они пришли, их провели в комнату, от пола до потолка убранную черным. Гости в ужасе увидели, что перед каждым ложем стоит надгробный камень, и на каждом написано имя. Они заняли свои места согласно надписям и ожидали теперь прибытия палача. Вместо этого в комнату вошли несколько обнаженных мальчиков, выкрашенных в черный цвет, и медленно исполнили торжественный танец. Потом подали поминальный пирог и другие блюда, которые обычно «предлагают» духам умерших. Пока гости пытались есть, голос Домициана рассказывал им ужасные истории убийств и кровавых преступлений. Наверно, даже Палатин не помнит спектакля страшнее. Когда пир закончился, гости, к своему крайнему удивлению, узнали, что могут спокойно отправляться по домам. Не успели они прийти домой, как прибыли посланцы из дворца. Вместо смертных приговоров, которых ожидали все, гости получили по ценному подарку.

Страхи Домициана нарастали, он приказал облицевать стены портика, где имел обыкновение прогуливаться, сверкающим камнем из Каппадокии под названием фенгит, а может быть, это были тонкие листы слюды, которыми покрывали оконные рамы. Он таким образом имел возможность видеть, что происходит сзади него. Как бы там ни было, этот Зеркальный зал не спас императора — он был убит у себя в спальне на тринадцатом году правления в возрасте сорока трех лет.

Последним хозяином дворца Домициана был шотландец по имени Чарлз Миллз, который выстроил себе на развалинах виллу в готическом стиле, куда охотно приглашал римское светское общество XIX века. Виллу Миллз, которая часто упоминалась во всех путевых заметках XIX века, снесли не так давно. В саду этой виллы однажды весенним днем в 1827 году леди Блессингтон встретила одну старую даму, высокую и с горделивой осанкой, одетую в платье из темно-серого левантийского шелка и чепец из той же материи, украшенный кружевами. Великолепная кашемировая шаль, которая леди Блессингтон показалась вещью, принадлежавшей когда-то какому-нибудь вождю варваров, красиво лежала на согбенных плечах дамы. Дама заговорила о своем сыне, умершем несколько лет назад. Она сказала: «Скоро и я отправлюсь к нему, в тот лучший мир, где нет слез». Ее проводили до кареты. И мать Наполеона покинула развалины дворцов цезарей.

4

Солнце нещадно палило, сверчки стрекотали в выжженной траве. Стало так жарко, что я начал поиски тенистого местечка для пикника.

Опоясывающий юго-западный склон Палатина высокий вал скрывает маленькую францисканскую церковь Святого Бонавентуры, и там из львиной пасти струя воды низвергается в древний каменный саркофаг. Он весь устлан мхом, подобным зеленому плюшу, а вода в источнике чистая

и сладкая. Я попил, а потом дважды или трижды окунул голову в ледяную глубину. Вокруг источника росли кустики ежевики, дикие розы, мята. А еще — карликовые дубки, красные и белые олеандры, лавры. Тут я и присел в тени, наслаждаясь прохладным плеском воды, и съел свой ланч, уверенный, что сейчас я на Палатинском холме один.

Перекусив, я пошел по тропинке, которая огибала склон холма, и скоро увидел внизу Колизей и арку Константина. Что это было за зрелище — огромный, потрясающий Колизей! Каждая его арка была хорошо различима, он, казалось, так близко, что я мог бы бросить монету в самый его Центр. Побитое, но бессмертное чудовище с зияющей дырой, уродливой раной, породившей дворец Фарнезе и многие другие.

Я нашел место в тени и, должно быть, задремал, потому что, очнувшись, увидел шагах в двадцати от себя аккуратного молодого китайца. Он стоял на коленях в траве. На нем был очень красивый костюм из индийской чесучи. Китаец несколько раз опускался на колени и кланялся Колизею, потом, встав на ноги, долго топтался, отступая то чуть вправо, то влево, и, наконец, видимо, ему удалось поймать видеоискателем фотоаппарата весь памятник целиком. Интересно, что думает китаец о Риме, колыбели Запада, чувствует ли он себя здесь таким же чужим, каким ощущал бы себя я среди изогнутых крыш и драконов Пекина? Нечасто окажешься один на один с китайцем на Палатине, подумал я, однако не воспользовался этой редкой возможностью и не заговорил с ним. Он спрятал фотоаппарат в футляр, окинул Колизей прощальным взглядом и исчез за поворотом тропы.

Теперь я понимал, каким Рим был сто-двести лет тому назад: трава, цветы, покой. Я вспомнил симпатичную акварель Сэмюэла Праута в Музее Виктории и Альберта. На ней изображены францисканец и несколько крестьян в переулке, на фоне полузакопанной арки Константина. Я посмотрел на арку: теперь она была видна вся, и вокруг нее ехали по широкой дороге автомобили, автобусы, «веспы», велосипедисты. Поворачивая, они исчезали за Колизеем.

Кассиры рады пропустить вас в Золотой дом Нерона, так как это — одно из наименее посещаемых мест в Риме. Глядя на эти комнаты, почти невозможно представить себе, каким дом был. Разве что понятно, что он был огромен. Гид ввел меня в темное помещение со сводчатым потолком, где на стенах еще сохранилась роспись — гирлянды и купидоны с крылышками, и указал мне на отверстие в стене, которое, как он сказал, проделали Рафаэль и его современники, когда залезали сюда копировать фрески. Глядя на развалины сверху, художники эпохи Возрождения, естественно, принимали их за пещеры или гроты и поэтому называли римскую настенную роспись *pittura grottesca*, отсюда и пошло слово «гротеск». Им сразу же очень понравились эти яркие, радостные маленькие «гротески», это было прекрасное решение проблемы — чем заполнить огромное число стен, которые надо было расписать в эпоху Возрождения.

Римские художники, расписывавшие интерьеры I века и населившие свои стены столькими купидонами и птицами, были бы, наверно, очень удивлены, узнав, что их крылатые питомцы в будущем разлетятся по стенам сначала Ватикана, а потом и всей Европы. Странно: кажется, именно тяжеловесный Уильям Кент, строитель знаменитых казарм Королевской гвардии, первым ввел эти изящные фантазии в Англии — как будто слон родил бабочку — но его работу в Кенсингтонском дворце очень скоро превзошли братья Адам, которые устроили целые миграции птиц и выпустили на стены целые стаи купидонов, не говоря уже о сфинксах и грифонах, от стен Сиона до Хейрвуд-хауса.

Ланчиани описывает Золотой дом как «волшебное место», но мне он больше напомнил павильоны Всемирных выставок — эту яркую примету нашей жизни периода между войнами. Дворец, погребенный под землей на целую милю, был захвачен Нероном после пожара 64 года н. э., на этом месте было построено здание, роскошно декорированное лучшими архитекторами того времени. В вестибюле стояла

статуя его владельца высотой в сто двадцать футов, которую в правление Адриана перенесли в другое место, для чего потребовались двадцать четыре слона. Эта статуя претерпела множество изменений. Более поздние императоры то переделывали ее лицо, то вообще убирали голову и приставляли вместо нее свою собственную, так что эта фигура была то Титом, то Коммодом. Что случилось с этим колоссом — неизвестно, и вообще бесследное исчезновение довольно крупных вещей — вечная тайна позднего периода римской истории.

На землях вокруг Золотого дома были фермы, виноградники, рощи, полные дичи, зверинец, ботанический сад, серные ванны, питающиеся водой с Альбанских холмов — aquae Albulae, — поступающей по двенадцатимильному водоводу, соленые ванны со средиземноморской водой, тысячи великолепных статуй из Греции и Малой Азии. Некоторые залы дворца украшали геммы и перламутр. Одна из столовых поражала раздвигающимся потолком — он вдруг разверзался, и на собравшихся гостей сыпались цветы и проливались благовония, а в другой комнате был устроен планетарий, приводимый в движение специальными механизмами: гости могли наблюдать, как восходят и заходят звезды, движутся планеты по небесному своду из слоновой кости. Светоний рассказывает, что когда Нерон вступил во владение своим новым домом, он осмотрелся и заметил: «Наконец-то я живу, как человек». Однако ему недолго суждено было прожить в этом доме; мне показали комнату на развалинах с незаконченной росписью на стенах. По-видимому, в таком состоянии она находилась в момент смерти Нерона.

Кроме меня единственными посетителями развалин была французская супружеская пара. Они задали гиду добрую сотню вопросов, чем вызвали его крайнее раздражение, так как это был один из тех гидов, которые не любят, чтобы их сбивали с мысли. Одним из самых навязчивых вопросов, на который он ни разу не ответил внятно, был: «Ну, пожалуйста, расскажите нам, что случилось с Золотым домом после смерти Нерона?»

Ненависть людей к Нерону словно сосредоточилась на Золотом доме — этом экстравагантном свидетельстве его самовлюбленности, и потому Веспасиан и его сын Тит воспользовались возможностью сделать эффектный политический ход и вернуть эту территорию народу. Старому солдату Веспасиану, простому и сильному человеку, который любил навестить ферму, где воспитывалась еще его бабушка, и выпить из ее серебряного кубка, Золотой дом должен был казаться вызывающим и вычурным. Он отдал часть земли Нерона под строительство Колизея, а Тит впоследствии тоже урвал кусочек Золотого дома и устроил там Термы. Так что римский народ, который прежде лишь с отвращением смотрел на дом, был приглашен войти.

— А Нерон действительно сжег Рим? — все не отставали французы.

И тут гид отомстил.

— Меня при этом не было, — ответил он с едкой улыбкой.

— Вряд ли он сжег его, — вступил я в разговор просто ради того, чтобы поспорить, — и не думаю, чтобы он пел, танцевал и играл на каком-нибудь музыкальном инструменте, когда Рим горел.

— Но ведь Тацит утверждает, — возразил француз, и его очки воинственно блеснули, — что когда некоторые хотели потушить пожар, другие им мешали и даже раздували пламя.

— Сэр, вы когда-нибудь присутствовали при большом пожаре? — на всякий случай спросил я.

— Нет, — признался он.

— Тогда, — продолжал я, — должен вам сказать, что в такие моменты людям чего только не кажется.

Дама пришла на выручку своему супругу.

— Я уверена, что Нерон сжег Рим! — заявила она.

— Мадам, — галантно заключил я, — мудрый мужчина всегда полагается на интуицию женщины как на неопровержимое доказательство. Стало быть, решено, и думать об этом больше нечего.

Мы перешли через дорогу и выпили вместе кофе в маленьком кафе напротив трамвайной остановки у Колизея. Я сначала было подумал, что француз — профессор, но выяснилось, что ошибся. Он оказался виноторговцем из Бордо.

6

Первый взгляд на Колизей доставляет большое удовлетворение. Это зрелище успокаивает даже посетителя, пребывающего в совершенном замешательстве. Колизей — обширное строение, с величайшим искусством выстроенное так, чтобы сфокусировать внимание многих тысяч людей на небольшом поле, где происходит действие, а их самих по возможности рассеять.

Удивительно в Колизее то, что он возведен на болоте, и на протяжении всех прошедших веков его огромный вес покоился на искусственных опорах, стоящих в воде. Эту часть Рима все еще затопляют ручьи, спускающиеся с Эсквилинского холма, и это очень становится очень заметно, когда вы спускаетесь под землю. Как удалось возвести Колизей на такой почве — загадка строительного искусства, и я вполне могу себе представить, что архитектор способен был бы пожертвовать всеми достопримечательностями Рима ради изучения этой громадины. В 1864 году некий синьор Теста возродил к жизни один из периодически возникающих рассказов о зарытых сокровищах Колизея. Этот человек заявил, что обладает ключом к тайне «сокровища Франджипани», которое считалось спрятанным в Средние века, когда эта семья превратила амфитеатр в крепость. Папа Пий IX заинтересовался историей и дал разрешение на раскопки, за которыми, затаив дыхание, следил весь Рим. Ничего особо ценного не нашли, хотя усилия не пропали впустую, так как дали Ланчиани шанс обследовать фундамент Колизея. Он писал, что увидел «верхний пояс фундамента, изогнутый подобно кровеносному сосуду; а под ними — бетон, который, должно быть, опускается на

значительную глубину». Так что под видимыми арками Колизея есть еще и другие, несущие на себе всю массу здания, на опорах из нерушимого римского бетона, погруженного в воду.

Беда Достопочтенный из своего монастыря в Ярроу около 700 года н. э. первым обратился к этому зданию, создав знаменитую пословицу, которую Байрон перевел так:

Пока стоит Колизей, стоит Рим;
Когда падет Колизей, падет Рим;
А когда падет Рим, падет мир.

Беда Достопочтенный никогда не был в Риме, но, без сомнения, слышал о Колизее от саксонских паломников, которым Рим, возможно, и обязан тем, что это изречение стало известным и дожило до наших дней.

Я облазил все громадное здание с мыслью, что это самые «понятные» развалины в Риме. Не нужно обладать живым воображением, чтобы представить себе Колизей в полном великолепии, наполнить его восьмьюдесятью тысячами зрителей, посадить цезаря в императорскую ложу, сенаторов — на их места рядом с перилами, не забыть аристократов и весталок; затем подняться к черни, на самый верх, потому что зрители в Колизее рассаживались в строгом соответствии с социальной иерархией. Был специальный чиновник под названием десигнатор, который следил, чтобы люди садились на подходящие им места. В разные времена существовали разные правила относительно одежды. Римские граждане были обязаны посещать игры в тогах, а магистраты и сенаторы — приходить в официальной одежде. Это собрание рассеявшихся ярусами и в основном, празднично одетых людей должно было производить мощное впечатление: сенаторы в тогах с пурпурными полосами и красных сандалиях, консулы в пурпурных туниках, послы и члены дипломатического корпуса в одежде своих стран, преторианская гвардия в форме и, наконец, император в своих роскошных одеждах. Высоко над галеркой торчали

массивные мачты, где матросы флота из Мизен, обученные обращению с огромным навесом, сновали среди канатов и шкивов, как на какой-нибудь гигантской галере. Даже при легком ветерке *velarium*^[68] издавал грохот, подобный грому, а в ветреные дни его вообще нельзя было использовать. Можно себе представить, каково было идти по пустынному Форуму в день игр, слышать рев и хлопанье огромного навеса, которому вторил дикий рев восьмидесяти тысяч глоток.

Такое множество людей, собравшихся, чтобы насладиться зрелищем чужих страданий и смерти, должно быть, ужасало. Я вспомнил рассказ друга святого Августина, Алипия, которого насильно привели сюда приятели-студенты. Сначала Алипий закрывал глаза и отказывался смотреть, но, услышав внезапный дикий крик, он все-таки открыл глаза и увидел гладиатора, упавшего на колени. Сердце его переполнилось жалостью к этому человеку, но после того, как гладиатора добили последним, смертельным ударом, Алипий, «испив из чаши дикости», пройдя своеобразную инициацию, сидел уже с открытыми глазами. За исключением Сенеки, ни один из писателей античности, даже добрый Гораций и нежный Плиний, не порицали публику за душевную неразвитость и дикость. Миру пришлось дожидаться христианства — только тогда нашлись люди, у которых хватило мужества и здравого смысла закрыть такие места и покончить с подобными зрелищами.

Обследуя Колизей, я раздумывал о том, чем подпитывалось это дикарство, как все это было устроено. По всей Империи чиновники ловили и покупали диких животных для арены, и с течением времени количество благородных животных, уничтоженных на потеху толпе, привело к почти полному вымиранию некоторых видов на территориях, подвластных Риму: слонов в Северной Африке, гиппопотамов в Нубии, львов в Месопотамии. Задолго до того, как был построен Колизей, публичное истребление животных служило популярным вступлением к битвам гладиаторов. Одно зрелище приходилось на утро, другое — на дневные часы. Однажды Сулла выпустил на арену сотню

львов, и это, говорит Цицерон, был первый раз, когда животным разрешили свободно бродить, а не привязали их к столбам. В 58 году до н. э. несколько крокодилов и первый гиппопотам в Риме были помещены в ров с водой на арене, а однажды на представлении, на котором присутствовал Цицерон, в 55 г. до н. э., было убито шестьсот львов, а восемнадцать слонов пытались преодолеть барьеры, стремясь спастись. Единственным животным, которое вызывало у бессердечной римской толпы сострадание, был слон. Цицерон считает, что это благодаря поверью, что у слона есть что-то общее с человеком. А старший Плиний говорит, что был случай, когда эти животные, добытые Помпеем, «так взывали к состраданию толпы, принимая самые неопишуемые позы и с жалобным видом оплакивая свою несчастную судьбу», что «все собравшиеся в слезах встали и обрушили потоки проклятий на Помпея». К сожалению, эта жалость была очень неглубокой, и еще века толпа продолжала наблюдать убийство слонов и других животных. Более того, чем ближе к закату Империи, тем более экстравагантными становились страшные зрелища.

В Риме были специальные школы, где людей обучали сражаться со зверями и еще разным штукам для увеселения толпы. Такие специально обученные люди, называемые *bestiarii* или *venatores*, считались ниже рангом, чем гладиаторы. К такому занятию могли приговорить преступников и тренировать их на арене вместе со зверями. После того как был построен Колизей, животных, предназначенных для арены, держали в зверинце, называемом *Vivarium*, на соседнем холме — Целии. В день игр их сажали в клетки и везли в Колизей. До сих пор можно увидеть подземный коридор, по которому зверей провозили под амфитеатром, потом их загоняли в подъемники и при помощи блоков и канатов вытягивали клетки на арену.

Гибель животных должна была возбудить зрителей перед дневной битвой людей. В имперские времена существовало четыре государственных школы, в которых обучались и жили гладиаторы. Там царила жесткая дисциплина. Людей держали на специальной диете и

тренировали в использовании всех видов оружия: от меча и копья до сетки и лассо. Профессиональный гладиатор, подобно современному киноактеру, был идиолом толпы и, разумеется, кумиром женщин. Сохранилась надпись на стене в Помпеях, в которой один из гладиаторов назван «девичьим вздохом». При удачном стечении обстоятельств их популярность длилась дольше, чем известность современной кинозвезды, история сохранила имена испытанных воинов, героев сотен сражений, добывших в бою «деревянный меч», который вручался им на арене как знак почетного ухода на заслуженный отдых. Странно то, что некоторые из получивших его гладиаторов не могли даже после этого уйти с залитой кровью арены; привычка к известности, аплодисментам, упоению боем возвращала их обратно. Кроме того, привлекали огромные деньги.

Кроме государственных школ существовали бесчисленные частные луды, где гладиаторов обучали и содержали за счет богатых любителей подобных забав. Они нанимали людей для ангажемента по всей стране, как сегодня устроители корриды нанимают матадоров для своих квадрилий. Колизей тоже надо было снимать. Богатый человек или политик — любитель острых ощущений мог устроить гладиаторские бои в Колизее, и пока они длились, он занимал почетное место, *editoris tribunal*, особое кресло. Весталкам единственным из женщин разрешалось сидеть на официальных местах. Если на представлении присутствовала императрица, она тоже сидела с ними. Присутствие остальных женщин не поощрялось, они могли сидеть лишь в верхних ярусах, вместе с плебсом. Позже им было разрешено участвовать в играх даже в качестве гладиаторов; но такое явление не было обычным, так же как и сейчас женщина-матадор — скорее исключение, чем правило.

Не знаю, как весталки, которых так тщательно оберегали от суровой правды жизни, выдерживали эти кровавые игрища. Я читал, что иногда их приходилось сажать повыше, откуда им было видно похуже. С первого и до последнего момента, когда призрачная фигура,

олицетворяющая Харона или просто обитателя мира иного, появлялась на арене и деревянной кувалдой била по головам тех, кто был еще жив, такие «развлечения» вряд лигодились для весталок, и то, что присутствие женщин-затворниц считалось обязательным, — одно из существенных различий между языческим и христианским мирами.

Гладиаторов привозили в колесницах в день состязаний. Это напоминало современный парад тореадоров. Прибыв в Колизей, гладиаторы выстраивались и обходили арену под музыку, а за ними шли помощники и несли их оружие. Поравнявшись с императорской ложей, гладиатор простирал правую руку и произносил знаменитые слова: «Здравствуй, цезарь, идущие на смерть приветствуют тебя!»

Затем тщательно осматривали оружие, и тех, кто пытался хитрить, отсеивали. Иногда соперников определял жребий; иногда сводили вместе двоих, искусно владеющих разными видами оружия, например воин с мечом против воина с сетью и трезубцем, и так далее. По знаку императора начинались схватки не на жизнь, а на смерть, и целый оркестр труб, рожков, флейт, гидравлического органа сливался с возгласами, издаваемыми тысячами зрителей, с голосами «инструкторов», которые подзадоривали бойцов кровожадными выкриками, а если те плохо старались, то и кнутами подстегивали.

Самыми милосердными из боев были те, после которых побежденному гладиатору разрешалось попросить даровать ему жизнь. Если он хорошо сражался, толпа могла спасти его от смерти. Тогда зрители поднимали большой палец вверх, что означало «Mitte!» — «Пусть идет!», или же опускали палец вниз, крича «Jugula!» — «Убей его!» — и обрекая на смерть; а хозяин этого мира, осмотревшись и поняв, чего хочет большинство, давал окончательный знак: жизнь или смерть.

Но о пощаде не могло быть и речи, когда дрались до смертельного исхода. Тогда группа гладиаторов сражалась до тех пор, пока в живых не останется только один из них.

Но еще более ужасны были такие зрелища перед основными состязаниями: на арену выпускали толпу грабителей, разбойников, убийц и других преступников, приговоренных к смерти, раздавали им оружие и заставляли убивать друг друга. Расправы над христианами во времена Нерона должны были носить именно такой характер, но так как христиан невозможно было заставить убивать друг друга, на них выпускали диких зверей. Потрясает контраст между достоинством и благородством римской жизни в лучших ее проявлениях и низостью публичных развлечений.

Одно из самых живых впечатлений о Колизее — рассказ Диона Кассия о том, как сумасшедший молодой император Коммод, который хотел, чтобы ему поклонялись, как Геркулесу, выступил в качестве бестиария. Дион Кассий присутствовал при этом в качестве официального лица, сенатора, в соответствующей одежде и лавровом венке. Он описывает, как юный император убил из своего лука сотню медведей, стреляя из разных точек галереи амфитеатра. Потом, спустившись на арену, Коммод убил тигра, морского льва и слона. В интервалах между этими подвигами сенаторам, которые со стыдом наблюдали, как сын Марка Аврелия роняет императорское достоинство, приходилось тем не менее издавать ритуальные возгласы, вроде: «Ты сильнейший!», «Ты всегда побеждаешь!» Потом, вспоминает Дион Кассий, император подошел к скамьям, где сидели сенаторы, держа в одной руке голову только что убитого животного, а в другой — окровавленный меч, и «не говоря ни слова, потрянул головой, как будто угрожая поступить с нами так же, как только что поступил со зверем». Многие сенаторы давились от смеха, но так как смех этот мог стоить им жизни, Дион Кассий говорит, что он спокойно выдернул из своего венка несколько лавровых листьев и стал жевать их, а «сидевшим рядом посоветовал сделать то же самое».

От чтения древних авторов у меня создалось впечатление, что многие из них не любили игрищ, но принимали их как нечто узаконенное и совершаемое с благословения главы государства. Императору Тиберию не

нравились подобные увеселения, и он не скрывал этого, так же как и Марк Аврелий, который многих оскорблял тем, что, сидя в императорской ложе, позволял себе разговаривать или диктовать письма. Но только во времена христианства оппозиция приобрела реальный вес и игры постепенно сошли на нет. Последние игры были лишь воспоминанием о былом, Кассиодор говорит, что дикие звери, привезенные по приказанию Теодориха в 519 году, показались современникам внове. Последние зафиксированные игры провел Флавий Аниций Максим в 523 году. Если кости лошадей и быков, обнаруженные археологами в Колизее в 1878 году, остались не от тех игр, значит, позже тут была арена для боя быков.

В Средние века здесь иногда ставили пьесы или проводили карнавальные шествия. Потом, когда выросли деревья и сорняки, это место облюбовали воры и отшельники, а ведьмы и колдуны стали заниматься здесь черной магией. Именно здесь темной ночью Бенвенутто Челлини устроил себе знаменитую встречу с демонами. С одним сицилийским священником и мальчиком-учеником из его студии Челлини отправился в Колизей. Начертили магический круг, произнесли надлежащие заклинания, сожгли благовония. И амфитеатр наполнился демонами, которых видели священник и поверженный в ужас мальчик, но, кажется, не видел Челлини. Испуганный паренек говорил потом, что их окружили миллионы воинов. Священник тоже был напуган и дрожал как лист. Челлини потом признавался, что тоже испугался, но тогда сказал своим спутникам, что все, что они видят, — дым и тени. Мальчик воскликнул: «Весь Колизей в огне, мы горим!» Они ушли, когда стали бить заутреню, и мальчик говорил, что по пути домой их преследовала парочка демонов, то забегая вперед, то скача по крышам домов.

Столетиями позже люди георгианской и викторианской эпох объявили это место самыми романтическими развалинами в Риме. Там, где была арена, залитая кровью множества людей и животных, наши прапрабабушки устанавливали свои мольберты и набрасывали пейзаж с

пастухом, козочками и мраморными руинами. К тому времени деревья и кусты выросли там, где когда-то сидели сенаторы, а отшельники в нижних ярусах делали пейзаж еще более романтическим.

Один ботаник написал книгу о растительности Колизея, насчитав здесь двести шестьдесят видов растений, это число более поздние исследователи увеличили до четырехсот двадцати. Стало модно смотреть на Колизей при лунном свете. Оставив свечи и карточные столы, деликатесы, шелк и бархат, люди садились в *carrozza* и при полной луне отправлялись к поверженному гиганту.

Невозможно описать его торжественное величие, — писала леди Найт в 1795 году. — Полная луна воссияла над развалинами, и это было само совершенство, а так как при лунном свете подробности не видны, почти веришь, что амфитеатр цел и полон зрителей.

Здесь позже Байрон услышал «долгий крик совы». Диккенс, д-р Арнольд и еще сотни людей внесли свой вклад в описание меланхолической картины, равной которой нет в целом мире. Затем, когда Рим стал столицей Италии, археологи пропололи Колизей, и четыреста двадцать видов растений были безжалостно вырваны из его щелей. Так он и стоит теперь, все еще вызывая недоверчивое удивление: колосс из камня с пробоиной в боку, откуда в Средние века изъяли тысячи тонн травертина. Если бы все камни, заполнявшие когда-то эту гигантскую брешь, могли встать на место, палаццо Венеции, палаццо Фарнезе, палаццо делла Канцеллария и многим другим дворцам пришлось бы снова уйти в небытие.

Глава пятая. Катакомбы — гробницы святых и колыбель христианства

Визит в катакомбы. — Аппиева дорога. — Ранние христиане и Причастие. — Латеранский собор Святого Иоанна. — Папа-затворник. — Вестминстерское аббатство и Форум. — Сан-Клименте. — Храм Митры под церковью.

1

Автобус, отъезжающий от Колизея к Аппиевой дороге через каждые полчаса, привел бы в восторг Джона Лича в ту пору, когда тот иллюстрировал «Комическую историю Рима» Бекетта. Иногда разные века сталкиваются. Что, например, может быть более странным, чем видеть сегодня буквы SPQR, ^[69] когда-то приводившие в трепет весь мир, выбитыми муниципалитетом на крышках всех люков? Как нелепо звучит: «Будете на Аппиевой дороге — заходите, мы живем совсем рядом с гробницей Цецилии Метеллы».

Для римлян такие вещи в порядке вещей. Они не видят в этом ничего странного. Сидя в маленьком кафе у автобусной остановки и с интересом разглядывая Колизей, который от вас в двух шагах, вы, может быть, заметите, что никто из ожидающих трамвая или автобуса на него и не взглянет. Они просто знают, что он здесь. Им будет не доставать его, если он обрушится, но он так давно здесь стоит, что все его уже видели. Если жить в Риме, постоянно сознавая близость исторических и археологических ценностей, можно сойти с ума. Гиббон поступил мудро, решив работать над своей книгой в Швейцарии, и я бы не удивился, если бы Грегоровиуса сочли чудачком за то, что он двадцать лет занимался историей в Риме.

Автобус к Аппиевой дороге обычно следует полупустой. Он курсирует между Целием и Палатином. На плоской вершине Целия когда-то был резервуар, откуда поступала вода для морских сражений Колизея, а ниже по холму замечательный пролет ступенек ведет к церкви Святого Григория, когда-то бенедиктинскому монастырю, где жили святой Августин и его товарищи, откуда их послали обращать англичан.

Автобус проезжает Порта Аппиа, ныне ворота Святого Себастьяна, и через несколько секунд ныряет под железнодорожный мост и пересекает довольно жалкий ручеек. Трудно поверить, что это и есть романтический Альмон, в котором раз в год верховный жрец Кибелы и его «крутящиеся дервиши» купали Мать богов, которую олицетворял, как Афродиту с Пафоса, простой черный камень, и совершали свои обряды оскотления под барабаны и тамбурины.

Можно найти и более приятные воспоминания: небольшая барочная церковь Домине Кво Вадис стоит одна на обочине дороги. Это место встречи Господа нашего со святым Петром, так очаровательно описанное в апокрифических «Деяниях» Петра. Патрицианки, привлеченные проповедями святого Петра, решили оставить своих мужей и жить в чистоте. Разгневанные мужья решили отомстить Петру за то, что «учит странному», но некая «невероятной красоты» женщина по имени Ксантиппа предупредила святого об опасности и посоветовала ему бежать из Рима. Сначала Петр противился, но братья христиане убедили его сохранить свою жизнь ради молодой Церкви.

И внял он голосам братьев, и отправился один, сказав: «Ни один из вас не ходите со мной, я пойду один, переодевшись в другое платье». И, выходя из города, он встретил Господа, входящего в Рим. И, увидев его, спросил: «Господи, куда идешь?» И Господь ответил ему: «Иду в Рим, чтобы быть распятым». И спросил его Петр: «Господи, ты снова распят?» И тот ответил: «Да, Петр, я распят снова». И Петр пришел в себя; и, узрев Господа, поднявшегося на

небеса, он вернулся в Рим, ликуя и славя Бога, ибо сказал тот: «Я распят», что и должно было случиться с Петром.

Затем в «Деяниях» описывается, как Петр был распят головою вниз, и говорится, что когда Нерон услышал о его смерти, он был взбешен, «потому что рассчитывал наказать его более сурово, причинив ему большие страдания». Автор этого исторического документа, возможно, грек из Малой Азии, писавший о 200 годе н. э., очевидно, знал о Риме мало и, безусловно, не читал Тацита, потому что утверждает, что Нерон, встревоженный видением, отказался от преследований христиан.

Виа Ардеатина проходит рядом с церковью Домине Кво Вадис и хранит память о другом мученичестве, принятом гораздо позже. В марте 1944 года участники итальянского движения Сопротивления бросили бомбу на узкой улице Виа Раселла, напротив главных ворот дворца Барберини. Убиты были тридцать два немецких солдата. Немцы в ответ схватили наудачу триста тридцать пять итальянцев, которые не имели никакого отношения к взрыву — служащие, священники, несколько иностранцев, четырнадцатилетний мальчик, — и отвезли их к песчаным карьерам на Виа Ардеатина. Их расстреляли из пулемета, и мертвые тела с лавиной песка сползли в карьер. Сразу же после ухода немцев из города расстрелянных откопали и опознали, и в песчаном карьере был устроен, может быть, самый душераздирающий мемориал ужасов войны. Я посетил это мрачное место. Когда я обратился там к стоящему рядом со мной человеку, он ответил мне по-немецки. Я подумал тогда, не тот ли это случай, когда убийцу тянет на место преступления.

Потом автобус следует по узкому проезду к Аппиевой дороге, похожей на переулок в пригороде. Сменяют друг друга виллы с воротами, за которыми открываются тенистые тропинки, ведущие к коричневым домам, увитым бугенвилеями. Наверно, эта дорога мало изменилась с тех пор, как наши предки в XIX веке проезжали здесь в своих каретах. Автобус наконец тормозит с драконьим шипеньем — маленький и не вполне исправный дракон — недалеко от

гробницы Цецилии Метеллы. Впереди лежит Аппиева дорога, прямая, как римское копье, с погребальными кипарисами и пиниями по бокам. Древняя мостовая из многоугольных базальтовых плит все еще сохраняется местами, отрезками от пятидесяти до ста футов. За двадцать веков транспортные средства оставили на камнях рубцы и борозды.

Неподалеку — четыре самые интересные римские катакомбы.

2

В окрестностях Рима около пятидесяти катакомб, и все время открывают новые. Нет сомнений в том, что многие ранние христиане все еще мирно спят под мостовыми современного Рима. По подсчетам отца Марки, в катакомбах похоронено шесть миллионов христиан, а если вытянуть в одну линию все подземные галереи, получится шестьсот миль.

На строительство катакомб повлияли два обстоятельства. Римские законы запрещали захоронения в стенах города, так что катакомбы вынуждены были строить за пределами Рима. Самым подходящим грунтом оказалась мягкая вулканическая порода, известная как *tufa granulare*. [70] Исключались участки с подземными ключами и затопляемые в мокрую погоду. Со старой версией, согласно которой катакомбы — это заброшенные каменоломни и карьеры, распрощались давно: они были тщательно выкопаны гильдией христиан-могильщиков, которых называли *fossores*, и когда примитивная Церковь утратила свою первоначальную чистоту, Григорию Великому пришлось специально запретить представителям этой профессии брать взятки за выкапывание могил рядом с гробницами известных святых.

Катакомбы никогда не были тайным жилищем христиан. Ссылки на тех, «кто живет в катакомбах», в житиях святых означали, что они жили в одном из зданий, в нижнем этаже.

Что касается секретности, то даже если бы можно было скрыть огромные количества вынужденного тифа, не было причин держать катакомбы в секрете. Римский закон о захоронениях умерших был точен и милосерден. Тело любого человека, даже казненного преступника, обычно передавалось его друзьям и родственникам. Вот почему Иосиф Аримафейский, не колеблясь, обратился к Пилату за телом Господа нашего, и вот почему Пилат немедленно внял его просьбе. По тому же закону, кроме разве что периодов самого жестокого преследования христиан, тела мучеников отдавали верующим для захоронения.

Подобно всем другим могилам, катакомбы были священным местом. «Всякий делает принадлежащее ему место священным, — гласил закон, — принося туда своих мертвых». Катакомбы были известны магистратам и полиции и должны были строиться по определенным правилам. Не позволялось вести работы выше уровня земли. Так что, когда катакомба наполнялась, *fossore* прорубали ступени на более низкий уровень и начинали строить галереи ниже. Некоторые катакомбы имеют шесть уровней, самые ранние захоронения, разумеется, находятся ближе всего к поверхности земли.

Пять катакомб датируются апостольскими временами, но большинство относятся к периоду от II до IV века. С победой Церкви в IV веке захоронение в катакомбах стало редкостью, и когда святой Иероним был римским школьником в 365 году, гробницы уже становились диковиной, которая вызывала священный ужас у посетителей.

В юности, — писал святой Иероним, — по воскресеньям со своими сверстниками я, бывало, бродил среди могил апостолов и мучеников и часто спускался в склепы, где вдоль стен по обе стороны были похоронены мертвые; там было так темно, как будто сбывались слова пророка: «Они живыми сойдут в ад». Свет, то и дело проникавший сверху, делал темноту еще ужаснее. По мере того как в нее погружаешься, все чаще вспоминаются слова Вергилия: «Сама тишина наполняет душу ужасом».

У катакомб есть две странности. Первая: если бы мы употребили это слово в разговоре с ранним христианином, он бы либо не понял, что имеется в виду, либо отослал бы нас в место, называемое Ad catacumbas, что на Аппиевой дороге. Название означает «в низине». Место это особенно почиталось как место упокоения костей святого Петра и святого Павла. В этой земле они обрели спасение от христиан с Востока, которые явились в Рим, чтобы похитить святыню. Церковь Катакумбас, построенная на месте захоронения в IV веке, осталась одной из семи излюбленных паломниками римских церквей, а ее именем стали называть все подземные места захоронений. Для обозначения собственно катакомб ранние христиане использовали греческое название кладбища, которое буквально означало спальню, место для сна.

И вторая странность — это то, что за исключением Ad catacumbas все кладбища в Риме были утеряны и забыты на шестьсот лет. Кажется почти невероятным, что могилы шести миллионов людей могут быть утрачены. Объяснение мы находим в римской истории.

С IV по VI век катакомбы были известнейшим местом в Риме, и паломники издалека приходили посетить гробницы апостолов и мучеников. В помощь им составлялись путеводители, они посещали церковь, построенную над гробницами святого Петра и святого Павла, бродили по катакомбам. Древний римский страх осквернить могилу видоизменился и превратился в страх потревожить кости мученика и тем самым навлечь на себя беду. Боязнь переносить мертвых в другое место была так сильна, что Константин построил собор Святого Петра на склоне холма ценой огромных затрат, а собор Святого Павла «за стенами» — на очень маленьком участке рядом с дорогой, лишь бы могилы остались нетронутыми. Как сильно все потом изменится!

Когда варвары в V веке захватили Рим, все катакомбы за стенами города были разграблены, и чтобы спасти останки мучеников от осквернения, папы решили перенести их в церкви. Их привезли в город на повозках. Зафиксировано,

что когда Пантеон сделался церковью в 609 году, потребовалось двадцать восемь повозок, чтобы перевезти кости, чтобы поместить их в склеп, а в 817 году — две тысяч триста тел было помещено в церкви Санта-Прасседе (Святой Пракседы). Все это, естественно, изменило маршруты паломников. Теперь они находили останки святых в церквях, так что постепенно за катакомбами перестали следить, и в конце концов они оказались покинуты и забыты. Входы теперь были завалены и заросли травой. Единственным местом, по-прежнему посещаемым паломниками и в Средние века, было Ad catacumbas.

31 мая 1578 года один человек копал колодец на своем винограднике рядом с Виа Салариа, вдруг провалился в туннель и оказался в царстве мертвых. Он увидел узкий каменистый коридор с нишами для урн по сторонам, а когда вошел, обнаружил галерею, которую пересекали другие галереи, и вела она в лабиринт. Открытие потрясло Рим. Людей того времени больше волновал город мертвых, который неожиданно обнаружился у них под ногами, чем восставший из мертвых наивный и прекрасный мир раннего христианства: похоронные светильники, стеклянные чаши с ликами святых Петра и Павла, картины с изображением Доброго Пастыря, трогательные эпитафии. Многие будут разрушены, рассеяны и утрачены навсегда, прежде чем люди успеют оценить удивительное возрождение невинного детства христианства.

3

Аппиева дорога не стала вульгарной достопримечательностью, и хотя было бы преувеличением сказать, что ожидаешь увидеть здесь легионы, марширующие домой с азиатскими трофеями, порой лишь чувствуешь, что из кустов могло бы появиться усмехающееся лицо Горация Уолпола или честное и серьезное — Натаниэля Готорна. А может быть, даже лица мистера и миссис Браунинг. Вот она, пустынная Кампанья —

в прошлом малярийные болота, одинокие гробницы, странные осколки мрамора, виднеющиеся вдали римские купола и гробница Цецилии Метеллы, которая так взволновала Байрона.

Зачем твой склеп — дворцовый бастион?

И кто ты? Как жила? Кого любила?

Царь или больше — римлянин был он? [\[71\]](#)

Здесь же — церковь Святого Себастьяна *Ad catacumbas* — низкий фасад, поддерживаемый античными колоннами, но внутри, увы, барочная реконструкция, и статуя святого вся истыкана стрелами, как подушечка для булавок. Маленький французский монах, объясняясь на занятом эсперанто из английских, французских, немецких и других европейских слов, повел меня вниз, под церковь.

— *Magnifique!* [\[72\]](#) А? — восхитился он, спустившись со мной в прохладную темноту катакомбы, которая имела четыре уровня.

Есть, возможно, и более впечатляющие катакомбы, но ни одна не представляет большего исторического интереса, чем эта. Когда латинский поэт, может быть, это был святой Амвросий, в IV веке видел три группы христиан, расходящихся в трех разных направлениях, то не было сомнений, что одна группа отправлялась на Ватиканский холм, другая — на Виа Остиенсис, где был похоронен святой Павел, а третья — в эту катакомбу, над которой в то время стояла церковь, посвященная апостолам.

Мы спустились на один уровень и увидели гробницы людей, живших в дни апостолов, мы вернулись на место, столь почитаемое в Средние века, так как там были захоронены кости святых Петра и Павла. Это любопытная история. На нее есть ссылка в одной из метрических записей папы Дамаса, который приводил в порядок катакомбы в 366 году, но лучше это описано у Григория Великого двумя с половиной столетиями позже.

Папа с удивлением получил письмо от византийской императрицы Констанции. Надо сказать, это была женщина, которая умела настоять на своем. Она просила прислать ей голову святого Петра или какую-нибудь другую часть его тела. В письме с отказом, являвшим собой шедевр придворной куртуазности, Григорий сообщал «достойнейшей даме, что не в обычае римлян откапывать или расчленять святых», но можно прислать кусок ткани, находившийся в непосредственной близости к гробнице мученика. Затем он пишет, что за прошедшие годы какие-то верующие, пришедшие в Рим с Востока, украли кости апостолов из гробниц. Однако они унесли их лишь до второго верстового столба и, выйдя из Рима, сложили в месте под названием Катакумбас. Но когда утром они попытались взять их оттуда, то бежали в ужасе от страшного грома и молнии, и тогда пришли римляне и спокойно забрали тела. Чтобы смягчить отказ, святой Григорий сказал, что пошлет «досточтимой даме» несколько звеньев цепи, которой был скован святой Петр.

Некоторые верят, что кости двух апостолов на период преследований снова вернулись на прежнее место. В любом случае всякий паломник, приходивший в Рим в первые века, шел на Аппиеву дорогу помолиться. В 1915 году этот участок был раскопан и святыни найдены. Стены покрывали письма. Они находились в весьма плачевном состоянии, но представляли невероятную ценность, если граффити были достаточно древние. Оба апостола упоминаются в надписях: «Петр и Павел, вспомните о нас», — написал какой-то паломник; другой оставил надпись: «Петр и Павел, помолитесь о Викторе». Некоторые паломники писали на латыни, другие — на греческом. «Я, Томий Келий, — писал один, — принес еду для Петра и Павла» — забавно заглянуть в мир, где образ мыслей был уже христианским, а обычаи — все еще языческими.

После небольшой прогулки я пришел к впечатляющей катакомбе Святой Домициллы. Снаружи стояли три туристских автобуса. А в окошечке кассы монах в очках продавал путеводители и открытки, а другой выкрикивал: «Сколько англичан?», «Сколько французов?», «Немцы — сюда, пожалуйста», и мы разобрались по языковым группам, которые образовались в свое время после падения Рима.

Взяв свечку, я последовал за англоговорящей группой; и не успели мы уйти от дневного света, как катакомбная сырость вцепилась в нас своей костлявой рукой. Даже главный в группе шутник, который вел себя весьма оживленно у кассы, отпустил лишь несколько неуверенных шуточек и притих, когда мы гуськом двинулись сквозь темноту, нарушаемую лишь дрожащим пламенем свечек. Подобно койкам на корабле из темноты по бокам появлялись ниши гробниц, одна над другой. Через каждые несколько ярдов наш туннель пересекал очередной другой туннель. На перекрестках мы сбивались в кучу, чтобы не потеряться.

Монах терпеливо объяснял спросившему, думаю, он делал это по много раз в день, что да, люди иногда теряются в катакомбах и приходится отправлять за ними поисковые партии. Самое лучшее, что может сделать потерявшийся, это сесть и тихо ждать; самое опасное — спуститься по ступеням и оказаться в других галереях, где вы не услышите криков тех, кто пытается определить, где вы. Недавно двое туристов потерялись на сорок восемь часов.

С тем же терпением, стоически произнося то, чего от него ожидали, монах объяснил другому спросившему, что нет, христиане никогда не жили в катакомбах, а приходили сюда поклониться могилам мучеников и для евхаристии, часто на заре. Во времена преследований, однако, христианин, на которого охотились, всегда мог обрести здесь убежище и быть уверен, что его не найдут.

Именно в этих катакомбах Антонио Бозио, «Колумб катакомб», заблудился в 1593 году и долго бродил без света, пытаясь выйти и боясь лишь того, что в случае

смерти «осквернит своим разлагающимся телом гробницы мучеников».

Монах то и дело останавливался что-то объяснить, и мы подходили поближе, чтобы лучше слышать, наши лица озаряло пламя свечей, из темноты до нас доносился голос, объяснявший то же самое по-французски, и другой — по-немецки, и третий — по-итальянски. Было интересно чувствовать себя частью этого европейского микрокосма, стоять у ветхой колыбели нашей веры и цивилизации.

С какой любовью ранние христиане украшали грубые стены из вулканической породы! Можно представить себе этих людей, выходящих из Рима в какой-нибудь праздник или закончивших работу, с кисточками и горшочками краски в руках, с приставной лестницей. Вероятно, они иногда служили мессу у гробницы мученика перед тем, как войти со светильниками в склеп, который собирались украсить своими трогательными маленькими картинками. Иные изображения стали теперь такими бледными, что только взгляд верующего разглядит их, а другие свежи так же, как в тот день, когда появились. Здесь мы увидели, возможно, самое раннее изображение Мадонны с младенцем и волхвами. Есть картина, изображающая Господа нашего на троне с апостолами, и другая — с шестью мучениками, которые подходят к Спасителю, чтобы получить свои венки, подобно древним атлетам. Какой-то человек, может быть грузчик, нарисовал маленькую сценку на рынке, с амбаром и работниками, разгружающими баржи на Тибре.

Первое обморочное ощущение, которое охватывает сначала в этом пыльном лабиринте смерти, скоро сменяется братским теплым чувством к тем, кто жил так задолго до нас и прокладывал первые тропы веры. Они, вероятно, были похожи на нас. Кто без волнения прочтет слова, которые они написали, закрыв глаза любимым людям, слова, которыми мы пользуемся до сих пор: не безнадежное языческое «Vale» («Прощай»), а «Vivas in Deo» и «In pace Christi» — «Покойся с богом», «Царствие Небесное».

Мы пошли дальше и вскоре услышали звуки гимна, такие слабые сначала, затерянные в запутанных галереях,

что они вполне могли быть призрачным эхом прошлого. Но звуки становились все громче, и мы наконец, взглянув вниз, увидели пятьдесят паломников на коленях перед алтарем. Священник только что отслужил мессу и собирал свое облачение в небольшой кейс. Это одно из самых прекрасных свиданий с прошлым, которое можно себе представить. Наш гид сказал, что каждое утро в катакомбах служат двадцать или тридцать месс. Иногда священник приходит один. Иногда — с толпой паломников.

В 1881 году тут сделали замечательное открытие. Удалось проникнуть в склеп, который внутри выглядел как комната в доме в Помпеях. Однако это было раннехристианское захоронение, и археологи с удивлением обнаружили имя «Амплиат» — красивыми раннеримскими буквами. «Приветствуйте Амплия, возлюбленного мне в Господе», — писал святой Павел в Послании к Римлянам (Рим 16:8). Возможно, речь идет о могиле именно этого человека.

Мы с удовольствием снова вышли на свет, и, держась в тени пиний, я прошел до катакомбы Святого Калликста, который был папой с 221 по 227 год.

В этой катакомбе вместе захоронены несколько пап раннехристианского периода. Их имена написаны по-гречески. Греческими являются и очень многие церковные слова по сию пору: катехизис, евхаристия, пресвитер, епископ, гимн, псалом. Но латинская Церковь скоро сделалась двуязычной. Обращенных спрашивали, на котором из двух языков они предпочитают исповедовать свою веру. Греческий постепенно отмер, и, когда Афанасий посетил Рим в IV веке, ему пришлось выучить латынь, чтобы общаться с духовенством.

В этой катакомбе можно увидеть гробницу нежной и тихой покровительницы музыки, святой Цецилии, которая, как гласит легенда, слышала звуки такой небесной красоты, что для того, чтобы выразить их, а также свою веру, придумала орган. Она была богатой патрицианкой, имела дом на Палатине, там, где сейчас находится церковь Святой Цецилии в Трастевере — одна из прекраснейших церквей в

Риме. Считается, что она приняла мученичество в горячей ванне, чей фундамент до сих пор сохранился. Легенда гласит, что Цецилию заперли в комнате, наполненной горячим паром, а утром ее нашли живой и невредимой, молящейся, преклонив колени. Тогда велели обезглавить ее, но палач не смог отсечь ей голову.

Более пятисот лет спустя, в 817 году, папа Пасхалий I велел организовать поиски тела Цецилии в катакомбе Святого Калликста, но его так и не нашли. Однажды ранним утром, во время заутрени, которую начинали петь вскоре после полуночи, папа уснул в соборе Святого Петра, и святая Цецилия явилась ему во сне и сказала, что во время своих поисков он был так близко от ее гробницы, что она могла бы заговорить с ним. Он снова стал искать и нашел гробницу. Открыв гроб кипарисового дерева, увидели нетронутое тлением тело святой. Она лежала, как будто просто уснула.

Тело святой Цецилии видели и много позже, в 1599 году. Кардинал Сфондрати открыл гроб и был потрясен, обнаружив, что «святая лежит в гробу не на спине, как положено похороненной, а на правом боку, как девственница в своей постели, со стыдливо сомкнутыми ногами, как будто спит». Послали за скульптором, Стефаном Мадерной, его попросили сделать точную копию тела в мраморе. Его работу можно увидеть теперь в церкви Святой Цецилии, а копия была помещена в катакомбе. Это фигура как будто уснувшей молодой девушки. Она отвернулась, на шее — следы меча, пальцы сложены для осенения крестным знаменем. Миниатюрные копии продаются во всех римских лавочках, торгующих религиозными сувенирами, и найдут дорогу во все части света. Скульптор сопровождал свою работу следующими словами: «Вот тело благочестивейшей Девы Цецилии, которую я сам видел нетронутой тлением в ее гробнице. В мраморе я воссоздал вам образ этой святой, она лежит в той позе, в которой я ее увидел».

Монах-салезианец, который водил меня по кладбищу, занимался изучением агаре — вечера любви, таинства у первых христиан, и всякий раз, как мы подходили ко входу в

гробницу, где обычно устраивались такие трапезы, или к фреске, изображавшей это событие, ему было что сказать. Он называл агаре первым проявлением христианского братства и любви к ближнему. Этот обряд соблюдался христианами до того, как были написаны Евангелия, и, должно быть, был передан первым обращенными теми, кто присутствовал вместе со Спасителем на Тайной Вечере. Я спросил своего провожатого, когда, по его мнению, причастие было отделено от агаре.

— Думаю, всегда было отделено, — отвечал он. — Представьте себе группу христиан, подобных тем, что собирались послушать Павла по ночам в Троаде. Они вместе ели и, когда еда кончалась, убирали со стола, читали молитвы над остатками хлеба и вина, а потом торжественно съедали их... «Сделайте это в память обо Мне». Но, — продолжал он, — новообращенный язычник всегда был склонен путать агаре с уже знакомыми ему трапезами на могилах, и у святого Павла, как вы помните, были неприятности подобного рода с коринфянами. В более поздние времена, когда множество язычников допустили в лоно Церкви, агаре стало откровенно языческим праздником, и святой Павлин Ноланский это понял, когда его прихожане явились с корзинами, полными еды и вина, на агаре святого Феликса и просидели всю ночь, передавая по кругу бутылку! Такие сцены приводили святого Августина в ярость. Увидев, как так называемые христиане веселятся вокруг гробницы мученика, он воскликнул: «Мученики слышат звон ваших бутылок, стук ваших сковородок, звуки вашего пьяного веселья!» Но к тому времени, конечно, святое причастие давно было отделено от агаре.

— Как вы думаете, — спросил я, — могли римские христиане во времена преследований спускаться в катакомбы, якобы чтобы попить на могилах, а на самом деле чтобы причаститься?

— Да, я думаю, именно это и происходило, — ответил он. — Для них было бы небезопасно служить мессу на поверхности, а под землей, в катакомбах, они имели полное

право отмечать годовщины смерти близких на их могилах. Естественно, они пользовались случаем провести свои богослужения.

Он обратил мое внимание на многое, что я бы без него упустил. Он объяснил мне, что из санитарных соображений тела усопших обычно обмазывались глиной и герметически запечатывались в гробницах; но при этом в катакомбах все равно постоянно курили благовония. Стеклянная посуда часто оказывалась прочно вмурованной в глину, которой были покрыты тела. Когда ранние исследователи обнаружили их, они заметили на посуде твердый, темный налет, который приняли за засохшую кровь, и решили, что во всех этих гробницах лежат мученики. На самом деле посуда содержала Святые Дары, которые хоронили вместе с мертвыми. Святые Дары иногда посылали болящим, их даже носили на шее в небольших коробочках.

— Обычай захоронения Святых Даров существовал до 393 года, — поясняет святой отец. — Сегодня никто, кроме его святейшества, не имеет права носить их на себе. Два последних папы носили. Когда Пия VII увезли из Рима по приказу Наполеона, он взял с собой Святые Дары в небольшом флаконе, специально изготовленном для этой цели. Когда Пию IX пришлось бежать из Рима во время восстания 1848 года, он тоже повесил сосуд со Святыми Дарами на шею.

— Вы проводите много времени в катакомбах, — сказал я. — Что производит на вас самое сильное впечатление?

— Хотя мне и задают множество вопросов каждый день, — ответил он, — об этом меня никто не спрашивал!

Могу ответить, не задумываясь: царящая здесь атмосфера искренней веры.

Мы поднялись наверх.

— Иногда я думаю, — сказал он, как бы обращаясь к самому себе, — что сегодняшняя мир с его материализмом во многом похож на римский мир, каким он был несколько столетий назад. А спустившись в катакомбы, я соприкасаюсь с верой, которая движет горами.

Мы обменялись рукопожатием, и он поспешил к группе туристов, которая с нетерпением ждала его.

По пути назад в Колизей, в автобусе, я все время думал вот о чем: ни на одной из стен туннелей, а их — мили и мили, Иисус Христос не изображен на кресте. Катакомбный Христос — Добрый Пастырь — юный, безбородый, в греческой одежде. Он похож на Аполлона или Орфея. Ранние христиане не знали бородатого, распятого Христа Средних веков, образа, зародившегося у византийских греков и с тех пор преобладавшего в искусстве. Символов Страстей Христовых, занимающих такое большое место в более позднем искусстве, тоже не видно в катакомбах.

Здесь, как сказал святой отец, царят вера и покой. Эпитафии на гробницах умиротворенны и благостны, как будто мертвые машут живым рукой на прощание и улыбаются, отправляясь в свое долгое путешествие. Везде слова «покой», «спите». Не могу припомнить ни одного «прощай», которое безнадежным выдохом висит в воздухе над всеми языческими кладбищами. Стоит мне вспомнить темные коридоры катакомб — и в сознании возникает образ военного корабля с рядами коек и спящими матросами, доверчиво дожидаящимися во сне света нового дня.

Только здесь ты, кажется, слышишь смиренные голоса первых христиан, и в них истинная вера, надежда, братство. Сколько любви и доброты захоронено здесь, во тьме! Родители — о своей умершей девочке: «сладкая, как мед»; мужья и жены вспоминают своих умерших супругов словами полными благодарности. «Аврелиану Феликсу, — гласит одна эпитафия, — который провел со своей женой восемнадцать лет в сладчайшем супружестве. Прожил пятьдесят пять лет. Обрел свое вечное жилище в двенадцатый день перед январскими календами». Или читаем: «Александр не умер, он живет среди звезд, а тело его покоится в этой гробнице». Еще эпитафии: «Гемелла покоится с миром», «Вот последняя опочивальня Элписа», «Здесь спит Виктория», о годовалом ребенке пишут как о «недавно просветленном», так говорили о принявших крещение.

Средневековый паломник написал на стене: «В этой тьме — свет; в этих гробницах — музыка».

Одно из чудес Рима — ставшие каноническими изображения святых Петра и Павла, сохраненные в катакомбах, и всякий художник, которому когда-либо случалось писать двух апостолов, обязан чем-нибудь катакомбной традиции. Портреты делались сусальным золотом на донцах стаканов или чаш, которые, как сказал мне монах-салезианец, находили рядом с телами. В Ватиканском музее сотни таких стаканов, и тип портретов никогда не меняется. Оба апостола изображены мужчинами среднего возраста, бородатыми, но если у святого Петра копна вьющихся волос, то святой Павел почти лыс. Те, кто изучал портреты, считают, что традиция эта восходит к временам Нерона, к воспоминаниям людей, которые видели апостолов своими глазами.

Мне вспомнилась история, которую покойный монсеньор Степлтон Берне любил рассказывать, говоря о «длине человеческой памяти». Его мать, умершая в 1927 году в весьма почтенном возрасте, ясно помнила, как она маленькой девочкой, в 1837 году, услышала о коронации Виктории. Ребенком она часто видела очень старую даму, которая помнила Французскую революцию и казнь Марии-Антуанетты в *793 году. Эта старая дама провела свое детство в Фила-Дельфин и знала Бенджамина Франклина, который родился в 1706 году. Таким образом, Франклин вполне мог бы рассказать о каком-нибудь событии своего раннего детства, например, о Бостонском пожаре 1711 года, маленькой девочке, которая в свою очередь в старости могла бы передать эту историю другой маленькой девочке, миссис Берне, которая пересказала бы ее своему сыну в XX веке.

В своей книге «Мученичество святого Петра и святого Павла» монсеньор Берне пишет о большой амплитуде исторических событий, охватываемых жизнями людей: «Ребенок-христианин в Риме в 67 году мог видеть своими глазами мученичество святого Петра, видеть его распятым на кресте; а в 150 году этот очевидец вполне мог быть еще

жив и способен рассказать об этом кому-нибудь. Ребенок, которому он мог рассказать это, в свою очередь состарившись, мог передать эту историю кому-нибудь, кто дожил до 312 года и процветания Церкви при Константине».

5

Веселые молодые мужчины имперского Рима мчались на быстрых колесницах, водили компанию с кем ни попадя, устраивали ночные пирушки, слишком много пили, а иногда становились гладиаторами-добровольцами. Бодрый дух, которым пронизана «Восьмая сатира» Ювенала, — того же свойства, что и в «Жизни в Лондоне» Пирса Игана,^[73] и персонажи вроде Коринтия Тома и Джерри Готорна в Риме времен Нерона чувствовали бы себя так же прекрасно, как в Лондоне времен регентства. Аналогом ночного клуба в Древнем Риме была «ночная таверна», где, как рассказывает Ювенал, посетителя в дверях встречала готовая к услугам финикийка, «всегда надушенная», и приветствовала хозяйка, «в платье с подоткнутым подолом, держа наготове бутылку».

Среди повес, заклеимленных Ювеналом, был Латеран (или Латин). «Дрожащий Латин», — называет его Ювенал и прибавляет: «...добро промотал на конюшни и вовсе лишился / Предков наследия, мчась в колеснице дорогой Фламинской / Автомедоном младым, ибо вожжи держал самолично / Он, перед легкой девицей, одетой в лацерну, рисуясь».^[74] Эту фразу Альберто Моравиа мог бы написать сегодня о современном римляnine на его верном «феррари».

Ювенал имеет в виду Плавта Латерана, известного повесу, вероятно, одного из тех крупных добродушных мужчин, которые не боятся неприятностей, а напротив, охотно ищут приключений на свою голову. Связь с Мессалиной, которую без вреда для себя имели многие из его современников, для него оказалась бы роковой, не будь он племянником генерала Авла Плавта — любимца

императора, покорителя Британии. В следующем царствовании он вступил в заговор Пизо и согласился удерживать Нерона на полу, пока остальные будут вонзать в него свои кинжалы. Опасность раскрытия заговора возрастает пропорционально увеличению количества вовлеченных в него людей, а этот объединял столько заговорщиков, что был просто обречен на раскрытие. Латерана казнили вместе с другими. Как многие люди его склада, он искупил свои безрассудства, мужественно приняв смерть.

Нерон конфисковал имущество Латерана, но со временем его вернули семье. В конце концов оно стало частью приданого Фаусты, жены Константина Великого, и как только Константин дал свободу Церкви, он принес в дар папе Дворец Латерана. Таким образом, он установил одну из самых невероятных в мире ассоциаций: именам любовника Мессалины и святого Иоанна Крестителя отныне суждено было соединиться в названии храма — Латеранского собора Святого Иоанна — матери христианских церквей.

Слава и великолепие собора Святого Петра и Ватикана затмили более раннее пристанище папства, и сейчас уже трудно себе представить, что на протяжении тысячи лет слово «Латеран» вызывало в сознании европейца те же ассоциации, какие сегодня вызывает слово «Ватикан». В конце Виа Мерулана — большая церковь на холме, рядом с ней дворец, пролет зубчатой стены Аврелиана и вид на Альбанские холмы, который, вероятно, был великолепен, пока не пришел современный строитель. И насколько удачнее расположен Латеранский собор, чем собор Святого Петра. Люди украсили место собором Святого Петра. Там же, где стоял Латеран, и без него было прекрасно.

Разрушение старого патриаршества и древней церкви Святого Иоанна — одна из трагедий Рима. Хоть и немного осталось от первоначального замысла после пожара, землетрясения и мятежа, но все же сохранение церкви было бы настоящим чудом Средневековья. Но Сикст V был старый человек, не склонный к сентиментам, и к тому же спешил: в процессе одной из своих великих строительных реформ он

смел с лица земли множество византийских и средневековых зданий. Мы имеем слабое представление о том, каким мог быть баптистерий с его поющими дверями (самый жуткий звук в Риме) и темная, маленькая папская часовня на вершине Санта Скала.

Как собор Святого Петра, все церкви эпохи Константина, языческие храмы, Латеранский собор Святого Иоанна обращен фасадом к восходящему солнцу. Гигантские статуи на крыше — Спасителя, святого Иоанна Крестителя и столпов Церкви, белеющие на фоне неба ранним летним утром, — так же запоминаются, как купол собора Святого Петра. Когдаходишь к зданию, взгляд притягивают две высокие бронзовые двери, зеленоватые, как будто тронутые патиной. Это благородные и героические двери, они могли бы качаться на своих медных петлях во дворце Приама. В них есть такое внушающее почтение величие, что я не удивился, когда услышал, что они — из дома Сената. Тут есть над чем подумать. Они простояли на Форуме все время дебатов V века между христианами и язычниками и открылись — может быть, печально открылись, когда изгнали золотую статуи Победы из Тарента. Их, несомненно, заперли и закрыли на засовы, когда готы Алариха ворвались на Форум (я осмотрел позеленевшую бронзу в поисках следов молотов и топоров), и они все еще были там, когда в Рим пришли вандалы. Я помню еще две пары дверей в Риме: двери Пантеона и двери храма Ромула на Форуме. Это одни из самых говорящих и впечатляющих реликвий. Наверно, таких насчитывалось немало, так же как и прекрасных бронзовых статуй, но бронзу можно переплавить в монету, поэтому все исчезло, кроме этих трех пар дверей, статуи Марка Аврелия и еще нескольких сохранившихся в музеях статуй.

Латеранский собор Святого Иоанна разочаровывает, несмотря на грандиозность, сияющие цветные плиты, пурпурную с золотом крышу, папский алтарь, сверкающий, как шкатулка с драгоценностями (там, за позолоченной решеткой, хранятся головы святого Петра и святого Павла). Он разочаровывает, потому что мы знаем его историю и

понимаем, что этот огромный барочный храм не имеет с древними святыми ничего общего. С какой радостью мы бы отдали все это великолепие за один взгляд на старую церковь и патриархию.

Не было в истории более растерянного папы, чем Мильтиад, о котором известно очень мало: пребывал у власти всего лишь с 311 по 314 год и получил в дар от Константина дворец Латерана. Какая это была потрясающая метаморфоза! Христиане прошли через худшие преследования, какие знала Церковь. На их глазах убивали или отправляли в ссылку папу за папой. Священные книги сжигались, священников сажали в тюрьмы, имущество христиан конфисковывали. И вдруг царство террора закончилось победой Константина, молодого человека двадцати четырех лет, провозглашенного августом за восемь лет до того британскими легионами в Йорке. Сколько мучеников, должно быть, решили, что голоса убиенных Диоклетианом услышаны на небесах!

Базилика Латерана была первой большой христианской церковью, а ее мозаичный Спаситель — первым изображением Христа, которое стало возможным в публичном месте. Константин наполнил церковь золотом и серебром, а спустя несколько лет построил собор Святого Петра, собор Святого Павла «за стенами», храм Гроба Господня в Иерусалиме и другие церкви в местах главных христианских святынь.

Это именно из дворца Латерана с пышностью и помпой выехал Лев I, чтобы выдворить Аттілу из Рима. Святой Григорий Великий жил здесь, когда послал святого Августина обращать англичан. Все папы Средних веков жили в патриархии, пока папство насильственно не было переведено в Авиньон в 1303 году.

Когда Григорий XI вернулся в Рим в 1377 году, он увидел разрушенный город с населением около семнадцати тысяч, влачащим жалкое существование. Адам Уск из своего дома неподалеку от Ватикана видел, как волки и собаки дрались друг с другом рядом с собором Святого Петра. В

Латеранском дворце жить было невозможно, и папа поселился в Ватикане.

Известно, что двадцать восемь средневековых пап похоронено в Латеране, хотя не многие гробницы сохранились. Тем не менее одну я видел, это была могила первого француза, занявшего престол Святого Петра, Сильвестра II, который был у власти с 999 по 1003 год. Современники считали его колдуном, продавшим душу дьяволу, — такое впечатление, даже в небольших дозах, производили ученость и просвещение на средневековое сознание. Сильвестр учился в Испании, у кордовских арабов и евреев, он ввел в Италии арабские цифры и владел двумя сатанинскими изобретениями: паровым органом и механическими часами. Римляне, которые видели, как понтифик наблюдает небо по ночам с башни Латерана или чертит каббалистические знаки на пергаменте, шептали, что в нем есть что-то сверхъестественное, а монахи, эти новеллисты Средних веков, столетиями слагали о нем легенды. Рим, предстающий читателю в этих сочинениях, — странный город, расширенный средневековой фантазией до сказочных границ, город таинственных развалин, где статуи охраняют полные золота склепы.

Такой была и статуя, упоминаемая Уильямом Мальмсберийским. Она стояла с вытянутой рукой и указующим перстом, изображала, возможно, императора или оратора, а на голове у нее были написаны слова «Бей сюда». Невежественные люди били по статуе молотками, надеясь обнаружить внутри золото. Папа же, со своими познаниями, отметил, где была тень указующего пальца днем, и ночью вернулся со светильником и в сопровождении слуги.

По магическому заклинанию Сильвестра земля разверзлась в отмеченной точке. Папа и его слуга оказались в коридоре, и в конце его им открылась картина, которую жаждал видеть всякий средневековый охотник за сокровищами.

Они оказались во дворце, сияющем золотом. Солдаты из золота играли в золотые кости; золотые король и королева

сидели за золотым столом перед золотыми яствами. Огромный карбункул висел в золотой комнате, сверкая, как звезда, а золотой лучник застыл, прицелившись из лука в карбункул. Как только Сильвестр или его слуга протягивали руку, чтобы коснуться чего-нибудь, золотые фигуры оживали и разбегались. Это встревожило Сильвестра, но не его слугу, который схватил золотой нож, и тогда золотой лучник выстрелил в карбункул, и вся комната погрузилась во мрак. Слуга в страхе бросил нож, и они оба побежали назад по коридору, в темную, но знакомую ночь.

Когда просвещенный папа умер, распространились слухи о его гробнице в Латеране: о том, что кости начинали греметь, когда очередной папа должен был умереть, и тому подобное. Открыв в 1648 году гробницу, на мгновение увидели его тело в папских одеждах со сложенными на груди руками. От прикосновения оно рассыпалось в пыль, в которой нашли серебряный крест и перстень с печаткой.

Из всех ужасов, которые видала патриархия, может быть, самым отвратительным было зрелище «синада трупа» в 896 году. Папа Стефан VII, который повредился рассудком от политических интриг и распрей, выкопал тело своего предшественника, Формозы, посадил мертвого папу на трон и провел издевательский судебный процесс. Дрожащему диакону предписано было, стоя около трупа, исполнять обязанности адвоката, но он был в таком ужасе, что не вымолвил ни слова. Труп осудили, все законы, изданные в его правление, отменили, а тело бросили в Тибр, откуда его выловили какие-то рыбаки и похоронили как полагается. Режиссера этой безобразной сцены в следующем году задушили подушкой.

Находясь в Латеране, трудно не поддаться искушению покопаться в мелодраматических воспоминаниях средневекового папства, но не надо забывать, что этот период дал больше святых, чем грешников. Следует также помнить: кровавые ужасы и дикость, нередкие в средневековом папстве, указывают на то, что оно обладало удивительной способностью выживать в таких бурях, которые давно покончили бы с любым другим учреждением.

Боккаччо остроумно развивает эту мысль в своей истории об одном еврее, который, приехав в Рим, был потрясен, увидев жалкий маленький городок, в котором к тому же престол Святого Петра занимал не иначе как сам Антихрист. Но еврей тут же обратился в христианство, и главным аргументом послужил тот, что религия, способная существовать, несмотря на подобное папство, — несомненно, божественного происхождения!

Самый трогательный из пап, Селестин V, правил как раз в Латеранский период. Он был избран в 1294 году в порыве отвращения к преступлениям и диким забавам тех дней, после того как престол два года пустовал из-за распрей между кардиналами. Однажды один благочестивый кардинал упомянул имя Петра, отшельника, который жил в горах рядом с Сульмоном, где родился Овидий. Его-то и решили сделать папой. Три епископа с одеждами и декретом об избрании отправились на поиски отшельника и по козьей тропе пришли к отдаленной пещере, где жил старик. Ему было восемьдесят лет. Удивленный и потрясенный, он пытался бежать, но в конце концов его уговорили, убедив, что такова воля Божия. С него сняли потрепанное одеяние отшельника, одели его в одежды понтифика и, посадив на осла, повезли в Рим. Впереди шли певцы и гарцевали всадники.

Бедный старик прожил пять месяцев в голой келье, которую построили для него в папском дворце. Он подписывал все, что бы перед ним ни положили, и выполнял все, что ему скажут. В отличие от многих святых, способных за версту определить нечестного человека, бедный Селестин V так плохо знал этот мир, что не понимал окружающих его людей и мотивов их поступков. Он все время молился, скучал по своей пещере в горах, по звездам. Говорят, подлый кардинал Гаэтани, ставший следующим папой, Бонифацием VIII, провел в келью папы специальную трубу, и в тишине ночи, шепотом, как будто это был голос с небес, убеждал Селестина отречься от тиары. Тот так и сделал и стал одним из шести пап, которые отреклись.

Старик с радостью снял с себя пурпурные одежды и облачился в свое одеяние отшельника. Но ему не долго дали спокойно жить в его пещере. Люди падали перед ним на колени и умоляли снова стать папой. Есть что-то бесконечно трогательное в этой жажде увидеть, что святой изгоняет торгующих из храма. Совершенно невозможно было оставить без присмотра освященного папу, которого все числили святым. Он кротко предал себя в руки посланцев нового папы, и когда ему сказали, что, отказавшись от тиары, придется отказаться и от свободы, склонил голову и смирился с тем, что проведет остаток дней в мрачной крепости на вершине холма. Неисповедимы пути Господни, и много хорошего было сделано руками плохих пап, в то время как избрание на этот пост простого раннего христианина, который мог бы явиться из катакомб, если бы не явился из пещеры, не смягчило дикие нравы того времени. Но Церковь, невзирая на все свои прегрешения, не забыла его, и через десять лет после смерти Селестин был причислен к лику святых.

В другой части собора я видел гробницу великого папы, Иннокентия III, которого называли августом папства, человека, известного не только своей ученостью, мудростью, железной волей и блестящей карьерой, но также тем, что он занял Святой Престол в возрасте тридцати семи лет. Он был тем самым папой, который отлучил от церкви короля Якова и применил к Англии интердикт.

Молодой папа всегда был редким явлением, а со времен Возрождения и по сию пору — почти невозможным. Таким образом, папство — самый замечательный в истории пример старости у власти. Большинство понтификов избиралось в том возрасте, в котором королю следовало уже подумывать об отречении от престола, тем не менее живительный эффект престола Святого Петра хорошо известен. Часто едва способный передвигаться старик оживал в тот момент, когда тиара касалась его лба. Хороший пример — Павел III, шестидесятивосьмилетний кардинал Фарнезе, согнутый пополам старик, который, казалось, уже одной ногой в

могиле. После избрания папой он распрямился и правил еще пятнадцать лет!

В старину кандидат, которого можно было считать *creatura parabile*, то есть потенциальным папой, обычно был человеком за шестьдесят, добрым по характеру, не обремененным многочисленными родственными связями и к тому же приемлемым для европейских монархов. У человека, имевшего много врагов в священной коллегии, шансов не было. Его духовные достоинства не имели значения: это уж была забота Церкви.

Ни одно обыкновенное государство не выдержало бы серии кратковременных правлений, которые для папства считались нормой. До сих пор смерть папы может означать опалу для всех высокопоставленных государственных чиновников, а также для нунциев и послов в зарубежных странах. Пока не будет избран новый папа, Церковью управляет священная коллегия. В прежние времена период междупапства всегда был в Риме временем террора. Двери тюрем открывались, действие законов приостанавливалось, знать натягивала цепи поперек улиц, вооруженные наемники сводили старые счета своих хозяев — в общем, все было вверх дном.

Ни дня не проходило, — пишет Джироламо Джильи, — без драк, убийств, засад. Многих мужчин и женщин находили убитыми в разных концах города; то и дело обнаруживали обезглавленные трупы, другие, тоже обезглавленные, вылавливали из Тибра; грабители по ночам вламывались в дома, распахивали настежь двери, насиловали и иногда убивали женщин; многих девушек обесчестили и силой увели из дома.

Сегодня, как и встарь, конклав снимает свои красные одежды и надевает пурпурные, когда умирает папа, а при его смерти непременно должно присутствовать множество свидетелей, как это было принято в далекие времена. Как только папа выпускает дух, зовут кардинала камерария при папском дворе. Опустившись на колени, камерарий исполняет древний римский обряд *conclamatio*, то есть называет усопшего по имени — не по имени, которое он

получил, став папой, но по тому, которое он получил при крещении. В прежние времена было принято ударить умершего папу трижды по лбу серебряным молоточком. Папское «Кольцо Рыбака» с печатью снимают с его пальца и ломают. Тогда в Риме начинают бить в колокола, и это первое оповещение о том, что папа умер.

После замысловатой церемонии похорон Рим думает только об избрании нового папы. Возможно, не всем известно, что любой взрослый католик, даже если он не духовного звания, может быть выбран папой, хотя с конца XIV века выбирали только кардиналов, а с начала XVI века — только итальянцев. В тех редких случаях в прошлом, когда избирался кардинал мирянин, его незамедлительно посвящали в римские епископы. Гораздо больше пап выбрали в Латеране, чем в Ватикане, патриархия была занята папами десять веков, в то время как Ватикан служил им жилищем всего лишь половину этого срока.

6

Когда из Латеранского собора Святого Иоанна я перешел в его монастырь, я как будто вернулся на много веков назад. Мне показалось, что я уже не в Риме, а в Англии или во Франции XIII века. Я оказался в обычном бенедиктинском монастыре, но странно: он сверкал каким-то византийским блеском. Изогнутые колонны и арки были покрыты красной, зеленой и золотой мозаикой. Это очень впечатляюще смотрелось на римском солнце, хотя, наверно, выглядело бы несколько аляповатым в Йоркшире.

Монастырь появился в XIII веке, когда несколько семей резчиков по камню, самым известным из которых были Космати и Васселлетти, искали в римских руинах подходящие цветные куски мрамора, особенно редкий зеленый и красный порфир. Они резали найденные камни на квадратные и круглые пластины, из которых составляли великое множество геометрических рисунков, положив тем самым начало стилю церковной архитектуры, который стал

популярен в Риме на следующую сотню лет. Базилика Сан-Клименте — лучший пример их работы, а в монастырях Латерана и Святого Павла «за стенами» можно увидеть, как они умели украшать двери.

Когда работы этих резчиков по камню в Риме вошли в моду, Генрих III как раз перестраивал Вестминстерское аббатство. В 1258 году новый аббат Вестминстера Ричард Вэр прибыл в Рим, чтобы получить у папы подтверждение своих полномочий, и остался там на два года. Его явно привлекали работы Космати, которые он видел повсюду, и, вернувшись в Англию, он убедил короля украсить гробницу Эдуарда Исповедника в том же стиле. Аббат Вэр снова съездил в Рим и вернулся с двумя лучшими резчиками по камню, Петром и Одериком, и большим количеством цветного мрамора.

Результат этой странной и интригующей архитектурной связи со средневековым Римом можно увидеть в мавританском стиле оформления гробницы Эдуарда Исповедника. Мне всегда казалось, что она могла быть построена для Саладина, и она, думаю, является самым необычным из всех старинных лондонских памятников. Ниши вокруг гробницы, совершенно восточные по своему решению, предназначены для паломников, которым захотелось бы преклонить колена и помолиться в гробнице как можно ближе к телу святого. Витые колонны, мозаика, общая атмосфера — все напоминает некоторые средневековые церкви в Риме, а на плитах гробницы художник подписался: «Петр, римский гражданин».

Его товарищ, Одерик, создал великолепный, но сейчас сильно поврежденный пол в святылище. Он тоже подписал свою работу, но его имени уже не разобрать. Пол сделан из порфира, серпентина и других римских сортов мрамора, а своим художественным решением должен был символизировать длительность существования мира. Вероятно, этим полом интересовался Гольбейн, потому что явно именно на нем стоят послы на знаменитой картине в Национальной галерее.

Странно подумать: в сердце Лондона лежит саксонский король, окруженный мрамором из развалин древнего Рима. Интересно, помнил ли Генрих III, чье безграничное почтение к Эдуарду Исповеднику и выразилось в перестройке аббатства, что Эдуард однажды дал обет отправиться в паломничество в Рим, но не смог сделать этого, и ему пришлось просить папу освободить его от обета? Если да, то, пожалуй, было бы естественно принести Рим в гробницу святого, которому самому было до него не дойти.

7

Старинный восьмиугольный баптистерий погружен во тьму, а так называемые музыкальные двери ведут в часовню. Они высокие и тяжелые и, как мне говорили, сделаны из золота, серебра и бронзы. Они из терм Каракаллы. Когда сторож медленно открывает одну из них, она нехорошо скрипит. Потом скрип становится стоном, и по мере того как слуга продолжает открывать дверь, от стонов отделяется высокая нота и дрожит, вибрирует в воздухе. Звук совершенно заполняет маленькое здание, и мне приходит на ум труба, созывавшая язычников к их алтарям. Это пленный языческий звук, пойманный христианским зданием.

Интересна базальтовая купель в часовне, и старая легенда о том, что здесь был крещен Константин Великий, еще жива. Но в действительности его окрестили только на смертном одре, как и многих других в те времена.

Я перешел дорогу к зданию, выходящему фасадом на Латеранский дворец. Здесь находится Scala Santa — Святая лестница. Про эти двадцать восемь ступенек тирского мрамора, сейчас покрытых деревянными досками, говорят, что они привезены святой Еленой из Иерусалима и что это те самые ступени, по которым Спаситель спускался после суда Понтия Пилата. Паломники преодолевают их на коленях и, достигнув вершины, спускаются по двум боковым пролетам Святой лестницы. На вершину лестницы смотрит

великолепная папская часовня, святая святых патриаршества, средневековая Сикстинская капелла, закрытая для посетителей.

Ни дня не бывает без этих коленопреклоненных фигур, медленно поднимающихся по лестнице, перебирающих свои четки. В Страстную неделю Scala Santa полна народом с утра до ночи. Именно на этой лестнице Мартин Лютер, дойдя до середины, вдруг остановился и... пошел вниз, и он был первым, кто так поступил. В ночь перед знаменитым «двадцатым сентября» в 1870 году Пия IX привезли в Латеранский дворец, и он на коленях поднялся по Святой лестнице. Дойдя до вершины, от избытка чувств он стал громко молиться. Он вышел через боковую дверь и увидел, что его войска стоят лагерем на широком пространстве между Латераном и стенами. Командующий попросил его благословения, и Пий благословил войско.

После этого папа уехал, но не в прежнюю свою резиденцию, в Квиринал, а в Ватикан, который уже больше не покидал.

8

Традиция гласит, что святой Павел был обезглавлен в Двух милях от Остийских ворот, в месте, называемом Ad Aquam Salviae, известном теперь как «Три фонтана». Три источника (которые, говорят, начали бить, когда отсеченная голова святого Павла коснулась земли, и на месте которых теперь стоят три церкви) когда-то способствовали заболачиванию местности и сделали этот участок самым главным рассадником малярии в окрестностях Рима. В прошлом веке, когда *mal aria* считали таинственным ядом, выделяющимся из земли, здесь видели ползающих монахов-траппистов, бледных и трясущихся. Теперь источники высохли, чему, возможно, способствовало великое множество эвкалиптов, чьи белые, плоские стволы составляют сейчас неотъемлемую часть пейзажа. Монахи делают из их листьев настойку с сильным лекарственным

привкусом и тем не менее очень популярную среди посетителей, которые покупают ее в будке привратника. Один из монахов придумал прекрасную этикетку на бутылке в синих и красных тонах, так что слова *Liquore Eucaliptina* напоминают украшенные буквы заглавия Евангелия.

Самой примечательной жертвой комаров «Трех фонтанов» был Рахере, шут Генриха II. Во время паломничества в Рим в XII веке он подхватил малярию и поклялся, что если выздоровеет, то построит церковь в Лондоне. Такова история происхождения церкви Святого Варфоломея Великого. К нему относилась первая в городе бесплатная больница. Занятно бродить по тихим и мрачным окрестностям «Трех фонтанов» и думать о том, что давным-давно, в тот момент, когда комар *anopheles* летел к английскому паломнику, в воздухе уже витал не только он, но и святой Варфоломей.

После того как святой Павел принял мученичество, на его тело заявила права матрона по имени Люция, которая похоронила его в семейном склепе, рядом с виноградником по дороге к Остию, в миле с четвертью от Рима. Она состояла в первой христианской общине, и изыскания в катакомбах несколько лет назад вызвали к жизни весьма занимательную теорию, что в действительности ее звали Помпонией Грециной и была она женой Авла Плавта, покорителя Британии.

Я шел к собору Святого Павла, теперь стоящему в грязном районе фабрик, газовых заводов и трамвайных путей, с мыслями о ранних паломниках, о том, как они подходили к церкви, укрытой от дождя и солнца великолепной колоннадой в милю с четвертью длиной, поддерживаемой восемью сотнями мраморных колонн. Полное исчезновение этой огромной конструкции — тайна Рима, и Ланчиани называет это «полным разрушением, равного которому нет во всей истории разрушения Рима».

Константин расположил первую церковь вокруг гробницы святого Павла, как построил другую у гробницы святого Петра, но эта церковь была гораздо меньше. Это никак не связано с той или иной степенью уважения к

апостолу. Во времена Константина, когда христианские церкви были архитектурным новшеством, считалось, что здание должно было включать в себя неприкосновенную гробницу. Она служила хордой апсиды, и еще считалось необходимым, чтобы парадные двери были обращены к востоку, подобно дверям языческих храмов. Святой Павел захоронен так близко от дороги на Остию, что невозможно было выстроить большую церковь на столь ограниченном участке, и лишь в 386 году здание было перестроено, что подразумевало его полное разрушение и возведение новой церкви с другой осью и с апсидой на востоке. Собор Святого Павла таким образом был первой большой базиликой, ориентированной так, как это стало обычным в более поздние времена. Сегодня собор Святого Петра по-прежнему смотрит на восходящее солнце.

Эта великолепная базилика, несравненно более красивая и впечатляющая, чем базилика Святого Петра, является, страшно сказать, современной реконструкцией, и ей чуть больше ста лет. Церковь, которая стояла над гробницей апостола с IV века, сгорела июльской ночью 1823 года — рабочий на крыше швырнул миску с углем в своего товарища. Один из докрасна раскаленных углей, видимо, угодил в трещину в сухой деревянной крыше и сильно дымил. На следующее утро монах, случайно выглянувший из окна ближайшего монастыря, испугался, увидев стену пламени, внезапно взметнувшуюся в небо, когда крыша церкви обрушилась. Ничего не сохранилось, кроме останков стен, обожженных колонн и арки нефа, которая остается в Риме единственным напоминанием о царствовании Галлы Плацидии, бывшей королевы готов.

Рим оцепенел. Единственным человеком, который не знал о случившемся, был Пий VII. Он в это время лежал при смерти в Ватикане. Ему было восемьдесят три года, и подданные считали его почти мучеником. Он был тем самым папой, которого Наполеон насильно отправил во Францию, и Стендаль отмечает такой любопытный факт: лежа при смерти, он все волновался, что храму угрожает какая-то опасность. Все спрашивал, не случилось ли чего, но от него

милосердно скрыли, что собора Святого Павла, где он провел свою юность монахом, больше не существует. Через день после пожара он умер, так и не узнав о несчастье.

Многие могут подумать, как думаю и я, что ни одно другое здание не дает лучшего представления о величии Рима, чем собор Святого Павла «за стенами», и если не знать, что это реконструкция, то можно на первый взгляд принять здание за чудом уцелевшее. Ему недостает истинно античного духа таких базилик, как Санта Мария Маджоре и Санта-Мария-ин-Арачели, но оно добросовестно воспроизводит великую церковь Святого Павла. И, вероятно, было чем гордиться в 1854 году, через тридцать один год после пожара, когда Пий IX освятил базилику в присутствии прелатов, собравшихся со всех концов света. Жаль, что внутри интерьер так безвкусен. Но об этом забываешь, когда смотришь из нефа и видишь восемьдесят высоких гранитных колонн из полированного мрамора, подобных деревьям на берегу озера. Взгляд скользит выше, по триумфальной арке, реликвии, оставшейся от старой базилики, и, как сказал кардинал Уайзмен, подобно передающемуся по наследству титулу связывающей ее с великой античностью и с еще более отдаленным Римом Галлы Плацидии.

Русский царь Николай I привнес алтари из малахита, а шесть огромных колонн из египетского алебаstra около дверей были подарены хедивом Мохаммедом Али. И все же прежде всего притягивает взгляд именно эта великая арка с ее мозаикой и пологом внизу, накрывающим могилу святого Павла. Гробница находится там же, где ее нашли во времена Константина, и привилегированный посетитель, поднявшийся по ступенькам к алтарю и глядящий сквозь железную решетку, может осветить факелом священный камень, на котором вырезаны слова: PAVLO APOSTOLO MART... Посередине камня есть круглое отверстие, ямка, в которую ранние паломники бросали четки и части одежды, чтобы освятить их контактом с апостольскими реликвиями. В 846 году церковь была разграблена сарацинами. Они

украли и бронзовый саркофаг, в котором Константин похоронил святого Павла.

Гробница не была исследована учеными перед тем, как церковь перестроили, но люди, которые опустились до фундамента, нашли то же самое, что и те, которые во время перестройки собора Святого Петра в XVI веке добрались до оснований тяжелых бронзовых колонн балдахина Бернини: они обнаружили, что пространство вокруг могилы апостола заполнено древними захоронениями. Несколько слоев: головы у всех повернуты к гробнице, все в длинных одеждах, потемневших от времени, и спеленуты, точно мумии, полосами льняной ткани.

Должно быть, для христиан IV века это был новый и странный опыт — увидеть, когда базилика с апсидой, ориентированной на восток, уже готова, как священник служит у алтаря, повернувшись спиной к прихожанам. Теперь-то, конечно, это считается нормальным, но тогда такое можно было увидеть только в соборе Святого Павла. Собор Святого Петра никогда не был переориентирован, и когда папа служит мессу у высокого алтаря, он стоит лицом к пастве и смотрит на восток, в лучших традициях раннего христианского богослужения. Я видел такое и в скромных маленьких коптских церквях в Египте, где священник все еще стоит лицом к прихожанам.

Я прошел в дверь и оказался в бенедиктинском монастыре, сверкающем зелеными, красными и золотистыми цветами узоров Космата. Здесь, возможно, декор даже тоньше, чем в Латеранском монастыре Святого Иоанна. Пройдя несколько ярдов, попадаешь из мрачного Рима в веселый, цветной мир Средних веков. В монастырях полно камней и надписей, уцелевших после пожара 1823 года. Над воротами я заметил герб аббатства Святого Павла, окруженный лентой ордена Подвязки. Это реликвия дореформаторских времен, когда английские короли являлись патронами и защитниками собора Святого Павла, короли Франции — Латеранского собора Святого Иоанна, короли Испании — церкви Санта Мария Маджоре.

В те времена Ватикан всегда обращался к европейским монархам, употребляя определенные формальные титулы: король Англии, например, назывался «Религиознейшим», король Франции — «Христианнейшим», король Испании «Католическим», а король Португалии — «Самым верным».

9

Однажды днем я сидел в прохладной тени базилики Сан-Клименте, снаружи белым пламенем жег зной. Я ждал брата Паскаля, ирландца, чтобы он показал мне церковь, а также храм Митры, который лежит под теперешним зданием. В церкви не было никого, кроме молодого мирянина, который шуршал чем-то в ризнице, готовя книжный прилавок к приходу послеобеденных прихожан.

Церковь Сан-Клименте — одна из самых красивых средневековых церквей Рима, но она кажется на несколько столетий старше, чем в действительности. Она выглядит прекрасно сохранившейся базиликой IV века, совершенной в каждой мелочи. Вы делаете шаг с Виа ди Сан Джованни, что неподалеку от Колизея, и оказываетесь в атриуме под открытым небом с фонтаном в центре; перед вами изысканная церковь из белого и цветного мрамора с мозаичным полукуполом. Кажется, что это старый собор Святого Петра в миниатюре, он действительно очень похож на древние базилики IV века.

Никто не задавался вопросом, та ли это первая церковь Сан-Клименте, которая, как известно, существовала еще в 350 году, но совсем недавно обнаружили под ней более раннюю постройку, чьи стены пострадали от брошенных в них булыжников во время разграбления Рима норманнами в 1084 году. Гвискара и его норманнов позвали на выручку Григорию VII, осажденному в замке Святого Ангела императором Генрихом IV, и ценой его освобождения стали дымящиеся развалины. Рим утопал в обломках церквей и домов. Три дня пожаров и резни поднимали улицы во многих частях города на несколько футов.

Когда норманны ушли, Сан-Клименте представляла собой груды пепла, но строители возродили из руин колонны нефа и все, что могли спасти. Церковь была воссоздана из развалин с такой точностью, что ее принимали за строение не XI, а IV века.

Пока я сидел, оглядывая этот прекрасный храм, старая бедная женщина, похожая на маленькое черное привидение, покрытая рваной шалью, прошаркала в разношенных туфлях к распятию. Вся она напоминала груды пожухлых сухих листьев. Сначала старушка опустилась на колени и помолилась, потом подошла к распятию, поцеловала ноги Христа, прижалась к ним щекой и все время при этом что-то нашептывала. Я видел, как она приподняла конец своей Шали и приложила его к ногам Христа, как будто вытирая с них кровь. Потом она заглянула Спасителю в лицо и, протянув вперед руки — древнейшая молитвенная поза, которую до сих пор можно увидеть на стенах катакомб, стала с Ним разговаривать. Потом снова склонилась и поцеловала Его ноги. Она обращалась к Распятому и делала паузу, как будто ожидая ответа, потом снова заговаривала, время от времени прикладывая губами к его ногам. Наконец она в последний раз облобызала ноги Спасителя, после чего просто стояла рядом, как будто на Голгофе, ожидая, когда Иисуса снимут с креста.

По ее поведению я понял, что она привыкла вот так разговаривать с Христом, возможно, поверяя Ему свои беды, рассказывая о том, что произошло в доме, где она живет. «Безграничный пафос человеческой веры», — подумал я, и мне показалось, что я слышу слова святого Павла: «ибо мы ходим верою, а не видением» (2 Кор 5:7), и еще вот какие строчки пришли мне на ум:

Вскричала Мудрость: «Ничего не знаю!»
И только Вера за собой вела. [\[75\]](#)

В конце концов, подумал я, нет никакой разницы между этим несчастным старым существом и великими мистиками. Святая Тереза, которая свободно общалась с Богом и даже однажды рассердилась на Него, поняла бы эту старую женщину. Помню, один ученый, теперь умерший, как-то сказал мне: «Мы ничего не знаем. Наука ведет нас к залитой солнцем вершине, но, оказавшись там и ожидая увидеть оттуда все, мы не увидим ничего, кроме непроглядного тумана».

Я поднялся и пошел к ризнице посмотреть, что там с братом Паскалем. Мне пришлось пройти мимо той старухи, и она протянула руку за подаванием. Я дал ей жалкие пятьдесят лир. Результат привел меня в замешательство. Она схватила мою руку и принялась покрывать ее поцелуями, прижималась к ней мокрой от слез щекой, и все говорила что-то, быстро-быстро, кивая на фигуру на кресте. Потрясенный ее благодарностью, стыдясь своего ничтожного дара, я дал ей еще одну банкноту, которой, как мне казалось, хватит ей на неделю жизни. Тут уж я попался, потому что она схватила меня за руки и повела к Распятию. И тогда я понял, что она благодарит Христа за то, что он внял ее молитвам. Взволнованный, чувствуя себя почти обманщиком, я поспешно высвободился и быстро прошел в маленькую комнатку рядом с ризницей, где молодой человек по-прежнему раскладывал открытки.

— Кто эта старуха? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он с добротным ирландским акцентом, — но, кажется, бедняжка — слабоумная.

Такими, подумал я, многие считали святых.

Когда я вернулся с братом Паскалем, ее уже не было. Он зажег свет в церкви, и в глаза сразу бросилась одна из самых изысканных мозаик в Риме. Христианский вариант миниатюрных «гротесков», которые я уже видел в Золотом доме Нерона, но здесь птицы и животные — не просто живые существа, а символы. Центральная деталь — огромный Крест, протянувшийся от земли до неба. Там, где он касается земли, все цветет, зеленеет и разливаются реки, несущие жизнь. У основания креста щиплет траву

оленок, символизирующий принявших Крещение. Четыре взрослых оленя пьют из реки, которая берет начало у подножия Креста — «подобно тому, как олень стремится к источнику, так и моя душа стремится к тебе, Господи».

В 1645 году церковь Сан-Клименте была передана Иннокентием X ордену доминиканцев, а в 1667-м — в вечное владение ирландским доминиканцам. Она построена на земле родового поместья Климента, который, как считают многие летописцы, третьим взошел на престол Святого Петра. Именно он мог быть тем самым помощником, которого упоминает апостол Павел в «Послании к Филиппинцам», и некоторые полагают, что святой Климент даже является автором «Посланий к Коринфянам».

Имя «Климент», кажется, было не менее популярно в Риме в I веке, чем фамилия «Робинсон» в современном Лондоне, но хотя огромное количество историй, связанных с этим святым, и позволяет предположить, что его образ может быть и собирательным, но его сущность, безусловно, имела огромное значение для ранней Церкви.

Брат Паскаль прошел к нижней церкви и рассказал мне, как в 1857 году отец Джозеф Малхули, впоследствии ректор ирландского доминиканского колледжа, убедился, что существующая церковь — не та, которая упоминалась ранними летописцами. Прорыв несколько пробных туннелей, он обнаружил, что его умозаключение верно и что церковь построена на множестве обожженных булыжников, заложенных в стены более раннего здания.

Дорогостоящая и трудная задача — найти булыжник и опоры, заняла полвека. Пий IX щедро финансировал раскопки, кроме того, из всех частей света приходили взносы. Отец Малхули в конце концов увидел церковь IV века со стенами, покрытыми фресками, многие из которых носили следы норманнского разграбления 1084 года. Даже сама по себе проблема — как распорядиться сотнями тонн земли и булыжника — оказалась не из легких. Симпатичный маленький садик церкви Сан-Клименте, выходящий на Колизей, поднялся на несколько футов, и теперешние

яблони, овощи и цветы преспокойно растут на развалинах, оставшихся после разграбления Рима норманнами.

В подземной церкви имелось электрическое освещение, и там было холоднее, чем в катакомбах. Нам было слышно журчанье воды многочисленных источников, текущих с Эсквилинского холма, и по мере того, как мы спускались, этот звук становился все громче. Темные глаза византийских святых смотрели на нас сквозь пелену сырости. Все эти фрески следовало бы снять на цветное фото, прежде чем они исчезнут.

На самом нижнем раскопанном уровне нам предстало удивительное зрелище: сводчатый храм Митры с алтарем в центре, на котором скульптурный Митра убивает быка. По обе стороны — каменные сидения, которые занимали посвященные, а в соседней комнате обучали новичков. Отделенные от языческого храма лишь коридором, мы вошли в помещение, которое считают оставшимся от дома святого Климента и относят к I веку. Это был большой и древний дворец, чья кладка принадлежит скорее периоду республиканского, чем имперского Рима. Это одно из зданий, без сомнения, знакомых святому Петру и святому Павлу.

Мы покинули это удивительное место — на мой взгляд, одно из самых неожиданных в Риме — и поднялись к Колледжу, где в зале, увешанном портретами, меня принял приор. Я заметил на стене портрет Карла Эдуарда в преклонном возрасте, когда его, к счастью, уже не называли Красавцем. Доминиканцы были тесно связаны с отправленным в ссылку английским двором: исповедник принца Чарли был доминиканцем, и приор церкви Сан-Клименте в 1766 году лишился своего звания за то, что воздавал принцу королевские почести, что противоречило инструкциям Ватикана. Эта церковь имеет отношение и к образованию Нью-Йоркской епархии в первые годы прошлого века. Мне показали портрет святого отца Ричарда Люка Конканена, посвященного в римские католические епископы Нью-Йорка в 1808 году. Но наполеоновские войска удерживали все порты, и он два года не мог найти корабль,

чтобы пересечь Атлантику. В день, на который наконец было назначено отплытие из Неаполя, он умер в возрасте семидесяти двух лет. Другой ирландец, отец Джон Конноли, прибыл в Нью-Йорк в ноябре 1815 года, после поездки в Дублин, которая длилась шестьдесят семь дней. Будучи формально вторым епископом, он был первым, кто действительно, а не формально, занимал этот пост. Сохранилось интересное письмо, из которого ясно, насколько мала и бедна была в то время Нью-Йоркская католическая епархия. Когда епископ прибыл, он обнаружил лишь четырех священников, три церкви и тринадцать тысяч католиков, из которых одиннадцать тысяч были ирландцами или имели хотя бы одного родителя ирландца.

10

Когда я поднимался на Целий по благородной лестнице, ведущей к церкви Святого Григория Великого, вдруг навстречу мне хлынула волна людей; потом, через мгновение, появилась хорошенькая изящная невеста под руку с женихом в синем костюме.

Старый обычай забрасывать молодых конфетти все еще соблюдается на римских свадьбах. Иногда их раздают гостям в коробочках. Нет, в данном случае это не цветная бумага, которая потом свисает с шеи жениха и месяцами валяется на сиденьях наемного автомобиля. Это засахаренный миндаль. Бросаться орехами на свадьбе — языческий обычай. Я вспомнил, как много лет назад бывший король Умберто женился на своей невесте — бельгийке; как на мраморных ступенях Квиринальского дворца стояли лакеи с серебряными мисками, полными засахаренного миндаля, который они щедро накладывали ложкой в сложенные лодочкой ладони гостей. Иногда орехи действительно разбрасывают, но сегодня, когда они стоят восемь шиллингов за фунт, их гораздо чаще раздают гостям в маленьких шкатулочках.

Подняться по ступеням церкви Святого Григория и оглядеться по сторонам — весьма полезный опыт для всякого англичанина. Отсюда, из самого сердца Рима, что в нескольких шагах от дворцов цезарей и от Форума, на котором Григорий заметил светловолосых англов, святой Августин весной 596 года отправился обращать англичан. С этих самых ступеней потянулась духовная нить к Тэнету и Кентербери. Взглянув вниз, мы увидим дорогу, ту самую Виа Триумфалис, по которой легионы шли завоевывать мир, а позже легионы Церкви отправлялись осуществлять свои духовные завоевания.

Святой Григорий жил во времена, когда люди, не видя и проблеска надежды, считали, что близок конец света. Это было как предчувствие второго Потопа. Монастыри стали тем Ковчегом, в котором остатки цивилизации спасались от приближавшейся бури. Богатые и образованные люди удалялись в монастыри к своим книгам, мужчины и женщины из лучших римских семей отказывались от своих денег и жили в пещерах и кельях. Три тысячи монахинь и отшельниц в Риме во времена Григория держали вечный щит молитв над умирающим городом, которому угрожали ломбардцы. Рим голодал, страдал от болезней и малярии, распространявшейся с болот из-за того, что акведуки были отрезаны. Однако жизнь продолжалась. Удивительный факт: поэты по-прежнему читали свои произведения на форуме Траяна!

В молодости Григорий носил драгоценности и шелка. Даже в самые трудные времена богатые римляне одевались очень хорошо. Но, получив в наследство свое состояние, он превратил семейное поместье в бенедиктинский монастырь, а его вдовствующая мать поселилась в келье поблизости. Она выращивала овощи, которые ежедневно посылала сыну. Когда он не постился, то ел их сырыми, и все это — в огромном доме, когда-то полном слуг. Такой образ жизни совершенно расстроил его пищеварение. В последние годы пребывания на папском престоле, страдая от невыносимых болей, Григорий поднимался с постели не более, чем на три часа, и тем не менее этот инвалид принес в Церковь

незаурядный ум римского правящего класса и стал духовным наставником и основателем средневекового папства.

Он жил монахом в своем старом доме на Целии. Однажды, проходя по Форуму, Григорий увидел светловолосых английских мальчиков-рабов. Вряд ли его внимание привлекли их светлые волосы, потому что мало кто был столь привычен к светловолосым варварам, чем римляне в VI веке. Даже во времена первых цезарей велась бойкая торговля локонами германцев, которые носили римские модницы, а в более поздние времена Рим не раз грабили светловолосые дикари. Должно быть, мальчики еще чем-то привлекли внимание Григория и вызвали к себе его сочувствие.

Вскоре после того случая Григорий отправился в Англию в сопровождении нескольких монахов, но вскоре был отозван в Рим. Если бы его не отозвали, он мог бы стать первым архиепископом Кентерберийским. Когда он весьма неохотно первым из монахов стал папой, то, как сам он это сформулировал, подобно штурману тонущего корабля, решил привести Англию к истинной вере. Эта мысль никогда его не покидала. Для такой миссии он избрал Августина, приора монастыря на Целии. Августин отправился в путь весной 596 года, и с ним было примерно сорок монахов, но экспедиция оказалась весьма слабой и показала себя довольно нерешительной. Августин вернулся домой с просьбой освободить его от непосильной миссии. Григорий об этом и слышать не хотел и, подбодрив своего посланца, отправил его обратно.

Известную историю о прибытии Августина в Кент и обращении им короля Этельберта и десяти тысяч его подданных по-новому воспринимаешь здесь, на Целии, где под теперешней церковью все еще стоят стены того монастыря, в котором жил Августин. Возможно, в Риме нет другого такого уголка, где раскопки настолько оправдались бы. В 1890 году комитет под председательством кардинала Мэннинга обследовал подвалы соседнего монастыря и обнаружил, что «дом великого понтифика и монастырь, из

которого Августин отправился проповедовать Евангелие в Великобританию, сохранились в прекрасном состоянии и легко могут быть раскопаны без малейших повреждений устойчивости современной церкви над ними». Такой вердикт вынес Ланчиани, который был одним из членов комитета, но по той или иной причине проект провалился, и с тех пор ничего не делалось. Возможно, когда-нибудь в доме святого Григория проведут раскопки. А пока — это просто еще одно чудо, которое все еще хранит здешняя пропитанная историей земля.

В церкви мало интересного, она современная, но рядом есть небольшой садик с тремя часовнями, которые старый монах отпер для меня. Они заброшенные, пыльные, и некоторые фрески отваливаются от стен. Одна часовня посвящена святой Сильвии, матери святого Григория, вторая — святому Андрею, и в ней фрески Доменикино и Гвидо Рени — в печальном, впрочем, состоянии. В третьей — часовне Святой Варвары — мне показали длинный римский стол, за которым святой Григорий, говорят, каждый день угощал дюжину нищих, и легенда гласит, что однажды он накормил и нежданного тринадцатого гостя, который оказался ангелом. На фреске здесь изображен святой Григорий, беседующий с английскими мальчиками на Форуме.

Я проходил через двор к выходу, когда мое внимание привлекли два английских имени на мемориальных табличках, вмурованных в стену. Первое — Роберт Пекхэм, умерший в Риме в 1569 году, а второе — Эдуард Карне, умерший здесь же в 1561 году. Оба были англичанами-католиками и предпочли лучше умереть в Риме, чем вернуться в протестантскую Англию. Сэр Эдвард Карне владел поместьями в Гламорганшире и был хорошо известен в Ватикане. Впервые он появился в 1530 году как представитель Генриха VIII, которого приглашали лично или через доверенное лицо предстать перед папой в связи с его разводом с Екатериной Арагонской. Через двадцать пять лет Карне вновь приехал в Рим как посол Филипа и Марии, реставрировавших католическое вероисповедание в Англии.

Во время правления Елизаветы он наконец попросил позволения вернуться домой по причине преклонного возраста и чтобы увидеться с женой и детьми. Королева отпустила его, но папа ему отказал — между Римом и Елизаветой существовала враждебность. Карне очень сочувствовали из-за его «заклучения», а Павла VI критиковали за такое обращение с несчастным стариком. Когда папа умер и его сменил Пий IV, Карне возобновил попытки вернуться на родину, но Пий IV тоже отказал старику в позволении покинуть Рим. Много лет спустя стало известно, что хитроумный старый рыцарь сам устраивал так, чтобы оба папы его не отпускали, так как решил жить и умереть католиком. Он боялся, что если вернется домой, его поместья конфискуют, а семью будут преследовать.

Я спустился по ступеням к дороге. Ежедневно, пока жил в Риме, и до того, как переселился в Латеранский дворец, став папой, святой Григорий, вероятно, видел Колизей. В нескольких шагах был Circus Maximus, уже заросший сорняками и заброшенный. Над ним высились имперские дворцы, пустовавшие столетиями, но способные приютить экзарха из Равенны. В последний раз они принимали императора в 629 году, когда Гераклий посетил Рим и был коронован в тронном зале на Палатине. Какой, должно быть, это был важный момент — начало Средневековья.

Я пошел назад, к Колизею, потом через Форум и арку Тита к памятнику Виктору Эммануилу, где взял такси. Я думал о том, что легче воссоздать Рим цезарей, чем тот Рим, который знал святой Григорий.

Маршрут католика-паломника в Рим шлифовался веками. Он пролегает через четыре базилики: Латеранский собор Святого Иоанна, собор Святого Петра, собор Святого Павла «за стенами» и собор Санта Мария Маджоре. Произнеся положенные молитвы в каждой из церквей, паломник также может посетить церкви Сан-Лоренцо, Санта

Кроме, и наконец, Святого Себастьяна, таким образом завершив известный со Средних веков круг «Семи церквей Рима».

Это, разумеется, требует времени, и часто так случается, что самые благочестивые паломники вынуждены покидать Рим, так и не взглянув на эти уникальные маленькие церкви, которые построены на месте частных домов за века до собора Святого Петра. Именно в верхней комнате такого частного дома Иисус собрал своих учеников на Тайную Вечерю, и именно в частных домах Рима и других местах читали Евангелия и творили евхаристию, пока для этой цели не были построены специальные здания.

«Приветствую Прииску и Акилу, — писал святой Павел, — и церковь, которая есть их дом». Употребляя слово «церковь», он имел в виду не здание, но людей, которые в нем встречались. «Приветствую Нимфию, — писал он, — и церковь, которая в ее доме». Ранним христианам место, где они собирались на молитву, крещение, евхаристию, когда их посещал епископ для этой цели, было известно по титулу или по имени владельца — *titulus Pudentis*, *titulus Lucinae*... По мере того как церковь становилась все лучше организована, определенные места собраний с определенным названиями — *tituli* — стали закреплены за постоянными священниками, которые назывались кардиналами — от *cardo* — ось, стержень, на котором все держится. Эти *tituli* стали приходскими церквями в Риме, и по сию пору каждый кардинал считается покровителем одной из них.

И первое, что он делает, став членом Священной Коллегии, — вступает во владение своей церковью. Он прибывает туда одетый в алые одежды, у входа его встречает приходский священник и предлагает ему святую воду. Поднимаясь по ступеням, кардинал трижды преклоняет колена, а затем, усевшись в свое кресло, выслушивает прихожан и отвечает на их вопросы. Церемония заканчивается тем, что все люди духовного звания поднимаются к креслу один за другим, чтобы обнять кардинала и приложиться губами к его кольцу.

По всему Риму можно распознать подобные «титульные» церкви по кардинальским гербам, висящим над входом. Портрет кардинала можно будет увидеть внутри, в рамке, в укромном уголке, а с крыши в часовне свисает запыленный старый красный головной убор бывшего кардинала, который останется там, пока не рассыплется в прах или пока не умрет нынешний кардинал-покровитель, и тогда в церкви вывешают его головной убор.

Эти удивительные церкви все были перестроены в разные периоды, но самые старые из них очень похожи друг на друга. Часто за ними стоит колокольня красного кирпича, а на крыльце — ряд античных мраморных колонн, поддерживающих плоский архитрав, несущий черепичную крышу с уклоном назад, к главному фасаду здания. Неф обычно держат колонны из античных храмов, а за алтарем — апсида и мозаичный купол. Все это напоминает дома в Геркулануме — если центральные атриумы были покрыты крышей, эти дома тоже могли бы выглядеть как церкви. Самое интересное — вас могут провести в подземную часовню, где покажут те самые стены, которые, согласно традиции, скрывали апостолов.

Эти древние церкви можно разбить на группы, которые любой способен обойти пешком. Церкви Санта-Пуденциана и Санта-Прасседе расположены по обе стороны от собора Санта Мария Маджоре и находятся очень близко друг от друга; церкви Сан-Клименте и Санти Куаттро Коронати (церковь «Четырех Увенчанных Святых») — тоже рядом друг с другом, на пересечении улиц к востоку от Колизея; церковь Святого Григория и церковь Святых Иоанна и Павла — тоже недалеко друг от друга, на Целии; затем, рядом с Тибром, на Палатинском мосту — церковь Санта-Мария-ин-Космедин, а в трехстах ярдах от нее — церковь Санта-Сабина, а еще через триста ярдов — церковь Санта-Приска. Есть еще много церквей, но эти — мои любимые; и я думаю, всякий, кто увидит их, получит представление о византийских средневековых церквях, которые развились из *tituli*, или церковных домов, Древнего Рима.

Двадцать четыре ступеньки ведут вниз, к церкви Санта-Пуденциана. Снизу я смотрю, как, подобно геологическим кастам, футами и ярдами залегает Время, постепенно достигая уровня современной улицы. Церковь не очень впечатляет, она не самая красивая из ранних церквей, но это колыбель западного христианства. Под ней руины дома I века, в котором, говорят, жил, совершал таинства и собирал верующих святой Петр. Такая традиция восходит к временам Пия I, к 145 году, когда еще живы были старики, слышавшие рассказы об апостолах от тех, кто видел их своими глазами, или от тех, чьи родители видели их семьдесят восемь лет назад. Считается, что и святой Павел жил здесь и что здесь святой Марк написал свое Евангелие.

Дом принадлежал высокопоставленному человеку — Корнелию Пуденсу, который, говорят, был римским сенатором. Некоторые полагают, что он и есть тот самый друг, которого упоминает апостол Павел во Втором послании к Тимофею «Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и все братия» (2 Тим 4:21).

Две реликвии, связанные со святым Петром, хранили здесь столетиями. Одна — стул, который считается сенаторским креслом Пуденса. Его использовал святой Петр как епископский трон. Теперь он хранится в тайнике под кафедрой в соборе Святого Петра. Вторая реликвия — деревянный стол, за которым святой Петр причащал верующих. Он столетиями хранился внутри высокого алтаря в Латеранском храме Святого Иоанна, и только одна часть его оставалась в церкви Санта-Пуденциана.

Когда кардинал Уайзмен был титуларом церкви Санта-Пуденциана, он заинтересовался этим алтарем и поручил ученым сравнить куски дерева в Латеранском соборе Святого Иоанна и в церкви Санта-Пуденциана. Было доказано, что оба фрагмента — одного возраста и от одного и того же стола. Вы можете увидеть этот кусок дерева за зеркальным стеклом в боковом алтаре церкви Санта-Пуденциана, где кардинал Уайзмен выставил ее на обозрение.

Красивее всего в этой церкви — мозаика купола, старейшая в Риме. Это сияющее произведение искусства предстает перед нами таким же свежим, каким оно, вероятно, казалось первым паломникам. Мы видим Господа нашего сидящим в окружении учеников. Все одеты в тоги, как римские сенаторы. По обе стороны от Иисуса — святой Петр и святой Павел. А за ними стоят две женщины в зеленых с золотом одеяниях — две дочери Пуденса, Пуденциана и Пракседа, и держат венки над их головами. На заднем плане — уличная сценка. Это может быть Рим того времени (то есть примерно 390 год) или, возможно, Иерусалим. За спиной Спасителя возвышается гора, вероятно, символизирующая Голгофу, из которой, подобно бьющему источнику, поднимается вверх огромный, покрытый драгоценностями византийский крест. Облака на небе расступаются, чтобы видны были эмблемы четырех евангелистов.

Когда церковь реставрировалась в XVI веке, рабочие обнажили древнеримский фундамент, на котором обнаружили великолепную мраморную статую Лаокоона. Говорили, что она больше, чем Ватиканская статуя. Но так как рабочие работали а cottimo^[76] по контракту, они побоялись, что не получат дополнительной оплаты за откапывание скульптуры, и закопали ее обратно. Так она и лежит там до сих пор.

Я прошел к церкви Санта-Прасседе, которую часто посещал. Мне захотелось увидеть самую знаменитую маленькую византийскую часовню в Риме, тесное, похожее на склеп помещение, украшенное позолоченной и цветной мозаикой и построенное папой Пасхалием I около 800 года как гробница для его матери Теодоры. Теодору можно увидеть среди сурово застывших фигур с квадратными нимбами. Такой нимб означал, что она была еще жива, когда закончили мозаику. В Риме не много столь же византийских по духу мест, как эта часовня, таких же сияющих и свежих, где, кажется, ничего не изменилось с того далекого дня, когда Рим был полон греческих монахов и папа все еще оставался под юрисдикцией константинопольского

императора. Святая Пракседа была сестрой святой Пуденцианы, и обе приходились дочерьми Пуденсу. Они были так потрясены ужасами первых преследований христиан, что молились о мученичестве. Преодолев несколько ступенек вниз от алтаря, вы можете увидеть их саркофаги в склепе, куда Пасхалий I перенес их из катакомб более тысячи лет назад.

Прекрасное представление о том, как выглядела титульная церковь в ранние времена, дает храм Санта-Мария-ин-Космедин, первоначально представлявший собой нечто вроде амбара, где в античные времена лишнее зерно раздавалось населению. Этот хлеб называли *panis gradilis*, или «лестничный хлеб», так как его выдавали не в пекарнях, а на ступенях какого-нибудь всем известного общественного здания. Здесь, вероятно, был оживленный центр распределения, рядом с доками и зернохранилищами.

Некоторые считают, что реставраторы слишком много поработали над этой церковью, но менее критично настроенный посетитель будет им благодарен. Они вернули ей по меньшей мере половину ее странного полувосточного очарования. Когда я зашел туда, вся церковь звенела от криков итальянских школьниц, которые вкладывали пальцы в «Правдивые уста» у входа. На большом круглом камне — свирепое лицо с дырками вместо глаз, ноздрей и рта. Камень был знаком средневековым паломникам, которые верили, что это работа мага Виргилия и что тому, кто солжет, положив руку в рот чудовищу, оно откусит пальцы. Существует немецкая история, хорошо известная в Средние века, об изменившей мужу женщине, которая положила руку в каменный рот, поклялась в своей невинности и тут же лишилась пальца! Мне забавно было смотреть на девочек, с тревогой и азартом сующих руки в темную пасть, и на отчаявшуюся навести порядок монахиню, которая кричала «*Silenzio! Silenzio!*»^[77] и тщетно размахивала зонтиком.

В Риме не найдешь более очаровательного вида, чем тот, что открывается с крыльца этой церкви. Напротив — округлый храм с рифлеными колоннами, с низкой, пологой

крышей, похожей на танагрскую шляпу. Веками его знали как храм Весты, хотя, возможно, в действительности он был посвящен богу гаваней Портуну. А поблизости — прекрасный храм, издавна известный как Fortuna Virilis, хотя сейчас склоняются к предположению, что это храм Матуты, и своей изогнутой частью он окружает другую очень старинную церковь Сан-Джорджио-ин-Велабро, с колокольной и крыльцом с колоннами. Я всегда взбирался по крутой дороге позади круглого храма и шел на набережную Тибра к Палатинскому мосту, ведущему в Трастевере. Если пройти несколько шагов по этому мосту и, оглянувшись, посмотреть назад, на берег реки, вы увидите выход знаменитой Cloaca Maxima, главного водостока Древнего Рима.

Святая Сабина, чья церковь находится неподалеку на Авентине, была римской матроной, обращенной в христианство своей рабыней-гречанкой по имени Серафия. Обе приняли мученичество во времена Адриана, а церковь построили на том месте, где стоял дворец Сабины, и я думаю, что эта — самая красивая из всех ранних церквей, сравнимая даже с церковью Сан-Клименте. Могу понять одного моего друга, который дважды в год проводит вечер в Риме и всегда заходит в эту церковь в ожидании своего позднего рейса. Лишившись большинства украшений, эта церковь не утратила своей красоты и даже наоборот, кажется, выиграла в чистоте линий. Двадцать четыре рифленые белые колонны нефа — возможно, из храма Юноны, который стоял раньше на этом месте. Ничто не отвлекает от простоты и римского достоинства античных декораций. Молодой монах-доминиканец, раскладывающий цветы у алтаря под темным сводом, мог бы позировать Сурбарану с его удивительной светотенью. Он подвел меня к отверстию в стене церкви и спросил, что я вижу. Я увидел апельсиновое дерево, потомок апельсинового дерева, посаженного святым Домиником семьсот лет назад. И еще он указал на мраморную плиту, на которой святой часто лежал распростертый ниц, погруженный в молитву.

Святой Франциск и святой Доминик находились в Риме в одно и то же время, и есть история, согласно которой они встретились. Трудно представить себе двух людей настолько различных, общего у них было — разве что кротость и страстная вера. Святой Франциск, провидец и фантазер, был христианским Орфеем — братом деревьев и птиц. Он весь — стремление к небесам. Святой Доминик, испанец, был строг и фанатичен; возможно, он унаследовал духовную мощь мусульман Испании. Его ужасали грехи человечества. Его перст указующий направлен вниз, в ад. Папа посвятил церковь Святой Сабины ему, и до сих пор здесь резиденция главы ордена.

Я спросил, осталось ли еще что-нибудь напоминающее о святом Доминике, и мне сказали, что в монастыре есть часовня, когда-то служившая ему кельей, но я решил, что все его следы, должно быть, давно стерты благочестивыми прихожанами, и не стал спрашивать дорогу к ней. Я поднимался вверх, думая, что в Риме еще остались места, подобные этой части Авентина, вызывающие в памяти спокойные римские пейзажи, как их описывали писатели прошлого столетия. Сегодня такие уголки надо либо долго искать, либо на них неожиданно натыкаешься. Один из них — узкая тропа к Виа Аппиа (Аппиевой дороге), между старой оградой сада и решетками, увитыми виноградом; другой — переулок, ведущий к маленькой церкви Святого Бонавентуры за Форумом. Это тупик с запертыми воротами, по другую сторону которых — Палатин. Но если есть в Риме место, где можно ожидать встречи со святым Франциском, то это именно этот переулок. И когда добираешься до самого верха, то видишь почтенных францисканцев, которые сидят на солнце и читают, сдвинув очки на кончик носа.

Еще к этим чудесным уголкам Рима я добавляю маленькую площадь, спроектированную Пиранези. Должно быть, нечто подобное представлял себе Шекспир, когда писал: «Сцена I. Перед домом Оливии». Вокруг высятся старые стены, пропитанные светом бесчисленных жарких римских лет, и сквозь отделанный медью глазок в калитке

сада, принадлежащего ордену мальтийских рыцарей, далеко, на другой стороне Тибра, в конце аллеи из темных, высоких деревьев вы видите собор Святого Петра. Когда я припал к глазку, ожидая, что на аллею сейчас выйдет, например, Мальволио, послышался сильный шум — на площадь хлынула толпа возбужденных людей, приехавших в автобусе. Они заполнили небольшое пространство своей болтовней и после того, как последний турист отошел наконец от глазка, вновь попрыгали в свой автобус и укатили. Я продолжил прогулку, направившись к Circus Maximus. Решил навестить отца Альфреда в церкви Святого Иоанна и Святого Павла на Целии.

Монастырь пассионистов^[78] на вершине Целия и его огромный сад известны только кардиналам и монахам, так что увидеть их — большая привилегия. Они считаются собственностью Ватикана, а так как правило закрытости от посторонних глаз строго соблюдается, этот уголок Рима знаком только обитателям монастыря и тем членам ордена, которые удаляются сюда, ища уединения.

Рядом с монастырем — великолепная средневековая колокольня, воздвигнутая на огромных сводах храма Клавдия, и еще церковь, чья паперть была построена единственным папой-англичанином, Адрианом IV, восемь столетий назад. Фасад недавно восстановлен кардиналом Нью-Йоркским Спеллманом, ее титульным кардиналом. Внутри церкви — мощи Паоло Франческо Даней, известного как Павел Креста, основателя ордена пассионистов в начале XVIII века. Под церковью — римский дворец III века, с двадцатью комнатами, среди которых парная баня, библиотека и винный погреб, открытые семьдесят лет тому назад монахом отцом Джермано, который был уверен, что там, внизу, должно быть нечто удивительное. Святой отец вел раскопки под церковью с упорством крота и, разрушив сомнения скептиков, нашел дом и изображение мученичества святых Иоанна и Павла.

Странный контраст с церковью и монастырем являет обширная оцинкованная крыша на противоположной

стороне переулка. Я спросил отца Альфреда, пассиониста из Ланкашира, что это такое.

— О, это киностудия! — ответил он.

Вот вам Рим! На нескольких ярдах, бок о бок — арки храма времен Клавдия, могилы двух мучеников, римский дворец времен античности, средневековая колокольня, мощи Павла Креста, следы реставрационных работ, проведенных американским кардиналом, и... киностудия!

Я прошел под церковью с отцом Альфредом, а потом пробрался вслед за ним в комнаты двухэтажного римского дворца. Христиане, устроившие часовню в здании, известном всем ранним паломникам, сочли языческие фрески неуместными и замазали их под мрамор. Штукатурка осыпалась, и открылись грациозные боги и богини. Толстенькие купидоны плывут в маленьких лодочках, дельфины резвятся и играют. Дом стоит на углу. Мы вышли через заднюю дверь, и нам предстала улица античного Рима. Мы посмотрели на высокую кирпичную стену дома и на окна, из которых римские служанки, должно быть, обменивались улыбкой или словом с прохожими. Дом и дорога были погружены во тьму, как будто мы находились в склепе. Электрический свет падал сверху, отбрасывая жуткие тени. Почти невозможно поверить, что христианская набожность сохранила этот кусочек Рима III века так же надежно, как лава сохранила Помпеи.

Мы поднялись в монастырь. Длинный коридор увешан портретами выдающихся членов ордена. Отец Альфред остановился около одного из портретов.

— Он вам никого не напоминает? — спросил он.

— Да, — ответил я, — Уинстона Черчилля!

— Совершенно верно, — сказал отец Альфред. — Это отец Игнатиус Спенсер, пассионист, дедушка Уинстона Черчилля.

Мы вышли в сад, который является одним из малоизвестных чудес Рима, но не как сад, ибо у пассионистов были уголки, более располагающие к неспешным размышлениям, а как сельскохозяйственный

участок. Агриппа, когда строила храм Клавдия, велела разровнять большой кусок земли под возделывание бобов и артишоков; Веспасиан, построив резервуары для морских сражений в Колизее, заложил фундамент последней римской фермы, где монахи держали четырех коров, несколько свиней и кур. Приятно, что коровы теперь пасутся на месте бывшего vivarium, зверинца, где держали диких животных, привезенных со всех концов света для зрелищ в Колизее.

Кто бы мог подумать: поблизости от Колизея до сих пор доят коров, и даже можно сказать, поблизости от Сатро Vassino — Коровьего поля, потому что Форум только что не виден со спины Палатина. Вот курица гордо прошествовала со своими цыплятами.

— Сюда по ночам прокрадываются кошки с Форума и с рынка Траяна, — сказал отец Альфред. — Так что приходится запирают птичники.

Чудом на Целии уцелел Рим Пия Девятого, то есть Рим Средних веков. Время здесь надолго остановилось, и как странное видение глядящему вниз предстает Рим: Колизей, причудливая картина развалин Палатина, далекий собор Святого Петра... И все это очень похоже на гравюру Пиранези.

— Вернувшись в мое шумное жилище среди неоновых огней, — сказал я отцу Альфреду, — я буду думать о вас, оставшемся здесь, в тишине Целия, о запертых на ночь птичниках, о загнанных в хлев коровах, о коварных котах с рынка Траяна, выглядывающих из кустов. Это кусочек Рима, оставшийся нам от других времен.

Глава шестая. Папа, история и будни Рима

Озеро Неми. — Аудиенция в Кастель Гандольфо. — Коты на рынке Траяна. — Римские дворцы. — Англичанине Риме. — Фонтаны виллы д'Эсте. — Вилла Адриана.

1

Итальянцы иногда используют слово *accidente*,^[79] сопровождая его очаровательной улыбкой, стремясь загладить свою вину, небрежность или, возможно, снять с себя ответственность за что-то, чего можно было избежать. Вспоминается, как Гиббон описывает человека, который, говоря о своих провинностях, называл их несчастьями.

Когда неряшливый, но очаровательный владелец пансиона пришел ко мне рассказать о таком *accidente* и вручить мне послание с ватиканской маркой и штемпелем пятидневной давности, я понял, что кто-то беспечный, возможно, он сам, положил его не в ту ячейку ящика для писем. Удивительно, что это вообще обнаружили. Должен признать, что я был раздосадован, когда, распечатав письмо, обнаружил, что распорядитель пять дней назад учтиво пригласил меня на аудиенцию к папе в Кастель Гандольфо. И день аудиенции — как раз сегодня. Тем не менее здесь так же, как, например, в Ирландии, было совершенно бесполезно показывать свое раздражение. Можно только попытаться обратить все в шутку.

Нельзя было терять ни минуты, так что я немедленно по телефону заказал машину, переоделся в темный костюм, повязал галстук для торжественных случаев и скоро уже мчался из Рима в Кастель Гандольфо. Чудесное летнее утро очень скоро сгладило последние следы моего раздражения, особенно когда мы выехали на дорогу к этому чудесному

холму. Около одиннадцати я был на месте. Гвардейцы по-прежнему дежурили у ворот дворца, на площади по-прежнему журчал фонтан. Поставив машину в тени, еще раз внимательно изучив карточку с приглашением, я обнаружил, что аудиенция назначена не на утро, как я решил в спешке, а на вечер.

Итак, мне снова предстояло провести несколько часов в этом изысканном месте, в самом красивом, на мой взгляд, из городков на Альбанских холмах. Я пошел к маленькому ресторанчику, увитому виноградом, выстроенному у самого обрыва, смотрящему с высоты в четыреста футов на округлое голубое озеро Альбано. Виноградины, которые в прошлый мой приезд напоминали маленькие горошинки, теперь налились соком и были уже почти готовы, чтобы подавать их к столу. Официант принес мне стакан местного вина и сообщил, как и в прошлый раз, что это — купаж альбанского винограда и винограда Неми. Я уселся и с удовольствием созерцал великолепную панораму, замечая, что вода из небесно-голубой по краям озера становится ярко-синей на глубине, посередине озера, где на ее глади нет ни одной морщинки, и раздумывая о том, как чудесно было бы владеть одной из белых вилл, венчающих собой вершины холмов. Вероятно, такой же пейзаж был здесь и в античные времена.

Неми. Я пил вино Неми — мрачного места, где когда-то обитали убийцы, ожидавшие своих убийц. Это было то самое трагическое озеро, которое вдохновило Фрэзера на «Золотую ветвь». Неми находилось всего в нескольких милях отсюда, и я решил туда отправиться.

Дорога петляла вверх и вниз по горам, то в тени дубов и вязов, то на солнцепеке. Я вспомнил, с каким огромным интересом собирал упоминания об осушении озера и подъеме на поверхность двух римских галер, которые затонули много веков назад. Во времена Калигулы их использовали для празднеств на озере и для перевозки желающих к храму Дианы. Еще несколько миль — и я был в городке Дженцано, знаменитом своей клубникой и тем, что каждый год в день праздника Тела Христова его главная

улица покрывается ковром из цветов. Там я остановился ненадолго — постоять на террасе и взглянуть вниз, на далекое озеро Неми.

Оно гораздо меньше озера Альбано, и по нему еще больше видно, что это — бывший кратер вулкана. Но если Альбано — веселое и светлое, то Неми — темное и мрачное, и бывшие склоны вулкана, теперь покрытые растительностью, ведут вниз, к месту какого-то доисторического катаклизма. Берега озера не усеяны, как у Альбано, жизнерадостными белыми виллами. Они черные, угрожающие, покрыты тут и там темными лесами и диким виноградом. Я подумал об ужасной истории этого озера, о не находивших покоя убийцах, обитавших на его берегах. За несколько минут я спустился по горной дороге, и теперь шел по самому краю высокого берега. Стены кратера так высоки, что ветер не часто волнует поверхность воды, и в это утро водная гладь была неподвижна. Озеро молчало, углубившись в свои воспоминания.

В первобытные времена, и даже еще во II веке н. э. здесь поклонялись Диане, отправляя странные и варварские обряды, сохранившиеся от детства человечества. Верховный жрец богини должен был быть беглым рабом, притом убившим предыдущего жреца. Совершая убийство, он получал титул Лесного царя, но в свое время ему предстояло пасть от руки другого беглого раба. Так он и жил, с мечом в руке оберегая некое дерево в лесу. Он следил за ним день и ночь, потому что первым знаком скорого появления его убийцы считалась сломанная ветвь этого дерева. Она символизировала Золотую ветвь, сломленную Энеем перед его опасным путешествием в иной мир. Сломав ветвь, вновь прибывший приобретал право убить Лесного царя и занять его место. Вот почему по берегам озера Неми много веков бродит зловещее привидение — страж Золотой ветви, скрывающийся в тени лесов, вечно ожидающий появления своего убийцы.

Этот дикий обычай просто не мог сохраниться в дни имперского Рима, но тем не менее сохранился. Сумасшедший Калигула, решив, что Лесной царь зажился,

послал молодого и сильного раба убить его. Еще более удивительно, что следы этого странного культа Дианы можно найти в Ноттингеме! Дело в том, что в конце прошлого столетия сэром Джоном Сэвилем Ламли, впоследствии лордом Сэвилем, который тогда был английским послом в Риме, были проведены раскопки на месте храма Дианы. Ноттингем, Неаполь и Копенгаген — три места, куда находки с озера Неми были занесены волей случая.

Сэр Джеймс Фрэзер когда-то сказал, что «никто из тех, кто видел эту спокойную воду в зеленой котловине, окруженной Альбанскими холмами, никогда не сможет забыть ее». В утро моего приезда озеро выглядело очень впечатляюще — зеркало воды недвижно застыло. Высокие стены бывшего кратера, окружив водоем, предохраняли его от солнца почти весь день. Во всей Италии нет более мрачного места, и две большие лодки на глади озера, с их бронзовыми украшениями, должно быть, являлись разительным контрастом угрюмым берегам, к которым они приставали.

У озера есть музей, куда галеры отправили после того, как подняли со дна из ила, и я отправился туда, полный ожиданий, помня тогдашние фотографии в «Лондонских иллюстрированных новостях». На снимках были огромные скелеты галер, один из них — двести сорок футов длиной, с мачтой высотой в семьдесят девять футов. Войдя в музей, я увидел там хаос и разруху. Стены и крыша хранили следы пожара, и смотреть было не на что, кроме как на кучи искривленных балок. Галеры сгорели дотла. Смотритель сказал мне, что в 1944 году, когда немцы отступали, майор, начальник подразделения, стоявшего в Неми, сжег галеры перед уходом. Это был акт ненависти. Разве что Аттила мог бы понять удовлетворение, испытанное военным, когда, обернувшись, он увидел дым, поднимающийся от уникальных экспонатов, единственных в своем роде. Удалось спасти только несколько позолоченных медных блюд, несколько бронзовых гвоздей и якорь.

Странно, но четыре картины, маленькие акварели и наброски озера, пережили разруху: одна картина Эдварда Лира, вторая — Тернера, третья — лейтенанта Миддлтона, и четвертая — Коро. Они висят на стене среди всего этого запустения и пробуждают воспоминания о веке более цивилизованном, чем наш.

2

Когда я вернулся в Кастель Гандольфо, мажордом папы провел меня через комнаты, окна которых выходили на голубой овал озера. Мы вошли в коридор, где ожидали пятеро людей, и здесь он оставил меня. Одного взгляда на собравшихся было достаточно, чтобы понять, что эти люди, как и я, были удостоены личной аудиенции. Глядя на дверь в конце коридора, мы все робко перешептывались, точно нашкодившие школьники у входа в кабинет директора.

Там был темнокожий молодой человек в чем-то похожем на ночную рубашку, араб-христианин, чьи карманы оттягивало множество четок и других предметов, которые он принес, чтобы его святейшество благословил их. Еще была белокурая жена некоего американского мужа, и я подумал, что никогда более она не будет столь очаровательна как в этот вечер, в черной кружевной мантилье и длинном черном платье. Еще своей очереди ожидали двое престарелых французов.

Дверь в кабинет папы в конце коридора открылась, и мы все выжидательно повернулись в ту сторону. И вышел... нет, не папа, а прелат в пурпурном одеянии, который выстроил нас по сторонам коридора в нескольких шагах друг от друга, и сообщил, что папа, проходя, скажет несколько слов каждому из нас. Полагается, добавил он, опуститься на одно колено и поцеловать перстень папы. Оставив нас в приятном волнении, он удалился, и в течение двадцати минут мы могли предаваться своим мыслям.

Лично я думал о том дне много лет назад в Стамбуле, когда один друг взял меня с собой, отправляясь на встречу с

экуменическим патриархом Нового Рима в Фанаре. Мы долго ныряли в узкие улочки и наконец вышли к зданию, которое производило впечатление обычного греческого монастыря. Несколько бородатых греческих священников провели нас в комнату, в стене которой имелся сейф, полный книг и рукописей, которые мы стали изучать, и пока мы это делали, входили бородатые сановники с саблями, и нас представляли последним призракам византийского мира: последний логофет, дидаскал, протекдик... Наконец вошел сам патриарх, свирепого вида старик в фиолетовом головном уборе под названием *kalemaukion* и с квадратной бородой ассирийского царя. Его называли по-византийски преувеличенно почтительно, почти кощунственно «ваше божественное всесвятейшество». Он подал знак, взмахнув рукой в кольцах, и священнослужители принесли маленькие круглые чашечки с турецким кофе и зеленые фиги в сиропе. Как всегда в таких случаях, никто не знал, что сказать, но мне хватило и того, что я видел патриарха Нового Рима, сидящего на своем троне, с епископским посохом со змеиной головой.

Теперь я ожидал аудиенции у патриарха Запада — это один из многочисленных титулов папы. Как по-разному, думал я, история обошлась с Ватиканом и Фанаром, и как жаль, хоть это и неизбежно, что латинский Запад отделился от греческого Востока. Кому пришло бы в голову в V веке, когда Восток был сильным и мощным, а Запад — разоренным варварами, что папство приручит своих захватчиков и создаст из них новую империю? Кто поверил бы, что восточные императоры склонят головы перед армией Мухаммада и православные патриархи увидят зеленое знамя пророка над куполом собора Святой Софии?

Дверь в конце коридора отворилась. Папа вышел в сопровождении монсеньора, у которого был листок с нашими именами. Никакой швейцарской гвардии, никакой торжественности, которой обычно сопровождаются подобные церемонии в Ватикане. Эта простота производила особенно сильное впечатление. Папа подходил к нам по очереди, прямой, сдержанный, отстраненная фигура в

белом одеянии, и дарил каждому несколько минут задумчивого, доброжелательного участия, как доктор, который навещает своих выздоравливающих больных. Араб так разволновался, что упал на оба колена и вытащил все свои четки, которые папа терпеливо и торжественно благословил, очень тщательно и точно доводя линии креста, так что мне показалось, что крест так и остался висеть в воздухе там, где он его начертал.

Когда подошла моя очередь, я почтительно приветствовал папу и вдруг поймал себя на том, что с интересом разглядываю его красного бархата туфли, красивейшие из всех, какие я когда-либо видел. На носках было вышито по маленькому золотому кресту. Туфли выглядели очень удобными, а ноги у папы были маленькие, узкие, аристократические. Я поднялся с колена и взглянул в темные глаза за стеклами очков в золотой оправе. И мне показалось, что на меня смотрит красиво одетый отшельник. Пий IX, как я читал, постоянно просыпал табак на свою белую сутану, так что ему приходилось переодеваться по несколько раз в день, но этот папа делал честь своему лакею. Любое его движение, все, что его окружало, отличалось утонченностью. С арабом он говорил по-французски, со мной — по-английски с сильным акцентом, и когда я ответил на его вопросы, он опять начертал в воздухе красивый крест и прошел дальше. И я понял, что говорил со святым.

По дороге назад в Рим я размышлял о том, что только что беседовал с тем, кто является единственным живым звеном, связующим наш век с временами апостолов. Рассказывая об этом монсеньору-англичанину, служащему в Ватикане, — мы шли по площади Святого Петра, я сказал: как странно, что в такие минуты внимание иногда фокусируется на самых незначительных мелочах. Никогда не забуду элегантных красного бархата туфель.

— Какое совпадение, — сказал монсеньор, — только сегодня днем я был в обувной мастерской за углом, на Виа Маскерино, и сапожник сказал мне, что сшил туфли для папы!

Так как мастерская была нам по дороге, мы заглянули туда. Маленькая, всего из одной комнаты мастерская с обрывками кожи, разбросанными по полу, с кучей старых туфель на полках, ожидающих починки, — такую вы легко найдете в любом городе. На табуретке сидел молодой человек и бил молотком по подметке. Да, да, туфли для папы готовы. Он встал и покопался немного в куче деревянных колодок в углу. Нашел нужную пару обуви и вручил ее нам. На подметке карандашом было написано «Пий XII». Пара красных бархатных туфель, сшитых по мерке папы, стоила 12 фунтов, так сказал мне сапожник, и такие подарки часто Дарят его святейшеству монахини и состоятельные американцы.

3

Всякий, кто приезжает в Рим, не может не заметить, насколько здесь больше кошек, чем собак. Конечно, собаку труднее держать в домашних условиях, да и дорожке обходится. Возможно, итальянский чиновник еще подразделил бы собак на два разряда: сторожевые и декоративные. Лицензия на содержание сторожевой собаки стоит две тысячи лир, около двадцати трех шиллингов, а лицензия на декоративную — пять тысяч лир, или почти три фунта. Даже самый агрессивный и бдительный пекинес все равно будет считаться декоративной собачкой, и даже самой симпатичной дворняжке никогда не быть причисленной к этому благородному сословию. Такой вот странный, но достойный уважения порядок навсегда избавил улицы Рима от бродячих и бездомных собак.

Бездомные коты, напротив, всегда были неотъемлемой принадлежностью развалин. На акварелях прошлого века — женщины в кринолинах и мужчины в цилиндрах и синих сюртуках, глядящие вниз, на форум Траяна, который в те времена был главным рассадником кошек. Этого больше нет. Кошки переселились на рынок Траяна неподалеку. Это

место защищенное, в центре, поблизости от полевых на Палатине и кур отцов-пассионистов на Целии.

Я отправился туда, чтобы взглянуть на торговый центр II века, и несколько раз останавливался, чтобы покормить кошек. Они живут в основании того, что раньше было великолепным, тяжеловесным зданием рынка. Мастерские, лавки, конторы располагались на трех этажах, здание имело сводчатый фасад и стояло широким полукругом, выходя на открытое пространство, и подобный же полукруг был напротив, а теперь он исчез или лежит под мостовыми современного Рима. Лавки в основном представляли собой одно просторное помещение, и, как это часто бывает, например, на Востоке, их размеры вовсе не обязательно соответствовали уровню зажиточности их хозяев. Римские лавки напомнили мне магазинчики в старой части Стамбула и Алеппо.

Кошек на рынке Траяна, может быть, двести-триста. Это крупнейшая кошачья колония в Риме. Животные всех возрастов, размеров и окрасов. В основном они дикие и очень подозрительны, хотя время от времени попадает кошка, не настолько отвыкшая от дома, чтобы не дать себя погладить. Количество котят говорит о том, что с семейной жизнью все в порядке, а наличие старых, закаленных в боях котов — что здесь не утихают жаркие схватки. Вы не увидите ничего, кроме тощих, быстро исчезающих тел и злобных мордочек, выглядывающих из всех дырок и из-за всех углов, пока не достанете бумажный пакет. Тогда со всех развалин мгновенно соберутся кошки и окружают вас. Котята, которые едва научились ходить, приковыляют и усядутся позади взрослых. Все это очень неестественно. Коты — индивидуалисты, и больно видеть, как им приходится жить стаей. Правда, стадное чувство все равно отсутствует, и даже в толпе коты умудряются держаться отдельно друг от друга.

Каждое утро в половине одиннадцатого животные настораживаются, начинают смотреть в одну сторону, в направлении входа на рынок Траяна. Появляются две женщины с сумками, и тут все кошки вылезают из своих

укрытий и устремляются к ним. Женщины необыкновенно методичны. Одна кормит котят, другая — взрослых кошек и слепых котов — в драке они часто выцарапывают друг другу глаза. Еда — обычные холодные спагетти с томатным соусом, к которым не притронулась бы ни одна из моих знакомых кошек. Но эти несчастные создания готовы драться за них. Когда все накормлены, в ход идут борная кислота и серный порошок — начинается лечение больных.

Я думал сначала, что эти женщины — члены общества защиты животных, но, заговорив с ними, понял, что это просто-напросто две обыкновенные домохозяйки, которые любят кошек и не жалеют времени и денег, чтобы заботиться о жителях колонии.

Одна из женщин рассказала мне, что ее дружба со здешними котами началась с кошечки по имени Мими. Четыре года назад ее квартирный хозяин пригрозил выгнать ее с квартиры, если она не избавится от животного. Она отнесла Мими на рынок Траяна и оставила ее там. Утром она вернулась покормить ее и обнаружила столько голодных кошек, что вот уже четыре года носит сюда еду. Мими все еще здесь и каждое утро приветствует свою хозяйку.

Женщины знают каждую кошку в колонии. Есть, конечно, выдающиеся личности. Например Красавец Первый и Красавец Второй; есть огромный черный кот по прозвищу Угольщик и маленькая серая киска, которую зовут Мышка. Я заметил, как прибыл аристократического вида кот с красной ленточкой на шее. Он не притронулся к пище, а просто сидел на стене — вальяжный, упитанный, избалованный — и наблюдал за происходящим. Это, сказала мне женщина, Красавец Первый. Когда-то он тоже жил в колонии, но на одну женщину, жившую поблизости, произвели впечатление его горделивость и достоинство, и она взяла его к себе. Из тощего и голодного зверя он быстро превратился в важное и грациозное существо, каким и положено быть коту. Но каждый день в час кормления привычка берет свое, и Красавец Первый появляется на рынке, не для того чтобы отведать холодных спагетти и даже более аппетитных

кусочков холодной печенки, а просто посидеть и посмотреть.

Однажды я пришел и нашел женщин сильно расстроенными: «Бедняжка!» — причитали они, протягивая мне тело полосатой кошечки, которую перед этим долго выхаживали. «Надо ее похоронить», — сказали они. «Позвольте мне», — предложил я с безоглядной самоотверженностью. Но как копать могилу на рынке Траяна, не имея не только лопаты, но даже ножа! Земля тут просто каменная. В конце концов, найдя глиняный черепок, я с трудом сделал небольшое углубление и положил туда тело. Не всякий посетивший Рим, подумал я, может сказать о себе, что похоронил кого-нибудь на рынке Траяна.

4

Памятник Виктору Эммануилу II — восьмой холм Рима. Его часто критикуют за сияющую белизну, за размеры, за бесчисленные статуи, за то, что он так высокомерно теснит форум Траяна и загораживает Forum Romanum и Капитолийский холм. Действительно, кажется, в нем все неправильно. Однако он остается одним из немногих мест в Риме, где вас точно не задавят. Это терраса уединения, по ее склонам вы можете бродить сколько угодно, и вас никто не потревожит, кроме разве что молодых людей с вкрадчивыми манерами и американским акцентом, которые горят желанием продать вам путеводители или поршневые ручки.

Памятник шокировал бы человека эпохи Августа не меньше, чем самого Виктора Эммануила, который, по имеющимся данным, был человеком скромным. Мрамор Брешии, из которого он сделан, неподвластен времени. История (кстати, римская история и есть зачастую настоящий пасквиль) гласит, что, когда этот памятник был построен, премьер министром был депутат от Брешии и что контракт на мрамор обеспечил ему министерское кресло более чем на четверть столетия.

Если подойти к собору Святого Петра или к Яникулу и взглянуть вниз, в направлении Капитолия, то можно удивиться, как это снежное поле выделяется на фоне Рима, как ясно и четко видна на его фоне позолоченная фигура короля, который упразднил Папское государство и выдворил папу из Квиринала. Неужели, подумал я, люди, которые в 1885 году задумывали этот памятник, действительно хотели, чтобы у папы, заточенного в Ватикане, всегда был перед глазами этот символ объединенной Италии? Если да, то приятно думать, что Время, имеющее обыкновение вынимать жало из многих злых замыслов, сделало этот жест бессмысленным.

Лазая по этой аллегории, которая весит тонны, я был потрясен еще и громадой вложенного национального самосознания. Тут одно из тех преувеличений, которые шокируют, но и пленяют англосаксонский ум. Это — как марш из «Аиды», выполненный в мраморе. Какая подходящая и своевременная мысль. Одним из паролей Рисорджименто были слова «Viva Verdi!», фамилию композитора можно расшифровать как «Vittorio Emmanuele Re D'Italia».^[80]

Я нашел памятник густонаселенным: монахини и бойскауты. Скауты носились на вершине, демонстрируя неиссякаемую энергию юности, словно горя желанием крикнуть «Еще выше!» с самой высокой башни. Монахини спокойно шли на южную террасу и обращали свои добрые мягкие лица к собору Святого Петра. С северной платформы такой же прекрасный вид на Колизей через Форум. Я карабкался вверх, пока не оказался вровень с Виктором Эммануилом II — роскошные усы, шлем с перьями, меч, — сидящим верхом с победоносным видом вечного цезаря.

В гряде камня, которую представляет собой памятник, можно отыскать Музей Рисорджименто, где я встретил англичанина, изучавшего экспонаты и делавшего записи в блокноте. Мы были единственными посетителями. Молодой человек оказался учителем истории, его интересовал XIX век, и он знал своего Тревельяна^[81] наизусть. Мы вышли, сели на ступеньки и заговорили на тему, которая казалась

мне очень интересной: драматические отношения, сложившиеся между Пием IX и Виктором Эммануилом.

Пию IX было семьдесят восемь лет, когда Папскому государству стала угрожать армия объединенной Италии. Он был красив и представительен, в молодости пытался поступить в гвардию, но его не взяли из-за подверженности эпилепсии. Добросердечный Пий VII обратил его мысли к Церкви, и молодой Джованни Мастаи-Ферретти стал ревностным священнослужителем и непредсказуемым и вдохновенным проповедником. Иногда, проповедуя в темной церкви, он клал на кафедру, позади себя, череп; однажды он смочил спиртом бедренную кость и поджег ее, чтобы проиллюстрировать ужасы ада. Говорят, он не прочитал ни одной книги, но его благочестие не знало границ. Он посвятил себя бедным и хорошо знал римские трущобы. Папой он стал в пятьдесят четыре года, и никогда более красивый папа не появлялся в белой сутане на балконе Квиринала, чтобы благословить народ. В Европе бурлила революция, и поначалу Пия IX восприняли как либерального папу, который хочет реформировать одряхлевшее Папское государство, ввести железные дороги и даже разрешить газеты. Кроме того, он был таким Гаруном-аль-Рашидом — переодевшись, посещал трущобы и тюрьмы. Про него существует огромное количество историй: как однажды он остановил свой экипаж, подобрал раненого еврея и отвез в Квиринал; как написал письмо самому себе от имени заключенного в тюрьму преступника. Народ любил своего Pio Nono^[82] два года, потом в Риме грянула революция, секретаря папства убили, потрясенный и напуганный папа бежал из города.

Он вернулся под защитой французских оккупационных войск изменившимся, опечаленным человеком, но по-прежнему добрым, по-прежнему образцом благочестия. Он все еще надеялся на народное одобрение. Однако от его былой популярности не осталось и следа, теперь даже поговаривали, что у него дурной глаз. Папа временно переложил попечение о своем государстве на помощников, а себя посвятил исключительно духовным заботам. В 1870

году французская армия была отозвана из Рима, чтобы сражаться с Пруссией, и армия Виктора Эммануила, при сочувствии и поддержке всей страны, уже готовилась войти в город и сделать Рим столицей Молодой Италии. Предлагались другие города, что было попыткой избежать прямого конфликта с папой, но выбор именно Рима был неизбежен. До последнего Пий не мог поверить, что Пресвятая Дева, за непорочность которой он всегда ратовал в богословских беседах, позволит отнять у него его трон. Но наступил день, когда он навсегда покинул Квиринал, а итальянская армия вошла в город без всякого кровопролития.

Бедный Виктор Эммануил, грубоватый пятидесятилетний солдат, поддерживаемый своими сыновьями, последний европейский король, который заботился о своем противнике, как заботился, например, об австрийцах, был ревностным католиком. Однажды он сказал Кавуру, что дойдет с ним до ворот Рима, но дальше не сделает ни шагу. Он так и не позволил ничего тронуть в комнате папы в Квиринале. Распятая и другие священные реликвии так и остались там, как в тот день, когда Пий IX покинул Квиринал, отправившись в «ватиканский плен». Что ранило сердце религиозного монарха больше всего, так это то, что его стали сравнивать с Антихристом, и он вынужден был склонять голову под градом анафем, которыми осыпал его Пий.

У папы и короля было много общего, хотя некоторые стороны жизни Виктора Эммануила не могли бы понравиться понтифику. Тем не менее они были людьми одного типа: простыми, честными, набожными. Папа, несмотря на то, что предал анафеме «короля-грабителя», писал ему вежливые и мягкие личные письма. В свою очередь монарх заканчивал свои послания просьбой о благословении папы! Естественно, благословения Пий дать не мог, но молиться за короля обещал. Такие странные отношения продолжались восемь лет, их пик совпал со смертельной болезнью Виктора Эммануила.

Папу попросили снять запрет, связанный с отлучением от Церкви, чтобы король мог получить последнее утешение. Пий или его советники согласились это сделать, при условии, что король подпишет бумагу о своем полном подчинении Святому Престолу и восстановлении папы в правах. Виктор Эммануил отказался сделать это. Папа со слезами на глазах послал в Квиринал своего личного капеллана, распорядившись освободить от наказания и причастить короля в том случае, если тот хотя бы устно сделает требуемое заявление. Министры не допустили посланца папы к королю, возможно, опасаясь, что Виктор Эммануил, который так не хотел входить в Рим, проявит слабость перед смертью.

— Негодяи! — воскликнул папа. — Они хотят, чтобы он умер как язычник!

Он послал своего прелата во второй раз, и того снова не впустили. Наконец, каким образом, никому не известно, над королем, чуть ли не с последним вздохом милостью папы все же были совершены все необходимые обряды. Взамен от него не потребовали ничего. Через три недели после смерти первого короля Италии последний папа-король тоже сошел в могилу.

За беседой об этих двоих мы со школьным учителем зашли в кафе на площади и снова оглянулись на памятник.

— Мне кажется, это слишком большой памятник для основателя королевской династии, которая дала только четырех королей, — заметил мой спутник.

Мимо промчалось около дюжины мотоциклов, окутав нас дымом.

— Как бы мне хотелось все-таки, чтобы они тогда выбрали Турин или Милан, — сказал я.

Мы перешли дорогу и вошли во дворец Венеции. В потрясающем зале «Mappamondo» (зале «Карты мира») смотритель кивнул на участок мраморного пола в углу и сказал: «Здесь стоял его письменный стол!» «Он» — это, конечно, Муссолини. Мы подошли к окну и увидели балкон, с которого «он» произносил речи, размахивая руками и

сверкая глазами. Все это было очень давно, и даже колонна Траяна через дорогу казалась ближе и дороже.

5

Один из самых приятных римских уличных рынков — рынок Кампо деи Фиори,^[83] хотя краски здесь теперь цветут разве что на одежде, вывешенной на просушку жителями соседних многоквартирных домов. Это фруктовый и овощной рынок, окруженный прилавками со старой одеждой. Он находится в самом сердце Рима Возрождения, а ниже его — окрестности театра Помпея. Огромного Геркулеса, который теперь хранится в музее Ватикана, нашли в нескольких ярдах отсюда. Это была статуя-оракул. Маленький мальчик свободно мог забраться в статую через отверстие в затылке. Однажды, в 1864 году, был проведен эксперимент: молодой человек протиснулся внутрь в присутствии важных персон, и как писал Ланчиани, «его голос, когда он отвечал на обращенные к нему вопросы, действительно производил сильное впечатление и казался почти сверхъестественным».

Все утро местные домохозяйки с критическим видом расхаживают между прилавков с помидорами и баклажанами на Кампо деи Фиори, медля время от времени, чтобы, например, попробовать виноград или рассмотреть получше фасоль, и благодаря красным или цвета охры домам, окружающим рынок, он выглядит типичным уличным средневековым рынком. Кампо деи Фиори — это действующий организм в средневековых декорациях колоколен и церквей, декорированных Космати. Средневековая нота звучит еще и благодаря бронзовому монаху с опущенным капюшоном. Он возвышается над дынями и персиками. Любопытный посетитель, которому удастся протиснуться между прилавков с овощами к статуе, подумает, наверно: как великодушно со стороны Рима увековечить память о Джордано Бруно, который за свои еретические убеждения в 1600 году был сожжен на этом

самом месте инквизицией. Этот памятник ближе всего в Риме к протестантской скульптуре. Здесь увековечены еще двое — Джон Уиклифф и Ян Гус. Объяснение простое — памятник был поставлен после 1870 года антиклерикальным правительством, главным образом чтобы позлить Ватикан, здесь он и пребывает доныне, и, слава Богу, единственный огонь здесь — это тот, который обжигает рот после того, как попробуешь чили.

В бытность свою в Англии Джордано Бруно читал лекции в Оксфорде, написал экстравагантный панегирик королеве Елизавете, увиделся с сэром Филипом Сидни и, говорят, встретился с Шекспиром в типографии Томаса Вотрольера.

Несколько шагов в сторону от рынка — и вы выходите на маленькую площадь, где в двух огромных гранитных ваннах струится вода перед дворцом Фарнезе — как считают некоторые, самым прекрасным из всех дворцов Возрождения в Риме. Он был построен Алессандро Фарнезе, который потом стал папой Павлом III. Огромное продолговатое здание с тремя рядами математически правильных окон и карнизом, спроектированным Микеланджело, возвели, когда в Англии правил Генрих VIII. Это самый простой для английского туриста способ отнести здание к нужному периоду и убедиться в том, что Возрождение пришло в Англию очень поздно — ничего хотя бы отдаленно напоминавшего дворец Фарнезе нельзя было увидеть в Англии до начала правления Карла I.

Внутренний двор великолепен, и я не без некоторого удивления обнаружил там саркофаг Цецилии Метеллы. Привратник, который говорил по-французски, так как в Палаццо Фарнезе сейчас помещается французское посольство, показал мне свое жилище, а также обратил мое внимание на толщину стен и ступени, ведущие к зарешеченным окнам, удобным для лучников и аркебузирова.

И снова меня посетила мысль: что здесь было раньше и что сейчас лежит внизу, в этой древней земле? В Риме все стоит на чем-нибудь более старом, чем оно само. Строители XVI века обнаружили ответ на мой вопрос, наткнувшись на остатки казарм «красных» возникших — *factio russata*^[84] —

древняя мозаичная кладка сохранилась в погребке. Эта часть Марсова поля была районом возничих. Казармы «синих» были на участке поблизости от Английского колледжа, «зеленые» жили там, где сейчас находится Палаццо делла Канчеллериа. Ипподром, известный под названием Тригариум, который простирался параллельно Тибру, был местом, где выращивали жеребят и впрягали их между двумя взрослыми лошадьми, в упряжку, называемую *triga*. Эта часть поля, вероятно, была полем деятельности для всех «жучков» и букмекеров Древнего Рима.

Если бы какой-нибудь волшебник махнул рукой над любым знаменитым римским дворцом, повелев камням вернуться в те здания, которые они изначально составляли, случилось бы несколько курьезов. Дворец Фарнезе растаял бы, чтобы закрылась пробоина в Колизее, правда, часть его отправилась бы обратно на Квиринал, где когда-то стоял Аврелиев храм Солнца, и довольно много камня пошло бы на форум Траяна, термы Диоклетиана и термы Каракаллы.

Бесконечные дворцы, среди которых блуждает приезжий в поисках картины или кусочка потолка, оставляют у него впечатление царственного дискомфорта. Они строились, как сказал бы Веблен, не только чтобы вложить большие деньги, но и чтобы разместить женившихся сыновей, прихлебателей и целую армию слуг. Такая система — естественное развитие средневекового домашнего уклада — «семьи», как это называют в Риме, и мне не раз казалось, что во многих дворцах атмосфера скорее XIII века, чем XV или XVI, когда они были построены.

Мэриону Кроуфорду, который писал в «*Ave Roma Immortalis*»^[85] о событиях семидесятилетней давности, было что рассказать о жизни в римском дворце.

Так называемый благородный этаж занимал глава семьи и его жена. Женатые сыновья со своими женами и слугами размещались в остальных частях дворца. Старший сын обычно жил на втором этаже, второй сын — на третьем, а несемейным детям приходилось довольствоваться тем, что останется. Чердак отводился слугам и часто библиотекарю, священнику и дворецкому. Если в семье имелся кардинал,

одна из самых больших комнат отводилась под его приемную.

Все члены семьи должны были обедать вместе, за огромным столом.

Домом управляли через дворецкого, — пишет Мэрион Кроуфорд. — Повар был обязан готовить определенное количество блюд каждый день для строго определенных приемов пищи, но помимо этого — ничего, ни ломтика хлеба или вареного яйца. Такая система до сих пор действует во многих домах, хоть и естественно предположить, что может потребоваться еда в неурочное время. Дворецкий ведет дела самым причудливым образом, и плата за самые незначительные вещи, заказываемые сыновьями или дочерьми, вычитается из их содержания, а для невесток — особые расчеты: некая сумма денег «на булавки» выделяется им из их же приданого согласно брачному контракту, и все это тоже проходит через дворецкого. Старый порядок действовал даже в последние годы: определенное количество мясных блюд в день — обычно два, определенное число новых платьев и другой одежды, пользование экипажем тоже строго регламентировано: запрягать не чаще, чем дважды в день, то есть утром и днем, либо вообще один раз в день — вечером. Все — чашка чая, стакан лимонада — если это не упомянуто в брачном контракте, оплачивается отдельно.

Справедливость подобного порядка вещей — ибо он справедлив — может сравниться лишь с его неудобством, потому что он требует запуска целой гостиничной машины в сочетании с честностью, какой обычно нет в гостиницах. Без сомнения, вся эта система основана на укладе древних, согласно которому отец семейства неизбежно становился деспотом для своих домашних, который препятствовал сыну иметь отдельную собственность и вообще какую-либо независимость при жизни отца...

Чувства молодой жены, живущей во дворце семьи супруга, описывает Виттория Колонна, покойная герцогиня Сермонета, у которой было много друзей в Англии при дворе Эдуарда VII. Она вышла замуж за старшего сына герцога

Сермонета в 1901 году, — с 1560 года это был первый брак, заключенный между семьями Колонна и Каэтани.

Я всегда ненавидела мрачный дворец Каэтани, — писала она в воспоминаниях. — Грустно думать о бесчисленных браках в Италии, которые не задались из-за старого обычая, повелевавшего молодым женам жить с родителями мужа... Само по себе палаццо Каэтани — великолепное здание, построенное Амманати, одним из учеников Микеланджело, но обезображенное лишним этажом, пристроенным практичным, но совершенно лишенным художественного вкуса Каэтани. Темнота и мрачность его помещений подавляют. На первом этаже, так называемом piano nobile, [86] где жили мои свекровь и свекор, зимой всегда горел электрический свет, а в некоторых комнатах, утопавших в вечных сумерках, приходилось передвигаться едва ли не на ощупь. Помню свой первый вечер в палаццо Каэтани, куда мы приехали после медового месяца во Фраскати. Темнело, приближалось время обеда, но нигде в доме не было никаких признаков жизни. Я сидела в предоставленной мне спальне. Моему мужу отвели комнату на другом этаже, так далеко от моей, что, честно говоря, я так и не нашла кратчайшего пути к ней среди многочисленных лестниц и коридоров. Со мной сидела моя милая няня — англичанка Сизи. Она была очень недовольна тем, что пришлось покинуть дворец Колонна с его роскошью и комфортом, и вовсе не расположена попытаться увидеть во всем лучшую сторону. Наконец, когда совсем стемнело, я предложила:

— Что если мы позвоним и попросим горничную принести нам горячей воды?

— В этом доме нет ни звонка, ни горничной, ни горячей воды, — хмуро ответила Сизи, и самое смешное, что она была абсолютно права...

Мои свекор со свекровью не имели привычки переодеваться к обеду. В ту первую зиму, когда мы жили вместе, мне казалось, что я никогда в жизни дольше не сидела за обеденным столом. Звонок созывал нас всех на завтрак, обед и ужин, но никто и не думал торопиться в столовую, так как все Каэтани понимали, что еды ждать

еще долго. Говорят, герцогиня, услышав звонок, говорила: «Вот и прекрасно. Я еще успею сходить на конюшню, посмотреть на лошадей». Итак, у Каэтани было принято приходить в столовую, когда кому заблагорассудится, и тот, кто приходил первым, а это обычно была я, потом дожидался, пока все остальные не закончат трапезу. Иногда у меня просто спина разламывалась от долгого сидения. Герцогиня являлась одной из последних, в лиловом бархатном пеньюаре, обмахиваясь огромным бумажным веером, который казался мне совершенно ненужным, так как в комнатах постоянно было холодно. Около каждого члена семьи на столе стоял полукруг бутылочек с лекарствами, жестянок из-под сардин, и эти индивидуальные наборы давали понять, чье это место за столом. Подавал огромный толстый человек по имени Джироламо, одетый в старый сюртук герцога. У него был дефект речи, так что никто не понимал, что он говорит. Джироламо был вечным объектом насмешек для всей семьи, и какую бы глупость он ни сделал — все приводило их в восторг.

Около тарелки герцога всегда ставили блюдо с особой болонской колбасой, сильно пахнущей чесноком, и он имел обыкновение оделять ею по очереди членов семьи, что считалось особой милостью. Мне кажется, он проникся ко мне неприязнью с того момента, как понял, что я не переносу болонской колбасы. Он был очень умным, культурным и приятным в обращении человеком, и его дети тоже, так что разговор за едой иногда был очень занимательным. Дважды за эту зиму герцог появился за обедом в парадной одежде, и это был знак того, что после обеда он собирается нанести визит королеве-матери. В таких случаях Джироламо неизменно подавал ему дополнительную чашку крепкого кофе, сопровождая это репликой: «Если ваше превосходительство собирается сегодня навестить ее величество, то понадобится что-нибудь, чтобы не заснуть!»

По контрасту со зловещими историями об убийствах и ядах, которые вечно рассказывают в связи с дворцами

Возрождения, Виттория Колонна пишет, что во время помешательства на роликовых коньках, случившегося в начале XIX века, оказалось, что римские дворцы как нельзя более подходят для этой забавы: в некоторых домах можно было через весь дом переезжать из комнаты в комнату, не встретив на пути ни единого препятствия — один гладкий пол, и частенько домочадцы, покидая свои комнаты и отправляясь на обед, брали с собой в мешках ботинки и коньки. Это очень развлекало Роберта Хиченса, и он описал одну из роликовых вечеринок в романе «Плодоносная лоза» («The Fruitful Wine»).

6

Бродя по Риму, то и дело натыкаешься на развалы старых книг в тени какого-нибудь дворца. В них роются несколько коллекционеров, включая, разумеется, неизбежного францисканца, выискивая, без особой надежды, какое-нибудь сокровище. Увы, в Риме нет ничего подобного набережным Парижа или Чаринг-Кросс-роуд в Лондоне.

Мне нередко случалось побродить среди прилавков напротив Палаццо делла Канчеллерия, но ни разу я не набрел на книгу, которая заставила бы мое сердце забиться сильнее. Думаю, лучшей моей находкой, книгой, которую У меня тем не менее хватило воли не купить, было трехтомное второе издание «Приключений Родерика Рэндома» Т. Смоллетта в переплете телячьей кожи. Оно было в хорошем состоянии и вполне стоило десяти шиллингов, которые за него просили. Я предпочел приобрести книгу под названием «Шесть месяцев в Италии» Джорджа Стиллмана Хиллиарда, изданную в Бостоне в 1853 году, потому что не смог справиться с искушением прочитать описание англичан того времени в Риме. Трудно поверить, что национальный тип мог измениться так значительно, как это произошло с нашими соотечественниками за последнее столетие. Довольные

собой, высокомерные субъекты — наши прапрадедушки, увиденные наблюдательным и отстраненным американцем, ничуть не похожи на сегодняшних англичан, а, скорее, напоминают устаревшую карикатуру на Джона Булла в сюртуке из полотнища «Юнион Джека». Сказав о том, как непохожи древние римляне на современных итальянцев (и с этим нельзя не согласиться), Хиллиард тем не менее продолжает:

Но законных наследников древних римлян, наследников их духа, до сих пор можно встретить в Риме; и не так уж их мало. Утром их можно встретить в читальне Мональдини склонившимися над «Таймс» или «Галиньяни»,^[87] снующими по Кампанье, мчащимися по улицам в автомобилях, не удосуживаясь смотреть по сторонам, собирающимися группами на площади Испании узнать последние новости. Днем они стекаются в Пинчьо, курсируют на страшной скорости вверх-вниз по дорожкам, посыпанным гравием, с выражением непоколебимой решимости на лицах, как будто законы их страны, а также их собственные, внутренние законы, будут нарушены, если они не совершат свой обязательный ежедневный моцион... Они шествуют по этой земле, как будто она принадлежит лично им. В их повадке чувствуются прямота и бескомпромиссность. В их речи слышны властные ноты, а их важность основана на сознании своей бесспорной силы... Подобно древним римлянам они суровы с заносчивыми и снисходительны к слабым. Они навязывают мирный настрой тем нациям, которые не могут себе позволить тратить силы на невыгодную для них войну. Они издают законы, строят дороги, наводят мосты. Им присущ инстинкт социального порядка, у них в организме, кажется, есть особый орган — политической целесообразности... Англичанин в глубине души воспринимает эмоциональность или

восторженность как проявления женской слабости, недостойные мужчины. Хорошая собака или породистая лошадь вызывают у него большее восхищение, нежели самый красивый пейзаж или картина. Он проходит по картинной галерее решительным и твердым шагом, и на его физиономии — ожидание скорейшего окончания экспозиции. Пять минут на Рафаэля, четыре — на Тициана или Корреджо, двух-трех хватит на менее известные имена...

Мистер Хиллиард заканчивает свой панегирик англичанам такими словами:

Англичане гордятся своей страной, и в этом, разумеется, никто не может упрекнуть их. Они гордятся ее историей, литературой, конституцией, и особенно тем высоким положением, которое она до сих пор занимает, и ее могуществом. Они имеют все права на национальную гордость. Прибыв со своих островов на континент, англичанин еще сильнее гордится величию своей родины. Его страна, где бы он ни был, защищает его незримым щитом. Стоит замаячить хоть какой-нибудь угрозе чему-нибудь английскому — и британский лев, мирно дремлющий на Даунинг-стрит, начинает угрожающе рычать и скалить клыки. Кажется, английский военный корабль стоит в одних сутках пути от любой точки земного шара. Стоит политическим волнениям начаться в любом порту, где есть хоть клочок английского сукна или хоть фунт английского чая, которым могла бы повредить политика, и через сорок восемь часов английский теплоход или фрегат бросит якорь в гавани, как бы говоря: «Так в чем, собственно, дело?»

Я закрыл книгу. Что-то мне трудно стало читать мистера Хиллиарда.

Таковыми были гордые британцы столетие назад, а их потомкам, выглядывающим из окон автобусов и робко интересующимся, сколько еще осталось от нищенского пособия, выделенного им казной, не грех вздохнуть о величии прежних дней.

Путешествия англичан в Рим прошли несколько интересных фаз, из которых поездка в экипаже — последняя, и, возможно, самая популярная. Кроме религиозного паломничества, которое было одинаково во все времена, на исходе Средних веков англичане стали ездить в Рим и вообще в Италию набираться учености, и если первая волна ученых, корифеи, были коллекционерами книг, то вторая волна, тоже пока из Оксфорда, поехала, чтобы учиться, и вернулась, чтобы учить. Ко времени Генриха VIII в Италии было полно англичан, которые отправились туда, как лукаво пишет Уильям Томас, «якобы учиться», потому что, не совершив путешествия за границу, теперь нельзя было считаться «вполне образованным человеком». Рим также был единственной школой жизни при дворе, куда стекались все. Английские послы держали нечто вроде подготовительной школы для будущих дипломатов, и молодых людей посылали за границу в сопровождении наставника, который, как надеялись, проведет их всеми прямыми и окольными путями.

Когда эти юноши возвращались в свои кирпично-деревянные поместья в Англии, где жизнь шла в том же темпе, что и при Плантагенете, они вызывали там не только естественное недовольство, какое всегда вызывает молодежь у пожилых людей, но еще и патриотическое презрение к иностранным замашкам. А возможно, была еще и некоторая ревность коммерческого свойства со стороны старых чулочников, портных и ткачей, когда они видели вернувшихся путешественников в чулках и одежде, превосходящих качеством отечественный товар. Сам Генрих VIII вынужден был довольствоваться чулками, выкроенными из материи, пока ему не привезли пару

хороших итальянских чулок, а Елизавета очень обрадовалась полученным из Италии надушенным перчаткам.

Никто с большим юмором не описал впечатления, производимого на англичанина-домоседа жеманными манерами «вполне образованного человека», чем Габриэл Харви, чья «маленькая обезьянья шляпка» обессмертила головные уборы Эдварда де Вира, графа Оксфордского. Прекрасное описание нахватавшегося заморских впечатлений путешественника принадлежит Томасу Нэшу:

Я знал иных путешественников из числа бездельников (я не имею в виду солдат), кои <...> возвратившись на родину, прятали под широкополой французской шляпой тощую, истасканную физиономию, поднимали на улице вихри пыли, шествуя в длинных серых бумажных плащах, и скверно говорили по-английски. [\[88\]](#)

С началом Реформации английские путешественники оставили Рим в покое и переключились на Венецию. В Риме же боялись инквизиции, и еще иезуитов, которые горели желанием вернуть молодых англичан к прежней вере, что было бы небезопасно для тех по возвращении домой. Действительно, был период, когда заграничные паспорта выдавались с условием, что путешественник не будет посещать Рим. Когда Карл I женился на Генриетте-Марии и надеялись на его переход в другую веру, ситуация стала менее напряженной. Но скоро положение опять ухудшилось, и Мильтон, описывая свои путешествия по Италии, говорил, что в Риме верность протестантским принципам требует некоторого мужества.

За короткое время, период правления Карла II, когда вместо Италии фавориткой при английском дворе стала Франция, путешественники успели завезти на родину французские манеры и французские танцы, как несколькими веками раньше завезли черные камзолы и надушенные перчатки. Однако скоро Италия вновь

оказалась востребована, и в английский язык прочно вошло выражение «гранд тур». Ричард Ласселс первым употребил его в 1670 году, в предисловии к сборнику советов путешественникам.

Хлынул поток книг и путеводителей, составленных для тех, кто мог себе позволить совершить путешествие на континент. Многие из них — интересной штрих, указывающий на интерес к живописи в XVII веке, — подчеркивают важность занятий живописью, и озабочены упаковкой всего необходимого для этого занятия. Так современный путешественник старательно упаковывает свои фотоаппарат или кинокамеру. В «Путешествиях» Сэндиса есть гравюра, на которой изображен «турист» эпохи короля Якова, добросовестно зарисовывающий озеро Аверн, и его друг, в ботфортах и шпорах, который, положив левую руку на рукоять меча, стоит неподалеку и, указывая на пейзаж, скорее всего, что-то советует «художнику».

Путешественники всегда были любопытны, иначе они никогда и не выехали бы из дома, но сейчас впервые мы встречаемся с путешественником не рассматривающим, а высматривающим, не глядящим, а подглядывающим. Если верить Миссону, чье «Новое путешествие по Италии» вышло в свет в 1695 году, каждому путешественнику надлежит брать с собой «моток шпагата длиной в пятьдесят сажений, и при этом разделенный на отрезки по футу длиной, чтобы измерять высоту зданий». Но это ничто по сравнению с по-немецки строгими наставлениями графа Леопольда Берхтольда, где приезжешь, в дополнение к зарисовке пейзажей и костюмов, а также изучению механизмов и инструментов, советуют научиться играть на немецкой флейте, чтобы не поддаваться другим искушениям. Берхтольд заготовил ряд глупых вопросов, призванных закрепить знания путешественника о стране, таких, например, как «Какая любимая трава овец данной страны?», «Много ли здесь было случаев, когда бешеные животные кусали людей?» или «Какая пища была признана наиболее здоровой и питательной для поддержания сил матросов потерпевшего крушение судна?». Всем советовали иметь с

собой бутылку с уксусом, бутылку лучшего французского бренди, нашатырь от припадков и обмороков и капли Гофмана. По прибытии в гостиницу рекомендовалось продезинфицировать комнату, плеснув уксуса на раскаленный докрасна совок. Перед тем как ложиться спать, следовало заглянуть под кровать, а дверь забаррикадировать мебелью. Рекомендовалось купить карманный дверной засов.

О Берхтольде вряд ли стоило бы и упоминать, если бы его книга не являлась знаком появления нового типа путешественника — нервного и подозрительного субъекта, который отправляется за границу не для того, чтобы узнать что-то новое или послужить родине, как при Тюдорах или Стюартах, но озабоченного исключительно собственной безопасностью и комфортом. Какая пропасть между старыми девами Берхтольда, заглядывающими под свои кровати по ночам, и дорогим нашему сердцу Томом Кориэтом, который был слишком беден, чтобы взять напрокат мула, и потому во времена Якова I путешествовал по Европе на своих двоих, веселый, как жаворонок, а возвратясь домой, вывесил свои башмаки в приходской церкви.

Английский экипаж XIX века — настоящее произведение искусства, где его владелец мог спать и куда помещал весь свой дом. Опыт путешествий по Италии в 1792–1798 годах вдохновил Марианну Старк на написание книги, которая кому-то могла помочь, но многих могла и оттолкнуть, заставив принять решение остаться дома. Старк написала об экспедиции такого масштаба, какого в те времена хватило бы, чтобы покорить Эверест. Идеальный экипаж должен был быть специально оборудован для гористой местности — шестами, железными осями, специальными пружинами и ящиком, полным необходимых запасных частей. Путешественник должен взять с собой складные кровати, кожаные одеяла, ковры, вилки, ложки и ножи, не забыть серебряный заварочный чайник, специи и, если он любит кашу на завтрак, овсяные хлопья. Надо также захватить ящик с аптечкой, обратив особое внимание на

терку для ревеня, щипцы для удаления зубов, порошки доктора Джеймса, касторовое масло, опий и лауданум (аспирин XVIII и XIX веков!), лаванду, мяту, базилик и магнезию. Памятуя о холодных мраморных полах, путешественник должен запастись домашними туфлями на двойной подошве. Мисс Старк ничего не упустила, так что ее последователи были готовы практически ко всему.

Теперь «гранд тур» приводил в Рим англичан самого разного типа. Многие ехали туда отдохнуть от серого неба Англии. Но все равно преобладал классический тип исследователя и ученого. Немало было и просто образованных англичан, которые жаждали посетить места, известные им с детства по школьным учебникам. Затем дилетанты, любители живописи и архитектуры, первым среди которых был лорд Берлингтон, собственноручно обмеривший все постройки Андреа Палладио.^[89] Под влиянием итальянских небес, пейзажей, звуков эти путешественники, первоначально приехавшие, чтобы просто взглянуть на искусство Возрождения, иногда оказывались так околдованы, что отправлялись учиться живописи, музыке, архитектуре. Смоллетт упоминал одного «юношу семидесяти двух лет... приехавшего в Италию для самосовершенствования», а Питер Бекфорд был знаком с одним старым ирландцем «за восемьдесят», который в 1788 году в Риме заканчивал свое образование.

Все это было частью преобразования Англии. В английском доме утверждались георгианские интерьеры, которые трудно превзойти в утонченности и красоте. Рим и его храмы, прихотливая лепка карнизов, «гротески» Ватикана, — со временем все это нашло свое отражение на стенах, потолках и каминных полках английских гостиных. В XIX веке путешествовать стал и крепкий английский средний класс. Американец Вашингтон Ирвинг описал путешествие семьи Попкинс — «образцовой английской семьи, небольшого кусочка Британских островов, клубком катящегося по свету»: «румяные лица, выглядывающие из окон экипажа», «хорошо одетые, накормленные говядиной, пухлые слуги на запятках, презрительно глядящие с высоты

на все, что их окружает, ничего не знающие об этой стране и ее народе и тем не менее уверенные, что все, что не является английским, — неправильное».

Тобайас Смоллетт и Сэмюел Шарп, конечно, вылили ушат холодной воды на всеобщую преувеличенную страсть к Италии, и все же это были времена огромного восхищения этой страной, времена, подобных которым больше не будет.

В книгах о путешествиях XVIII и XIX веков — спокойная и медлительная Англия, где война никогда не мешает охоте на лис, а жизнь налажена и надежна. Люди, которых наблюдали Вашингтон Ирвинг и Хиллиард, пили свой портер под потолками с классическими карнизами, а морозными утрами их охотничьи собаки резвились в палладианских портиках. Приехав в Рим, даже те, кто не знал ни строки из Горация и Вергилия, чувствовали себя в каком-то смысле дома. Множество поддельных Венер, коченеющих в запущенных английских парках, деревенские храмы с деталями римской архитектуры говорят об энтузиазме наших прадедов. Сегодня даже те, из кого безжалостно сделали химиков и физиков и кто занимает важные посты в коммерческих структурах, выходят из своих автомобилей посмотреть на римские декорации, столь дорогие их предкам, подозревая, что здесь есть о чем подумать, что осознать, и, возможно, даже полюбить.

8

Среди последних жильцов дома Китса у подножия Испанской лестницы был д-р Аксель Мюнте, автор «Книги Сан-Микеле». Здесь был его кабинет, когда он практиковал в Риме. В 1820 году, когда Ките и его верный Джозеф Северн квартировали здесь, дом вела синьора Петри. Она убирала комнаты и готовила еду, и одно из приготовленных ею блюд Ките выбросил в окно! Это было дешевое жилье, и практически ничего не осталось от комнат, помнивших Китса, кроме разве что потолков.

Поднявшись на два пролета по ступеням, погруженным во мрак, я увидел в окно Испанскую лестницу, залитую солнцем, и людей, сидящих на ее ступенях. Потом я подошел к тяжелой, выглядевшей очень по-английски двери, такие можно увидеть в Оксфорде или Кембридже. Мемориальная ассоциация Китса и Шелли собрала одну из лучших существующих коллекций книг о поэтах и их современниках. Это прекрасная библиотека, и очень красивая. Ее сафьяновые и телячьей кожи переплеты очень понравились Генри Джеймсу. Мне показали маленькую угловую комнату, выходящую на площадь Испании. В ней Ките умер, и я видел его посмертную маску — истощенное лицо, но выражение его торжественное, благодаря слабой улыбке, которая не появлялась в последние печальные месяцы его жизни. На него наконец снизошли мир и покой.

Я удивился, когда хранительница, синьора Синьорелли Каччаторе, сообщила, что до последней войны этот дом посещали сотни людей, а теперь — тысячи. Она рассказала мне, что происходило с домом Китса во время войны, — увлекательная история. Как только синьора поняла, что Италия будет втянута в войну на стороне Германии, она упаковала самые ценные экспонаты в две коробки и отправила их в монастырь Монте Кассино, где архивист, дон Мауро Ингуанес, прятал их в своей келье. Когда в Италии высадились союзники, немцы приказали монахам уйти, и много сокровищ попало в жадные руки офицеров дивизии Германа Геринга. То же произошло бы и с реликвиями из Дома Китса, если бы дон Мауро не отправил их в Рим как свои собственный багаж. К удивлению смотрительницы дома, их привезли однажды ночью на немецком грузовике, с вооруженной охраной, состоящей из самих грабителей.

Начались трудные времена. Немцам, которые пытались войти в дом, говорили, что он закрыт и пуст. 4 июня 1944 года немцы ушли из Рима через одни ворота, а союзники вошли через другие. Синьора Каччаторе стояла у окна и наблюдала за происходящим. Была тихая лунная ночь. Последние немцы ушли, последние пулеметные очереди смолкли. Тишина была полной, какой-то неземной, ведь

даже фонтан «Баркачча» молчал, так как акведуки разбомбили. Фонтаны Рима безмолвствовали. Вдруг из какого-то окна, выходящего на площадь Испании, послышался голос. Кричали, что идут союзники! Она услышала рев приближавшихся танков. Потом мимо молча строем прошли вооруженные люди, освещенные лунным светом. Из окрестных домов выходили жители, некоторые светили факелами в лицо солдатам, те улыбались, щурились, отступали в тень. Потом послышалась команда отдыхать. Площадь была переполнена. Солдаты спали, освещенные лунным светом: на мостовых, в чаше пересохшего фонтана, на ступенях Испанской лестницы. На какой-то миг синьоре Каччаторе показалось, что все эти люди мертвы, что они убиты в некоем безмолвном сражении, разыгравшемся на площади.

— На следующий день в шесть часов утра, — сказала синьора, — первый союзник постучал ко мне в дверь. Это был мистер Седжвик, корреспондент «Нью-Йорк тайме» в 5-й американской армии, и с ним был капитан Морган, британский офицер. И мистер Седжвик спросил, все ли в порядке.

В подтверждение того, что все в порядке, окна, впервые за четыре года, открыли.

Я подумал об этой трогательной истории и пожелал, чтобы на войне было побольше таких вот счастливых концов. Тот факт, что именно американец и англичанин первыми посетили это святое для всякого, кто говорит по-английски, место, — глубоко символичен, и это событие вошло в историю благодаря хранительнице-итальянке.

Многие посетители, подобно мне, отправились из дома Китса на протестантское кладбище, рядом с воротами Святого Павла, где похоронен поэт. Это, должно быть, самое красивое кладбище в мире, во всяком случае — лучше всего ухоженное. Оно находится на попечении посольского корпуса, а управляющим является коммендаторе Марчелло Пьерматтеи, ходячая энциклопедия иностранных биографий. Кипарисы отбрасывают свои длинные тени на самую удивительную коллекцию могил изгнанников,

собранную на одном пяточке. Когда проходишь мимо близко стоящих друг к другу надгробий, то каждые несколько ярдов видишь имя, которое о чем-нибудь говорит.

Ките и Северн лежат рядом; прах Шелли погребен рядом с останками его странного, романтического друга Трелони, который выхватил сердце поэта из пламени погребального костра в Виареджо. Неожиданное имя Р. М. Баллантайн как будто явилось ко мне из далеких школьных времен. Я вспомнил «Коралловый остров», который для меня стал воротами в волшебный мир. Интересно, многие ли современные мальчики хотя бы слышали об этой книге? Синьор Пьерматтеи рассказал мне, что Баллантайн приехал в Рим уже больным, в 1893 году, и умер спустя год.

Через каждые несколько ярдов попадались имена старых знакомых: Стори с женой, американские друзья Браунингов; Джон Гибсон, скульптор, когда-то очень знаменитый; трудяги Уильям и Мэри Хауитт, которые обосновались в Риме и посвятили себя разведению животных и выращиванию эвкалиптовых деревьев; единственный сын Гёте, Август; Джон Эддингтон Саймондс; и многие другие.

Мы подошли к памятнику Розе Батхерст, молодой красавицы, так хорошо изображенной Сесилом Робертсом в «Примечательном молодом человеке». Ее трагическая смерть в 1824 году повергла всю колонию иностранцев в глубокую печаль. Во время прогулки верхом по узкой дороге над Тибром ее лошадь поскользнулась и упала вместе с всадницей в бурную реку. Их мгновенно унесло течением, и тела бедной Розы так и не нашли. Удивительное совпадение — пятнадцатью годами раньше ее отец, Бенджамин Батхерст, тоже исчез, но при еще более таинственных обстоятельствах. Исполняя обязанности посланника при венском дворе, он возвращался в Англию с важной депешей и пропал где-то между Берлином и Гамбургом. О нем больше никто никогда не слышал.

Мы подошли к могиле, которую я особенно жаждал посетить, — к могиле Чарлза Эндрю Миллза с виллы Миллз, который так развлекал посетителей Палатина в первой

половине прошлого века. Хотя он появляется в бесконечном количестве дневников и путевых заметок, ни один из писателей подробно не рассказал о нем и его происхождении. Он фигурирует во многих историях как «эксцентричный шотландец», хотя был шотландцем лишь по матери, а в его эксцентричности можно и усомниться, если она проявилась лишь в перестройке виллы Спада на Палатине, которую он превратил в модную резиденцию в готическом стиле. Подозреваю, что Миллз был снобом, одним из тех эмигрантов-британцев, которые за границей достигли более высокого социального статуса, чем, возможно, достигли бы на родине. Тем не менее, судя по всему, он был добрым и щедрым хозяином, а леди Блессингтон находила его «приятным». Он интересен уже тем, что был последним жителем Палатинского холма. На своей невероятной готической вилле, украшенной медальонами с изображениями розы, чертополоха и трилистника и со скульптурными изображениями чертополоха у ворот, что называется, на руинах дворца Домициана, он развлекал своих гостей. Некоторым казалось, что вилла и ее цветочные клумбы сообщают Палатину некий дух предместья, и, возможно, так оно и было. Миллза иногда путали с сэром Чарлзом Миллзом, банкиром, а еще — с Миллзом, который помог основать клуб «Гаррик».^[90]

Его могила находится в той же части кладбища, что и могила Шелли, номер семнадцать в двенадцатом ряду, и кладбищенские книги содержат такую запись: «Чарлз Андреас Миллз. Эсквайр, англичанин, 1786 года рождения, умер 3 октября 1846 года». К сожалению, могила — в списке тех, которые не подлежат обновлению, поскольку ни один из членов семьи не заплатил ни за участок, ни за уход за простой травертиновой плитой, хранящей имя последнего хозяина, давшего обед на Палатине.

Всего в нескольких ярдах от протестантского кладбища находятся могилы четырехсот британских солдат, погибших в Риме и окрестностях в последнюю войну. Их родственники могут думать, что они мирно спят в английском саду с зеленой травой и цветами, в тени деревьев, в нескольких

шагах от ворот Святого Павла. Сидя на кладбище, я наблюдал зрелище, от которого всегда сжимается сердце: родители, медленно идущие по геометрически четким дорожкам, отыскивая могилы своих сыновей.

Самая поразительная деталь этой декорации — уединенный холм, который поднимается за британским военным кладбищем и имеет высоту более ста футов. Он мрачен и напоминает кучу мусора, а на вершине его установлен крест. Это искусственно насыпанный холм из горшков — самая большая коллекция римской керамики в мире. В древние времена глиняные сосуды из находившихся по соседству доков складывали здесь столетие за столетием, и хотя доков уже больше нет, этот странный холм все еще здесь, и его явно невозможно разрушить. Амфора в древние времена была стандартной мерой не только жидкости, но и зерна, которое никогда не перевозили навалом, боясь, что груз может просыпаться из-за качки. Еще в амфорах везли масло, воск, вино, смолу, мед, оливки и зерно. Если амфора разбивалась в дороге или при разгрузке, ее привозили сюда, на место, определенное для такого случая чиновниками.

Я вскарабкался на холм, который носит название Monte Testaccio — Горшечная гора, и подумал, что это — самая любопытная древность в Риме. Ноге не было никакой опоры, так как на холме ничего не росло, и с каждым шагом я обрушивал целый дождь горшков, а когда воткнул в склон холма палку, то потревожил огромное количество черепков и ручек от амфор, которые лежали здесь столетиями. Много горшков, думаю, попало сюда из Мавритании, теперешней Северной Африки, и из Бетики, теперешней Андалусии. Некоторые горшечники помечали ручки амфор своими инициалами, и, покопавшись немного, я достал таких две-три. Тут я вошел в азарт и продолжал охоту, пока мои карманы не наполнились черепками с клеймом. Два маленьких мальчика, которые до этого играли на склоне холма, решили, что будет намного забавнее мне помочь, и через пятнадцать минут мы насобирали столько, что я уже умолял их больше не искать.

Горшечная гора, как и катакомбы, — единственные напоминания о повседневной жизни людей. В изумлении смотришь на эту огромную гору битых горшков, рисуя в своем воображении прекрасные корабли, идущие через Средиземное море с грузом зерна и меда. Высота Горшечной горы говорит о том, какими обширными были склады зерна и рынки. Представляешь себе рабов, идущих за покупками, хозяек с корзинами. Возможно, где-нибудь в глубине есть горшок, чье содержимое потом попало на стол Лукуллу; возможно, где-нибудь есть осколок горшка с испанскими оливками, которые съел Август или попробовал Гораций.

У подножия холма примостились разнообразные винные лавки и погребки. Некоторые из них вдаются довольно глубоко в холм, и особые изоляционные свойства керамики помогают сохранять вино прохладным весь год.

9

Выдался прекрасный день для посещения садов виллы д'Эсте в Тиволи, которые мне никогда не приходилось видеть. Рим изнемогал от духоты и зноя, и я подумал, что настал идеальный момент для того, что римляне называют *scampagnata*.^[91]

Поезд спешил через Кампанию к Сабинским горам, это приблизительно миль тридцать, и моими попутчиками в купе оказались молодой бородатый художник-француз и его жена. Они путешествовали по Италии на велосипедах, останавливаясь на день-другой, когда им хотелось порисовать, и снова отправляясь в путь. Их способ состоял в том, чтобы пересаживаться из поезда в поезд, а каждый новый город для них был центром, из которого они совершали велосипедные прогулки по окрестностям. Молодой человек показался мне заносчивым, он довольно грубо обращался со своей хорошенькой женой, которая, похоже, не возражала. Ясно было, что она полностью подпала под его влияние и смотрит на него как на гения, как на истинного художника. Он выглядел таким лохматым

обитателем Латинского квартала XIX века, а она, со своей челкой и миндалевидными глазами, могла бы пить перно в обществе Мане. Я недостаточно разбираюсь в современном искусстве, чтобы сказать, хороши ли были наброски, которые он доставал из своей разбухшей папки, но тем не менее, хоть и с некоторыми трудностями, я узнал Казино Боргезе, Пинчьо, храм Асклепия в садах Боргезе. Может быть, мне выпало счастье видеть работы будущего Ван Гога, но что-то я в этом сомневаюсь.

Им обоим нравились итальянцы, правда, за исключением римлян, которых они считали грубыми и неприветливыми. Юная жена была полностью поглощена своим обидчивым и язвительным мужем и не могла высказать ни одного суждения, не посмотрев сначала на него с надеждой на одобрение. Я подумал, что ей еще многому придется научиться и что в будущем ее ждет немало неприятностей. А пока античный пейзаж с фермами, больше похожими на крепости, оливковыми рощами, домашней скотиной взбирался вверх по склонам холмов. И скоро мы были уже в Тиволи. Мои молодые друзья немедленно навьючили свои пожитки на велосипеды и умчались по дороге вдаль.

Удивительно, как воздух летом меняется, стоит отъехать всего час от Рима, даже если вы на небольшой высоте, на которой находится Тиволи — всего лишь около семисот футов над уровнем моря. Это объясняет страсть античных римлян к загородным виллам, а также постоянные летние переезды Плиния, Горация, Мecenата и других наших старых знакомых. Все они от берегов Тибра стремились на холмы. Я прошел маленький городок насквозь и вышел к знаменитым каскадам, где река Анио совершает головокружительный прыжок в долину. Взглянув из долины вверх, я увидел на некотором расстоянии, высоко, на самом краю холма, симпатичный маленький круглый храм Сибиллы, чья низкая крыша выглядела словно шляпа на танагрской статуэтке. Думаю, из всех реликвий античности эта чаще всего воспроизводилась в английской провинции нашими предками. Подобно Колизею, это — нечто, что человек как бы знает с рождения, и все же

бывает удивлен, увидев перед собой этот храм, так похожий на старинную акварель.

Виллу д'Эсте я представлял себе совсем иначе — не сырой и полуразрушенной. Но, выйдя на террасу и взглянув вниз, я увидел струи воды, взметнувшиеся над головами высоких темных кипарисов. С террасы я спустился в нечто уже совершенно фантастическое. Это было буйное празднество падающей воды, взметающейся воды, воды, с грохотом и под огромным напором устремляющейся с заснеженных альпийских вершин; воды шепчущей и звенящей, пробиваясь сквозь мох и папоротник; воды, дугой изливающейся из отверстий в урнах, и даже — какой-то фрейдистский момент — из сосков сфинксов.

Я прошелся по темным аллеям, обсаженным огромными кипарисами, веками питавшими свои корни этим вечным потоком. Струи воды били прямо из античной кладки, И; бурля, устремлялись на более низкий уровень, чтобы принять участие в какой-то новой фантазии. Арабская причудливость водяной лестницы, чьи балюстрады стекают вниз ручьями (я вспомнил сады Хенералифе в Гранаде), еще усиливала впечатление, что я сейчас брожу в мечтах какого-нибудь бедуина, в общем, жителя пустынь.

Создателем этого водного цирка был Пирро Лигорио, архитектор жемчужины садово-паркового дизайна, домика Пия IV в садах Ватикана. Человеком, оплатившим сады, и вдохновителем замысла был кардинал Ипполито д'Эсте, сын Лукреции Борджиа и Альфонсо д'Эсте, хозяина Феррары, за которого Лукреция Борджиа вышла замуж в третий раз, когда ей было двадцать два года.

Всякому, кто бродил по улицам Рима, должно быть, приходило в голову, что возвращение воды в город после столетий засухи — одно из самых впечатляющих событий в его истории. Подобно цезарям, папы эпохи Возрождения вернули реки и озера в Рим, чтобы превратить их не в бани, а в фонтаны. Вилла д'Эсте была всего лишь одним из многих подобных проявлений нового обретения воды. Всякая вилла эпохи Возрождения имела свои водные сооружения, и, читая записки путешественников XVII века, когда первоначальная

радость устройства фонтанов стала вырождаться в барочные шутихи, понимаешь, что вряд ли возможно было посетить какой-нибудь сад, при этом основательно не промокнув.

Я искал шутихи на вилле д'Эсте, но не нашел ни одной: прошло столько времени, что, возможно, они просто вышли из строя, как и гидравлический орган. А прежде потайная пружина освобождала струю воды, она была гостю в физиономию, и это ужасно нравилось калифам, императорам, королям и папам. Ни один деспот не мог отказать себе в удовольствии посмотреть на промокшего насквозь визиря. Эхо детского смеха особ королевской крови, кажется, все еще звучит в аллеях парка Алькасар в Севилье, в Альгамбре в Гранаде, в Версале и даже в уголке Уайтхолла, известном как Спринг Гарденз. Древняя шутка распространилась по всему миру.

«Пока дамы с интересом наблюдают, как резвятся рыбки, — писал Монтень, — вы нажимаете некую пружину, и струи воды в человеческий рост высотой немедленно вырываются из всех труб и обдают панталоны и бедра дам прохладой». Это про Аугсбург, но то же самое мы видим и в Тиволи. Ивлин, подобно мне, не нашел в Тиволи водных шутих, а Фрэнсис Мортофт, который всегда в Италии умудрялся вымокнуть до нитки и являлся наилучшим объектом для такого рода шуток, к сожалению, будучи в Тиволи, не вел дневника.

Это странное восточное чувство юмора. Если такие забавы были известны, а я уверен, что были, в древнем мире, они, должно быть, пришли из Багдада или Самарканда. Трудно представить себе римлян, хохочущих над человеком в мокрой тоге, да и разодетые византийцы вряд ли сочли бы забавным вдруг оказаться мокрыми до нитки. Садовники эпохи Возрождения обнаружили и множество других садово-парковых приспособлений. Меня, например, очень развлекли сова и птички, которые, увы, теперь не действуют. Я никогда их раньше не видел, но читал о них в «Пневматике» Герона Александрийского,

который просто начинил свою книгу описаниями разных водных аттракционов и рассказал, как они устроены.

Сова и птички — очень простая конструкция. Все, что нужно, — это герметически закрытая цистерна с отверстием для воды, которая поступает из стенного фонтана. Отходящая от цистерны полая труба имеет форму веточки дерева, и на ней сидят птички. По мере того как вода вытесняет воздух, он свистит в пустой трубке, вернее, издает журчащий звук, похожий на птичью трель. Достигнув определенной высоты, вода стекает в приемник под цистерной, который соединен с вращающимся валом. А на нем — фигурка совы. Резервуар наполняется, и вода начинает вращать вал, поворачивая сову лицом к птицам, которые сразу замолкают, как будто испугавшись появления хищницы (а на самом деле в трубе просто не остается больше воздуха).

Этот чудесный аттракцион действовал, когда Джон Ивлин посетил Тиволи в 1645 году, но он говорит, что, когда сова поворачивалась к птичкам, они не затихали совсем, а только меняли тембр.

Бродя по садам виллы д'Эсте, я представлял себе садовников эпохи Возрождения такими шаловливыми мальчишками, плещущимися в воде. Есть фотографии, сделанные в жару на улицах в Нью-Йорке, где дети резвятся под струями воды, бьющими из пожарных шлангов. Вот такая же детская радость чудится мне и в фонтанах Рима и вилл эпохи Возрождения, и особенно, конечно, в фонтанах Тиволи.

Самым интересным человеком, чье имя вспоминается в связи с виллой д'Эсте, был Лист, чьи бурлящие, ниспадающие каскадами «Фонтаны виллы д'Эсте» почти воссоздают их в нашем воображении. Должно быть, рев потоков и дисканты струй звучали в его мозгу, когда он сидел в верхних комнатах виллы. Он долго жил там после того, как был рукоположен, чтобы скрыться от женщины, решившей во что бы то ни стало выйти за него замуж. Черная сутана аббата надежно защищала его от необходимости отвечать за былые любовные истории,

однако не означала, что его приключения на этом закончились. Можно себе представить его здесь, в аллеях лавра и падуба — седовласый человек, слушающий бесконечную симфонию воды.

10

Гораций говорит о Тиволи, древнем Тибуре, как о божественном месте, где он надеялся закончить свои дни. Его Сабинская ферма была неподалеку. Это раскопанное теперь место посещали многие в прошлом веке. Местные крестьяне считают, что Гораций — это один весьма достойный англичанин. Поэт всякий раз упоминает Тибур с нежностью: «Тибур в утренней росе», «свежий Тибур», «отдохновенный Тибур» и так далее. Это место нравилось и многим другим. Вокруг, на склонах Сабинских гор, стояли виллы состоятельных римлян. Волшебная страна: леса, ручьи, каменистые склоны, на которых чудом растут древние, искривленные оливковые деревья, при малейшем ветерке показывающие свою серебристую изнанку. Даже сейчас пахарь то и дело находит в земле позеленевшую от времени монетку или фрагмент мозаики.

Из городка я отправился на виллу Адриана и был совершенно очарован ею. Сюда хозяин римского мира пришел «по обычаю счастливых, богатых людей провести последние дни жизни в мирной роскоши», посвящая свое время рисованию, музыке, поэзии.

Кто бы не умилился такой картине, особенно, зная, что уединение Адриану пришлось совмещать с тяжелой болезнью, которую не мог вылечить ни один врач? С этой виллы он отправился в Байи, чтобы там написать свою знаменитую поэму и умереть.

Вилла Адриана — сто восемьдесят акров, и я, должно быть, за день обошел большую ее часть, пытаюсь представить себе, как выглядело это огромное поместье в прежние времена. Это, безусловно, был один из величайших архитектурных образцов потворства собственным прихотям,

и по сравнению с этой виллой усилия наших пэров-дилетантов в XVIII веке — детские игры в кубики. Идея императора состояла в том, чтобы собрать в одном месте уменьшенные копии всемирно знаменитых зданий, которые произвели на него впечатление, и в уединении вспоминать свои путешествия. С той же целью английский джентльмен в XVIII веке устраивал Тиволи у себя в парке.

Сейчас можно лишь забраться на фундамент Ликей, Академии, Пританея, Стоа Пойкиле, и других здешних репродукций знаменитых архитектурных памятников и попытаться, увы, особенно не надеясь на успех, воссоздать эти здания в своем воображении. Строительство копии египетских храмов Сераписа — святилища Канопа, вероятно, было из ряда вон выходящим событием. Чтобы воплотить в жизнь эту идею, прорыли канал в шесть тысяч футов длиной в скале и отвели в это искусственное русло ручей, призванный заменить канал, который когда-то связывал храм Сераписа с Нилом. Там были бассейны, маленькие и побольше, огромные библиотеки с куполами и пляж, песок на котором зимой искусственно подогревали. Посреди этой великолепной архитектурной выставки стоял императорский дворец, а рядом находились казармы преторианской гвардии.

Из всех этих странных и замысловатых руин меня более всего впечатлил округлый островок с мраморными руинами, известный почему-то как Морской театр. Он обнесен высокой стеной, для полного уединения, а через ров некогда был переброшен подъемный мост. Когда мост поднимали, никто не мог попасть на остров, разве что вплавь. Соблазнительно думать, что это была мастерская Адриана, куда он удалялся читать, писать и рисовать.

На территории виллы нашли сотни знаменитых статуй, которые теперь разбросаны по всему миру. Некоторые из них — в Риме, некоторые в Лондоне и в Берлине, другие — в Дрездене, Стокгольме и Петербурге. И, возможно, еще есть что открывать. В отдаленной части развалин я увидел рельсы и по пояс голых людей с лопатами. Они копали, а землю потом увозили на грузовиках. Начальник, от которого

я надеялся услышать о найденных сокровищах, ничего мне не сказал. Он держался вежливо, но вовсе не собирался делиться со мной тайнами виллы Адриана.

Вечерним поездом я уехал обратно в Рим, засыпая от Усталости и мечтая когда-нибудь вернуться в Тиволи. Словно навязчивая мелодия, от которой никак не можешь избавиться, у меня в ушах стоял непрерывный рев и грохот воды, пели голоса белопенных фонтанов виллы д'Эсте.

11

Сирокко, который дул весь день, наполнил Рим горячим душным дыханием Африки. Нервы были напряжены до предела, как всегда, когда дует юго-восточный ветер, и люди, просвистывающие мимо на своих жужжащих «веспах», служили отличными мишенями для раздражения. Мрамор на Форуме нагрелся так, что сидеть на нем было невозможно; около ресторанов витал вызывающий тошноту дух равиоли, асфальт на Корсо плавился и становился вязким, как патока. Во время сиесты я лежал на кровати, наблюдая за полосками света, проникавшими сквозь щели между планками ставень, и с ужасом думая о том моменте, когда буду вынужден выйти на улицы с вязким раскаленным воздухом. Однако, когда мне пришлось наконец, я обнаружил, что случилось чудо: нежный, мягкий ветерок, *ronentino*, в котором угадывался запах моря, продувал Рим насквозь. Жизнь снова стала переносима.

В тот вечер я купил билет на «Аиду», ее давали в Термах Каракаллы. Меня туда отвез таксист-итальянец, который учил английский по радиоприемнику, как многие во время последней войны. Он сказал мне, что только что вернулся из Шотландии, где возил в «кадиллаке» богатых американцев. Шотландия ему понравилась: там непрерывно шел дождь! Все в его изложении там было *bello* или *bella*; и я подумал: как странно все-таки — ехать сквозь эту теплую римскую ночь, мимо Колизея, с итальянцем, восторгающимся Данфермлайном.

Половина общественного транспорта Рима скопилась вокруг руин Терм. Такой толпы народа здесь, наверно, не было с тех самых времен, как готы разрушали акведуки. Развалины светились в темноте холодным светом. Народ в буфетах сражался за хот-доги, пиццу, мороженое и прохладительные напитки.

Со своего места в одном из сегментов гигантского полукруга я смотрел на сцену, устроенную между двумя сломанными арками того, что называлось *calidarium*. Эти темные груды кирпича выглядели трагически. Они могли бы быть плодом воображения Эдгара Алана По или одной из гравюр тюремного цикла Пиранези. Мне показалось, что древние руины не хотят возвращаться к жизни. Они покончили с людьми навсегда. Они заслужили забвение и общество разве что летучих мышей и сов, да еще, может быть, поэтов. Они не возражали бы против Шелли, но Верди — это слишком! Уж очень ярким был контраст между мертвым гигантом и нашими живыми, полными ожидания лицами.

Зажегся свет, и я увидел египетский храм потрясающих пропорций. Казалось, что он очень далеко от нас. Человеческие голоса, даже голоса итальянских теноров и сопрано, конечно же, невозможно будет услышать на таком расстоянии... Но они были слышны! Оркестр играл прекрасно, и певцы были великолепны. Массовые сцены стали настоящим триумфом. По сцене промаршировала целая армия, а потом появился Радамес в колеснице, запряженной великолепной квадригой. Я был так рад, что увидел настоящую квадригу, да еще в самом Риме!

Жрицы совершали свои торжественные обряды над гробницей; внизу Радамес и Аида со слезами прощались друг с другом. Потом свет погас, и мы увидели очертания развалин под звездами.

Не поймав такси, я пошел пешком. Часы пробили полночь, когда я добрался до Колизея. Вокруг не было ни души, я оказался с этим монстром один на один, и впервые почувствовал некий пафос в этой многоярусной глыбе. Сейчас, ночью, мне показалось, что вся былая жестокость

наконец испарилась из него. Время, как говорят итальянцы, справедливо.

12

Рим любит заливать свои памятники светом, так что обелиски, дворцы, Колизей, Форум — все это, как только сгущается мрак, приобретает жесткие, четкие очертания. Этот театральный эффект несколько навязчив. Вероятно, немало людей, подобно мне, предпочитают видеть руины при лунном свете. Треви, освещенный прожекторами, с шумной толпой на переднем плане, со вспышками фотоаппаратов, — не самое приятное из воспоминаний, да и Форум тоже, когда несколько его передних колонн ярко освещены.

Однако есть одно место в Риме, которому освещение субботнего вечера сообщает особое очарование. Это Пьяцца дель Кампидольо на Капитолии. Вы поднимаетесь по ступеням с одной стороны площади и видите три здания, составляющие остальную ее часть, и Марк Аврелий едет прямо на вас из центра площади, а голубоватый свет освещает колонны, пилястры, и белые статуи на крышах. И вам кажется, что вы ступили на сцену какого-то грандиозного театра Палладио. В любой момент сюда может ворваться с хохотом и щебетом толпа в масках, как с картин Пьетро Лонги, и тут же скрыться за углом в вихре черных одежд и блеске красных каблуков. Вам может показаться, что вы видите перед собой мечту Возрождения, идеальную и совершенную, дочиста отмытую от всяческих грехов.

Был жаркий вечер, солнце село, когда мне впервые довелось постоять в этом волшебном свете. Я подумал, что, возможно, здесь-то и спит дух Рима, под звуки капающей воды, в сиянии театральной луны. Рим, вода и тишина. По обе стороны площади — музеи, освещенные как будто для бала или приема. Жалюзи подняты, окна открыты из-за жары, и стоишь на площади рядом с Марком Аврелием, глядя на золоченые потолки и сияющие фрески одного

здания, пока в здании напротив мраморные фавны и кентавры, кажется, вот-вот повернутся к тебе и заиграют на своих свирелях.

Я вошел во двор палаццо деи Консерватори, и увидел нечто, что долго и тщетно искал по всему Риму. Это был самый большой из сохранившихся фрагментов беломраморной триумфальной арки, которую воздвиг Клавдий на том месте, где сейчас Корсо, чтобы отметить свое завоевание Британии в 43 году н. э. Даже в сравнительно недавних книгах сказано, что этот фрагмент — из сада дворца Барберини, и замечен шрам, оставшийся после его изъятия из стены. Сейчас я увидел его с новым волнением. У арки любопытная история. Она числилась потерянной до эпохи Возрождения, потом снесли кое-какие трущобы, под которыми она и обнаружилась, прекрасно сохранившаяся, со всеми надписями и нетронутыми разрушением скульптурами. Ее, разумеется, разобрали, и получилось тридцать шесть повозок чистейшего лунного мрамора. И всякий раз, посещая трансепт Латеранского собора Святого Иоанна, вы идете по камням арки Клавдия.

Я узнал этот фрагмент как старого друга не только потому, что наизусть помнил надпись. Дело в том, что когда-то я собирал монеты, и аугеус из тяжелого жирного золота, на которой изображали арку и которую велел отчеканить Клавдий в ознаменование своей победы, была моей любимцей. И вот наконец кусок самой арки! Он оказался меньше, чем я ожидал, потому что был разломлен пополам, так что половина надписи отсутствовала, но буквы «BRIT» остались, первые буквы слова «Британия».

Пока я наслаждался историческими ассоциациями, которые составляют очарование Рима, во двор вошла группа английских туристов со своим гидом. Он рассказал им кучу неинтересных вещей и ни словом ни обмолвился о первом в Риме упоминании о Британии. Мне так хотелось остановить их и показать им камень, который помнит пленение Карактака, и еще попросить их представить себе, как часто делал я сам на берегах Медуэя и Темзы, тот поистине фантастический момент истории, когда Клавдий прошел

маршем через Кент с преторианской гвардией и боевыми слонами.

Когда делалась эта надпись, были еще живы святой Петр и святой Павел. Возможно, каменщик, если, конечно, он был свободным римлянином, в тот победный день надел свою лучшую тогу и стоял на Форуме, ожидая, когда пройдет Клавдий. И римлянам демонстрировали британские хижины и кельтских поселян, ибо тогда еще мы не были светловолосыми «ангелами». В тот день весь Рим, должно быть, только и говорил, что о друидах, жемчуге, золоте, олове и вообще о таинственном острове за пределами цивилизации.

Последующие поколения всегда посмеивались над Клавдием, но лично я всегда был готов многое простить человеку, который, в общем, был добр. Я всегда относился к нему хорошо — как к старому учителю, который забавляет и раздражает учеников своими странностями. Он был наименее воинственным из цезарей. Заикающийся, слабохарактерный, педантичный. Над ним с детства смеялись, его вечно шпыняли родственники. Все всегда ожидали, что он на людях выкинет что-нибудь нелепое. Но он был из семьи воинов и, оторвавшись от книги, тоже, наверно, подобно многим мечтал о великих подвигах. Но стать цезарем ему и не снилось никогда. Всего лишь шестнадцать дней провел Клавдий в Британии. Он вошел туда со своими слонами, получив от своих военачальников известие, что враг уже практически повержен. Даже цезарь не мог рассчитывать, что Сенат сочтет его триумфатором, если он не участвовал в боевых действиях или по крайней мере не был на фронте. Его педантичность проявилась даже в надписи на этой арке! Ученые, которым удалось восстановить недостающие на фрагменте слова, обнаружили, что надпись была сделана на архаической латыни: слова в родительном падеже оканчивались не на «ae», а на «ai».

Я вошел в палаццо деи Консерватори, который, словно вознаграждая меня за раздражающую привычку римлян держать музеи закрытыми днем, был открыт в субботу

вечером. Я оказался в великолепных комнатах. Они напоминали драгоценные шкатулки, сияющие позолотой при свете канделябров. Огромные барочные фрески на стенах изображали батальные сцены; везде стояли позолоченные стулья и консоли. Во дворце не было никого, кроме зрителей, которые при моем появлении встали и вежливо поклонились, как будто я был римским правителем, решившим прогуляться по ночному дворцу.

Вот так осматривают музеи в Риме: медленно переходя из комнаты в комнату, при открытых в волшебную ночь окнах, то и дело останавливаясь перед тем, что тебе понравится. Я там встретил множество старых знакомых, которых прежде никогда не видел. «Венера Эсквилинская», белая, стройная и такая юная! Я долго стоял и смотрел на еще более прекрасную статую, одну из самых изысканных в Риме, изображающую неизвестную девушку, которая стоит, прислонившись к стене, и рассматривает что-то с большим вниманием. Она по шею закутана в свою stole, и в ней столько жизни, что так и ждешь, что она вдруг вздохнет и отвернется. Волосы забраны назад, оставляя открытыми уши. Она чуть наклонилась вперед и опирается на правый локоть. Говорят, это муза Полигимния, одна из дочерей Зевса, муза священных песнопений и изобретательница лиры — языческая святая Цецилия. Но я подозреваю, что в действительности это была возлюбленная скульптора, в которую не может не влюбиться всякий, кто увидит статую.

Я пересек площадь, направляясь к Капитолийскому музею напротив. Залитая светом мечта эпохи Возрождения была само совершенство и, как всегда, ожидала ночных праздных гуляк и музыки. Как раз под аркой музея, в маленьком дворике, я увидел старого негодяя «Марфорио» — знаменитого собеседника «Пасквино», состязавшегося с ним в остроумии, одну из немногих древних статуй, которую никогда не закапывали. Это крупный, представительный мужчина с густой шевелюрой и бородой. Он, будто на пиру, держит в руке небольшой кубок, из которого льется тонкая струйка воды. Возможно, так падал свет, но статуя показалась мне зловещей. «Марфорио» обладает яркой

индивидуальностью. Неудивительно, что он выжил: нужно быть смелым человеком, чтобы решиться, например, ударить его молотком.

Наверху, обходя комнаты, полные мраморных фавнов, вставших на дыбы кентавров, жестоких молодых Панов, я снова встретил старых знакомых. Там был «Умиравший галл» с усами летчика Королевских военно-воздушных сил, который очень напоминал мне молодых людей двадцатых годов XIX века в «Ритце» или Беркли.

Далее, «Венера Капитолийская». Кто-то, желая спасти «Венеру» от христиан и боясь, что ее отправят в огонь, как языческую богиню, тщательно замуровал ее в тайнике, где она и провела все Возрождение, выйдя на свет совершенно неповрежденной в XVIII веке. Это одна из самых красивых статуй Венеры, хотя и очевидно, что в Древнем Риме не ценили тонкую талию — это достижение Средних веков с их корсетами. В начале XX века, когда мэром Рима был принц Просперо Колонна, он дал большой прием в Кампидольо в честь прибывшего с визитом кайзера Вильгельма II, а после приема высокого гостя повели по музеям. Пресса отметила интерес монарха к всемирно известному шедевру. В действительности произошло вот что: когда мэр Рима и кайзер подошли к «Венере Капитолийской», принц Колонна сказал: «Ваше величество, разрешите представить вам мою законную жену». Покойная герцогиня Сермонета рассказывает эту историю в своей автобиографии «Былое» («Things Past»).

Огромное количество портретных бюстов в галереях снова напоминают нам, насколько викторианцы внешне походили на римлян. В капитолийском музее есть лица, которые могли бы принадлежать владельцам бирмингемских мануфактур или членам общества трезвости. Среди них также полно викторианских чиновников, военных и церковников. Не знаю, почему римский тип, который сейчас совершенно вывелся в самом Риме, так укоренился в Англии столетие назад. Не могу предложить никакой версии. Вряд ли это можно объяснить вколачиванием произведений классиков розгами.

Подобно Ватиканским галереям, Капитолийский музей — хорошее место для изучения лиц цезарей. У Юлия самое эмоциональное лицо. Это подвижное лицо актера. У Августа — лицо печальное и красивое. Тит — самовлюбленный, Нерон — ненадежный. Тиберий выглядит злым человеком, и в его внешности нет и намёка на величие, ему приписываемое. На иных портретах у него злобный маленький рот, который напоминает мне рты некоторых ирландцев. Калигула — совершенно очевидно, испорченный и неприятный молодой человек. Зато облик Клавдия, столь часто осмеиваемого, полон достоинства, и лицо у него умное, задумчивое. Вероятно, ранняя дряхлость Нерона вызывала отвращение. В юности он был красив, но ко времени своего самоубийства в возрасте тридцати одного года имел двойной подбородок и дряблую, как у шестидесятилетнего пьяницы, шею.

Изготовление мраморных и бронзовых императоров, вероятно, было прибыльным бизнесом в Риме. Лики императоров рассылались государством по городам и весям Империи, подобно тому как фотографии царствующего монарха рассылаются сейчас в британские посольства. Вероятно, ожидали верности, даже от жителей мест столь отдаленных, как берега Черного моря, с которых историк Арриан, будучи легатом в Трапезунде, писал Адриану:

Твою статую здесь установили очень красиво, рука указывает на море. Но она совсем на тебя не похожа. Пожалуйста, пришли мне из Рима другую, чтобы я мог заменить ею теперешнюю.

Еще он просил прислать статую бога Гермеса высотой в пять футов и стратега Филесия высотой в четыре фута.

Представьте себе пакгаузы полные императоров и богов, готовых к отправке в разные уголки романского мира.

Бродя вдоль рядов благородных римлян, я размышлял о том, что история бритья — предмет весьма интересный. Первым великим человеком, который брился каждый день, был Александр Великий, и хотя он ввел эту моду в эллинистическом мире, Рим не брал с него примера. Все

римляне времен Республики носили бороды. Есть бессмертная картина: старые сенаторы в ожидании галлов сидят на Форуме молча и без движения. Наконец один из варваров нахально дергает одного из сенаторов за бороду, чтобы убедиться, что тот живой. Старый римлянин, будучи не в силах вынести оскорбления, встает и убивает наглеца. Это случилось по меньшей мере через полтора столетия после Александра, когда первые чисто выбритые лица стали появляться на римских монетах. Моду бриться ввел в Риме филэллин Публий Корнелий Сципион Эмилиан Африканский Младший, родившийся в 185 году до н. э. Он был первым римлянином, считавшим обязательным ежедневное бритье. Моде никто не в состоянии противиться. Самые важные в Риме люди начали подражать ему, и то, что прежде было символом мужской мудрости и власти, исчезло, сбритое бронзовыми лезвиями, на которые, честно говоря, страшновато смотреть. Сулла был чисто выбрит, а представить себе Юлия Цезаря с бородой почти так же невозможно, как Шекспира или Уолтера Рейли без бороды. Все цезари брились почти век, пока Адриан не отрастил бороду, возможно, чтобы скрыть шрам на лице. Затем пришло время курчавых и, возможно, даже надушенных бород Антония Пия и Марка Аврелия.

Никто не брился сам, и эту привычку, похоже, унаследовали от предков современные итальянцы. Богатые держали брадобреев, а люди победнее ходили в цирюльни, которые были не меньшим рассадником ссор и сплетен, чем в наше время дамские ателье. Однако быть хорошо причесанным стоило денег, так что плебеи просто отращивали бороды, и Марциал неоднократно писал о «волосатых лицах» и «немытых бородах». Он упоминал, например, о некоем Линусе, у которого борода была такая же жесткая, как шерсть кинифийского козла.

Погруженный в эти необременительные размышления, я бродил по великолепной галерее античной скульптуры. И хотя я всю жизнь недолюбливал музеи и не меньше других страдал, с трудом волоча словно налившиеся свинцом ноги по бесконечным мраморным коридорам, мне никогда не

приходилось видеть более дружелюбного и привлекательного музея, чем Капитолийский. Если кому-нибудь из вас придется оказаться в Риме в субботу вечером, когда Капитолий залит электрическим светом, пойдите туда — запастись воспоминаниями о Риме, которые навсегда останутся самыми замечательными приобретениями вашей жизни.

Глава седьмая. К Квиринальскому дворцу и Пантеону

Квиринальский дворец. — Полина Бонапарт и ее американская невестка. — Сколько стоит головной убор кардинала? — Пьяцца Навона. — Пантеон. — Госпиталь Святого Духа.

1

Пришло время мне пожить в другой части Рима. Кажется, Сенека довольно оптимистично заметил, что всякая перемена — радость, а Вашингтон Ирвинг пошел еще дальше, сказав, что перемена всегда приносит облегчение, даже если она к худшему. Как ни странно, в этом есть доля истины, и мы всегда бросаемся навстречу переменам с надеждой на лучшее. Впрочем, Рим сейчас настолько переполнен, что большинство людей считают за лучшее оставаться там, где они есть. Но я лично ощущал беспокойство и сильную потребность в миграции.

Первые мои попытки найти жилье ежедневно кончались неудачей. Казалось, каждый дюйм римской жилплощади был снят на недели вперед. Я уже почти смирился с поражением, когда, шагая по широкому римскому Уайтхоллу, Виа Венти Сеттембре, заметил табличку с названием пансиона просто потому, что она уж очень странно выглядела на фоне министерств и официальных зданий, и, поддавшись минутному порыву, поднялся на верхний этаж в большом лифте красного дерева. К моему огромному удивлению, мне предложили на выбор комнаты в пустом швейцарском пансионе! Это место так и оставалось для меня загадкой, пока я не съехал. История эта напоминала полудетективный роман о секретных службах, и

я решил, что случайно назвал пароль, когда в первый раз постучался сюда.

Пансион был готов к приезду тридцати, а то и сорока гостей, которые почему-то не приехали. Кровати были застелены, столы накрыты. Но я там никого не видел, кроме горничной: она подавала мне завтрак и застилала постель. Тишина, которая царила в этом месте, и в любом другом городе показалась бы мрачной и зловещей, здесь, в Риме, была столь совершенна, что в нее просто не верилось. Как во сне, я бродил по пустым комнатам огромной квартиры, но всякая моя попытка выяснить у горничной причину пустоты этого великолепного места в перенаселенном городе приводила к тому, что она замыкалась в упрямом и враждебном молчании.

В самом здании кипела жизнь, которая постепенно уходила из него вечером и оставляла его совершенно пустым. Там были офисы, частные квартиры, приемные врачей, огромная комната, двери которой всегда держали открытыми настежь, чтобы выветрился запах свежей краски. На полу в этой комнате сидели десять смуглых маленьких девушек и подшивали огромный ярко-красный ковер. Потом пришли декораторы и добавили к ковру белые стулья с ярко-красными сиденьями. Это была мастерская какого-то кутюрье.

И вообще, это был совсем другой Рим. В моем прежнем Жилище, как только в комнате сгущались сумерки, стены спальни испещряли неоновые огни, и пространство наполнялось шумом. Казалось, улица весь день только и делает, что ждет вечера. Здесь же около шести часов раздавался щебет машинисток и секретарш, слышались их шаги по мраморной лестнице. Перекрикиваясь, как скворцы в лесу, они улетали по домам, стараясь успеть на автобус. Снаружи, на Виа Венти Сеттембре, охранники и привратники брали под козырек, когда министерские машины выплывали из дворов министерства обороны или огромного министерства финансов. При смене караула у Квиринальского дворца появлялся наряд. Потом сгущались сумерки и опускалась темнота с ее изысканной тишиной. И

наконец, не оставалось никого, кроме нескольких полицейских под арками, без сомнения, ожидающих того таинственного момента в ночи, когда им могли пригодиться пистолеты-пулеметы «Стен». Утром возвращались машинистки и секретарши, часовые отдавали честь приезжавшим министрам, а по улице неторопливо шествовали самые представительные мужчины в Риме, молодые гиганты из бывшей королевской, ныне президентской гвардии. Они шли во дворец в медных шлемах с черными конскими хвостами.

Теперь моим фонтаном был не красавец «Тритон» Бернини, источенный водой, а *Acqua Felice* и фонтан Моисея. Это один из самых непопулярных фонтанов Рима, и, как мне кажется, незаслуженно. Даже тем, кто на большой скорости проезжает мимо в автобусах, рассказывают историю о том, как Просперо Брешиано, скульптор, изваявший странного, присевшего на корточки, непривлекательного Моисея, намеренно и не послушавшись советов друзей, которые его отговаривали, высек эту фигуру прямо из травертина, не сделав сначала пробной модели, из огромной глыбы, лежавшей плашмя в его студии. Несчастный не подумал о том, на какой высоте будет установлена фигура, и когда со статуи сняли покрывало, критически настроенная римская толпа так осмеяла памятник, что Брешиано впал в тоску, которая в конце концов и свела его в могилу. Фонтан тем не менее прекрасен и, должно быть, выглядел еще лучше, пока его не загородили высокие здания и не опутали провода. Если не считать львов в Львином дворике Альгамбры в Гранаде, то четыре симпатичные создания, извергающие воду *Acqua Felice*, — самые забавные и приятные львы, каких я знаю. Я очень привязался к ним и уверен, что они никогда и не собирались пожирать христианина или делать что-либо подобное — им просто нравилось чинно сидеть здесь, изрыгая струи воды, текущей с Альбанских холмов.

Говорят, когда эта вода, проведенная папой Сикстом V, наконец достигла Рима, его сестра, желая доставить брату удовольствие, принесла ему чашку. Папа, который не любил подобных сцен, к воде не притронулся, сказав, что она

безвкусная, в чем, как говорили мне римляне, был прав. Это вода невысокого качества. Склонность пробовать воду и с неподдельным интересом и страстью обсуждать ее вкусовые качества — одна из черт, общих у римлян и испанцев. Вопрос «Здесь есть питьевая вода?», который вряд ли может считаться хорошим началом разговора с незнакомыми людьми в Англии, никогда не оставит равнодушными испанцев и римлян. Если вам не приходит в голову, что бы такое сказать, вы всегда можете поговорить о воде, как в Англии вы всегда можете покритиковать климат.

2

Виа Венти Сеттембре начинается и заканчивается воспоминаниями о Наполеоне. Его сестра Полина жила на вилле Бонапарте рядом с Порто Пиа, а в другом конце улицы находятся Монте Кавалло и Квиринальский дворец, где Наполеон пытался запугать и подавить папство. Миссис Итон, которая видела Квиринальский дворец в 1822 году, когда он был еще резиденцией папы, недобро назвала его «одним из самых длинных и отвратительных зданий, которые существуют в природе». Но даже в этом городе, где шедевры на каждом углу, мне нравятся простые, без претензий линии дворца, а также его цвет — цвет высушенной апельсиновой кожуры. Могущественный Сикст V, который сделал его своей резиденцией, в детстве был пастухом, и, может быть, именно воспоминания о пастбищах побудили его занять под постройку такой большой кусок Квиринальского холма. Мадерна расположил дворец с гениальной правильностью и четкостью. И, стоя среди изгородей и деревьев, занятно думать, что под садом пролегает длинный Квиринальский туннель, наполненный спертым воздухом и выхлопными газами. Двадцать два папы умерли в Квиринальском дворце, и большая часть конклавов за три столетия были проведены именно здесь. Когда в 1871 году Виктор Эммануил захватил дворец, на

чердаках были найдены деревянные перегородки, чтобы разделять пространство на «кельи» в дни заседаний Священной коллегии.

Впервые Рим почувствовал тяжелую руку Наполеона, когда французские войска в революционном триколоре вошли в город в феврале 1798 года и непостоянная римская толпа с криками «Свобода!» стала требовать республики. В ночь на 20 февраля два человека пробрались в апартаменты папы в Квиринале. Это были генерал Червони и офицер по имени Халлер, сын ботаника-швейцарца. Восьмидесятидвухлетний Пий VI был уже очень слаб. Ворвавшиеся потребовали, чтобы он отрекся от власти. Он отказался. Кольцо Рыбака сорвали с его пальца, а его самого запихнули в экипаж и вывезли вон из Рима. В следующем году он умер во Франции.

Пять лет спустя, когда папой был мягкий Пий VII, в Квиринал прибыл посланец Наполеона, чтобы попросить папу короновать его. Будучи сам агностиком, Наполеон твердо верил в необходимость религии для других и реставрировал Церковь во Франции. Папа посоветовался со Священной коллегией, и пятнадцать из двадцати кардиналов посоветовали ему принять приглашение. 2 ноября 1804 года папа отбыл из Рима со свитой из шести кардиналов и проехал через всю Францию, «сквозь коленопреклоненную толпу», как он выразился.

Наполеон огородил частokoлом опасные повороты в Альпах, чтобы папа не подвергался никакой опасности, и когда его святейшество прибыл в Фонтенбло, он обнаружил, что отведенные ему апартаменты — копия его покоев в Квиринальском дворце. За несколько дней до коронации Жозефина, опасавшаяся развода, мысль о котором уже зрела в мозгу Наполеона, пошла на женскую хитрость: она призналась папе, что они с Наполеоном не состоят в церковном браке. Пий был потрясен. И речи не могло быть о коронации! Заговорив об этом с императором, папа опасался взрыва ярости, но тот лишь улыбнулся и пожал плечами. Наполеон приказал зажечь свечи в часовне и тут же обвенчался с Жозефиной.

Следующее утро выдалось серым и хмурым, но когда появился герой дня, выглянуло и солнце. Папа ждал в Нотр-Даме. Дальние ружейные выстрелы оповестили о прибытии Наполеона. На понтифике, окруженном кардиналами, была шитая золотом мантия и тиара, усыпанная алмазами. Наполеон вошел, сжимая в руке скипетр, в золотом лавровом венке, в пурпурной мантии, расшитой золотыми пчелами, которую в 1653 году нашли в гробнице франкского короля Хильдерика. Мадам Юно стояла в двух шагах от алтаря и видела, как Наполеон несколько раз подавил зевок. Когда папа помазал ему голову и обе руки, «я поняла по его глазам», — писала она, — «что ему очень хотелось стереть мир». Не успел папа взять с алтаря корону, как Наполеон схватил ее и сам возложил себе на голову. Затем он короновал Жозефину, почти играючи, как показалось мадам Юно, как будто примерял ей новую шляпку: «Он надел ей корону на голову, потом снял, и наконец надел снова, как будто давая понять, чтобы она носила ее легко и грациозно».

Разрыв между Францией и Святым Престолом стал окончательным пять лет спустя. Наполеон провозгласил Папское государство частью французской империи, а Рим должен был стать свободным городом, в котором папа исполнял бы роль епископа. Пий ответил на это отлучением Наполеона, а император приказал арестовать папу. В два часа ночи 6 июля 1809 года французские солдаты спокойно разоружили папскую гвардию в Квиринальском дворце, а генерал Раде быстро прошел в комнату, где ждал папа со своим государственным секретарем, кардиналом Пакка. Как одиннадцать лет назад Пий VI, Пий VII отказался отречься от своей власти, после чего генерал вынудил его спуститься по лестнице на площадь, где ждал экипаж.

Была тихая звездная ночь, Рим спал, безучастный к драме, которая разыгрывалась на Квиринале. Его святейшество, с лицом, мокрым от слез, торжественно благословил спящий город, потом сел в экипаж вместе с кардиналом Пакка. Когда экипаж, гроыхая, выехал из Рима, папа понял, что его выдворили из столицы, даже не

дав времени взять с собой самое необходимое, например очки. Он открыл кошелек. Там лежал один *rapetto*, это примерно десять пенсов. У кардинала оказалось с собой три *grossi*, то есть примерно семь пенсов. За всем этим последовали семь лет ужасных унижений и испытаний, но к концу этого периода Наполеон был на острове Святой Елены, а Пий VII, в то время семидесятичетырехлетний, измученный борьбой с покорителем Европы, вернулся на Квиринал. Он пережил Наполеона на два года и, сделав широкий жест, приветствовал мать Наполеона, мадам Мере, когда она после битвы под Ватерлоо решила поселиться в Риме. Эту удивительную старую даму в последний раз мы застаем на фоне старинных дворцов — печальная фигура в черном, которая у всех вызывала сострадание и восхищение. Однако она была и умной деловой женщиной и могла одолжить деньги Святому Престолу под меньшие проценты, чем брал с него банкир Торлония.

Обо всем этом думаешь на Квиринальской площади... Но была еще одна история. Однажды ноябрьской ночью 1848 года извозчику велели ждать около редко используемой двери в длинной дворцовой стене. Наконец он услышал, как кто-то с трудом открывает дверь, и появились две фигуры: слуга, который нес багаж, и священник средних лет с шарфом вокруг шеи и в широкополой шляпе. Извозчику, должно быть, показалось странным, что слуга, открыв дверь экипажа, опустился на колени и стоял так, пока священник садился. По дороге слуга указывал извозчику, куда ехать, и они долго петляли по темным улицам, пока не приехали в темный и пустынный квартал позади Колизея, где ждала запряженная шестью лошадьми коляска баварского министра. Так переодетый Пий IX бежал от революционной толпы, которая убила премьер-министра и его секретаря, и даже после этого продолжала стрелять в швейцарскую гвардию.

Мажордом упаковывал папскую тиару, его красные туфли, его требник, смену белья, связку личных и конфиденциальных писем, маленькую коробочку с золотыми папскими медалями. Тем временем в Квиринале все делали

вид, что папа все еще здесь. В его комнату внесли свечи, вошел прелат, будто бы для того чтобы прочесть молитвы и обсудить дела на следующий день. Потом, как обычно, принесли ужин. В час, когда его святейшество обычно ложился спать, отпустили на ночь его почетную стражу.

Когда о побеге папы стало известно, была провозглашена народная республика, но через два года папское правительство восстановили французы. По иронии судьбы именно племянник Наполеона, Наполеон III, пригласил папу вернуться. И через двадцать лет Пий, постарев и став еще печальнее, жил в Риме и застал 20 сентября 1870 года, когда Виктор Эммануил вошел в город. Когда войска объединенной Италии хлынули в Рим, некоторые дипломаты, беспокоясь о безопасности понтифика, попросили аудиенции в Ватикане. Папа сказал им, что, как ему кажется, нечего бояться, но, поразмыслив, добавил, что один из генералов, кажется, обещал бросить его в Тибр.

— Не далее как вчера, — сказал папа, — я получил послание от молодых джентльменов из американской общины, которые умоляли и даже требовали, чтобы я позволил им защищать себя с оружием в руках. Хотя мало с кем я чувствовал бы себя в большей безопасности, чем с этими молодыми американцами, я с благодарностью отклонил их великодушное предложение... Бедному старому папе больше не на кого рассчитывать на этой земле. Помощь может прийти только с неба.

В этих словах было столько правды, что даже дипломаты смолкли. Единственной страной в целом мире, которая выразила протест против захвата Рима и прекращения существования этого странного образования, Папского государства, была республика Эквадор. Квиринальский дворец стал королевским дворцом, а папа сделался «пленником Ватикана».

Вечером, когда солнце садится за собор Святого Петра, президентская гвардия уходит из Квиринальского дворца под барабанный бой и хриплые звуки труб. Два беломраморных всадника укрощают своих коней под

гранитным обелиском. Толстая струя воды переполняет чашу фонтана и выплескивается в чашу большего размера внизу. Эта мраморная чаша когда-то находилась рядом с храмом Кастора и Поллукса, еще в те времена, когда Форум был «Коровьим полем». Вы можете видеть это на гравюрах Пиранези и Джузеппе Вази и на других гравюрах того времени. Итак, сумерки спускаются на Пьяцца дель Квиринале вместе с воспоминаниями о папах и королях, о революциях и реставрациях, которые и есть жизнь.

3

Один из гостей на приеме упомянул о том, что посетил красивейший горчичного цвета дворец в парке — Казино Боргезе. Его спросили, видел ли он знаменитую статую Кановы, изображающую Полину Боргезе Венерой, прилегшей на кушетку в стиле ампир: одна рука подпирает прелестную головку, в другой она держит яблоко Париса.

Да, он видел ее. И он не уверен в том, что, живи она сейчас, ветреная сестрица Наполеона считалась бы такой уж красавицей. Молодой итальянец считал, что к красоте современных женщин требования гораздо более высокие, чем до эры кино и дешевой косметики, и нарисовал плачевную картину: Полина в современной толпе на Лидо, где ее никто не замечает. Может быть, он был отчасти прав. В наши дни, наверно, даже сестры Ганнинг могли бы пройти по Сент-Джеймскому парку и не удостоиться ни одного восторженного возгласа.

Разговор вернулся к Полине и ее странностям. Она вышла замуж в двадцать три года, и ее второй муж, скучный, но достойный князь Боргезе, который осыпал ее фамильными бриллиантами, взамен не получил от нее ничего, кроме презрения и вспышек раздражения. Некоторые упоминали о ее фантастических нарядах и украшениях, о ее привычке использовать своих придворных дам в качестве скамеечек для ног, об огромном негре, который на руках носил ее в ванну, о том, как она

использовала свои болезни для эмоционального давления на других, и, разумеется, о длинной череде ее любовников, о красавцах-гусарах, художниках, актерах и музыкантах. Один молодой человек, которому, возможно, хотелось произвести на нас впечатление своим циничным знанием женщин, сказал, что, подобно многим современным чаровницам, Полина мало думала о любви, больше — о себе. Хотя мысль эта не блистала оригинальностью, кто-то попросил молодого человека развить ее.

— Это же так просто, — сказал он. — Новый роман был для нее единственным способом доказать себе, что ее привлекательность все еще велика.

— Или что она все еще может делать других женщин несчастными, заставляя их ревновать, — подал голос с другого конца стола пожилой человек, который, казалось, до сих пор не проявлял никакого интереса к разговору.

Когда все стали расходиться, вдруг оказалось, что мы с ним вместе спускаемся по лестнице.

— Она была великолепно сложена, — заметил он, — но она была крошечная.

Я понял, что он все еще думает о Полине Боргезе.

— Могу сказать вам, откуда мне это известно. Много лет назад я вошел в склеп Боргезе в Санта Мария Маджоре. Это было ужасное место: пыль, ржавый металл, превратившийся в лохмотья бархат. Гробы двух пап, Павла V и Климента VIII, стоят рядом с гробами кардиналов, князей и княгинь. И там я увидел маленький гроб, чуть побольше детского. На нем не было имени, потому что семья с годами стала презирать ее. Это был гроб Полины Боргезе.

В следующий раз оказавшись в Казино Боргезе, я обратил более пристальное внимание на статую Кановы. Было такое чувство, что, глядя на эту статую, общаешься с самой Полиной Боргезе, а поза ее напоминает ту, которую она приняла, умерев. Даже во времена, когда нагота была в моде, статую считали слишком смелой все, кроме самой Полины. Одна ее подруга как-то спросила ее, как она могла позировать почти совершенно обнаженной.

— О, в студии была печка! — ответила Полина.

Я подумал, что эта скульптура показывает характер тщеславной и красивой женщины в новом ракурсе. Редкой молодой супруге придет в голову сделать мужу такой свадебный подарок. Полина же сама пожелала позировать для этой скульптуры вскоре после свадьбы с Боргезе, когда ей еще нравилось быть богатой княгиней. Канове, кажется, было неловко изображать ее в такой позе, и он хотел сделать ее Дианой. Но это ей не понравилось. Она настояла на Венере.

Есть история, что якобы князь Боргезе был так шокирован статуей своей жены, что держал скульптуру под замком. Ничего такого не было. Сама Полина позднее, когда этот брак перестал что-либо значить для нее и когда они уже жили отдельно, узнав, что Боргезе собирается показать статую друзьям, написала ему:

Пользуюсь возможностью обратиться к Вам с просьбой. Мне известно, что Вы время от времени показываете мою статую. Я бы хотела, чтобы такого больше не было — нагота ее граничит с неприличием. Статуя была заказана только для того, чтобы доставить Вам удовольствие. Поскольку речь об этом больше не идет, следует раз и навсегда отвести от нее взгляд.

Мадам Юно, яростная защитница своего пола, готовая найти нечто привлекательное даже в отталкивающей Марии-Луизе Испанской, считала Полину неотразимой. В своих мемуарах она пишет, что статуя была точным слепком с нее и сходство полное. «Говорят, что скульптор исправил недостатки ее ног и груди, — пишет она. — Я видела ноги княгини, как все, кто был умеренно близок к ней, и никаких дефектов не замечала». И все же был один недостаток, который Канова мастерски обошел и который очень волновал саму Полину: у нее были большие уши.

Полина Боргезе обладала одной подкупающей чертой — абсолютной преданностью брату. Она была единственной женщиной, которая осмеливалась подшучивать над Наполеоном и которой удавалось провести его. Говорят, что

в период расцвета Империи, во времена полного триумфа Наполеона, в Тюильри, она однажды сделала попытку улучшить его внешность.

— Почему ты так упрямо отказываешься носить корсет? — спросила она. — Иногда кажется, что с тебя вот-вот упадут штаны!

Никто другой не осмелился бы так разговаривать с императором. И он послушался ее совета и отправился к Леже, дорогому портному, который шил Мюрату его экстравагантные костюмы. Но Леже нашел его фигуру настолько трудной, а самого Наполеона настолько неудобным и прижимистым клиентом, что испытал настоящее облегчение, когда император вскоре снова утратил интерес к своей внешности. После битвы при Ваграме он отправил к Полине особого гонца с сообщением о том, что цел. Когда гонец вернулся, Наполеон спросил его:

— Она вас отблагодарила?

— Нет, сир.

— Я так и думал! Вот скупердяйка! — ласково прокомментировал брат.

Однако когда пришла нужда, эта «скупердяйка» отдала ему все свои драгоценности. Она жила с ним на Эльбе, и, когда его экипаж был задержан при Ватерлоо, в потайном ящичке нашли ее бриллианты. Остается только гадать, что с ними стало.

После краха империи Наполеона оказалось, что его сестра скопила достаточно денег, чтобы купить виллу Бонапарте, что находится рядом с Порто Пио. Там она и жила, выезжала в экипаже с четырьмя форейторами и верховыми эскортами, а также с двумя чернокожими лакеями на запятках. Это был тот период ее жизни, когда вокруг нее крутились очарованные британские лорды. Больше всех пострадал сухой и надменный Александр Дуглас, десятый герцог Гамильтон. Его жена, красавица дочь Уильяма Бекфорда, автора «Ватека», была с ним в то время в Риме и не могла не видеть того рабства, в котором с удовольствием пребывал ее высокомерный супруг. Говорят, Дуглас иногда помогал Полине одеться и подавал ее

горничной булавки и ленты, а иногда в виде особой милости ему позволяли надеть атласные туфельки на ее маленькие ножки. В завещании Полина оставила ему туалетный шкафчик, а его жене пожаловала две вазы из своей спальни.

Комедия началась, когда Дугласа отозвали домой в Шотландию и он оставил Полину на попечение надежного старого родственника, лорда Кенсингтона, который, как только Дуглас отбыл, почувствовал, что так влюблен в княгиню, что приревновал ее к доктору и вызвал бы его на дуэль, будь они равны! Но впереди Полину ожидало множество несчастий. После смерти Наполеона ее нервы совсем расстроились, а тщеславие и гордость были уязвлены последним любовником, молодым композитором Джованни Пачини. Польщенный сперва ее вниманием, молодой человек вскоре нашел ее властной, утомительной и, увы, старой! И она, всегда слабая здоровьем, в конце концов стала по-настоящему больной женщиной. Одинокая, постоянно нуждающаяся в деньгах, она обратилась к мужу, князю Боргезе. Этот многострадальный человек к тому времени весьма счастливо и спокойно жил во Флоренции. Он был поражен, получив письмо со словами: «Мне нужна Ваша любовь и забота... сердце мое истомилась по Вам». Он решил было бежать из Италии, но Полина догнала его с поистине наполеоновской прытью, вооруженная письмом от нового папы, Льва XII. Его святейшество призывал князя Боргезе вспомнить о своем долге доброго католика и римского аристократа и принять свою законную жену. Но все это продлилось всего три месяца. Полина умирала от рака. Она храбро встретила смерть и распорядилась своим имуществом с наполеоновской аккуратностью и точностью, не забыв в завещании никого.

Самая яркая и красивая представительница клана Бонапартов умерла в Риме в возрасте сорока пяти лет. А какой это был клан! Странно, как их всех тянуло в Рим! Мадам Мере, величественная и заботливая мать Наполеона, его братья Люсьен и Луи, его дядя, кардинал Феш, а позже Гортензия, веселая дочь Жозефины... Пий VII, которого

травил Наполеон, великодушно принял под свое крыло всю семью Бонапартов. Он никогда не забывал о том, что Наполеон реставрировал католицизм во Франции Конкордатом 1801 года.

И все же самой интересной из Бонапартов была мадам Мере, в которой едва ли было что-нибудь от француженки и которая говорила на корсиканском диалекте своей молодости. Величественная старая дама в черном. Она пользовалась в Риме большим уважением, и жила экономно, сберегая каждый грош. Несмотря на то что к моменту битвы при Ватерлоо мадам Мере была уже стара и почти слепа, она не колеблясь отправилась бы за сыном на остров Святой Елены, если бы ей только позволили. Но с ней произошел в высшей степени странный случай. Она поверила шарлатанам, которые убедили ее, что Наполеона чудом вызволили из плена. Она пережила сына на шестнадцать лет и умерла в тот год, когда королева Виктория взошла на престол.

Самым необычным, экстравагантным членом семьи была красивая и остроумная американка Элизабет Паттерсон Бонапарт, которая приехала в Рим из Северо-Американских Соединенных штатов в 1821 году с четырнадцатилетним сыном, Жеромом Наполеоном. Она была разведенная жена брата Наполеона.

Когда брату Наполеона Жерому было девятнадцать, он служил во французском флоте в Вест-Индии и попал в Штаты. Там, в Балтиморе, он и встретил Элизабет Паттерсон, дочь одного из самых богатых людей в Новой Англии. Паттерсон эмигрировал из Ирландии в 1766 году и сделал состояние на оружии и обмундировании во время американской революции. Восемнадцатилетняя Элизабет влюбилась в молодого француза, а он — в нее. Паттерсон был против этого брака, чуя неприязнь Наполеона, но Элизабет оказалась упрямой девушкой, а отец обнаружил, что сильного сопротивления пока нет. Однако шестое чувство подсказывало ему, что Наполеон постарается расстроить этот брак. И он предпринял все возможное, чтобы сделать его неотвратимым. Брак был заключен в

канун Рождества 1803 года архиепископом Балтимора, и на этой свадьбе присутствовали все самые значительные люди в государстве.

Затем, как и предвидел Паттерсон, разразилась буря. Наполеон пришел в ярость — у него были совсем другие планы на Жерома. Он немедленно приказал своему брату вернуться во Францию, причем одному. Жером не послушался и не возвращался два года. А потом приплыл с женой на корабле своего тестя. Прибыв в Европу, они обнаружили, что Элизабет запрещено высаживаться на берег на территории Франции. Жером отправился один к разгневанному Наполеону, а Элизабет поплыла в Англию, где в Кэмбервилле в 1805 году родился ее сын Жером Наполеон.

В отличие от своего брата Люсьена, который также женился против воли Наполеона, но предпочел скорее отказаться от своей роли в замыслах могущественного брата, чем от жены, Жером малодушно уступил императору. Так как Пий VII отказался аннулировать брак, государственный совет Франции издал декрет о разводе. Жерома отправили в море, и два года спустя он стал королем Вестфалии и женился на принцессе Екатерине Вюртембергской. Наполеон определил Элизабет Паттерсон ежегодный пенсioen при условии, что она останется в Америке и откажется от фамилии Бонапарт, что она и сделала. Когда Наполеона сослали на остров Святой Елены, она почувствовала, что действие договора вот-вот прекратится, и оформила в Мериленде развод с Жеромом специальным законодательным актом, после чего отправилась в Европу.

Прибытие привлекательной, остроумной молодой американки, родственницы Бонапарта, с ее странной историей и красивым сыном, вызвало сенсацию, особенно среди членов клана. Полина Боргезе пригласила свою американскую невестку в Рим и ввела ее и Жерома Наполеона в свет. Все прочие Бонапарты были добры и благожелательно настроены, но, как скоро поняла Элизабет, все они либо всегда находились в трудном финансовом

положении, либо промотались, так что материальной помощи от них ждать не приходилось.

Элизабет была циничной и амбициозной женщиной, и ее главными целями в жизни были деньги и положение в обществе. Ей был свойствен снобизм, как, впрочем, и большинству людей в XIX веке. Она презирала Америку и американцев. За время своего пребывания в Европе — а она прожила там лет двадцать пять — она написала огромное количество писем своему отцу: о деньгах, положении в обществе и о том, как она ненавидит родину.

«Я так ненавидела жизнь в Балтиморе, — пишет она в одном из писем, — что при мысли о том, что мне предстоит провести там всю жизнь, мне приходилось собирать всю волю в кулак, чтобы не покончить самоубийством». Американские мужчины, по ее мнению, были невыносимы. «Все они торгаши. А коммерция, хоть и наполняет кошелек, зато сушит мозги. У них, кроме их бухгалтерии, ничего нет в голове». Еще она считала их глуповатыми в отношениях с женщинами. «Женщины всех стран, — писала она, — очень хитры в обращении с мужчинами. В Америке они особенно преуспевают, потому что мужчины здесь отстают в знании человеческой природы примерно на век...»

Вращаясь в европейском обществе, она сделалась более царственной, чем даже особы королевской крови. Несмотря на то что Жером обошелся с ней таким постыдным образом, она всю жизнь гордилась тем, что была замужем за братом Наполеона. Какой прекрасной женой она могла бы быть самому Наполеону! Будь Элизабет Паттерсон императрицей, могло бы не случиться Ватерлоо.

Голубой мечтой Элизабет был блестящий европейский брак ее сына. К сожалению для нее, он вернулся в Америку один и женился на девушке из Балтимора. Она узнала эту новость во Флоренции. «Когда я впервые услышала о том, что мой сын опустил до женитьбы на девице из Балтимора, я чуть с ума не сошла, — писала она отцу. — Я воспитывала своего сына для жизни в Европе. Я всегда твердила ему, что нельзя жениться на американке».

За этим ударом последовал другой, почти такой же жестокий. Умер Паттерсон, оставив дочери гораздо меньше, чем она предполагала, и отомстил ей словами завещания: «Моя дочь Бетси всю жизнь была непослушна и никогда не считалась с моим мнением и моими чувствами. Честно говоря, она причинила мне больше беспокойства и неприятностей, чем все остальные дети, вместе взятые, и ее безрассудство и непослушание стоили мне больших расходов».

Она вернулась в Америку в сорок девять лет. Приобрела репутацию ужасной скряги. Жила в пансионах Балтимора, как будто у нее не было ни гроша. Она превратилась в забавный персонаж: появлялась всегда с красным зонтиком и ковровой сумкой. А у себя в комнате держала чемоданы, полные модных в прошлом европейских нарядов. Элизабет часто доставала бальное платье, подаренное ей Полиной Боргезе, и очень берегла смокинг мужа, который он надевал на свадьбу. Любила поговорить о своих былых победах и однажды спросила кого-то, кто недавно приехал с континента, не слышал ли он там о ее красоте. Она умерла в девяносто четыре года и оставила состояние в полтора миллиона долларов. Мать балтиморских Бонапартов, которая по праву могла бы быть королевой, скончалась в 1879 году, и большая часть ее состояния досталась двум ее внукам, Жерому Наполеону и Чарлзу Джозефу.

Жером стал выдающимся военным и, уйдя из американской армии, служил во Франции под командованием своего кузена, Наполеона III. Он был в Балаклавe, Инкермане и Седане и сопровождал императрицу Евгению в ссылку в Англию. Младший брат, Чарлз Джозеф Бонапарт, стал секретарем военно-морского ведомства в администрации Теодора Рузвельта в 1905 году, а позже — министром юстиции Соединенных Штатов.

Американская ветвь рода Бонапартов пресеклась в 1945 году, когда бездетный старый джентльмен по имени, конечно же, Жером Наполеон, споткнулся о поводок собачки своей жены, упал неподалеку от Центрального парка в Нью-Йорке и умер от полученных повреждений. Но род

продолжается по женской линии на континенте, и мысль об этом компенсировала бы Элизабет Паттерсон многие печальные моменты ее жизни.

Наполеон намеревался сделать Рим своей второй столицей и мечтал, подобно Августу, смотреть на него, стоя на Капитолийском холме. Несмотря на то, что его войска заняли Рим, что он заставил отречься одного папу, унизил другого, ему так и не удалось насладиться своим триумфом. Его влияние на Рим и Италию было так велико, что невольно ищешь какой-нибудь его вещественный знак. Но есть лишь Пьяцца дель Пополо и сады Пинчьо, которые переделали его архитекторы.

Казалось, мысль о Риме никогда его не покидала. Когда родился сын Марии-Луизы, ему присвоили гордый титул «короля Рима», который по праву принадлежал папе. Это был молодой человек, известный бонапартистам как Наполеон II, прочим — как герцог Рейхштадтский, романтики же называли его Орленком. Он умер в двадцать один год.

Всем, кто хотел бы побольше узнать обо всем этом, следует отправиться в музей Наполеона, помещающийся в палаццо Примоли в конце Виа Кондотти. Здесь можно увидеть портреты и семейные реликвии Бонапартов, автографы, письма, императорское одеяние и столовые приборы. Есть отдельный зал, посвященный веселой Полине. Я подумал, что несчастную и глубоко заблуждавшуюся Элизабет Паттерсон стоило бы представить хотя бы одним снимком, ведь она жила уже во времена фотографии. Одна из самых трогательных реликвий — маленькая коробочка драгоценного дерева, в которой хранится молочный зуб Орленка.

Должно быть, никто не приводит своих портных в такое отчаяние, как священники: эти выцветшие сутаны, старые шляпы, широконосые нечищенные туфли! Возможно бешеные

нападки святого Иеронима на священников-франтов V века с завитыми и надушенными локонами, передвигающихся на цыпочках, чтобы не испачкать обувь, до сих вызывают леденящий душу страх у всех тайных церковных браммелистов.^[92] Хотя, если кто желает посмотреть, как красив может быть священник, тому следует отправиться в мастерскую Гаммарелли или к другим портным для людей духовного звания на Пьяцца делла Минерва, недалеко от Пантеона.

Это самая модная улица Рима, если иметь в виду моду священнослужителей. В витринах — обширные коллекции широкополых шляп, попадают митры, литургические шапочки-биретты, маленькие, обтянутые фиолетовой и красной тканью пуговицы, шнуры и тесьма разных цветов, крепкие башмаки, которыми, верится, можно дать чувствительный пинок дьяволу, и эти искусно сделанные шапочки-пилеолусы, белые для папы, красные для кардиналов, пурпурные для епископов, черные для обыкновенных священнослужителей — головной убор, известный как *zucchetto*.^[93] Гаммарелли пользуется привилегией: после смерти очередного папы, пока конклав выбирает нового понтифика, портной имеет право сшить три белых сутаны — одну на высокого человека, вторую — на человека среднего роста, и третью — на человека маленького роста. Так что, каким бы ни оказался избранник Священной коллегии, на него немедленно можно будет надеть белую *zimarra*,^[94] и проводить на галерею собора Святого Петра, чтобы он впервые благословил народ. Единственным случаем, когда Гаммарелли оказался не на высоте, было избрание папой Бенедикта XV, который был таким крошечным, что даже самая маленькая из трех сутан оказалась ему велика и ее пришлось подкалывать, чтобы папа смог появиться перед народом. До 1566 года папы носили красное, но в этом году выбрали Пия V, доминиканца, и он, став папой, продолжал носить свое белое одеяние. С тех пор все папы стали носить белое. Однако его головной убор и *mozzetta* — небольшая,

отороченная мехом бархатная накидка, а также плащ и туфли тем не менее по-прежнему остаются красными.

Мне всегда казалось, что наиболее романтично выглядит красный головной убор кардинала. Этот волшебный предмет величественно путешествует по истории и живописи. В Риме вы можете увидеть его старым и пыльным, линялым, висящим в титульной церкви, которой его завещал покровитель. Я напрасно искал шляпу кардинала в витринах магазинов. Мне сказали, что их не продают, а делают исключительно на заказ. Еще мне сказали, что сейчас шляпы кардиналов — не такие, какими когда-то были. Сейчас они являются только символом, их никогда не носят; тулья почти перестала существовать — остался лишь широкий твердый кант, с которого свисают пятнадцать кисточек. Тем не менее шляпы стоят по 20 фунтов каждая. Есть история, согласно которой кардиналы обязаны этим головным убором женщине, графине Фландрской, которая во времена Лионского совета, в 1145 году, пожаловалась, что в митрах не отличает кардиналов от аббатов и других священнослужителей. Начиная с Бонифация VIII, который вступил на престол в 1297 году, кардиналы стали носить одежду королевского пурпурного цвета, но в 1464 году Павел II, любивший окружать себя роскошью и великолепием, передел священную коллегию в алый цвет на время Великого и Рождественского постов, а также заседаний конклава. В эти периоды можно отличить кардинала от епископа только по красной скуфье и красным чулкам. Джону Ивлину сказали в Риме, что всем евреям предписывалось носить красные головные уборы, пока какой-то близорукий кардинал по ошибке не поприветствовал одного из них, приняв за такого же, как сам, члена Священной коллегии. После этого евреям велели одеваться в желтое!

Обсуждая одеяние кардинала, портной становится тих и почтителен. С таким же благоговением даже в наши дни, не располагающие к соблюдению формальностей, военный портной занимается полной формой маршала. Из всех священнослужителей, включая папу, кардиналы самые

модные, и у них наиболее обширный гардероб. Повседневная одежда кардинала — черная сутана и короткая черная накидка, обшитая по краю алым шнуром, с алыми, обтянутыми материей пуговицами и алыми петлями. С ними он носит алый пояс, ленту на шее и алые чулки. Выходя на улицу, кардинал надевает обычную шляпу священника, отделанную красной шелковой лентой и пятнадцатью золотыми кисточками. В официальной обстановке кардинал появляется в плаще алого шелка поверх черной сутаны, в особо торжественных случаях его сутана — алая, надевается с кружевным стихарем и короткой круглой накидкой под названием *mantelleta*, оставляющей руки свободными.

Для церемоний в присутствии папы кардиналу требуется еще более роскошная одежда, какую надевают на приемы при дворе. Алая сутана со шлейфом, кружевной стихарь и большой полукруглый плащ алого шелка, выкроенный как древняя римская *paenula*, которая надевается спереди в рукава, а сзади располагается в виде длинного хвоста, называемого *sarra magna*. Плащ имеет капюшон алого шелка (с 25 октября по 25 апреля подбитый горностаем для тепла), и красный головной убор, в те дни, когда он нужен, надевается поверх этого капюшона, как мы и видим на старых портретах. Шапочка — *biretta*, чулки и перчатки — алого цвета.

Сегодняшние кардиналы уже не миллионеры и не ездят в тяжелых экипажах, запряженных черными жеребцами, которые были приметой римских улиц около века тому назад. Но статус их примерно соответствует статусу принца. В римском обществе принято, что слуга со свечой встречает кардинала у подножия лестницы, провожает его в приемную, а когда он уходит, сопровождает до автомобиля, идя впереди. Жилище кардинала, каким бы скромным оно ни было, до сих пор «дворец», и он имеет право держать там трон. Трон может быть повернут к стене и никогда не использоваться, кроме как в тот период, когда папа умер, а его преемник еще не избран. Бывает около десяти дней междоцарствия, когда кардинал может повернуть свой трон

на сто восемьдесят градусов и сидеть на нем перед тем, как отправиться заседать в конклаве.

Портной, который шьет для священника, должен быть искушен в подробностях церковных церемоний и обычаев не меньше, чем те джентльмены, которые в Ковент-Гарден обшивают пэров, генералов и послов, создавая костюмы на все случаи жизни. Их возмущенные голоса слышны всегда, когда кто-нибудь появляется в костюме, не соответствующем его положению и случаю. Мастера с Пьяцца делла Минерва знают, что католические епископы носят пурпурные шапочки только начиная с 1869 года, с того дня, когда папа Пий IX, зайдя однажды в собор Святого Петра и увидев там кардиналов в черных birettas, решил, что их не отличишь от обыкновенных священников. Они знают, как одеть монсеньора ди Монтелетта для улицы, для Capella Papale, для выхода в свет или в церковь и чем правила, действующие в соборе Святого Петра, Латеранском соборе, соборе Санта Мария Маджоре, отличаются от правил для других римских капитулов.

Портной, почувствовав мой интерес к своему ремеслу, проникся ко мне симпатией и признался торжественным шепотом, неодобрительно покачивая головой, что очень обеспокоен незначительным изменением оттенка фиолетового в одеянии епископа.

Но более всего интересовали меня красивые перчатки, которые надевают кардиналы и папа в той части мессы — до lavabo (омовение) — когда они сидят в митрах. Как и в древние и средневековые времена, кольцо надевается поверх перчатки, на третий палец. Мне рассказывали, что есть особые перчатки для умерших пап и кардиналов. В наше время папу хоронят в красных перчатках, а кардинала — в фиолетовых, но так было не всегда. Когда раскрыли гробницу Бонифация VIII, умершего в 1303 году, оказалось, что он — в белых шелковых перчатках, усыпанных жемчужинами.

Пока мы обсуждали все эти вопросы, вошел священник. Он говорил с великолепным ирландско-американским акцентом. Это был крупный мускулистый человек, похожий

на нью-йоркского полицейского. «Моя примерка готова?» — спросил он, и человек с сантиметровой лентой через плечо, прятаясь за грудой саржи, вышел и провел его в примерочную. Священник недавно стал епископом, и ему было нужно новое облачение.

Два юных семинариста-француза зашли купить воротник. Они ждали, когда им завернут покупку, и восхищались золотой митрой, которую мастер показывал мне. Я дал каждому из них подержать митру и сказал:

— Ну вот. Придет время, и у каждого из вас будет такая!

Они вспыхнули, словно кадеты Сандхерстской военной академии при виде маршальского жезла.

Американский ирландец вышел в своей старой одежде, но уже, как мне показалось, вполне осознавая свой новый сан.

Между Пантеоном и Корсо расположены три самых блистательных церкви в Риме.

Они великолепно украшены. Херувимы порхают, ангелы трубят в трубы, алтари сверкают голубым лазуритом и зеленым малахитом. И в двух из них покоится прах двух самых замечательных людей, которые когда-либо жили на свете: мужчины и женщины. Под алтарем церкви Санта-Мария-сопра-Минерва — гроб, в котором лежит маленькое и хрупкое тело доминиканской монахини в венце и с серебристой оливковой ветвью в руке. Это святая Екатерина Сиенская. Она вела аскетическую жизнь и скончалась в возрасте тридцати четырех лет, сыграв значительную роль в мировой политике. Это именно она уговорила Григория XI покинуть Авиньон и восстановить Святой Престол в Риме.

Среди великолепия и роскоши покоятся останки испанского солдата Игнатия Лойолы, который основал орден иезуитов. Его жизнь, как и жизнь святой Екатерины, — образец преодоления верой невероятных трудностей и невзгод. И нигде, кроме Рима, вам не удастся постоять всего в нескольких ярдах от таких могил. Третья церковь носит имя святого Игнатия, и ее великолепие просто потрясает.

Феникс христианства возрождается из пепла язычества, и нигде это не происходит так красиво, как в церкви Сан-Дгостино, где Мадонна предстает перед будущими матерями, подобная Юноне. Ближайшая стена покрыта затейливыми и трогательными картинками, нарисованными верующими, изображающими опасности и невзгоды, из которых выручила их Святая Дева.

5

Римские площади, предком которых был Форум и чьими потомками являются площади Европы, весьма разнообразны. Это может быть перекресток, как Пьяцца делле Эзедра и Пьяцца Венеция. Это может быть нечто вроде заводи, место лишь немного шире обыкновенной улицы, как Пьяцца деи Санти Апостоли или крошечная площадь Маттеи, на которой тем не менее находится один из самых очаровательных фонтанов Рима — фонтан Черепах. Или это может быть место встреч, где люди собираются, чтобы обсудить безработицу и тому подобное, как это происходит на Пьяцца делла Ротонда напротив Пантеона.

Площади, задержавшиеся в моей памяти, — это площадь Испании с ее домами цвета охры и лестничным пролетом; Пьяцца делле Эзедра с розоватыми развалинами терм Диоклетиана на заднем плане; Пьяцца Колонна с кафе и напряженным ритмом Корсо; Пьяцца Барберини с «Тритоном», спокойно восседающим в море транспорта; и Пьяцца дель Пополо, на которой, если сойдете с тротуара, пеняйте на себя. Ни Пьяцца дель Кампидолио, ни площадь Святого Петра не являются выдающимися.

Из всех римских площадей самое большое удовольствие мне доставила Пьяцца Навона, что рядом с Пантеоном, на месте бывшего Марсова поля. Это длинная узкая площадь, чья форма соответствует форме стадиона Домициана, который когда-то здесь был, и, честно говоря, я не знаю более выразительной иллюстрации того процесса перехода

от нового к старому, который шел в римской истории. Площадь до сих пор выглядит как римский ипподром. Когда такси из боковой улицы вылетает на площадь и объезжает ее по кругу, оно повторяет путь древних колесниц, а spina стадиона сейчас обозначена тремя скульптурными группами и фонтанами в центре.

В подвалах домов стоит посмотреть на хорошо сохранившиеся основания скамеек и коридоры стадиона; это удобнее всего сделать в церкви Святой Агнессы. Священник провел меня в древнеримский бордель. Как это ни странно, он свято сохраняется в церкви. Это место, куда бросили обнаженной святую Агнессу, и тогда длинные волосы укрыли ее, а из света соткались чудесные одежды. Это три или четыре комнаты, стены их покрыты фресками, которые, к несчастью, сейчас исчезают из-за сырости, зато ясно видна арка бывшего стадиона.

Главная примета площади — фонтаны работы Бернини и его учеников. Фонтан Четырех рек удивителен, но, хоть я и восхищался полными силы фигурами, все же не мог избавиться от мысли о некоторой абсурдности изображения Нила, например: эта лошадь, выскакивающая из пещеры, лев, крадущийся к водопою, и тяжелый обелиск, никак стилистически не связанный с ними. И все же время от времени я возвращался, чтобы насладиться плеском воды, которая текла под землей от фонтана Треви и с типичной римской расточительностью во всем, что касается воды, впадала в Тибр.

По мнению папы Урбана VIII, Бернини не мог сделать ничего неправильного. В это время было еще два художника, которые находились в том же счастливом положении: Веласкес в Испании, который все больше и больше загибал вверх усы Филиппа IV, и Ван Дейк в Лондоне, чью мастерскую в Блэкфрайерс так часто посещал Карл I. Хотя Бернини за свою долгую, более чем восьмидесятилетнюю жизнь успел послужить восьми папам и наполнил Рим произведениями своего бурного гения, ни один из них не платил ему большим восхищением, чем Урбан VIII, а он, разумеется, знал лишь ранние работы

Бернини, такие как дворец Барберини, «Тритон», и балдахин в соборе Святого Петра. Известно, что после своего избрания Урбан VIII призвал Бернини и сказал: «Вам повезло, что вы удостоились видеть папу Барберини; но нам повезло еще больше, что Бернини живет во время, когда мы избраны понтификом». Папа любил смотреть, как художник работает, и кто-то однажды был очень удивлен, войдя в мастерскую к Бернини и увидев, что папа спокойно держит зеркало, пока Бернини работает над автопортретом.

После смерти Урбана, благодаря своему острому неаполитанскому языку и врагам Бернини впал в немилость у Иннокентия X, чья золовка, алчная донна Олимпия Памфили, сама не прочь была бы носить тиару. Ничего не оставалось, как только подружиться с этой ужасной женщиной. Дом, в котором художнику удалось это сделать и в котором она жила, стоит в углу площади. Это темное величавое здание, палаццо Памфили. Из-за немилости Бернини был лишен возможности воздвигнуть обелиск и спланировать фонтаны на площади, но его уговорили выполнить макет из серебра, который донна Олимпия хитроумно выставила в комнате, через которую однажды вечером должен был пройти папа. Иннокентий был очарован макетом и не стал рассматривать никаких других проектов.

Иннокентию X к моменту его избрания было семьдесят два года. Этот, в общем-то, чувствительный и сострадательный человек совершенно подпал под влияние своей вдовствующей золовки. Ватикан просто гудел от женских склок. Бедный папа пытался отгородиться от них, и дворец Памфили стал тем местом, где принималось большинство решений. Пока Иннокентий X умирал в едва ли не единственной оставшейся у него рубашке, укрытый рваным одеялом, его золовка проскользнула в комнату и вытащила из-под кровати две коробки с деньгами, которые бедному папе удавалось до сих пор прятать от нее. Иннокентий X умер в одиночестве, забытый своей разбогатевшей семьей. Когда к донне Олимпии обратились насчет похорон, она заявила, что она бедная вдова и не может этим заниматься. Тело отнесли в собор Святого Петра

и положили в комнате, где каменщики держали свои инструменты. Один из мастеровых из жалости зажег свечу за гробом, а так как в помещении было полно крыс, кому-то заплатили, чтобы он подежурил две-три ночи. Наконец, согласно милостивому правилу, которое Иннокентий когда-то отменил, на его похороны потратили пять крон. Трудно поверить в эту грустную историю, когда смотришь на портрет Иннокентия X кисти Веласкеса в палаццо Дория или на памятник ему в церкви Святой Агнессы, поставленный через сто лет после его смерти.

Портрет был написан в 1649 году, когда Веласкес в Риме покупал античные статуи для Филиппа IV Испанского. Многие считают этот портрет одним из трех-четырех лучших в мире, а Джошуа Рейнолдс называл его прекраснейшим портретом в Риме. Я часто стоял напротив него в длинном коридоре дворца Дория, уставленном золочеными, эпохи Людовика XIV канапе и столиками, и размышлял, не является ли Иннокентий X воплощением Джекила и Хайда. Человека, которого изобразил Веласкес, не смогла бы держать под каблуком и обворовывать женщина. Он выглядит суровым и непреклонным и совсем не располагает к себе. Однако в том же дворце есть еще и бюст работы Бернини, и здесь мы видим доброго и нежного мечтателя, человека, который ради сохранения мира в доме готов отдать последний грош. Каким был Иннокентий X в действительности? Бернини знал его лучше, чем Веласкес, однако надо помнить, что у Бернини были все основания льстить папе, а у Веласкеса не было никаких. Не знаю, был ли еще случай, когда два великих художника так по-разному интерпретировали свою модель, и как жаль, что большинство посетителей палаццо Дория уходят, посмотрев на портрет, написанный Веласкесом, но даже не попробовав отыскать бюст, изваянный Бернини.

В период правления Иннокентия X на Пьяцца Навона начались эти забавные водные празднества, которые продолжались до 1867 года. По воскресеньям в июльскую и августовскую жару перекрывали трубы, отводящие воду

фонтанов, и фонтанам позволяли «выйти из берегов». В конце концов вся площадь оказывалась затоплена водой.

В окрестных домах устраивались вечеринки, нанимали музыкантов, аристократы в своих золоченых экипажах медленно проезжали по запруженной площади. Среди наслаждавшихся празднествами были Старший Претендент и Мария Клементина, известные в Риме как Яков III и королева Клементина Английская. Однажды в 1727 году кто-то, выглянув с балкона, увидел, как Красавец принц Чарли, в то время семилетний мальчик, увлеченно бросает монетки в воду, и их вылавливают уличные мальчишки. При первых ударах церковного колокола экипажи исчезали и площадь осушали.

Пьяцца Навона знала всякие народные увеселения: в римские времена там были состязания колесниц и атлетов; в Средние века — турниры и бой быков; в XVIII веке — Festa di Agostox.^[95] В наши дни здесь отмечается праздник Бефаны, на Крещение, в январе. Римляне представляют себе Бефану старенькой феей, грубоватой старушкой, чем-то вроде Санта-Клауса. Она раздает детям игрушки, особенно любит дарить шумные, такие как трубы и барабаны. Как и большинство народных празднеств, сейчас это уже совсем не то, что было раньше. Однако на несколько дней каждый год площадь оживает и цветет яркими воздушными шарами и счастливыми детскими лицами.

Когда мне случалось бывать на Пьяцца Навона, я подолгу смотрел на фонтаны и обязательно съедал мороженое в gelateria,^[96] где лучшее в Риме мороженое, а потом заглядывал в палаццо Браски на углу, рядом с дворцом Памфили. Теперь это Музей Рима, и он полон всяких интересных вещей, особенно старых городских пейзажей. Там есть также макеты гробниц Эдуарда Исповедника и Генриха III в Вестминстерском аббатстве, выполненных в стиле Космати. На первом этаже выставлены вагоны железнодорожного поезда, изготовленного в Париже для Пия IX в 1858 году. Смотритель расскажет вам, что Pio Nono был первым папой, который решился попробовать путешествовать по железной дороге, и гордо

откроет двери, пропуская вас в поезд. Вагоны производят впечатление совершенно фантастическое — изысканное мастерство XVIII века, приложенное к паровозу. Салон, тронный зал и часовня. Зеркальные двери ведут в покои папы, затянутые красным шелком. Большинство посетителей так ослеплены великолепием убранства рококо, что совершенно не замечают иронии судьбы: первый вагон для папы делался для первого «пленника Ватикана».

В картинной галерее наверху я нашел портрет черно-белого кота. Это царственное импозантное существо кралось по залам какого-нибудь дворца XVII века, а на картине изображено на вышитой подушке, с широким воротником с колокольчиками. К занавеске позади кота приколото небольшое стихотворение, в котором сказано, что знатная и красивая дама однажды поцеловала кота и завещала ему держать свое сердце и рот в чистоте и помнить ее поцелуй. Никто не знает, кто эта дама. Можно лишь надеяться, что это не графиня из старинной римской истории, которая, овдовев, не могла надышаться на своего кота и велела каждый день готовить для него цыпленка. Однажды она уехала на виллу к своей подруге в Кампанию, и в ее отсутствие слуги решили съесть цыпленка сами, а кости положили на обычное место. Графиня была удивлена, когда вернулась. Кот не бросился ей навстречу, а сидел и смотрел в сторону с глубоко оскорбленным видом.

— Что с котом? Разве ему не дали его цыпленка? — спросила графиня.

— Дали, синьора графиня, — ответили слуги. — Посмотрите, кости на полу, там, где он всегда оставляет их.

Графине нечего было возразить. Вскоре она легла спать. Кот улегся тоже, так как он всегда спал на ее постели. В ту ночь он задушил свою хозяйку.

Римляне трактуют эту историю так: коты умны, но жестоки и себялюбивы. Кот рассудил, что если бы хозяйка не уехала, оставив его на милость слуг, с ним не обошлись бы так плохо. Значит, это она виновата и пусть умрет. Собаки — верные животные, говорят римляне, а кошки — предатели. Однако я уверен, что верность английских и

сиамских котов никогда не подлежала сомнению! Возможно, каждая страна имеет кошек, которых она заслуживает.

Прежде чем покинуть палаццо Браски, я постоял в воротах, вспомнив об одной антидемократической сцене, происшедшей здесь во время правления Пия VI. Возбужденная римская толпа, обвиняя папу в намерениях Наполеона захватить Италию, напала на дворец племянника папы, герцога Браски-Онести, и жаждала его крови. Вдруг ворота распахнулись, и на пороге появился герцог, и в обеих руках у него было по кнуту. Следом шли лакеи с корзинами золота, которое они бросали толпе. Возмущенные вопли скоро прекратились, и люди стали, ползая по полу, собирать монеты, а герцог прохаживался между ними, хлеща кнутами направо и налево. Показав всем, как надо обращаться с толпой, он вернулся во дворец, и ворота за ним закрылись.

6

Позади палаццо Браски есть довольно побитый фрагмент скульптурной группы, которая когда-то представляла Менелая, поддерживающего Патрокла, и столетиями была известна как Пасквино. В эпоху Возрождения злые и часто клеветнические остроты прикрепляли к этой статуе, а ответы на них — к статуе Марфорио, которая так уютно облокачивается на Капитолий. Некоторые папы возмущались этими пасквилями — они были так названы по имени портного Пасквино, который считается законодателем моды на такие остроты. Иногда тем, кто их сочинял, предлагали награду. Наживку редко заглатывали, но если какой-нибудь неосторожный остряк являлся за своей наградой, то унести ее не мог — ему отрубали обе руки. Журналистика была опасным занятием в Риме эпохи Возрождения.

Типичным пасквилом было заявление о том, что Сикстинскую капеллу так наводнили посетители-англичане, что римлянам и приткнуться негде. Он начинался с вопроса от Пасквино:

— Куда путь держишь, братец, в черной одежде и с мечом?

Утром на статуе Марфорио был найден ответ:

— Иду в Сикстинскую капеллу послушать «Miserere». Пасквино замечает:

— Напрасно прогуляешься. Швейцарская гвардия даст тебе от ворот поворот, а папские camerieri^[97] пошлют тебя заниматься своими делами.

Марфорио отвечает:

— Ничего страшного, братец. Я точно войду: ведь вчера я стал еретиком.

От статуи Пасквино через Пьяцца Навона по боковой улочке можно выйти на площадь Святого Евстафия, где, как вспоминает Мэрион Кроуфорд, была старая римская таверна «Фалько». Зимой она славилась кабаньей головой со сладким соусом и кедровыми орехами, а также запеченными дикобразами, теперь исчезнувшими, как и сам «Фалько». Но «Орсо», одна из римских средневековых гостиниц, в которой, говорят, останавливался Данте, до сих пор стоит за Тибром. Сейчас это фешенебельный ресторан, где официанты снуют под готическими канделябрами, а бармен знает, что бурбон не имеет ничего общего с французской монархией.

Еще несколько шагов — и вы на оживленной маленькой площади перед Пантеоном. Из ее света и шума вы попадаете вдруг в безмолвный и беззаконный тупик со стенами кирпичной кладки и невольно поднимаете глаза к небу, чтобы посмотреть, откуда идет свет. В центре железной крыши — круг голубого неба, и в полдень солнце бросает столб золотого света в этот перевернутый сосуд, и свет неторопливо путешествует по стенам, так что всякий, кто находится в церкви, по этим солнечным часам может узнать, какое сейчас время дня. Почти все, кто когда-либо посещал Пантеон, говорят о странном эффекте, который возникает, когда над отверстием в крыше пробегают облака, хотя мне лично не приходилось видеть этого. Но однажды, когда я проходил мимо, внезапно начался ливень. Я вошел внутрь и увидел воронку из серых капель,

сверкающих и торопящихся вниз, такую подвижную паутину в сумерках здания. Вода стекала в канал, вырытый Агриппой и призванный осушать эту часть Марсова поля. Дж. Миддлтон сказал, что в его время воду иногда выталкивало обратно во время наводнений, и она была фонтаном из пола. Видеть снег в Пантеоне, должно быть, еще более странно, и, возможно, именно это навеяло чьему-нибудь поэтическому воображению в Средние века мысль в праздник Троицы бросать вниз розовые лепестки. Это делал папа в знак того, что к нам снисходит Дух Святой.

Подобно Смоллетту и президенту де Броссе, я сначала был несколько разочарован Пантеоном, но после двух или трех посещений понял, что это величайший из памятников архитектуры, дошедших до нас из времен Древнего Рима. Представьте себе купол собора Святого Петра на уровне первого этажа. Пантеон лишь немногим больше. Интересно, могут ли в наш век стекла и бетона воспроизвести такое сооружение. Теперь мы видим это здание лишенным всей былой славы: драгоценных сортов мрамора, которыми когда-то были облицованы стены, больше нет, нет и золоченой плитки на крыше. Так как римляне не использовали сусальное золото, а клали настоящее тонкими пластинами, Пантеон должен был казаться людям золотой горой. Когда готы ушли, в 663 году всю эту роскошь вывез император Константин для украшения Константинополя, но его убили в Сиракузах по пути домой, и плитка Пантеона оказалась утеряна. В потолке было так много бронзы, что Урбану VIII удалось отлить из нее восемьдесят пушек, которые он установил на бастионах замка Святого Ангела, но вот история о том, что ему хватило и на огромный балдахин работы Бернини с витыми колоннами в соборе Святого Петра, не соответствует действительности. Возможно, на него и пошло несколько тысяч фунтов бронзы Пантеона, но большая часть металла все же поступила из Венеции.

Однажды я провел в Пантеоне целый день и увидел там женщину, которая вошла с букетом гвоздик и, обойдя здание, постояв у гробниц королей и художников, оставила

свои цветы у гробницы Рафаэля. Великий мастер, чей творческий путь продлился всего лишь около шестнадцати лет, умер от горячки в тридцать семь, и в последний путь его провожал весь Рим. Его неоконченное «Преображение» несли перед процессией как знамя.

Любовь Рафаэля к дочери булочника ежегодно приводит тысячи людей к дворцу Барберини — посмотреть на «La Fornarina»^[98] — предположительно ее портрет. Когда Рафаэль умирал, несчастную плачущую девушку прогнали от его постели, потому что посланцы папы, прибывшие с его последним благословением, отказались войти, пока она не уйдет. А потом ее ожидало еще одно унижение — узнать, что сам Рафаэль просил похоронить его рядом с останками его невесты, Марии Биббиены.

В то время, когда Рим посетил Гёте, в академии Святого Луки хранился череп, про который говорили, что это череп Рафаэля. На поэта он произвел большое впечатление, он сказал, что эти благородные кости, несомненно, служили «вместилищем прекрасной душе». Но это была чья-то другая прекрасная душа, не Рафаэля. 14 сентября 1833 года в Пантеоне произошла странная и зловещая сцена: комитет из церковников и художников открыл гробницу Рафаэля. Там они обнаружили череп и кости художника, лежавшие в тибрском иле. Останки были позже выставлены под стеклом на некоторое время, а после перезахоронены.

Бронзовые двери Пантеона, которым чудом удалось спастись от грабителей, когда-то были обиты пластинами золота. Вы можете провести дни на Форуме, пытаясь представить себе, каким был Рим в дни имперского величия, но Пантеон остается единственным тому свидетельством, это мощное строение сохранило нетронутыми крышу и двери и пережило бури и невзгоды восемнадцати столетий.

Пьяцца Санти Апостоли, в стороне от Корсо, вообще с трудом можно назвать площадью — это всего лишь узкая

улица. На ней стоит церковь Апостолов, а также два самых крупных дворца в Риме, палаццо Колонна и палаццо Одескальки, которые белеют подобно двум океанским лайнерам в доке. Глубоко под улицей находятся останки Скотланд-Ярда имперского Рима — залы, полные колонн, статуй богов и императоров, комнаты для ожидания, канцелярии и резиденция командующего. В узком конце этой улицы находится скучный маленький дворец, которого никто не заметил бы, если бы к нему не привлекали внимания. Его заняли офисы разных контор, и среди них я заметил пансион Святого Георга, что вызвало у меня удивление: неужели еще остались английские якобиты, пожелавшие к тому же жить в здании, где умер Старший Претендент и где родились Красавец принц Чарли и Генрих, герцог Йоркский? Потому что это — палаццо Мути.

В течение семидесяти лет это здание было резиденцией «Короля за морем», а сейчас оно в жалком состоянии и не может служить достойным памятником несчастным изгнанным Стюартам. Ни один англичанин не пройдет мимо него, не задумавшись о многих жизнях, загубленных здесь, о хитроумных заговорах, о шпионах, которые с радостью пересказывали любое событие, происходившее в старых комнатах, где теперь стучат на своих машинках машинистки, а повар готовит еду, и запах доходит до нижнего этажа.

Я перешел дорогу и вошел в церковь Апостолов, где древность совершенно подавлена барочной лепкой. В ризнице я нашел священника и хотел поговорить с ним о Стюартах, но он ничего не знал о них. Однако, боясь разочаровать меня, он отвел меня в неф и указал на мраморную урну на колонне. В этой урне хранится сердце Клементины Собеской.

Ей было шестнадцать, когда она приехала в Рим, чтобы выйти замуж за Якова Стюарта, которому в ту пору был тридцать один год. Премилая малышка со вздернутым носиком, голубыми глазами и светло-каштановыми волосами до пят. Маленькой девочкой она играла в королеву Англии и приехала в Рим в счастливом волнении и блаженном

неведении — ей назначено было исполнить свою роль в этой игре, но так никогда ни разу и не выиграть в ней. Ее дед был тот самый великий Ян Собеский, который разбил турок у ворот Вены и освободил Венгрию от османского ига. Частично ее приданое составляли реликвии, привезенные из этого похода. Например, мощная, на четырех толстых ножках кровать с балдахин из тканей, окружавших знамена Магомета. На них бирюзой и жемчугом по золотому полю вышиты арабские тексты. Сама кровать — из позолоченного серебра. Еще в ней были три огромные рубина, найденные в шатре гарема великого визиря Амурата. Прибытие в Рим этой кровати из сказок «Тысячи и одной ночи» казалось еще более необычным, чем прибытие самой Клементины.

По пути из Польши невесту похитили люди императора, который состоял в сговоре с Англией, и заперли в замке Инсбрук, с целью, разумеется, не допустить брака, задуманного, чтобы посадить наследника-католика на английский престол. Четверо храбрых ирландских офицеров вызвались выручить Клементину из плена. Они поскакали в Инсбрук сквозь альпийские бури, снег и дождь. Замысел был таков: тайком провести в замок молодую женщину, положить ее в постель Клементины, а принцесса тем временем убежит со своими спасителями. Ночь была темная, хоть глаз выколи, и сильно мело. Стража ушла внутрь замка, улицы были пусты. К Чарлзу Воэну, старшему из четверых офицеров, ожидавшему на улице, подошла молодая девушка в плаще с капюшоном. Она шла, наклонив голову, то и дело оскальзывалась и спотыкалась в грязи и слякоти. В руках Клементина держала два свертка. В одном были три сорочки, нижняя юбка, отороченная горностаем, и несколько носовых платков; в другом же — завернутые в коричневую материю, лежали драгоценности английской короны, посланные ей Яковом в подарок по случаю обручения.

Воэн отвез девушку в гостиницу, где ожидали трое офицеров. В комнате, освещенной лишь одной свечой, четверо мужчин по очереди коснулись губами руки дамы. У

них был специальный экипаж с двойными рессорами для путешествия по горам. Имелись веревки и кожаная подушка на случай, если Клементина пожелает ехать не в экипаже, а верхом. Не успели они выехать, как принцесса хватилась драгоценностей короны, которые забыла в гостинице. Один из офицеров, О'Тул, вернулся и нашел их.

Путешествие через перевал Бреннер было не из легких. Дважды экипаж ломался и один раз едва не рухнул в пропасть, но, к счастью, шторы были задернуты и принцесса ничего не поняла. В конце концов полетела ось, и Клементина пересекла австрийскую границу, за которой была уже в безопасности, на телеге. Через пять дней они добрались до Болоньи, где она была обвенчана с Яковом по доверенности. По прибытии в Рим Яков произвел всех четырех офицеров в рыцари, а папа сделал Чарлза Воэна римским сенатором.

Яков был без ума от своей очаровательной молодой жены, и она очень старалась угодить ему. Среди не очень корректных описаний ее характера уместно было бы назвать шутливое письмо, написанное во время медового месяца, в котором Яков пишет, что не уверен, есть ли вообще своя воля у его дорогой маленькой супруги. Это, мол, еще предстоит выяснить.

Рим нашел ее очаровательной, и первые шесть лет они прожили безоблачно. В 1720 году родился Карл (Чарлз) Эдуард (он же Красавец принц Чарли); спустя пять лет — его брат, Генрих, будущий герцог Йоркский. Злокозненный двор, разногласия и склоки, вечно озабоченный и пребывающий в унынии муж, его протестантская родня, которую Яков держал при дворе по политическим причинам при полном одобрении папы, — все это не могло не действовать Клементине на нервы. Про нее говорили, что она более ревностная католичка, чем сам папа римский. В припадке истерического гнева она бежала из палаццо Мути и нашла приют у монахинь монастыря Святой Цецилии, на Виа Витториа, в здании, где сейчас знаменитая Академия музыки монастыря Святой Цецилии. Здесь она провела два года, упрямо не желая возвращаться.

Кардиналы и даже сам папа тщетно умоляли ее вернуться в палаццо Мути: ведь поступок совсем испортил характер ее многострадального супруга, к тому же в Европе о нем шла слава как о жестоком деспоте, заточившем свою молодую жену в монастырь. Это был прекрасный козырь антияко-битской пропаганды. Затем, так же внезапно, как бежала, она вернулась. Яков принял ее с радостью и любовью. Но это была уже совсем другая женщина. Теперь она посвятила всю себя религии. Когда она умерла в возрасте тридцати пяти лет, Яков и двое ее сыновей были безутешны.

Цвет волос Клементины передался по наследству Красавцу принцу Чарли. Ее польская кровь объясняет северный тип внешности Стюартов. Смуглость у Стюартов появилась после рождения детей Генриетты-Марии, и самым темным из них был Старший Претендент, Яков III, сын Марии из Модены, «черной пташки» якобитской стаи. Яков оставался безутешным вдовцом всю свою оставшуюся жизнь, то есть еще тридцать один год. Он проводил долгие часы на коленях у могилы жены.

Следующей хозяйкой дворца Мути стала молодая жена Карла Эдуарда, который к моменту своей женитьбы, в пятьдесят два года, уже не был тем неотразимым молодым человеком, чье появление всюду вызывало переполох. Он вел весьма рассеянный образ жизни, однако сумел взять себя в руки на время, когда в Рим приехала его хорошенькая девятнадцатилетняя невеста, принцесса Луиза Стол-берг, сопровождаемая молодым красавцем Томасом Коком Норфолком, с которым она познакомилась во время путешествия. Естественно, злые языки болтали, что молодые люди успели влюбиться друг в друга. Как бы там ни было, они расстались и больше никогда не встречались.

Луиза очаровала римлян, которые прозвали ее Королевой Сердец, и даже ее зять, герцог Йоркский, нашел ее обворожительной. На какое-то время показалось, что жизнь Карла Эдуарда изменится к лучшему, но он был уже не в том возрасте, чтобы меняться, и его трагический портрет кисти Батони в Национальной галерее в Лондоне

говорит лучше всяких слов. Через пять лет во Флоренции Луиза встретила графа Альфиери, итальянского поэта, и они полюбили друг друга. Альфиери был красив байронической красотой, незадолго до знакомства с Луизой дрался на дуэли в Гайд-парке с оскорбленным им мужем одной дамы, и печальная несвобода этой красивой двадцатичетырехлетней женщины, связанной узами брака с ревнивцем и пьяницей, возбудила в нем рыцарский дух и любовь. Однажды ночью, накануне дня святого Андрея, Красавец принц Чарли ворвался в спальню жены и, обвиняя ее в неверности, пытался задушить. Луиза бежала в монастырь, взывая о помощи к своему деверю, кардиналу. Тот устроил ей переезд в Рим, дав убежище в том самом монастыре Святой Цецилии, где скрывалась когда-то его мать.

Альфиери последовал за Луизой в Рим, куда простодушный кардинал, единственный, видимо, в Риме человек, веривший в платонический характер этих отношений, перевез ее из монастыря. Он поселил родственницу в великолепном палаццо делла Канчеллериа, одном из величайших дворцов в Риме. Альфиери поселился неподалеку на вилле, которая располагалась на месте теперешнего оперного театра. Здесь он писал пьесы и стихи и катался с Луизой верхом по живописным окрестностям. Счастье было полным. Альфиери представили папе, Луиза находилась под защитой кардинала, так что, к удивлению всего Рима, любовная связь расцветала прямо под носом высочайших стражей нравственности! Счастье длилось два года, за это время Альфиери написал четырнадцать трагедий. Римское общество одобряло этот роман, графиня и поэт были всюду приняты. Одним из важных для них моментов было первое представление «Антигоны» Альфиери в палаццо ди Спанья, когда сначала вся римская аристократия при свечах смотрела пьесу, в которой играл и сам Альфиери, а затем лакеи в ливреях желтого и красного испанских цветов разносили мороженое. Все это внезапно кончилось.

Было объявлено, что Карл Эдуард умирает и принял последнее причастие. Он верил, что действительно умирает, и на смертном одре исповедался в своих грехах, не пытаясь обелить себя, но заодно и рассказав правду о графине и Альфиери и о том, как они спровоцировали его на покушение. Целомудренный герцог Йоркский пришел в ужас. Он страшно разгневался от мысли, что, по сути дела, поощрял греховную связь целых два года! Вернувшись в Рим, он тотчас же отправился к папе, который, видимо, был столь же простодушен, так как тоже ужаснулся и с готовностью издал указ, запрещающий Альфиери жить в Риме. Так, к великому сожалению всего римского общества, любовников разлучили.

Альфиери отправился в Англию покупать лошадей, которые были еще одной его страстью, после литературы и Луизы. Графиня скоро уехала из Рима в Эльзас, где к ней присоединился Альфиери. Из Франции их выгнала революция, и в конце концов они осели во Флоренции. Больше они не расставались до самой смерти Альфиери. Он умер через двадцать лет.

Но для палаццо Мути это был еще не конец. Карл Эдуард выздоровел и дал этому дворцу его последнюю и наиболее удачливую хозяйку, его незаконнорожденную дочь Шарлотту Стюарт. Годами он делал все, чтобы забыть ее, и однажды жестоко ее оттолкнул. Но теперь, старый, больной, разочарованный во всем, он обратился к ней, и она с готовностью отозвалась. Ее мать он встретил в Шотландии. Ее звали Клементина Уокингшоу, и после восстания она разделила бродячую жизнь Красавца принца Чарли на континенте в качестве его жены. Они путешествовали как мистер и миссис Джонс или мистер и миссис Томсон. Бывало, они страшно ссорились и часто устраивали ужасные сцены при посторонних, пока в один прекрасный день Клементина не бежала от него, взяв с собой ребенка.

Шарлотте был тридцать один год, когда она воссоединилась с отцом. Взглянув на нее, он увидел себя в женском обличье, такого, каким был в молодые годы:

прямой нос, высокий рост, каштановые волосы. Даже интриганы и сплетники не осмеливались шутить над Шарлоттой. Она наконец навела порядок в жизни своего отца.

Теперь он был инвалидом, и она преданно и с любовью ухаживала за ним. Он не отпускал ее от себя ни на минуту. «Если бы доброты сердца было достаточно для завоевания трона, — писал современник, — то его дочь взошла бы на него немедленно, потому что она — воплощенная доброта; доброта не по долгу, а исходящая из самого сердца, доброта, которая сочетается с природным изяществом, завоевывает сердца и вызывает преклонение». Первое, что сделал Карл, — это признал дочь законной и дал ей титул герцогини Олбани.

При ее неусыпной заботе Карл снова стал самим собой. Когда он почувствовал себя лучше, то начал вместе с дочерью выезжать в свет. Они катались по Риму в экипаже в сопровождении слуг в королевских ливреях. На дверце кареты была монограмма CR под королевской короной. Но чаще он мирно коротал дни в палаццо Мути, уносясь иногда мыслями в горы Шотландии, а однажды, услышав мелодию «Lochaber no more»,^[99] разрыдался. Он был старый человек и сознавал, что жизнь его кончена, и все же под его кроватью хранилась коробка с двенадцатью тысячами цехинов на случай, если его призовут на трон его предков.

Итак, последние два года своей жизни он прожил достойно. В конце января 1788 года Красавец принц Чарли, чье имя всегда будет звучать в шотландских песнях, скончался на руках у Джона Нэрна, предводителя клана Нэрн. Верные ему люди, посвятившие свои жизни погибшему делу, собрались у его постели. Дочь скрасила ему последние минуты жизни. Во дворце было тихо, лишь звучали голоса францисканцев, читавших молитву по усопшему.

Грустно говорить об этом, но Шарлотта, герцогиня Олбани, пережила своего отца лишь на год и восемь месяцев. Ее лошадь споткнулась и упала вместе с

наездницей в Болонье, и Шарлотта умерла от полученных увечий.

Когда сегодня смотришь на ветхий старый дворец Мути, приходит еще одно, последнее воспоминание. Это было в 1811-м, через двадцать три года со дня смерти Карла Эдуарда. Невысокая полная женщина пятидесяти девяти лет стоит и смотрит на здание. С ней страдающий подагрой сорокапятилетний мужчина. Остается только гадать, о чем думает женщина, ибо это Луиза, графиня Олбани, жена Карла Эдуарда. Это дворец, куда она пришла юной девятнадцатилетней невестой тридцать девять лет назад. Но кто ее прихрамывающий друг? Это вовсе не ее поэт, Альфиери, который уже восемь лет как в могиле. Он умер в пятьдесят четыре года, и его смерть подкосила ее. Их любовь была счастливой, несмотря на его ужасные припадки гнева, от которых она часто плакала, и его отвращение ко всему французскому, особенно к Наполеону.

Тот человек, что стоял с ней около дворца в 1811, был французский художник Франсуа-Ксавье Фабр. Его портреты Луизы и Альфиери до сих пор висят во французском зале галереи Уффици во Флоренции. Подобно Луизе, Фабр искренне восхищался Альфиери, и кажется очень естественным, что после смерти поэта эти двое проводили много времени вместе. Разумеется, не обошлось без сплетен. Во время своего визита в Рим Фабр и Луиза спустились в склеп собора Святого Петра, где она постояла над могилами своего мужа, его брата и их отца. О чем она думала? В ее дневнике нет никаких записей об этом. Побывав в Риме, они не спеша вернулись в Casa Alfieri, на берегу Арно во Флоренции.

Хотя Луизе не суждено было стать королевой Англии, она, безусловно, была настоящей королевой Флоренции в последние тринадцать лет своей жизни. Обычно она сидела в большой комнате с видом на реку, принимала посетителей, все ее любили и восхищались ею. От ее волшебной красоты не осталось и следа, она скрылась за немецкой угловатостью лица и фигуры. Луиза восседала в кресле с величественным видом, отяжелевшая и старомодно

одетая, с шейным платком а ля Мария-Антуанетта на груди, и гордо хранила память о своем Поэте. Английских посетителей тем не менее она интересовала исключительно как вдова Младшего Претендента.^[100] Однажды, когда вести о смерти Георга III дошли до Флоренции, одна глупая женщина, надеясь заслужить этим благосклонность старой графини, с чувством воскликнула: «Графиня, объявляю вам о смерти узурпатора!» Луиза бесстрастно посмотрела на нее, и сухо спросила: «Какого узурпатора?»

Когда она в семьдесят один год умерла, то оставила все наследие Альфиери Фабру. И тот, кто посетит старинный городок Монпелье во Франции, родной город Фабра, обнаружит все книги и рукописи там. Они аккуратно выставлены и окружены заботой в музее Фабра. Ничто не могло бы разозлить Альфиери больше, чем то, что его произведения хранятся на столь ненавидимой им французской земле!

Вновь посетив палаццо Мути, я увидел мемориальную доску, затерянную в одном из темных коридоров и сообщающую, что здесь жил Генри, кардинал и герцог Йоркский, на котором и пресекся королевский род Стюартов. Странно, но ни его отец, ни брат в надписи не упомянуты.

8

После смерти Карла Эдуарда кардинал герцог Йоркский объявил себя Генрихом IX Английским. Он велел отчеканить весьма патетическую медаль, на которой именовал себя «Королем милостью Божией, но не волей людской», хотя никто, кроме разве что слуг, нескольких ирландцев, и тех, кто желал добиться его благосклонности, никогда не называл его «ваше величество». Ватикан не признал его Генрихом IX, и за пределами дворца он оставался «его светлостью Генри Бенедиктом Марией Климентом, кардиналом и герцогом Йоркским».

Он был самым симпатичным из этого семейства. По-английски говорил с сильным акцентом, и очень раздражался, когда его не понимали. Был довольно богат, пока действия Наполеона против Святого Престола не лишили его поста, и тогда, проявив большую деликатность, Георг III убедил его согласиться на пенсию в 4000 фунтов в год.

По-настоящему счастлив он был во Фраскати. Здесь его воистину считали королем. Будучи молодым и богатым епископом, он щедро тратил деньги на свою епархию, пока не изжил там бедность и нужду. Он жил весело, был доступен для всех, а его дорожную карету, запряженную великолепными лошадьми и проносящуюся на большой скорости, хорошо знали в окрестностях.

Я заинтересовался, сохранились ли во Фраскати какие-нибудь воспоминания о последнем Стюарте, и отправился туда однажды утром. Проехав четырнадцать миль, я оказался на великолепных Альбанских холмах и поднялся в аккуратный, в бисквитных тонах городок, глядящий этим чудесным итальянским утром через Кампанию на Рим. Город мне был виден сквозь легкий осенний туман, из которого поднимались купола церквей, чуть тронутые утренним солнцем.

Фраскати был резиденцией фельдмаршала Кессельринга, и союзникам пришлось бомбить город в 1943–1944 годах. Еще и сейчас в домах остались пробоины и другие печальные знаки минувшей войны, но жизнь кипит на улицах поселения, которое многие считают самым привлекательным из Castelli Romanix.^[101] Все встреченные мною люди обладали этим знаменитым итальянским обаянием, которого не чувствуешь в утомительном Риме, где люди очень заняты и вечно спешат.

В огромный барочный собор попала бомба, но один памятник вышел из войны, не получив ни единой царапины: длинная надпись с королевским английским гербом, которую Генри сделал в честь своего брата, похороненного изначально во Фраскати, прежде чем его тело перенесли в склеп Стюартов в соборе Святого Петра. Я нашел и то место,

где когда-то была основанная кардиналом Стюартом библиотека. Здание разрушили во время войны, а теперь отстроили, и здесь размещаются квартиры, офисы и магазины. Войдя, я был приятно удивлен, увидев, что Biblioteca Eboracense все еще существует, и хотя полки пусты, но бюст Генри здесь все же стоит. Хранитель сказал мне, что книги забрали для сохранности в Ватикан и пока еще не вернули.

Самое интересное из всего, связанного со Стюартами, — это странный старый дворец, похожий, скорее, на замок. Когда Генри вступил во владение им, дворец был в таком плохом состоянии, что однажды во время банкета он и его гости провалились вместе с полом в конюшни, которые находились внизу. Кардинал, более удачливый, чем многие из гостей, мягко приземлился на крышу собственного экипажа. Старинная лестница, ведущая к этому дворцу, известна как Виа Дука ди Йорк — улица Герцога Йоркского.

Бродя по городу, знаменитому своим белым вином, я заметил несколько похожих на укрепленные крепости винных подвальчиков, вырубленных прямо в скалах. Я спустился в один из них и оказался в интерьере, который, вероятно, весьма удивил бы Сервантеса. Несколько ламп и свечей освещали пещеру, вырубленную в туфе, где стояли громоздкие деревянные некрашенные столы, почерневшие от времени. За одним из них весело пиновала компания собутыльников, перед ними стояли бутылки фраскати. Из подвалов сильно пахло вином. Как только появился я, смех тотчас прекратился. Эта сцена была стара как мир, и я тут же вспомнил плутовские романы: безусловно, весьма почтенные горожане, собравшиеся здесь, смотрели на меня как шайка разбойников, которая собралась отпраздновать добычу.

Меня приняли как нельзя более любезно. Пролитое вино тут же вытерли со стола, со скамьи смахнули пыль и с поклоном предложили мне сесть. Через несколько минут я понял, что попал на праздник. Это была последняя выпивка перед закрытием сезона, теперь canting откроется только тогда, когда поспеет вино нового урожая.

Я заметил, что фраскати здесь совсем другое, чем вино той же марки в Риме.

— А-а, — с пониманием кивнул старик, который, видно, не брился с прошлого воскресенья. — Эти воры-римляне никогда не нальют вам настоящего фраскати. Они же его водой разбавляют! Ваше здоровье... милорд!

Мне понравилось такое обращение! На развалинах меня часто называли «dottore», в музеях — «professore», но в этом пропахшем вином погребке Фраскати я услышал последний отзвук вежливости XVIII века.

Хозяин погребка сказал мне, что владеет двумя гектарами, это около пяти акров, виноградников, а его бешеная щедрость и жизнерадостность, ибо он все подливал и подливал в стаканы, объясняется прекрасным урожаем, который он ожидает собрать к 20 октября. Виноград давят ногами, и он пригласил меня прийти посмотреть на это. Никогда, сказал он, виноград для его вина не будет давить машина, ведь пресс дробит косточки и вино от этого становится горьким. Я удивился тому, что всего пять акров виноградников дают достаточно вина для содержания погребка, да еще позволяют отправлять вино в Рим.

Хозяин провел меня в подвалы, очень похожие на катакомбы, где стояли сорок больших бочек. Он сказал, что температура здесь никогда не колеблется более чем на один градус, даже в августе.

Когда мы вернулись в погребок, худой старик, стоя в луче света, проникшем с улицы, заглядывал во мрак, громко выкрикивая: «Olivi dolci!». [\[102\]](#) Он вошел, мы угостили его стаканом вина, выпив за новый урожай, и купили у него немного чудесных зеленых оливок. Стали приходить еще люди, и я ушел. Хозяин проводил меня до выхода, и еще раз пригласил посмотреть, как давят виноград.

По дороге из Фраскати есть терраса, которая возвышается над Кампаньей с запада. С нее я посмотрел на закат над Римом. Вся Кампанья превратилась в пурпурное море, в котором, подобно миражу, плавал город куполов. Я

вернулся в Рим к тому волшебному часу, когда улицы заливают розоватый свет.

9

Мавзолей Августа стоит на берегу Тибра. Это одна из тех жалких развалин, которые упорно не хотят развалиться окончательно. Он успел побывать крепостью, ареной для боя быков, цирком, концертным залом. Теперь это руина, где хромы коты ищут защиты от мальчишек. Здесь когда-то покоился прах пяти цезарей — Августа, Тиберия, Калигулы, Клавдия и Нервы, двух императриц, Ливии и Агриппины, а также других членов императорской семьи. Никто не знает, что случилось с прахом, но нетрудно догадаться: урна, в которой хранился пепел Агриппины, в Средние века использовалась как мерка для зерна.

Императоров сжигали в нескольких шагах отсюда, рядом с церковью Сан-Карло-аль-Корсо, и думаю, из всех древнеримских церемоний именно похороны императора поразили бы нас сильнее всего. Обычай *conclamatio*, который до сих пор соблюдается, когда умирает папа, — прямое возрождение римского обычая. Как только папа умирает, весь Рим прекращает работать и погружается в скорбь. Под звуки автомобильных сирен и плач женщин с распущенными волосами торжественная погребальная процессия движется к Марсову полю. В ней участвуют восковые «родственники», имеющиеся у всякой аристократической семьи. Эти маски хранились в шкафах римских дворцов и очень ценились, как нами ценятся портреты предков. В имперские времена ходила шутка, что мол, у «нового человека» нет родственников, разве что воображаемые; а в дни, когда почитали аристократов, потешались над состоятельными людьми, которые якобы купили себе родственников на аукционе. Так вот, длинная процессия в аутентичных масках, которые надевали члены императорской семьи или люди, выбранные за их сходство с предками, проходила мимо носилок с телом императора,

укрытым пурпурной тканью. Члены семьи, рабы, освобожденные по воле покойного императора, с обритыми головами и в головных уборах свободных людей, сенаторы, аристократы, ликторы с пучками фасций, преторианская гвардия — всем им находилось место в процессии. В тишине, прерываемой только воплями плакальщиц, тело поднимали на Ostrinum, к месту погребального костра. На самой вершине сидел орел в клетке. Когда люди в восковых масках окружали место сожжения, человек, отведя глаза от клетки, подносил горящий факел к ее прутьям, в тот же миг открывали дверцу, и орел вылетал из облака дыма, символизируя душу императора, отлетающую в другой мир.

На берегу Тибра сейчас стоит огромное бетонное сооружение на том месте, где был остринум, но внутри можно взглянуть на одну из величайших реликвий, Ara Pads Augustae.^[103] Это знаменитый алтарь, посвященный Августу Сенатом в 13 году до н. э. в честь его триумфального возвращения из Испании и Галлии. До недавнего времени это сооружение существовало только в виде фрагментов в дюжине разных собраний, и значительная часть его находилась на Корсо под палаццо Фиано, фундамент которого покоился на древних мраморных ступенях. Как все эти разрозненные фрагменты собрали вместе, как остальные части выкопали из-под земли — это одна из самых романтических историй о раскопках, и, возможно, когда фашисты предстанут перед судом вечности, за восстановление алтаря Мира им простится безобразная Виа делла Кончиллационе.

Первые попытки копать под палаццо Фиано были предприняты в 1903 году. Там обнаружили много удивительного, но вода хлынула в раскоп, и устойчивость верхнего дворца оказалась под угрозой. В 1937 году правительство Муссолини взялось за дело рьяно и с большими затратами, как это бывает только при диктатурах. Сначала подземные воды были заморожены, затем вес дворца приняла на себя сложная стальная конструкция, освободив от него мраморные ступени алтаря.

Теперь девять ступеней ведут на квадратную площадку под открытым небом, огражденную высокими стенами, покрытыми изнутри и снаружи великолепной резьбой, а еще один лестничный пролет в центре ведет к алтарю. Фриз с фигурами в человеческий рост проходит по кругу: могила и торжественная процессия мужчин и женщин, следующая к алтарю для жертвоприношения. Среди них мы видим и самого Августа, укрывшего голову тогой, его преемника Тиберия, Ливию — жену Августа и его дочь Юлию. Портреты были выполнены при жизни этих людей самым лучшим скульптором. Поразительно, как мало пострадали от времени фрагменты, пролежавшие века под Корсо, спасенные от варваров и Барберини. Они поражают нас своей свежестью и своим чудесным возрождением.

10

Прохожий, нервно пробирающийся в сумерках по Виа ди Монсеррато от фонаря к фонарю, с облегчением доходит наконец до сомнительного убежища на Кампо ди Фьори. С наступлением темноты старые улицы Рима обретают новую жизнь в другом времени. Древние дворцы стоят на узких улочках, как будто люди в масках, а крепкие железные решетки, которыми забраны нижние окна, наводят на мысли о воровстве и тюрьмах. Редкие прохожие, ныряющие в проемы арок и боковые переулки, внушают страх. Кажется, эти улицы и задуманы такими, и устроены так именно для того, чтобы вызывать подобные эмоции. К счастью, иногда с верхнего этажа донесется успокаивающий голос оинга Кросби, напоминающий, что любовь — это всё.

На углу Виа ди Монсеррато — Английский колледж и церковь, посвященная святому Фоме Кентерберийскому. Старинный дворец, в котором молодых англичан сейчас готовят в священники, удивительно контрастирует со своим окружением. Везде царит образцовый английский порядок. Итальянский зал, мраморная лестница, зал для приемов — все это выполнено в стиле итальянского барокко, но каким-

то странным образом стало английским, — возможно, из-за веками звучавшей здесь английской речи, из-за постоянного присутствия в этих интерьерах молодых англичан. Встречая этих отцов Браунов, Джонсов и Робинсонов, излучающих радостное, мужественное благочестие, характерное для английского католицизма (кажется, им только дай — и святого Августина научат играть в регби), вы чувствуете дыхание Стоунхерстского военного колледжа. Никого не удивит, например, что кардинал Хинсли ознаменовал открытие бассейна прыжком в воду — разумеется, единственное зафиксированное появление члена священной коллегии в купальном костюме!

В древности окрестности были заняты конюшнями, где держали лошадей для боевых колесниц. Знаменитые «красные» располагались на месте нынешнего палаццо Фарнезе, «зеленые» — на месте палаццо делла Канчеллериа, «синие» — на месте Английского колледжа. Когда в 1682 году здесь строили здание, нашли красивого фавна, а также часть святилища бога Сильвана, основанного в 90 году н. э. участником состязаний на колесницах Таллусом. В этой части Рима, однако, легче представить себе средневековых грабителей или убийц эпохи Возрождения, чем обитавших здесь студентов или «жучков», которые подглядывали из-за стены на занятия возникших в Тригариуме.

Старинная *Scola Saxorum* рядом с собором Святого Петра давно перестала существовать. Это случилось, когда Бонифаций VIII объявил 1300 год Святым годом, и английских паломников тут же выгнали жадные римские содержатели гостиниц. Когда настал следующий Святой год — 1350-й, жульничество и вымогательство домовладельцев побудили торговца английскими молитвенниками Джона Шеперда и его жену Эллис превратить свой скромный дом в гостиницу для англичан. В великолепной, красивейшей библиотеке на верхнем этаже колледжа, где все полки снизу доверху заняты рукописями и книгами в переплетах телячьей кожи, хранятся документы о гостинице и более поздние — о колледже. В годы правления Эдуарда III в Риме

существовала процветающая колония английских купцов, и в 1362 году несколько человек выкупили у Джона и Эллис их гостиницу, оставив их управляющими. Мы можем встретить в документах имена некого Джона, еще одного торговца молитвенниками; Уильяма Чандлера из Иорка; Джона Уайта, купца, жителя Лондона; Питера Пола Бейкера, гражданина Рима; Джона, золотых дел мастера; Джона Гейлота, английского купца, и Джона Эли, парламентского пристава папы.

В течение трех столетий каждый англичанин, который посещал Рим, останавливался на Виа ди Монсеррато, и бедных принимали здесь так же, как власть имущих. Меня заинтересовала запись о прибытии в 1489 году двух английских джентльменов, изучавших в Италии греческий, Уильяма Лили и Томаса Линакра. Лили станет первым главным магистром школы Святого Павла, а Линакр — одним из выдающихся врачей своего времени. Оба они, вместе с Уильямом Гроцином, стали первыми преподавателями греческого в Англии и, как все гуманитарии, были выпускниками Оксфорда. Приятно представлять себе, как эти молодые англичане, подпоясанные, в фетровых birettas, ходили по улицам Рима во времена Иннокентия VIII. Может быть, смешавшись с толпой, они наблюдали фантастическую процессию в 1489 году: брат султана Баязета торжественно въехал в Рим, сопровождаемый кардиналами, верхом на предоставленном папой белом коне. Лица всадника не было видно под покрывалом.

Этот молодой человек бежал от своего брата, султана, и нашел приют у рыцарей святого Иоанна. Когда султан предложил выплачивать ежегодно крупную сумму тому, кто будет держать принца в плену, между европейскими дворами началось нечто вроде аукциона, борьбы за право «принять» такого прибыльного гостя. Однако папа перебил все ставки, так что турецкого принца отправили в Рим. Лили и Линакр, как и все в Риме в тот год, вероятно, слышали, что, хотя молодого человека ознакомили с этикетом папского двора, он отказался поцеловать туфлю папы и с

надменным видом стоял в своем тюрбане, пока наконец неуклюже не поцеловал папу в правое плечо. В течение шести лет глава всего христианского мира и брат его злейшего врага сосуществовали в Ватикане, имели там свои дворы, и когда в правление следующего папы, Александра VI Борджиа, принц умер, ходили слухи о некоем «белом порошке».

Линакр вернулся в Англию и стал наставником принца Артура, брата Генриха VIII, а после смерти Артура — врачом Генриха. Еще одним его пациентом был кардинал Уолси. Когда этот великий ученый был уже очень стар, его попросили дать первый урок латыни одной пятилетней девочке, звали ее Мария Тюдор. Основывая Медицинский колледж, Линакр, несомненно, ориентировался на подобные итальянские учреждения. В колледже можно увидеть копию его портрета. Другой прекрасный портрет висит в кабинете ректора на Виа ди Монсеррато.

В правление Елизаветы гостиница изменилась. Она стала прибежищем для англичан, которые предпочли ссылку протестантизму. Кардинал Аллен, основавший Дауэй-Скул,^[104] организовал Английский колледж как семинарию, где молодых священников обучали, после чего отправляли в Англию — рискуя жизнью, нести туда истинную веру. Занятой отец Парсонс курсировал между Виа ди Монсеррато, Эскориалом и Английским колледжем в Вальядоли-де, в надежде увидеть реставрацию старой веры, пусть даже рискуя при этом быть заколотым толедским кинжалом.

Сорок пять молодых английских священников, выпускников Английского колледжа, были схвачены на родине и казнены, в их числе Эдмунд Кэмптон и Роберт Саутвелл. У отъезжающих в Англию вошло в обычай прощаться со святым Филиппом Нери, который жил напротив колледжа, в Сан-Джироламо. Старец обнимал отбывающих и обращался к ним со словами, с которыми Церковь обращается к невинным младенцам: «*Salvete flores martyrum*».^[105] В католическом соборе в Шрусбери есть замечательный витраж, изображающий святого Филиппа,

который благословляет молодых священников на улицах Рима.

Это был волнующий и страшный момент в английской истории: время тюрем, шпионов, тайных месс, арестов, пыток на дыбе и виселиц. Ни один из ссыльных, и менее других отец Парсонс, кажется, не понимал, что времена изменились с тех пор, как они покинули родину: как сказал архиепископ Мэттью, «в случае иностранного вторжения каждый католик, независимо от собственных религиозных предпочтений, поддержал бы английское правительство».

Из стен колледжа вышли сорок четыре мученика, но он также воспитал одного из самых подлых шпионов своего времени, человека, который помог довести Марию Стюарт до эшафота. Даже Тит Оутс, мне кажется, занимает лишь второе место после Гилберта Гиффорда. Этот молодой человек притворялся ревностным католиком, а сам шпионил в пользу Фрэнсиса Уолсингэма. Имея за плечами Дауэй-Скул и Английский колледж в Риме, он был принят ничего не подозревающими английскими католиками и передавал все их тайны секретным службам. Он втерся в доверие к королеве Марии Шотландской, когда ее уже заключили в тюрьму Чартли Холл, Стаффордшир, и якобы тайно переправлял ее письма, обернутые в промасленный шелк, в бочке бартонского эля, сперва, разумеется, скопировав их для Уолсингэма. Письма с воли доставлялись королеве таким же способом. Говорили, хотя это и не доказано, что Гиффорд участвовал в заговоре Бабингтона против Елизаветы; во всяком случае, это именно он передал письмо Бабингтона Марии и ее «ответ» Бабингтону, который, будучи сфабрикован или по крайней мере обработан Гиффордом или Уолсингэмом, привел эту трагедию к развязке. В том же году, когда умерла Мария Стюарт, Гиффорд стал священником. Шесть лет спустя возмездие за грехи настигло его — иуда умер в парижской тюрьме.

На столе в библиотеке я увидел изысканную птичью клетку из серебра и позолоченного дерева в форме барочной гробницы. Это одна из голубиных клеток, использованных в 1935 году на церемонии канонизации

святого Джона Фишера и святого Томаса Мора. Клетка заставила меня вспомнить события тридцатилетней давности, когда были канонизированы Андреа Бобола, Джон Леонарди и Сальваторе да Орта. Во время мессы я услышал воркование голубей, и увидел процессию монахов и людей, одетых в светскую, но черную одежду. Они несли золоченые клетки, маленькие серебряные и золотые бочонки вина и хлеба на золотом подносе. В церкви стояла тишина, если не считать голубиного воркования, и postulantes, или «представители» новых святых на церемонии, опустились на колени перед креслом папы и сделали свои приношения. Трижды клетки, полные щебета, подносили папе, по одному разу за каждого из новых святых, и папа наклонялся вперед и благословлял птиц, клонивших головы на один бок. Ни в одной церемонии я никогда не видел момента лучше этого: хлеб и вино, пришедшие из ранней Церкви, птицы, символизирующие чистоту и небесную природу жертвоприношения.

Последние документы колледжа, то есть записи начиная с XVII века, сохранили для нас имена многих достойных англичан, которых принимали здесь как дорогих гостей. Среди них были и нектолики. 30 октября 1638 года здесь побывал Мильтон. Он отобедал в трапезной вместе с учащимися. Шесть лет спустя Джон Ивлин тоже отобедал, а после этого посмотрел итальянскую комедию, разыгранную учениками для кардиналов; в следующем году он опять обедал в колледже и смотрел пьесу, на сей раз английскую. В колледже бережно сохраняют исторические традиции: я слышал, что ученики как раз репетируют комическую оперу Гилберта и Салливана «Детский передник».

Мы отправились в часовню, посвященную Томасу Беккету. Это сравнительно новое здание, вместившее в себя более старые гробницы и памятники: например, кардиналу Бейнбриджу, архиепископу Йоркскому, который, по слухам, был отравлен своим поваром в 1514 году. Говорят, у кардинала был неприятный характер, хотя мы видим его благочестивым и спокойным. Другой памятник, стоящий в этой церкви, — настоящее сокровище для собирателя

эпитафий. Он сообщает о смерти в 1778 году Марты Суинберн:

Она говорила по-английски, по-французски и по-итальянски и далеко продвинулась в изучении латыни; знала английскую историю и историю Рима, арифметику и географию; исполняла самые трудные партии чудеснейшим в мире голосом; прекрасно играла на клавесине, обладала хорошим слогом и танцевала многие танцы с большим изяществом. Лицо ее было прелестно, тело — совершенно, а все движения — грациозны.

И этому чуду исполнилось всего-навсего девять лет! Ее отец происходил из семьи Суинбернов из Кэпхитона, что в Нортумберленде. Эта семья дала миру Алджернона Чарлза Суинберна, который, кроме всего прочего, является автором первых путевых заметок об Испании. Бедная прекрасная Марта была первым ребенком в большой семье, и надо надеяться, что родительское горе, запечатленное в стенах часовни в Риме, смягчилось после рождения еще пяти дочерей и четырех сыновей. Один из сыновей Суинберна стал пажом королевы Марии-Антуанетты, одна из дочерей вышла замуж за Пола Бенфилда, который нажил состояние в Индии, а потом потерял его. Сам же Суинберн умер от солнечного удара в Тринидаде.

Здесь наконец обрел последнее успокоение и этот хлопотун, отец Парсонс, иезуит, который в XVI веке носился по Европе и совал свой нос во все дела, автор бесчисленных памфлетов, король пропаганды, горячий энтузиаст Армады, человек, который знал все, кроме того, что Англия Елизаветы — совсем не то, что Англия Марии.

На Виа Джулиа, рядом с Английским колледжем, стоит старинный дворец с покрашенным фасадом, палаццо Риччи-Параччиани. Войдя во дворик, чтобы полюбоваться дворцом,

я стал свидетелем странной сцены. Рабочие добросовестно замешивали раствор и клали кирпичи, а в углу, окруженная их ведрами и лотками, спиной к стене, сидела царственного вида мраморная дама и спокойно читала. Сначала я подумал, что это молодая Виктория. Она была явно из того времени. Волосы ее разделял прямой пробор, держалась спокойно и царственно, а взглянув на раскрытую книгу у нее на коленях, я увидел, что она читает «Божественную комедию» Данте.

Во времена, когда из дворцов делают многоквартирные дома, мраморные дамы в натуральную величину, даже такие красивые и очаровательные, как эта, становятся обузой. Вот ее и посадили, временно, надеюсь, во дворике. Я долго смотрел на нее, и человек, проходивший мимо по двору, заметил мой интерес к статуе и остановился. Он сказал, что он владелец этого дворца и этой статуи, но, кроме того, что эта дама была англичанкой, он не может сообщить мне о ней ничего. И добавил, что с удовольствием заглянет в семейные бумаги и напишет мне, и через несколько дней я действительно получил письмо от маркиза Джулио Риччи-Параччиани.

Леди звали Эмили Роулз. Она была из Кэмден Плейс, Чизлхерст, в Кенте. Ее отец, Генри Роуз, процветавший строитель, магистрат, председатель Всемирного общества страхования от пожаров, залез в долги и покончил жизнь самоубийством. Еще до этой трагедии Эмили встретила принца Луи Наполеона, и из многих женщин, на которых мог бы жениться впечатлительный принц, она какое-то время казалась наиболее удачной кандидатурой. Их роман тем не менее закончился женитьбой Наполеона на Евгении, и вскоре после этого Эмили уехала в Италию, где стала женой сказочно богатого римлянина, маркиза Джампьеро Кампана. К сожалению, ее мужа стали преследовать те же несчастья, что и ее отца, — финансовые затруднения. Его огромное состояние улетучилось, и так как в этот крах оказалось вовлечено большое количество людей, Кампана приговорили к двадцати годам принудительных работ. В отчаянии Эмили Роулз обратилась к бывшему поклоннику, в

то время уже Наполеону III. В результате его вмешательства принудительные работы были заменены высылкой, и, проведя несколько лет в тюрьме, маркиз уехал в Неаполь, где занялся спиритизмом и в конце концов умер в бедности. Наполеон помогал Эмили: он назначил ей пенсию, а также купил множество произведений искусства, принадлежавших ее мужу. Сейчас они находятся в Лувре. В период следствия по делу ее мужа Эмили заняла семь тысяч франков у своей подруги, маркизы Розы Риччи-Параччиани, и, не будучи в силах вернуть ей долг, отдала свое прекрасное мраморное изображение.

Странно, что после Седана и будучи низложенным, Наполеон III вспомнил Кэмден Плейс, Чизлхерст, где в юности познакомился с Эмили Роулз и ее семьей. Именно в этот дом он и императрица Евгения отправились, попав в беду, именно здесь они стали жить с сыном, принцем Империи. Эмили Роулз, умершая в 1876 году, дожила до того момента, когда император, за которого она когда-то могла выйти замуж, обосновался в ее старом доме в Кенте.

Надеюсь, что, если для нее так и не найдется места в палаццо Риччи-Параччиани, Музей Рима вызволит ее из продуваемого сквозняками дворика, ведь в жизни бедной девушки достаточно было холодных ветров, и, право же, она заслужила место среди римских реликвий XIX века.

12

Желая быть поближе к собору Святого Петра, я решил оставить свой пансион на Виа Венти Сеттембре и поискать себе пристанища на другом берегу Тибра. Я был счастлив, когда нашел комнату в монастыре. В комнате, очень белой, больничного вида, имелись только кровать, гардероб, стул и стол. Над столом — распятие, за ним, на стене — ладонь пальмового листа, оставшегося с прошлой Пасхи, а над кроватью — картина в ярких тонах, на которой Пресвятая Дева, сидя на облаке, держит в руке земную сферу.

Я никогда раньше не бывал в женском монастыре, хотя много раз останавливался в мужских: у доминиканцев и траппистов, у кармелитов в Палестине и у францисканцев в Испании, у греков на горе Афон и на Синае, у коптов на Красном море. О женских монастырях я не знал ничего и долго колебался, прежде чем закурить. Тем не менее я все-таки робко закурил сигарету, испытывая чувство вины гораздо большее, чем то, которое испытал когда-то мальчиком, и через несколько часов с восторгом обнаружил на месте моего преступления... пепельницу. О Церковь, тактичная и мудрая, как всегда!

С наступлением темноты, когда невероятно активных здешних детей наконец загоняли спать, воцарялась блаженная тишина. В первую ночь я лежал в постели и слушал сову, ухающую над Яникулом. Какой ужас римляне испытывали перед этой птицей! Однажды, когда сова стала ухать над Капитолием, за нее была предложена награда. Рим нужно было очистить от скверны. Сову поймал птицелов, ее торжественно сожгли, а пепел развеяли по Тибру, как будто она была злодейкой, преступницей. Странно: в Афинах сову почитали, связывая ее с Афиной Палладой, а в Риме она была, как писал Плиний, «ночным чудовищем».

После стольких механических шумов я лежал, слушая зловещие крики совы как сладчайшую музыку. Станные моменты иногда выбирает наше подсознание для сохранения. Порою раздражает, что важные события, которые очень хотелось бы запомнить, исчезают из памяти, в то время как другие, самые незначительные, запоминаются навсегда и необыкновенно ярко. Я знаю, что пройдут дни, и я, возможно, забуду много важного из того, что узнал о Риме, но этот момент — как я лежал в постели, прислушиваясь к сове на Яникуле, закреплен в моем сознании навсегда.

Монастырь был маленький. Американские монахини устроили тут школу, а также давали кров немногочисленным гостям. Кроме меня, в то время в

монастыре жили священник и очень живой молодой американец.

Теперь я находился так близко от собора Святого Петра, что видел жестикулирующих и указывающих на что-нибудь пальцами посетителей на колоннаде вокруг купола. Они радостно узнавали те или иные строения, прослеживали зеленоватую ленту Тибра. Ночью оранжевые искры вспыхивали на мачтах «Радио Ватикана» и между ними. В безлунные ночи собора не было видно, но чувствовалось присутствие этой громады, сокрытой под звездным покрывалом.

Район, в котором я теперь оказался, был весьма занятым и интересным. Всего лишь несколько лет назад он находился на окраине города, но пригородные дома и несколько многоквартирных вскарабкались вверх по склону и стояли, как будто ужаснувшись длинным ущельям и ямам на западном склоне Яникула. Этот редко видимый кем-либо склон холма имеет несколько затрапезный вид, он очень отличается от другого, известного всем склона, где среди цветочных клумб едет верхом Гарибальди.

Молодой американец, с которым я сидел за одним столом, путешествовал, желая посмотреть мир, прежде чем заняться семейным бизнесом в Соединенных Штатах. В Лондоне он расстался с компанией, которая, как оказалось, не соответствовала его представлениям об идеальных спутниках. Его разочаровал Париж, а от Рима он был в восторге. Он напомнил мне милорда XVIII века или даже XVII, совершающего кругосветное путешествие перед тем, как вступить в права наследства.

Другой американец прибыл день спустя, с совершенно измученной женой и двумя уставшими детишками. Он был офицером американской армии в Германии и сказал мне, что приехал на машине в Италию через перевал Бреннер, чтобы провести день в Риме! Капризные дети отворачивались от поднесенных ложек с едой, уставшая жена, тяжело вздыхая, поджимала губы, а отец семейства тем временем с жизнерадостной улыбкой обратился ко мне:

— Надеюсь, нам многое удастся посмотреть за день в Риме?

Монахинь я видел лишь мельком, когда они проскальзывали в церковь через боковую дверь. Они жили в той части монастыря, где над дверью висела надпись «Clausura», а единственной их представительницей была маленькая сестра-итальянка с очаровательным американским акцентом. Она стелила постели, подметала полы, терла и мыла, прислуживала за столом и, насколько мне известно, готовила еду. Если ее звали не Марта, то ее, безусловно, следовало так назвать, ибо Марта — святая покровительница хороших хозяек и фигурирует в произведениях искусства с половником в руке. Ее часто сопровождает дракон. Святая Марта победила это существо, окропив его святой водой, а после этого запасливо привязала к себе кушаком, и, возможно, научила стирать и выполнять разные мелкие поручения.

— Сестра, а нельзя ли мне на сегодняшний вечер взять ключ? — спросил я ее.

— Разумеется, — ответила она и тут же достала его из складок своего одеяния.

Этой ночью я возвращался поздно через пустынную площадь Святого Петра. Вокруг не было ни души. Фонари освещали пустое пространство, обелиск указывал на звезды. Два фонтана били в темноте, и некому было ими любоваться. Они обдали меня своими брызгами, когда я пересекал площадь. Запертый на ночь собор вставал в ночи, огромный и мощный. Я подумал о «Пьете» Микеланджело. Там, в пустоте и темноте, этот шедевр был освещен восьмьюдесятью священными светильниками, которые день и ночь горят вокруг гробницы святого Петра.

Глава восьмая. Жизнь Ватиканского холма

***Собор Святого Петра ранним утром. — История
Ватиканского холма. — Гробница святого Петра. —
Римское кладбище под церковью Санто-Спирито-ин-
Сассия. — Паломники-саксы в Риме. — Холм Яникул.***

1

При слове «Рим» в воображении возникает целая серия ярких картин: церковь Тринита дей Монти, утопающая в цветах; Виа Сакра с аркой Тита на фоне неба; аллеи виллы Медичи с разросшимися падубами; напоминающие замки детства очертания стены Аврелиана; рев фонтана Треви; розовые округлые стены замка Святого Ангела тихим летним утром. Все, кто побывал в Риме, уносит с собою эти воспоминания. Гладко причесанные женщины с блестящими волосами, покупающие овощи на Кампо деи Фьори; семинаристы, пожирающие глазами митру в витрине мастерской на Пьяцца делла Минерва; звуки рожков и труб Верди, парящие в теплой темноте, когда Аида и ее возлюбленный умирают среди теней в термах Каракаллы; и перезвон «Ангелюса», плывущий в золотистом тумане вечерних римских улиц.

Я бы добавил к этому мои собственные воспоминания о Пьяцца ди Сан Пьетро на заре. Лампы четырех светильников вокруг обелиска еще горят в серой полутьме, и искусственный свет притаился между колонн; на заднем плане храм — огромный, похожий на гору, он ждет первого прикосновения встающего солнца. Свет вспыхивает где-то за Тибром. Крест над куполом становится золотым, солнце заливает великий собор и Ватиканский дворец, и насыщенные римские цвета — охры и умбры — снова возвращаются.

Это очень важный момент утренней жизни в Риме. Двери собора Святого Петра открываются, появляются люди с метлами и швабрами. Им предстоит подмести мраморные ступени. В это время множество черных фигурок торопливо пересекает площадь, и каждый несет маленький чемоданчик или сумку. Это священники с разных концов света, оказавшиеся в Риме. Каждый из них имеет право отслужить мессу в соборе Святого Петра, и запись ведется на недели, а может, и месяцы вперед. Итак, с первым лучом солнца священники поднимаются по ступеням, неся сумки со своими облачениями, и с семи утра до полудня ежедневно в церкви звучит на тысячу ладов произносимая латынь: месса за мессой, часто без всяких прихожан, разве что пара случайных прохожих.

Солнце по-прежнему сияет над главным входом в собор Святого Петра, как будто это греческий храм Аполлона. Интересно, замечают ли этот свет священники и многие ли из них знают, как печалило это восходящее солнце папу Льва Великого в 460 году. Поднявшись по длинной лестнице на базилику, ранние христиане «поворачиваются лицом к восходящему солнцу, склоняют головы и сами склоняются, в знак почтения к этой великолепной сфере, — писал Лев Великий. — Мы очень об этом скорбим, — Прибавлял он. — Такое преклонение — проявление отчасти невежества, отчасти — язычества». Все церкви, построенные Константином Великим, обращены фасадами на восток, как и Храм Гроба Господня в Иерусалиме. Некоторые, как, например, собор Святого Павла «за стенами», были впоследствии переориентированы, но собор Святого Петра и сегодня обращен к восходящему солнцу.

2

Не будет преувеличением назвать Пьяцца ди Сан Пьетро христианским Колизеем. Но эта окружность, в отличие от той, посвящена не смерти, а вечной жизни. История больше не знает двух таких огромных каменных кругов, и,

возможно, Бернини находился под влиянием Колизея, а также портиков Древнего Рима, ибо колоннады собора Святого Петра — единственное сегодня в Риме место, которое можно сравнить с длинными крытыми галереями, столь свойственными Риму времен Империи. В таких местах можно было укрыться зимой от ветра, а летом — от солнца. Эти колоннады, в свою очередь, произошли от длинных аркад эллинистического мира, столь поразивших Августа во время его кампании против Антония и Клеопатры. Одна из них — улица, названная Прямой, — находится в Дамаске; вторая — улица Каноп — в Александрии; а прекрасная ее копия до сих пор проходит через пустыню в Пальмире. Я любил размышлять обо всем этом, сидя у основания высоких колонн Бернини и наблюдая жизнь площади.

Статуи ста сорока святых, расположенные впечатляющим амфитеатром, смотрят с вершины колоннады. Их многочисленность наводит на мысль о том, что в мире нигде больше нет столь обширного открытого пространства, свободного от голубей; действительно, нет ни одного, который бы прилетел снять пробу с выдаваемого лошадям пайка. Я подозреваю, что за отсутствием здесь этих кланяющихся птиц, внезапно и бурно всплескивающих крыльями, кроется какая-то мрачная история, например о разоренных гнездах.

Среди ста сорока святых есть, разумеется, и самые знаменитые, а есть и другие, не столь известные. Среди семидесяти статуй справа — двадцать пять женщин, а из семидесяти с другой стороны — женщин только восемь. Пятая справа, какходишь на площадь, это святая Фекла, столь почитаемая греческой православной церковью. Фекла проследовала за святым Павлом по всей Малой Азии, переодевшись мальчиком. Святая Роза из Лимы — на левой стороне колоннады, и она появилась в церквях незадолго до того, как Бернини поместил ее на колоннаду. Я заметил статую святого Генезия, римского актера, который на сцене смеялся над христианством, пока внезапно не обратился и не отказался играть. Он святой покровитель комедиантов, и

в тех редких случаях, когда его изображали живописцы или скульпторы, на нем неизменная шапочка с бубенцами.

Когда Бернини проектировал колонны, он думал, что барочные экипажи кардиналов и принцев будут ездить между ними, и потому центральный проезд из трех, имеющих в колоннаде, достаточно широк, чтобы разъехаться двум экипажам, а боковые проходы — для пешеходов.

Хотя этот участок был столько веков вымощен кирпичом, даже сейчас виден естественный уклон Ватиканского холма. Холм выше всего на севере, где находится Ватиканский дворец, а к югу становится ниже.

Я подумал: интересно, ходил ли когда-нибудь этой дорогой святой Петр в бытность свою в Риме и видел ли он Ватиканское кладбище, на котором ему суждено было быть похороненным, и Ватиканский холм, где впоследствии построили церковь, ему посвященную. Может быть, он и проходил здесь каким-нибудь тихим весенним днем, еще до того как зловещая тень Нероновой ненависти накрыла молодую церковь. Конечно, Ватиканский холм не являлся одним из самых главных римских холмов: он в стороне от городской стены, на восточном берегу Тибра. Это была пустынная местность с карьерами, в которых добывали глину, и виноградниками. Керамика из здешней глины получалась отличная, а вот вино Ватиканских виноградников — говорят, худшее в Риме. «Если хочешь выпить чего-нибудь горького, выпей Ватикана», — советовал Марциал, да и Цицерон упоминал о плохом качестве вина. Без сомнения, святой Петр слышал истории о происхождении слова «Ватикан»: от *vates* или *vaticinador*, то есть «сновидящий». В старые времена именно это место выбрал Нума Помпилий, чтобы получать «послания» от своей супруги нимфы Эгерии.

Святому Петру, безусловно, был известен храм Кибелы, Великой матери богов, на Ватиканском холме. Кибела — фригийское божество, и те, кто ему поклонялись, крестились в бычьей крови, что приводило в ужас христиан, которые видели в этих обрядах, так же как и в поклонении

Митре, жуткую пародию на свои собственные таинства. Храм Кибелы был знаменит, и даже на территории Франции и Германии обнаруживали надписи, в которых поклонявшиеся Великой матери богов утверждали, что их обряды — такие же, какие отправлялись и в Ватикане.

В древние времена дорога, ведущая от Тибра к Ватикану, называлась Виа Корнелиа, и, как вдоль всех дорог, ведущих из Рима, вдоль нее располагались захоронения. Эта дорога известна еще благодаря соседним садам, которые посадила Агриппина Старшая, мать Калигулы, а часть ее поместья граничила с кладбищем. У молодых императоров, таких, как Калигула и Нерон, была привычка приезжать на ипподром, построенный в садах, и состязаться здесь на колесницах, запряженных четверками лошадей; а кладбище на склоне холма было так близко, что, когда юный безумец император Гелиогабал пожелал удлинить беговой круг, чтобы впрячь в колесницы слонов, некоторые крайние могилы пришлось сровнять с землей. Возвышенная северная часть вся покрыта фамильными склепами. А еще отсюда каждый мог взглянуть вниз и увидеть, что происходит на арене.

Все, кто оказался на кладбище в одну из ночей 65 года н. э., когда Нерон положил начало преследованиям первых христиан, вероятно, наблюдали отвратительное зрелище, описанное Тацитом. Христиан, одетых в шкуры диких животных, разорвали на куски разъяренные охотничьи собаки; другие христиане, обмазанные смолой, были сожжены на костре; третьи — распяты; и пока разыгрывались это ужасное представление, Нерон, одетый воином, мчался в колеснице по беговому кругу, освещаемому горящими мучениками. Два года спустя на том же месте был распят святой Петр. По традиции, в Риме считается, что он принял смерть *inter duas metas*,^[106] посередине скакового круга. Верили, что он умер у подножия обелиска, который теперь стоит в центре площади, куда его перенесли в 1586 году. Первоначально обелиск находился южнее церкви, в маленьком дворике в нескольких ярдах от Кампо Санто. Место на мостовой

отмечено камнем. Таким образом, тем, кто потребовал выдачи тела святого Петра, чтобы похоронить его, недалеко пришлось его нести — вверх по Склону, за круглую площадку. Считается, что памятник был воздвигнут над могилой почти сразу и так и пребывал там, и всякий христианин в Риме об этом знал. Константин Великий, возводя первый собор Святого Петра, хотел заключить в него этот памятник, и храм был выстроен в таком трудном и неудобном месте склона только для того, чтобы гробница занимала почетное место в хорде апсиды.

Можно было бы подумать, что у Рима больше нет нераскрытых тайн, но это не так. В последнюю войну археологи Ватикана исследовали гробницу святого Петра и обнаружили то, чего никто не видел со времен Константина — целые улицы языческих захоронений под церковью.

3

За последние шестнадцать веков Ватиканское кладбище под собором Святого Петра видели несколько раз. В первый раз это было, когда старую церковь снесли в эпоху Возрождения и был построен нынешний собор Святого Петра, а затем еще раз, в 1626 году, во время строительства массивного купола Бернини над высоким алтарем. В тот год копали вокруг того места, где, как считалось, была могила апостола, и папу Урбана VIII попросили решить, надо ли проверять нетронутость гробницы. Было две точки зрения: одни горели желанием узнать, не разграбили ли гробницу святого Петра сарацины в 846 году, другие суеверно боялись потревожить кости апостола. Две-три неожиданные смерти участников раскопок заставили всех вспомнить о письме, написанном Григорием Великим восемь столетий назад. В нем говорилось, что несчастья постигнут тех, кто осмелится потревожить священные останки. Может быть, Урбан VIII и не был суеверен, но тем не менее решил воздержаться от исследования и привел три основных довода: если гробницы апостола не найдут, может быть

подвергнут сомнению сам факт присутствия тела святого Петра в Риме; что тело, возможно, будет не опознать среди останков пап раннего периода христианства, похороненных вокруг апостола; и что из-за очень древнего возраста гробницы и останков велик риск нечаянно нанести им какие-нибудь повреждения. Так что было запрещено копать под главным алтарем, и работа свелась к закладке фундамента для бронзового купола.

Урбан VIII боялся, что святого Петра могут не найти, и его страх переводит одну историю, которую со странной настойчивостью повторяли многие выдающиеся писатели, в разряд «желаемое — за действительное». Якобы гробницу случайно видели во время правления Климента VIII — всего лишь за двадцать восемь лет до того. В ходе работ в склепе весной 1594 года участок мостовой провалился и показалась гробница святого Петра, с золотым крестом Константина весом сто пятьдесят фунтов, все еще лежавшим на ней, как он был положен в IV веке. Говорят, Климент VIII тотчас приехал с кардиналами Беллармине, Антониано и Сфондрато и увидел могилу апостола при свете факела. Это зрелище так его потрясло, что он велел немедленно закрыть гробницу снова. В эту красивую историю хочется поверить, но если бы она была правдой, то Урбан VIII, конечно, знал бы о ней, и в Ватикане еще были живы многие, кто мог помнить это событие.

Такова археологическая биография гробницы святого Петра. В 1939 году скончался папа Пий XI, выразив перед смертью желание быть погребенным рядом с гробницей святого Пия X, в склепе, и без того уже «перенаселенном». Sanpietrini — рабочие, которые из поколения в поколение обслуживали собор Святого Петра, немедленно начали обследовать склеп, чтобы выбрать подходящее место для гробницы. В ходе их изысканий опять показали следы языческого кладбища, на котором стоит собор Святого Петра, и снова папе пришлось решать, продолжать ли раскопки. Пий XII принял смелое решение копать до тех пор, пока это будет безопасно для собора. Итак, в течение Десяти лет, в том числе и в годы Второй мировой войны,

архитекторы, археологи и человек десять sanpietrini работали, держа это в строжайшем секрете, под нефом и главным алтарем собора Святого Петра. Официальный отчет об Этих изысканиях был опубликован по-итальянски в 1951 году, а единственная англоязычная научная работа, посвященная этим раскопкам, написана профессором Джослином Тойнби и профессором Уордом Перкинсом, директором Британской школы в Риме, и называется «Гробница святого Петра». Эта хорошо иллюстрированная книга совершенно незаменима для всякого, кто хочет понять, что делается под собором Святого Петра и какие новые проблемы возникли в связи с новыми находками.

Была ли обнаружена гробница святого Петра — вот какой вопрос прежде всего задаст читатель. Ответ: да. Но это была уже не та гробница, что во времена Константина Великого. Ее разграбили очень давно, возможно, сарацины, и никаких следов бронзового гроба и золотого креста, упоминавшихся в ранних отчетах о захоронении, не найдено. В гробнице был обнаружен скелет без головы. Он принадлежал человеку преклонных лет. Был ли это скелет святого Петра? Неизвестно. Осторожные археологи Ватикана исследовали кости в течение нескольких лет и не вынесли никакого твердого суждения.

Каков же тогда результат раскопок в Ватикане? Обнаружена целая улица красивейших римских гробниц, пролежавшая под нефом, сокрытая и никому не видимая с тех самых пор, как строители при Константине возвели над ней первую церковь шестнадцать веков назад. Под главным алтарем теперешней церкви найдена древняя усыпальница, существование которой, собственно, и явилось причиной постройки первой церкви. На стенах рядом с этой усыпальницей паломники Древнего Рима писали свои имена, а один оставил обращение к святому Петру. Только очень осторожный археолог не решится назвать это захоронение могилой апостола.

Тем не менее раскопки кое-что и разрушили и тем самым создали большую проблему. Например, много лет считалось, что южная стена собора Святого Петра построена на

северной стене ипподрома Нерона и что Ватиканский обелиск, который находился в юго-восточном углу церкви, отмечал центр так называемой *spina*, где поворачивали колесницы. Когда раскопки перенесли к западной стене церкви, ожидая, что она стоит на каменной кладке цирка I века, То обнаружили стену времен Константина до самого целинного слоя земли. Таким образом, получается, что цирк Нерона не мог быть там, где, как считалось, он находится, и Ватиканский обелиск не занимал центр *spina*. Никто не знает объяснения. Возможно, цирк был южнее; может быть, существует второй обелиск, который еще не нашли. Если провести раскопки там, где когда-то стоял найденный обелиск, на месте, отмеченном черным камнем на мостовой к юго-востоку от церкви, возможно, был бы найден ключ к тайне.

Раскопки под собором Святого Петра были сложны и требовали большой тонкости: иногда нельзя было использовать кирки и лопаты, и рабочим *sanpietrini* приходилось действовать руками. Фундамент храма сочли ненадежным, укрепили, и теперь собор Святого Петра стоит крепче, чем когда-либо. Целая аллея гробниц сохранена, и теперь освещается электричеством. Можно ходить по ней, осматривать склепы, как в Помпеях и Геркулануме. Это, по моему, самое удивительное зрелище в Риме, и жаль, что его невозможно показать большому количеству зрителей: пространство слишком маленькое, и большое скопление народа может повредить настенным рисункам и фрескам. Однако ученые и другие заинтересованные лица, которые подадут прошение в строительную конгрегацию собора Святого Петра — «Референда фаббрика ди Сан-Пьетро», могут быть допущены. Но на раскоп не разрешается приходить группами более восьми человек. Склеп наверху, однако, открыт для посетителей, и если внизу, в аллее гробниц, горит электрический свет, то сквозь железные решетки в полу можно многое разглядеть.

С десятым ударом часов я был у бокового входа в собор Святого Петра, где меня ждал гид, чтобы отвести на раскопки склепа. Он открыл огнеупорную дверь и провел меня вниз по лестнице. Мы прошли под церковью и склепом, и нашим глазам в резком и бездушном электрическом освещении открылось странное и незабываемое зрелище. Мы стояли на римской улице. Перекрытия образовывали над нашими головами железный свод небес. Гробницы, одна за другой, высились за длинным фасадом из красивого красного римского кирпича, и непрерывность его кладки нарушалась каждые несколько ярдов массивными травертиновыми порталами и окнами. Некоторые из них украшала лепка. Дорога шириной пять футов отделяла один ряд зданий от другого — того, что напротив.

Все было покрыто пылью, как будто века рассыпались в белесую золу.

Гробницы состоят из одной, самое большее — двух комнат. Они красиво отделаны, чтобы выглядеть как жилые помещения. В них нет ничего грустного и печального. Некоторые расписаны яркой, как в Помпеях, красной краской, на стенах и потолках изобилуют купидоны, птицы и цветы. Это такие маленькие гостиные для душ. В некоторых гробницах имеются ниши для урн с прахом, в других — что-то вроде полок для саркофагов.

Я поднял голову и посмотрел на крыши. Когда-то они находились под открытым небом, но вот уже тысячу шестьсот лет не знают солнца и дождя. Я подумал о людях, которые сейчас ходят над нами по мостовой у собора Святого Петра, не зная об этих странных декорациях внизу.

— Где мы находимся относительно собора наверху? — спросил я.

— Мы в центре нефа, — ответил мой гид.

Мы пошли к восточному концу улицы, и нам преградила путь стена.

— Здесь граница раскопок с восточной стороны, — сказал гид. — Гробницы еще продолжают, без сомнения до главного входа, и на запад тоже, но чтобы провести там

раскопки, потребовалось бы поддерживать базилику. Но очень хотелось бы узнать, что же там лежит!

Откопанная часть улицы составляет двести футов, и на ней находятся двадцать семь фамильных гробниц, некоторые из них смотрят друг на друга, как дома, стоящие в два ряда. Надписи — имена ста пяти человек, шестидесяти семи мужчин и мальчиков и тридцати восьми женщин и девочек. Много могил представителей «среднего класса», большинство из которых жило между 125 и 300 годами н. э. Есть свидетельства, что некоторые могилы были куплены и украшены еще при жизни тех, кому предназначались, а другие изготовлены перекупщиками и проданы уже отделанными.

Хоть я и прочитал все, что мог найти, об этих раскопках и видел много фотографий, меня удивили размеры участка и количество гробниц, доступных для осмотра.

— Пойдемте, посмотрим самое интересное, — предложил гид. — Начнем с гробницы Гая Попилия Гераклы.

На стене, над самой дверью мы увидели мраморную плиту с надписью четкими латинскими буквами. Эти девятнадцать строчек — завещание, оставленное умершим:

***Из завещания, написанного на трех страницах,
Попилия Гераклы.***

Гай Попилий Геракла наследникам шлет привет. Прошу вас, о мои наследники, наказываю вам, надеюсь на вашу добрую волю: постройте мне гробницу на Ватиканском холме рядом с цирком, по соседству с гробницей Ульпия Нарцисса, за 6 тысяч сестерциев. На это Новиа Трофим даст 3 тысячи сестерциев, и другой наследник — 3 тысячи. Я хочу, чтобы там похоронили мои останки, а также останки моей жены, Фадии Максимы, когда придет час ей соединиться со мной. Предоставляю право и поручаю моим вольноотпущенникам и вольноотпущенницам отправлять культ на могиле.

Это относится также и к тем, кого я освобождаю этим своим завещанием, и к тем, кого я завещаю освободить при определенных условиях. То же относится и к вольноотпущенникам и вольноотпущенницам Новии Трофима, а также ко всем потомкам вышеупомянутых. Пусть они имеют свободный доступ к могиле, чтобы приносить на ней жертвы богам.

— Взгляните на эти слова: «In Vatic ad circum»,^[107] — сказал мне гид. — Можете себе представить, с каким восторгом и интересом участники раскопок поднесли свои лампы к этой надписи и прочитали про Ватикан и цирк Нерона. Их удивление и счастье пребудут в веках. Ведь когда писались эти слова, не было святого Петра — был человек, который хотел, чтобы его похоронили рядом со старым другом на кладбище у цирка, и он понятия не имел, что просит о погребении в одном из самых святых в Европе мест.

Белые оштукатуренные стены следующей гробницы были весело расписаны в помпейских красных и желтых тонах, встречалась и охра, которая все еще является доминирующей краской Рима. Это была гробница женщины по имени Фанния Редемпта. На стенах робко смотрели друг на друга два маленьких красных олененка на длинных ножках, порхали красные с синими крыльями птички. Были здесь цветы, урны, павлины — символ бессмертия. Мой гид указал на саркофаг на полке, довольно высоко над полом.

— Тело Фаннии Редемпты до сих пор здесь, — сказал он.

Надпись в несколько строчек сообщает, что ей было тринадцать, когда она вышла замуж за Аврелия Гермеса, и что после тридцати трех лет счастливой семейной жизни она умерла «в возрасте сорока шести лет, пяти месяцев и семи дней».

Мы перешли через дорогу и вошли в семейный склеп Марциев. Около красной, как в Помпеях, стены мы увидели великолепный саркофаг, украшенный резьбой: кружащиеся менады, играющие на дудочках, обнаженный Дионис,

грациозный сатир с ребенком на руках, и странно контрастирующие с ними скульптурные лица погребенных здесь людей: Квинта Марция Гермеса и его жены, Марции Трасонис. У него хмурое лицо с короткой жесткой бородкой, возможно, он был ростовщиком. Она — терпеливая, спокойная женщина средних лет с впалыми щеками.

Мы заходили почти во все склепы, которые встречались нам на пути к месту под алтарем, где похоронен святой Петр. В некоторых гробницах люди Константина в свое время убрали причудливые сводчатые потолки, и повреждения выглядят такими свежими, как будто разрушители только что отлучились куда-нибудь на обеденный перерыв. Они, впрочем, вели себя с должным почтением, то есть рассовали бездомные кости по надежным местам, пока не наступит время вернуть их в гробницы. Интересно, не является ли большое количество пустых ниш для урн возможным ответом на вопрос, на который гид затруднялся мне ответить. Как Константину удалось справиться с общественным мнением, которое должно было восстать против осквернения кладбища? Может быть, он построил новое кладбище, на которое семьи перенесли останки своих родственников? *violatio sepulchri*, [\[108\]](#) совершенное Константином, — акт, веками приводивший Церковь в ужас, — надо было как-то объяснить.

Считается, что самая необычная гробница принадлежала египтянину, жившему в Риме, но его мумии не нашли. По красной стене горделиво шагает Гор, единственный, я думаю, египетский бог, изображение которого можно найти на итальянском кладбище. Очень красива «гробница квадриги», полом ей служит черная мозаика — четверка лошадей, запряженная в колесницу. Мысли мои тут же обратились к цирку Нерона, и я задумался, не принадлежала ли эта гробница какому-нибудь царскому вознице. К сожалению, имени не сохранилось. Мы посетили и склеп семьи Тулиев, и в нише я увидел изящную желтую алебастровую вазу, все еще

полную золы. Здесь захоронены останки сборщика налогов с севера Галлии, жившего в I веке.

Мы осмотрели и гробницу назначенного на должность консула, тело его дочери Остории, впервые вошедшие сюда видели его лишь мгновение, прежде чем оно рассыпалось в прах. Она лежала в своем гробу в пурпурном одеянии, под золототканым покрывалом. В другой гробнице нашему взору предстала мозаика, изображавшая Христа как бога Солнца в колеснице, а почти под главным алтарем, оказалось, находится могила жизнерадостного язычника по имени Флавий Агрикола. Ее обнаружили в 1626 году во время работ по укреплению основания купола Бернини, и, к счастью, надпись скопировали, прежде чем плиту потерять или бросить в Тибр. Вот что там говорилось:

Берега Тибра — моя родина, имя мое — Флавий Агрикола, да, это именно я обрел здесь покой, как обретал его и при жизни, ибо судьба хранила меня, ничтожного, и никогда не оставляла без глотка вина. Моя дорогая жена Примитива ушла раньше меня, она тоже была из Флавиев, поклонялась Изиде, была внимательна ко мне и была щедро одарена красотой и другими достоинствами. Мы провели вместе тридцать счастливейших лет. В утешение она оставила мне плод нашей любви — Аврелия Первого, чтобы он ухаживал за моим домом (или могилой) с подобающим усердием. Устранившись от забот обо мне, она обеспечила мне вечное жилище. Друзья мои, читающие сейчас эти строки, выполните мое завещание. Налейте себе вина, украсьте себя цветами, не отказывайтесь от красивых девушек и других радостей жизни. Когда придет смерть, земля и огонь поглотят все.

Можно ли представить себе что-нибудь более удивительное под папским алтарем в соборе Святого Петра?

И наконец, мы подошли к святыне, которую Константин заключил в раку, когда строил свою церковь на безлюдном склоне холма, в месте столь священном, что император

предпочел врезать здание в склон холма ценой значительных усилий и затрат и построить огромную платформу ниже по склону, чем потревожить хоть один камешек здесь. Он хотел, чтобы эта святыня оставалась центром здания. Это место со времен Нерона почиталось как место захоронения святого Петра. Со всех сторон поднимались древние стены, и я знал, что приблизился к могиле апостола настолько, насколько может приблизиться человек.

Все удовлетворились тем, что Константин, заключив тело святого Петра в бронзовый саркофаг, защитил его еще и кирпичной кладкой: «Пять футов в головах, пять футов в ногах; пять футов слева; пять футов снизу; пять футов сверху; так укрыл он святые останки Петра». Этот отчет, составленный, возможно, в VI веке и основанный на свидетельствах того времени, не мог бы быть полнее. Поскольку в последующие века отчету безоговорочно верили, то начиная раскопки, имели все основания ожидать, что даже если не найдут невредимых костей святого Петра в бронзовом гробу, то, по крайней мере, обнаружат место, где был гроб, и, может быть, доказательства того, что могилу разграбили, так как в ней было много золота.

Однако ничего подобного не нашли. Зато обнаружили нечто совершенно неожиданное: остатки поддерживаемой колоннами раки, которая когда-то просто стояла на полу в первом соборе Святого Петра, в том его месте, где намеревались построить главный алтарь. Это была древняя усыпальница, или «памятник» апостолу, который, как свидетельствуют ранние авторы, был выставлен на всеобщее обозрение на Ватиканском холме еще до постройки церкви. В нижней части имелось отверстие, куда паломники просовывали головы, когда молились, и еще одно отверстие поменьше, — куда они опускали носовые платки и другие мелкие предметы, чтобы освятить их соприкосновением с гробницей апостола.

Все, что осталось от гробницы, сильно повреждено, потому что от жадности и в спешке грабители, видимо, разбили все, чтобы поскорее добраться до золота и серебра.

Все свидетельства указывают на 846 год, на сарацин, которые вошли в собор Святого Петра и грабили его неделю, «творя неопишуемые бесчинства». Они вынесли даже алтарь. По приблизительным оценкам, из соборов Святого Петра и Святого Павла «за стенами» сарадины вынесли около трех тонн золота и тридцати тонн серебра и, возможно, вынесли бы и больше, если бы их суда были в состоянии выдержать такой груз. Так что сокровища собора Святого Петра и разнообразные изысканные предметы, которыми благочестивые прихожане обогатили собор за пять веков, скорее всего, похитили пираты, чьи суда затонули в шторм у берегов Сицилии.

Кости, которые вполне могли быть костями святого Петра, обнаружили в тайнике рядом с усыпальницей. По Ватикану прошел слух, что, после того как на них посмотрел папа, они поступили в полное распоряжение археологов. Известно о них лишь то, что они принадлежали пожилому и физически сильному человеку, скорее всего мужчине, и что череп не обнаружен. «Странно, — пишут авторы „Гробницы святого Петра“, — что в официальном отчете не было авторитетного медицинского заключения об этих костях и ничего подобного не было опубликовано за четыре года, прошедшие с тех пор».

— Наше путешествие в прошлое закончено, — сказал гид, — Думаю, вы согласитесь, что нам довелось увидеть самое удивительное зрелище в Риме.

С самого края площади я смотрел на собор Святого Петра и думал, что теперь перед моими глазами всегда будет темная улица под опорами нефа вместо неба и гробницы тех, кто жил при самом апостоле.

Молодой американский священник, который, как и я, остановился в монастыре, сказал мне, что собирается внести свое имя в список и, когда до него дойдет очередь, отслужить мессу у алтаря в соборе Святого Петра.

— Вряд ли простой парень вроде меня может надеяться на алтарь Святого Пия X. Туда очередь на недели вперед, — сказал он, — но вдруг я смогу достояться до какого-нибудь другого алтаря.

— Если позволите дать вам совет, — сказал я, — попробуйте получить алтарь Григория Великого. Это именно он послал святого Августина в Англию, так что трудно найти более подходящий алтарь для англоговорящего католика.

Вечером, встретив меня в коридоре, американец воскликнул:

— Вы подали мне блестящую идею! Меня записали на алтарь Святого Григория на семь часов!

Я пришел в собор Святого Петра на следующее утро после шести утра. Площадь была пуста и тиха. Светильники вокруг обелиска все еще горели. Священники всех национальностей торопились через площадь, поднимались по лестнице. В соборе было еще темно. Sanpietrini с ножницами и бутылкой масла в руках занимался светильниками; другие сначала разбрасывали по полу опилки, а потом подметали — древний римский способ уборки мраморных полов, упоминаемый Ювеналом и Марциалом. Собор Святого Петра в утренних сумерках производил сильное впечатление. Без обычных толп он выглядел больше; свечи у алтаря, где уже началась месса, испускали золотое сияние; стеклянный гроб, в котором лежит тело святого Пия X с маской на лице, был ярко освещен.

Ризница собора Святого Петра имеет размеры обычной церкви, и не многим мирянам доводилось видеть ее ранним утром, когда она производит такое сильное впечатление. Чиновник сидит за столом и проверяет по списку имена священников, которые приходят, чтобы отслужить мессу у выбранного ими алтаря. Некоторые алтари «забронированы» на месяц вперед, с семи часов утра до полудня. Одни облачаются, другие ждут. Не успевает один священник вернуться, отслужив мессу, как другой, ведомый мальчиком-прислужником, направляется к освободившемуся алтарю. В комнате, смежной с ризницей, имеется помещение для мальчиков-прислужников, где зорко следят за их поведением. Не знаю, можно ли подобрать какое-нибудь слово, определяющее манеру мальчиков держаться, но, думаю, подошли бы слова «шушуканье» и «шарканье».

Разница в поведении священников и их юных помощников очень заметна. Для мальчиков это просто утренняя рутина, а священники целиком поглощены бесценным для них опытом, которого никогда не забудут, — утро, когда они отслужили мессу в соборе Святого Петра! Я с интересом смотрел, как сновали туда-сюда мальчики с их потирами и колокольчиками и как торжественно шествовали мужчины к назначенному алтарю.

Мой молодой американец отслужил мессу у алтаря святого Григория, и я был единственным его прихожанином. Я стоял и думал о великом человеке, чьи останки лежат под алтарем: о святом Августине, бороздившем дороги Кента; о посланиях, отправленных ему Григорием, содержащих советы, что делать с языческими храмами и как решать проблемы с бракосочетаниями, — в общем, наставления, какие сегодня епископ мог бы давать миссионеру в Африке.

После мессы я присоединился к своему американцу в ризнице, и мы вместе отправились в кафе-бар, который, как это ни странно, есть в соборе Святого Петра. Он существует специально для священнослужителей и открывается в полдень, когда мессы уже отслужены и последний отслуживший может наконец разговеться. Мы вдохнули бодрящий запах кофе, источаемый бурлящей кофеваркой на стойке. Позади нее на полках был представлен довольно богатый выбор напитков, включая и великолепную югославскую сливовицу. Жизнерадостная матрона продала нам кофе с булочками, которые мы и съели в молчании под снисходительным взглядом святого Пия X.

Потом мы обошли собор, и я увидел исповедников собора Святого Петра. Они сидели в своих кабинках в южном трансепте церкви, и выслушивали исповеди на восьми языках. На каждой кабинке крупными буквами было написано, на каком языке здесь исповедуют. Только в соборе Святого Петра и в патриарших базиликах в Риме вы сможете наблюдать забавный обычай: исповедник прикасается к голове или плечам прихожанина длинной палочкой под названием bacchetta.

Время от времени мужчина или женщина внезапно опускались на колени, и исповедник, не переставая слушать то, что они шептали ему, брал палочку и легонько ударял коленопреклоненного по голове. Вероятно, подвернувшись этому символическому унижению и вразумлению, люди получают совершенно особое отпущение грехов.

Выбрав кабинку с надписью «английский», я заговорил со священником и спросил его о происхождении этого обычая. Он обратил ко мне свое полное, гладкое лицо ирландца.

— Обычай этот вот откуда, — сказал он, — в старые языческие времена в Риме, отпуская на волю раба, его подвергали символическому наказанию. И Церковь бьет вас по голове, чтобы подать вам знак, что вы отныне принадлежите к свободному братству христиан.

— Графство Корк? — спросил я.

— А как вы узнали?! — воскликнул он.

Нас прервала женщина, проскользнувшая в исповедальню со своим узелком грехов; скоро она выпорхнет оттуда, став гораздо счастливее.

Мы продолжили нашу прогулку, и американец спросил, что произвело на меня в соборе Святого Петра самое сильное впечатление. Я ответил, что не его размеры, а его целостность, непрерывность. В мире больше нет ничего подобного. Семя веры и любви, брошенное на склоне этого холма в языческом Риме, выросло в святыню, и размеры собора, в котором ты просто теряешься: куда смотреть и чего искать, несколько сбивают с толку, отвлекают от назначения этой святыни. Собор развился в нечто превзошедшее все ожидания его основателей. Здесь не только усыпальница святого Петра; это также место, где находится приписываемый ему трон. Он заперт недалеко от позолоченной трибуны Бернини в западном конце церкви. Здесь хранятся также четыре величайших реликвии: плат Вероники, голова святого Андрея, большой фрагмент Креста Христова и Святое Копье.

Мой приятель ушел, а я отправился посмотреть на прекрасную «Пьету» Микеланджело. Он изваял ее, когда

ему было двадцать четыре. В нескольких шагах — балдахин над гробницей святого Петра, который он спроектировал в семьдесят два года и за чьим возведением наблюдал до самой своей смерти в девяносто. Здесь, в нескольких шагах друг от друга, — начало и конец жизни гения.

«Пьета» — единственное из великих творений Микеланджело, которое мастер подписал. Слова «Микеланджело Буонаротти, флорентиец, сделал» можно прочесть на кушаке Мадонны. Глядя на обессилившее тело Спасителя, только что снятое с Креста и лежащее на коленях у матери, я подумал о Гефсиманском саде, о муках Христа, о бичевании, о Распятии, наконец. Создав эту фигуру, скульптор воплотил в мраморе последние страницы Евангелия. Лицо Мадонны, глядящей на мертвое тело Христа, выражает печаль, слишком глубокую для слез.

Мало кто замечает витые колонны на балконах пилона и женские скульптурные образы на опорах балдахина. Если, стоя под куполом, вы взглянете вверх на балконы, расположенные в поддерживающих купольный свод пилонах, то увидите в нишах витые белые колонны из чистейшего мрамора, похожие на старинные леденцы. Из бесчисленных предметов, представляющих здесь интерес с исторической точки зрения, они — самые интересные, так как восходят непосредственно к Константину. Шесть из этих колонн были присланы императором, говорят, из Греции, когда строился старый собор Святого Петра, чтобы они поддерживали купол над гробницей. Возможно, это были первые витые колонны такого рода, и, как писал профессор Уорд Перкинс, «поставленные так, как они были поставлены, они должны были привлекать внимание и вызывать восхищение у всякого, кто входил в собор Святого Петра. В Средние века их неоднократно копировали». Отголоски есть и в Лондоне — витые колонны вокруг гробницы Эдуарда Исповедника в Вестминстерском аббатстве.

Еще шесть таких же колонн прибыли во времена Григория Великого, который переделал усыпальницу святого Петра и использовал их вместе с первоначальными

шестью колоннами, чтобы создать перед гробницей подобие экрана. Когда старую церковь снесли, драгоценные колонны удалось спасти (нет лишь одной из двенадцати), а Бернини скопировал их в бронзе так, что его гигантский балдахин с витыми колоннами — впечатляющая версия изначально существовавшего. [\[109\]](#)

Самое фантастическое украшение в соборе Святого Петра было в какой-то момент помещено Бернини на цоколи четырех колонн. Есть история о том, как племянница Урбана VIII обещала принести храму дар, в случае если благополучно разрешится от бремени. У цоколей четыре стороны, и на девяти, по числу месяцев беременности, сторонах — изображение женского лица, а на десятой — младенца.

Я с интересом узнал, что среди сорока трех человек, чьи имена указаны на плите в ризнице, в том числе тридцати пяти святых, — должны быть пять женщин. Одна из них, Матильда Тосканская, умершая в 1115 году, оставила свое имущество Церкви, и положила начало светской власти Святого Престола. Было три ссыльных королевы: Шарлотта Кипрская, которая в 1461 году, одинокая и беспомощная, прибыла в Рим, будучи свергнута с престола незаконным братом и ограблена пиратами в пути; Кристина Шведская, дочь Густава Адольфа, которая отреклась в 1654 году и стала римской католичкой; и Клементина Собеская, жена Старшего Претендента и мать Красавца принца Чарли. Пятая из женщин — Агнесса Колонна, жена Онорато Каэтани, героя битвы при Лепанто и губернатора Рима во время правления Григория XIII. Была и шестая: язвительная Мария Луиза Испанская, та, что позировала Гойе, беженка от Наполеона, чьи останки позже были перенесены в склеп в Эскориале.

После утра, проведенного в Ватиканских галереях, из самых холодных в Европе, ничто мне не было так приятно,

как поискать один из многочисленных недорогих ресторанчиков, которые лепятся к границе Ватиканского государства. Один мне особенно понравился. За тесноватой столовой имелся дворик, увитый густым виноградом, в тени которого были расставлены деревянные столы и стулья.

Мой крупный недостаток как путешественника по Италии — это то, что я равнодушен к спагетти, и не люблю фетуччини, и не могу заставить себя есть это знаменитое блюдо, даже если его подают с золотой ложкой и с песнями и танцами, как делают в одном из римских ресторанов. Итальянцы удивительно любят *pasta*, и я частенько задумывался, неужели это пристрастие передалось им через века от питавшегося пшеницей римского населения; ведь, несмотря на существование Лукулла и ему подобных, обыкновенный древний римлянин был практически вегетарианцем, и его привычной едой были зерновые. Тацит упоминает о солдатах, которые «за неимением злаков и овощей, вынуждены были перейти на животную пищу, и потому ощущали страшную слабость»; а Цезарь не раз восхищался своими легионерами, которым приходилось переходить на мясной рацион, когда нельзя было достать пшеницы. Древние римляне также питали недоверие к маслу. Оно считалось варварской пищей и, когда прокисало, использовалось некоторыми варварскими народами, такими как бургундцы, в качестве смазки для волос, так что не случайно по сей день в римском ресторане о масле приходится просить особо. Его никогда по умолчанию не ставят на стол, как это делается в других странах.

Мне всегда было очень интересно наблюдать за итальянцем, сидящим перед полным блюдом спагетти. Это увлекательнейший спектакль. Как он наклоняется над спагетти, подцепляет их вилкой, накручивает их на вилку перед тем, как отправить в рот и откусить оставшуюся «за бортом» бахрому, — все это приводит менее опытных едоков в священный ужас. Неудивительно, что вилка считается изобретением итальянцев!

В Риме тем не менее есть что попробовать. Лично я люблю *fichi con prosciutto*, восхитительное блюдо из свежих

зеленых фиг и пармской ветчины — причудливое, но прекрасное сочетание. Еще одно блюдо, которым я наслаждался, — *saltimbossa alia Romana* — ломтик ветчины со свежим листиком шалфея, а сверху — ломтик телятины того же размера, и все это скручивается, протыкается зубочисткой, а потом жарится в масле. И ничего не может быть лучше, чем фрукты в Риме и зеленые салаты и овощи римской кухни: красные и зеленые сладкие перцы — *perregoni alia provinciate*, хрустящие артишоки, жаренные в масле — *carciofi alia Giudeax*.^[110]

В том самом маленьком ресторанчике я впервые увидел *ginerproni*, и это блюдо так меня возмутило, что я отправился в ресторан напротив. *Ginerproni* — это дрозды, которых продают дюжинами. Их маленькие тушки истерзаны, перья запачканы кровью. Птичек откармливают ягодами можжевельника, и я слышал, что от этого их мясо приобретает привкус джина. Они считаются большим деликатесом и являют собой зрелище такое же плачевное, как на Кипре *bessaficos* — соленые славки, откормленные фидами. Связки тушек дроздов и других мелких птичек, висящие на уличных рынках, объясняют отсутствие птичьего пения в Италии.

В это время года, в конце лета, в магазинах и холодильниках ресторанов полно грибов самых разных видов, размеров и окраски. Итальянское название грибов — *funghi* — само по себе вызывает некоторую тревогу: добавочное «h» сообщает слову какой-то зловещий оттенок. Некоторые из этих монстров, зеленые в крапинку или разгневанно-красные, легкомысленно поглощаются клиентами ресторанов, и хотя у меня нет особых предубеждений насчет пищи, я бы никогда не отважился заказать их. Для меня их внешний вид является неопровержимым доказательством правоты Светония, который утверждал, что Клавдия отравили грибами.

Мой любимый ресторанчик очень удобно расположен. Прямо за углом — желто-коричневые колоннады, два фонтана и собор Святого Петра. Мне это казалось удивительным везением — иметь возможность посидеть на

стуле и выпить бокал вина в непосредственной близости от такого удивительного строения, как этот собор. Усталость от посещения галерей Ватикана и библиотеки легко снимается графинчиком фраскати, тарелкой супа с овощами и сыром горгонзола.

Вечером мой ресторанчик меняет лицо. Люди, которые здесь обедают, не похожи на тех, кто приходит сюда на ланч. Американки, потерявшей сумочку, приезжего священника, туристов, бормочущих по-французски, по-немецки или по-английски, вечером здесь уже не встретишь. И настойчивого молодого человека с камеями тоже. Этот юноша обычно являлся в середине ланча, быстро оценивал ситуацию и легкой вежливой тенью приближался к любому, кто сидел с девушкой. Глядя даме в глаза, торговец открывал обитый кожей ящичек, полный камей. Он быстро соображал, удастся ему здесь что-нибудь продать или нет, и если девушка не проявляла интереса к его товару, быстро переходил к другому столику. Я с удивлением наблюдал, как много ему удавалось продать. Очень забавно было смотреть на то, как он работал с клиентами. Англичанин или американец после неуверенной попытки поторговаться обычно платил запрошенную цену, безусловно, из опасения показаться своей даме прижимистым, но итальянцы свободны от подобных предрассудков. Увалень-итальянец, чья подруга умирала от желания приобрести камею, сражался с продавцом за каждую лиру. Он пожимал плечами, отворачивался, демонстрировал презрение, ругал камею, катал ее по столу среди хлебных крошек, как будто это был мусор, и уже становилось жалко продавца, хотя, вообще-то, он получал удовольствие от этой игры. Он вел себя как опытный фехтовальщик, который встретил достойного соперника и не может не чувствовать к нему глубокого уважения, несмотря на то что тот очень его теснит. В темных глазах продавца смирение перед тем, кто его победил. Наконец с душераздирающим криком: «Вы меня разорите!» торговец расставался с камеей, полагая, в накладе не оставшись. По крайней мере, сразу же после заключения сделки он снова

расплывался в улыбке и отправлялся к следующей жертве, с которой придерживался той же тактики.

Вечером человека с камнями сменял человек с гитарой. Это был худой, прожженного вида парень, не имевший привычки бриться каждый день, с тяжелыми, набрякшими веками. Агентство по набору актеров, не колеблясь, взяло бы его на роли «гангстера-иностранца», но этому типу внешности несколько столетий, а банды подобных субъектов терроризировали Рим еще во времена Борджиа.

Он прогуливался под навесом из дикого винограда, обводя собравшихся тяжелым взглядом. Ресторан был полон местных жителей с семьями и других персонажей, в большинстве своем ему знакомых. Семейства, с чинно повязанными салфетками, склонялись над своими тарелками спагетти, друзья распивали бутылочку *vinò bianco*, а странные персонажи, возможно, проживавшие поблизости и работавшие в Ватикане, неторопливо ели.

Наметив себе кого-нибудь, музыкант несколько секунд перебирал гитарные струны, прежде чем запеть. Особой скромностью он не отличался, и некоторые из его песен были неприличны, а иные носили явно оскорбительный характер. Во всяком случае, я однажды видел одного толстого римлянина вне себя от гнева, хотя его друзья были в восторге. Обычно певца встречали восторженным ревом.

Среди всех этих «темных лошадок» отмечу одного посетителя, который приходил сюда так же часто, как и я. Это был крупный и жизнерадостный человек. Он выделялся среди итальянцев своими светлыми волосами и усами, а также тем, что пиво предпочитал вину. Выяснилось, что он старший сержант швейцарской гвардии.

Другой завсегдатай, с которым мы время от времени распивали графинчик вина, был человек, ответственный за очистку и поддержание фонтанов на площади. Он рассказал мне, что фонтан, который находится справа, если стоять лицом к собору Святого Петра, на шестьдесят лет старше, чем другой. Сквозь падающую воду можно рассмотреть герб Боргезе, Павла V, — орел в короне на спине дракона, в то время как левый фонтан украшен гербом Альтиери,

Климента X, — перевернутой пирамидой из шести звезд. Должно быть, площадь выглядела странно с одним фонтаном, и Климент X, который все время чувствовал, что чего-то не хватает, вероятно, решил нанести завершающий и восстанавливающий симметрию штрих. Я сказал своему приятелю, что более поздний фонтан кажется как раз старше, чем более ранний, и он объяснил мне, что его обдувает северный ветер, *tramontana*, и холодный воздух очень повлиял на камень. А его сосед больше защищен от ветра. Еще он поведал мне, что вода, извергаемая фонтанами, здесь, на площади Святого Петра, — из озера Браччано, что в сорока милях от Рима. Она поступает на Яникул и, оросив Ватиканские сады, вырывается на свободу в разнообразнейших фонтанах и после своего триумфального выхода на поверхность впадает в Тибр.

— У вас есть трудности с фонтанами? — спросил я.

— О да! — ответил он. — Угри!

Огромное количество угрей, сказал он, обитает в озере Браччано, и в определенный период года миллионы мальков несутся по трубам в Рим и потом засоряют фонтаны. В его обязанности входит очищать от них трубы. Туристы бывают так разочарованы, когда струя вдруг дрогнет и фонтан перестанет быть. Без фонтанов площадь кажется какой-то незавершенной, безжизненной.

Старший сержант швейцарской гвардии, жизнерадостный и приветливый человек, хорошо знал историю своего рода войск. Оказалось, что сейчас считается, что Рафаэль, а не Микеланджело нарисовал эскизы этой формы с разрезами, хотя ни тот ни другой не изобретали ее. Мода на разрезы и одежду «пузырями» распространилась по всей Европе, когда швейцарцы разбили герцога Бургундского в 1476 году. После сражения ландскнехты изорвали на лоскутья шелковые палатки и латали свои изодранные камзолы и чулки. Они возвращались домой с одной ногой желтой, другой — зеленой, полмундира было белым, полмундира — голубым. Сначала люди смеялись над этими лохмотьями, а потом такой стиль начал распространяться среди аристократии,

пока любой предмет туалета не стали разрезать, чтобы в прорезях красовалась полоска яркого и насыщенного цвета. Возможно, Юлий II попросил Микеланджело или Рафаэля смоделировать знаменитую красно-желто-голубую форму как раз для того, чтобы сделать швейцарских наемников менее разноцветными.

Швейцарской гвардии только один раз представился случай умереть за папу: во время разграбления Рима Бурбоном в 1527 году, когда все, кроме двенадцати человек, полегли на площади, у собора Святого Петра, храбро защищая Ватикан от явно превосходящего в численности противника.

Полная численность швейцарской гвардии — сто двадцать человек, и они набирались из четырех католических кантонов Швейцарии: Унтервальдена, Люцерна, Ури и Швица. Рекруты должны были быть неженатыми, от восемнадцати до двадцати пяти лет, ростом по крайней мере пяти футов одиннадцати дюймов и, разумеется, католиками. До поступления в гвардию рекрут должен был пройти хотя бы предварительное обучение в швейцарской армии. Полковник, подполковник, майор, капитан и два лейтенанта гвардии — все они должны были быть офицерами швейцарской армии.

Мой новый знакомый также сказал мне, что швейцарцы получают пенсию после десятилетней службы, и она выплачивается в швейцарских франках. Большое значение придается муштре, и первое, чему новобранец обязан научиться, это правильно держать восьмифутовую алебарду и, приветствуя папу, грациозно опускаться на правое колено, держа алебарду в правой руке строго перпендикулярно полу. Я спросил у сержанта, передается ли по наследству обычай служить в швейцарской гвардии, и он ответил, что да. Мало кто из гвардейцев, сказал он мне, учит итальянский, они обычно живут своей собственной маленькой колонией. Когда гвардейцы не на службе, они надевают простую одежду и бродят по Риму, неотличимые от туристов, и, более того, эти люди, которых

фотографируют чаще, чем кого-либо, иногда тоже берут с собой фотоаппараты!

Однажды вечером в ресторанчике поднялся небольшой переполох, когда курица, сидевшая в зарослях вьющегося винограда, не удержала равновесия и свалилась в чью-то тарелку спагетти. Последовала увлекательная погоня, птицу поймали, полагаю, для того, чтобы на следующий день подать в виде *polio in padella*.^[111] Никакой закон не запрещает держать кур в нескольких ярдах от собора Святого Петра или, если такие законы и существуют, их никто не соблюдает. Это очень характерно для Рима, который так быстро вырос, но в котором осталось много укромных сельских уголков. Мне показался знаменательным тот факт, что преемников святого Петра иногда по утрам будит крик петуха.

7

Из всех уголков Рима ни один не может значить для англичанина больше, чем госпиталь Святого Духа рядом с собором Святого Петра. Это огромное здание эпохи Возрождения на западном берегу Тибра, между мостом Виктора Эммануила и Понте ди Ферро. Ворота перед крыльцом со сводчатой галереей в летний день часто бывают открыты, и, заглянув внутрь, вы видите палату с рядами белых кроватей и полом, находящимся на уровне тротуара улицы. На стене, выходящей на Тибр, написано название улицы — *Lungotevere in Sassia*. Слово «Сассия» — это испорченное Саксия, пришедшее из VIII века, когда благочестивые англосаксонские короли основали приют, который разросся в первую в Риме английскую колонию.

Она была известна как *Schola Anglorum* или *Burgus Saxonus*; и слово «burgus», которое происходит от саксонского «*burh*», все еще сохраняется в этом районе в итальянской форме «*borgo*». Практически каждая улица, ведущая от замка Святого Ангела к Ватикану, это *borgo*. Есть Борго Пио, Борго Сан-Анджело, Борго Санто-Спирито,

Борго Витторио, Борго Анджелико и другие. Но как только вы выходите за пределы этой небольшой области, улицы опять становятся итальянскими *via*. Borgo — это память о тех днях, когда область вокруг бывшего собора Святого Петра представляла собой собрание тевтонских поселений, устроенных здесь новообращенными бывшими варварами.

Первым из этих «Peterboroughs» было английское поселение. Оно находилось на месте госпиталя Святого Духа и доходило почти до самых ступеней собора Святого Петра, и там, век за веком, жили англосаксы: священнослужители, паломники, короли и королевы, пересекавшие Европу, чтобы принести свои дары и прочесть молитвы у гробницы святого Петра. Schola, или гильдия, или братство саксов не раз брало в руки оружие, чтобы защитить храм. Когда в 846 году здесь высадились сарацины; единственными, у кого хватило смелости принять бой, были жители Борго — британцы, франки, фризы. К несчастью, их храбрость не помогла им: Борго был сожжен, собор Святого Петра разграблен, и говорят, зрелище пылающих развалин свело в могилу папу Сергия II.

Проследовав вдоль длинной стены больницы к Борго Санто-Спирито, а она тянется почти до самой площади, я заметил странный стол-вертушку, какие все еще встречаются в женских монастырях. Сейчас она не используется и закрыта ажурной решеткой. Это память о том времени, когда после неоднократного разграбления и многочисленных пожаров по распоряжению Иннокентия III в 1204 году Schola Saxorum превратилась в детский приют. Теперешнее здание было построено Сикстом IV в XV веке, оно все еще функционирует как детский приют, и до недавнего времени туда принимали *trovatelli*.^[112] На турникете в стене была люлька, куда клали младенцев. Тот, кто собирался подкинуть ребенка, звонил в колокольчик и скрывался незамеченным. Потом кто-нибудь изнутри поворачивал вертушку и вынимал из люльки младенца. Огастес Хэйр в 1887 году, когда здесь принимали подкидышей, писал, что рядом с турникетом была еще одна решетка. Казалось бы, совершенно бесполезная. Но он

объясняет, что через это «окно» те, кто хотел усыновить ребенка, подглядывали — «они могли посмотреть сквозь вторую решетку и увидеть, симпатичный ли ребенок, и если нет, то просто уйти».

Эти улицы хранят память о живших здесь англосаксах. То призраки давних времен, возможно, самая малоизвестная страница нашей истории. Время будто заволокло туманом, который лишь изредка на пятьдесят лет разгоняет ветер, чтобы показалось поле битвы, голодающие, покинутый жителями Рим, свинопасы, разводящие костры на мозаичном полу... А потом туман сгущается еще на полстолетия и снова рассеивается, и освещенные ярким солнцем бенедиктинские монахи с Целия проповедуют под дубами бороатым королям и их королевам с распущенными волосами. Ни один период нашей истории не дышит такой утренней свежестью. Епископ Айтфут, обозревая историю своей епархии, сказал, что ее начало, неразрывно связанное с саксами, сияет как «золотой век святости, которой Англия больше никогда не увидит», что это самый привлекательный, самый выдающийся по своей духовности период его Церкви. Это был век святых и ученых, и кельтский ветер гулял в монастырских стенах, скоро поднявшихся в лесах и на берегах рек, и это были первые форпосты новой Римской империи.

Альдгелм, играющий на своей арфе на мосту в Малмсберри в базарный день подобно Орфею и ведущий крестьян к мессе, прежде чем они начнут торговать; Беда, почти слепой, проповедовавший в пустой церкви, где, когда он закончил, невидимый хор ангелов отозвался: «Амен»; Кэдмон Уитбийский, подобный утренней звезде, поющий среди жующих жвачку коров в хлеву; монахиня Леоба, которой случалось засыпать, когда послушницы читали Евангелие, но, даже спящая, она исправляла всякую оговорку или ошибку; посольство, прибывающее в Рим с приношением на могилу святого Григория в благодарность за то, что он открыл им Христа, — все это бессмертные картины волшебной Англии, и все они, увы, поблекли еще до норманнского завоевания — из-за праздности, лени,

распущенности, неправильного образа жизни. Этот прекрасный период был самым поэтичным в истории Англии, и, может быть, ни один из современных писателей не выразил этого ощущения лучше, чем Честертон в его «Балладе о Белой лошади»:

Вплела эпоха в полотно Истории тугую нить,
Дика, сурова и странна
И, хоть история верна,
Английской слишком мнится нам,
Чтоб истинною быть. [\[113\]](#)

Так странно стоять на римской улице и знать, что под тобой, десятью, двадцатью, тридцатью футами ниже, есть поверхность, по которой ступали сандалии саксов, и где-нибудь в темноте склепа может лежать какая-нибудь серебряная фибула, сломанная чаша, к которой прикасались губы сакса, или пенни, привезенный в Рим из Уэссекса, Мерсии или Нортумбрии много веков назад.

Почему-то не удивляет, что вожди бриттов, такие как Карактак, любовались великолепием Рима в век Империи. Но странно думать, что глаза христиан-саксов видели Рим в те времена, когда на улицах стояли бронзовые статуи, а дворцы цезарей были еще обитаемы. Это был тот Рим, который увидел Бенедикт Бископ, когда покинул Нортумбрию молодым человеком в 653 году и через Галлию Меровингов во времена *rois fainéants* [\[114\]](#) добрался до гробницы святого Петра. Он был первым зарегистрированным приезжим из Англии, но, возможно, были и другие, которые просто не оставили следов. Скоро к нему в Риме присоединился другой паломник, которому тоже было суждено вписать свое имя в историю севера Англии золотыми буквами. Это был святой Уилфрид, надменный тан, сделавшийся монахом. Глазам этих двух молодых людей из Англии предстало удивительное зрелище. Они увидели Пантеон, в то время крытый золоченой черепицей, которую еще не успел украсть

Констант II.^[115] Они увидели собор Святого Петра, сверкающий бронзовой черепицей с храма Венеры, которую Гераклий подарил папе Гонорию I всего лишь за двадцать четыре года до этого. Они увидели более трехсот бронзовых статуй, все еще стоявших на заросших травой улицах и форумах. Через десять лет статуи будут сброшены с постаментов Константином II и увезены в Сиракузы. И когда эти саксы поднялись на Палатин, а, должно быть, они сделали это, то увидели императорские дворцы, которые все еще стояли, хотя в них уже никто не жил. Время от времени византийский экзарх приезжал в Рим из Равенны и останавливался в императорском дворце. Гераклий тоже останавливался там, когда приезжал в Рим в 629 году. И Константин II, последний византийский император, который посетил Рим, жил там в 663 году. И как интересно думать о том, что Бенедикт и Уилфрид могли встречать людей, которые разговаривали с Григорием Великим, умершим всего лишь за сорок девять лет до их приезда в Рим! Эти двое приехали в Рим, когда он еще только пытался оправиться от Готских войн, и продолжали посещать этот город до самой своей старости: Бенедикт — чтобы пополнять свою коллекцию книг, облачений и икон для монастырей в Вермуте и Ярроу, а Уилфрид — чтобы изложить свои сомнения и тревоги папе. По мере того как они открывали для себя этот печальный, разрушенный город, казавшийся им, впрочем, мощным и славным, этот город, где собор Святого Петра сиял мозаикой и сверкал золотыми светильниками, они, должно быть, встречались со своими соотечественниками, и первые деревянные дома поселения саксов, возможно, уже окружали базилику.

На наших практичных предков большое впечатление производила должность святого Петра, которую они понимали буквально: он был привратником в раю. Им казалось благоразумным поддерживать хорошие отношения со святым, которому были доверены ключи. «Если Петр — привратник, — говорил король Освиу из Нортумбрии, — то я во всем намерен слушаться его, исполнять все его приказы. Иначе, когда я подойду к вратам Небесного Царства, кто же

мне их откроет?» Естественно, церковь, посвященная привратнику рая, быстро распространила свое влияние по всей Англии. В Лондоне, или, вернее, в Вестминстере, имелся свой собственный собор Святого Петра, который был освящен самим апостолом. История такова: однажды воскресным вечером, забросив в Темзу сети для ловли лосося, Эдрик, рыбак, услышал, как его окликнули с Ламбетского берега. Он увидел незнакомца, судя по голосу и одежде, иностранца. Тот попросил переправить его к новой церкви, которую вот-вот должен был освятить Меллит, епископ Лондонский. Не успел незнакомец ступить на берег острова Торни и войти в церковь, как потрясенный Эдрик увидел, что храм сияет, то и дело загораясь нездешним светом, и ангелы с зажженными свечами в руках то спускаются, то вновь поднимаются ввысь. Вернувшись к лодке рыбака, незнакомец попросил поесть. Эдрик с грустью признался, что нынче улова не было и ему нечего предложить. Незнакомец, тоже оказавшийся рыбаком, сочувственно кивнул. Он сказал, что он — святой Петр и пришел освятить посвященный ему храм. Он велел Эдрику забросить свои сети снова и обещал ему хороший улов при одном условии — что он никогда больше не будет рыбачить в воскресенье!

Многие саксы, услышав этот чудесный рассказ, отказались от путешествия в Рим. Зачем подвергать себя опасностям и тяготам столь долгого пути через Галлию и Альпы, чтобы помолиться на могиле апостола, когда на берегу Темзы стоит церковь, освященная самим Петром? Возможно, визит святого Петра в Лондон и был попыткой приостановить паломничество в Рим, которое достигло такого масштаба, что приводило в ужас священнослужителей того времени. Святой Бонифаций в письме Катберту Кентерберийскому в 743 году замечал, что далеко не все паломники чисты сердцем и помыслами и что путешествие в Рим часто таит в себе угрозу женской добродетели. «Немного найдется городов в Ломбардии, Франции и Галлии, — писал он, — в которых нет англичанок

— распутниц или проституток, а это позор для всей Церкви».

Ничто, однако, не могло удержать саксов от паломничества. Кроме того, у монархов вошло в привычку после отречения уезжать в Рим и доживать там. Они хотели быть похороненными рядом с собором Святого Петра, чтобы в Судный день недалеко было бежать. Первым, кто поступил так, был Кэдвалла из Уэссекса. Он приехал в Рим в 694 году и был крещен папой Сергием I, при крещении получил имя Петр. Но через несколько дней, все еще будучи *in albis*, то есть в белых крестильных одеждах, которые носили неделю после крещения, он заболел и умер, и был похоронен в галерее пап. Оффа из Эссекса и Кенред из Мерсии прибыли вместе в 709 году, их примеру через шестнадцать лет последовали Ине из Уэссекса и его жена, Этельберга. Она, судя по всему, была женщиной с сильным характером и умела настоять на своем. Говорят, для того чтобы убедить своего супруга в тщете мирской роскоши, она однажды велела принести в графские покои отбросы и мусор, а в постель положить свинью с поросятами. Некоторые считают, что именно Ине и Этельберга могли быть основателями *Schola Saxorum* или, возможно, они перестроили и расширили ее.

До Карла Великого путешественники из Англии в Рим шли и ехали через Францию, где, в отличие от Англии, муниципальная структура римского мира все еще оставалась нетронутой. Англичане и англичанки с острова, где римские города стояли разрушенные в полном запустении, должно быть, очень удивлялись, увидев красные черепичные крыши городов Галлии, процветающие при своих епископах. Путешественники оставляли беглые, по-деловому краткие путевые записки, но чего бы только мы теперь не дали за подробное описание встреченных на дорогах людей, монастырей, еды, ночных разговоров у костра в монастыре или на *xenodochium*, то есть на постоялом дворе. Увы, об этом первые паломники не сообщают нам ничего.

Другие нации поспешили перенять опыт Schola Saxorum. Не только в Англии мечтали быть похороненными поближе к святому Петру. Появилась Schola лангобардов, основанная королевой Ансой около 770 года, и кое-что от нее сохранилось до XVII века, когда она была стерта с лица земли, чтобы уступить место колоннаде Бернини. Затем Schola Francorum, основанная Карлом Великим около 797 года, и она, как это ни удивительно, все еще существует в галерее Колоколов, у входа в Ватикан. Внутри здания есть изображение Карла Великого и надпись, свидетельствующая о том, что он был ее основателем. Сейчас здесь Тевтонский колледж, и мне показалось, что немецким священникам и учащимся не очень хочется признавать, что их учебное заведение настолько моложе англосаксонского Борго, бывшего неподалеку на месте госпиталя Святого Духа!

Из всех саксов, посетивших Рим, самым интересным был Альфред Великий, которого прислали сюда в пятилетнем возрасте в 853 году. Папа Лев IV сделал этого ребенка центром церемонии, которая, пожалуй, уместнее была бы в детской, чем в соборе Святого Петра. Мальчика торжественно опоясали мечом и нарядили в тунику римского консула. Он, безусловно, стал самым молодым консулом в истории! Никто не знает, почему ребенку оказали такую честь; возможно, чтобы сделать приятное его благочестивому отцу и графству Уэссекс. Не успел Альфред вернуться в Англию, как его набожный отец, Этельвульф, расстроенный набегами викингов, решил посетить Рим, возможно, чтобы спросить святого Петра, правда ли, что, как говорили в Англии, «Бог и святые уснули». Итак, Альфред, уже семилетний, снова отправился с отцом и его приближенными, а также с целым сундуком подарков, к святому Петру. Интересная подробность, много говорящая о ресурсах тогдашней Англии: среди даров Этельвульфа были корона из чистого золота весом в четыре фунта, две золотых вазы, меч в золотых ножнах, две золотых статуи, позолоченный серебряный подсвечник, возможно, назначенный заменить собою светильники Константина,

украденные сарацинами за девять лет до того. Альфред и его отец, наверно, много слышали рассказов о том, как саксы бились с сарацинами и как горел Борго. Известно, что Этельвульф отреставрировал и частично перестроил квартал саксов и либо подтвердил налог, взимавшихся с английских жилых домов, чтобы содержать английскую колонию в Риме, либо сам установил налог, который стал известен как «пенс в пользу святого Петра».

Вот так стоишь в этом городе призраков и пытаешься представить себе кучку домиков с соломенными крышами, когда-то служивших жилищами нашим соотечественникам. Сначала колонию поддерживали ежегодные отчисления из Англии. В те времена, когда вера и набожность еще не прокисли, радостно было думать, что каждый английский дом помогает зажигать свечи вокруг гробницы святого Петра. Но потом добровольные пожертвования превратились в налог. И когда в 1534 году Генрих VIII отменил его, возгласов протеста не последовало. Одна из тайн археологии Рима: в город за восемьсот лет была завезена масса английского серебра, а монет нашли очень мало. Казну налога в пользу святого Петра обнаружили в прошлом веке, к всеобщему удивлению, в Доме весталок, и эти монеты сейчас экспонируются в Национальном музее Рима, в термах Диоклетиана. Некоторые считают, что малое количество английских монет объясняется тем, что годовой взнос весь шел на переплавку и отправлялся в папскую казну в виде слитков.

Это всего лишь немного из того, что можно вспомнить об английской колонии у госпиталя Святого Духа, и я уверен, что английские туристы, которые редко туда заходят, будут так же очарованы этим уголком, как был очарован я. Позже, в 1026 году, сюда из Британии приехал Канут, а в 1050 году — Макбет. Они раздавали деньги бедным, возможно, пытаясь таким образом искупить свою вину за убийство Дункана.

Еще раньше, чем первые английские паломники появились в Риме, Гильда написал свою красивейшую поэму. Это было около 600 года, и это были первые «путевые

заметки», оставленные британцем. В них — дух времени, и своего, и времени вообще.

Во здравии добром со спутниками своими
Да возвращусь я домой.
Да пребудет мой челн сухим и надежным,
Да не падут нежданно кони,
Да сохранятся при нас монеты наши,
Дабы не пришлось нам просить подаянья.
Да избегнем мы врагов на пути,
Да убережет нас от дурных советов
Христос Вседержитель,
Да будет легка дорога,
В горах ли высоких,
В долинах ли глубоких,
В просторах ли бескрайних,
В лесах ли и чащобах густых.
Да пойду я путями прямыми,
Что ведут к местам желанным... [\[116\]](#)

8

Однажды утром я имел удовольствие беседовать о госпитале с синьором Пьетро де Анджелисом, автором многих книг об этом здании и его долгой истории. Он открыл сейф и показал мне несколько покрытых ржавчиной монет, в слишком плохом состоянии, чтобы можно было их идентифицировать. Это все, что сохранилось, благодаря чему можно теперь ощутить долгую связь Англии с этой частью Рима. Беря в руку монету, он словно дотрагивался до каждого приезжавшего сюда англичанина. Как это все-таки странно — услышать от кого-нибудь: «Альфред Великий»!

В Риме в Средние века и эпоху Возрождения часто бросали детей, обычно их просто оставляли на берегах Тибра в тростнике, как Моисея. Здесь их обнаруживали рыбаки, младенцы даже часто попадали в их сети.

Вертушка в стене больницы освободила Тибр от подкидышей.

«Была набрана целая армия кормилиц, которая подчинялась специальному чиновнику. Он так и назывался: начальник над кормилицами, — рассказывал синьор де Анджелис. — Флейтист оповещал их своей игрой о времени кормления, — возможно, первый известный в истории пример использования музыкальной терапии. Должно быть, это было впечатляющее зрелище!»

Зал, где заседал совет попечителей, украшен множеством фресок. Вот папа Иннокентий III, сидя на своем троне, в тиаре, в ужасе воздевает руки, когда паж протягивает ему голого младенца, держа его за ножку. Вот рыбак с Тибра, опирающийся на весло и держащий сеть, в которой два голых младенца. Еще одна картина: папа спит в постели (тоже в тиаре), ангел влетает под полог, которым накрыта большая кровать, и велит ему основать приют для брошенных детей. Вот папа сидит верхом на белом муле и вместе с кардиналами наблюдает за строительством больницы.

Мы перешли в следующую комнату. Это была одна из красивейших библиотек начала XVIII века, какие я только видел. Стены, от пола до потолка, заняты стеллажами с книгами, в основном XVI и XVII веков, в переплетах из телячьей и свиной кожи. Библиотека принадлежала выдающемуся анатому Джованни Аанчизи, автору классического труда о строении сердца. Среди сокровищ больницы — Liber Fraternitatis, в которой более тысячи автографов пап, королей, королев, кардиналов и других людей, которые когда-либо интересовались этим заведением. Два самых интересных английских автографа принадлежат Генриху VII и Джону Колету, основателю лондонской Сент-Полз-Скул.

Секретарь открыл забавную маленькую дверцу в алькове. Мы вошли в келью, в которой имелось окно. Синьор ди Анджелис открыл его и предложил мне выглянуть. К моему удивлению, мне показалось, что я смотрю вниз с крыши собора и мне видна вся длинная палата, часть

которой прохожие могут иногда увидеть с дороги, если ворота окажутся открыты. Прошло пять веков, а это помещение до сих пор используется. Орган, установленный в 1546 году, все еще здесь, и на нем можно играть. Я представил себе сестер, суесящихся у многочисленных кроватей — их сто в женской палате, и столько же — в мужской.

— Окно велел прорубить монсеньор Виргилио Спада в 1633 году, когда он был магистром госпиталя, — сказал синьор де Анджелис. — Таким способом он держал под контролем персонал! Он спал в этой комнате и, если слышал ночью зов кого-нибудь из больных на помощь, выглядывал в окно убедиться, что к страдальцу быстро подошли. Так как сестры и врачи не знали, когда он смотрит, а когда нет — а у него была репутация очень внимательного наблюдателя, — им казалось, что глаза магистра постоянно следят за ними!

Подобный рассказ — бальзам на душу после ужасающих свидетельств черствости медиков в прошлые века.

9

По крайней мере два столетия всякий, кто приезжал в Рим, любовался закатом с холма Пинчьо, но очень мало кто когда-нибудь видел восход с Яникула. Однажды утром, проснувшись раньше обычного, я спокойно вышел из монастыря и пошел вниз по холму к собору Святого Петра, где заря еще не победила свет фонарей. Стоит пожертвовать часом-другим сна, чтобы увидеть площадь Святого Петра безлюдной. Кажется, единственное, что здесь движется, это вода в фонтанах, и единственное, что звучит, — тоже вода.

Идти от колоннады до вершины холма недолго и приятно, и я наблюдал, как светлеет с каждой минутой. На одной стороне холма — собор Святого Петра, а на другой — Тибр и Рим. Фонари теперь напоминали искры, горящие в сером холоде. Среди цветов и деревьев было восхитительно

прохладно. Подо мной лежал Рим — большое размытое безмолвное пятно, в котором я мог различить лишь памятник Виктору Эммануилу, да некоторые башни и купола. Оглянувшись, я увидел, что собор Святого Петра уже вполне различим. Он готов уловить первые лучи встающего солнца. Рим лежал в прекрасной, благословенной тишине. В сотнях гаражей без движения стояли машины и «весны». И пока водители Рима пребывали еще в горизонтальном положении, я смотрел вниз на город, благодарный за этот за этот покой.

Я стоял и смотрел, лицом к нечеткой, неразборчивой массе крыш и куполов, а света с каждой секундой становилось все больше, и здания, церкви, башни и купола выплывали из утренней серости, обретая индивидуальность по мере того, как их снова наполнял свет: эти красные, коричневые и желтые тона Рима. И вот на безоблачном небе засияло солнце. Это зрелище рождения нового римского утра было гораздо удивительнее, чем любой закат. Все крыши и купола Рима сверкали и вспыхивали, белый мрамор памятника Виктору Эммануилу искрился, как айсберг, и рядом с ним я видел колокольню Капитолия. Слева я различил купол Пантеона, деревья Пинчьо и садов Боргезе, башни Тринита деи Монти и за памятником Виктору Эммануилу — два купола и башню собора Санта Мария Маджоре. На западе я различал линию синих холмов, где лежала вилла Тиволи, утопая в своих виноградниках, и еще больше холмов было там, где озера Альбано и Неми, спокойные в безветрие, тоже ловили первые лучи солнца. Я перешел дорогу и, взглянув вниз в направлении собора Святого Петра, увидел сияющий в утреннем солнце крест над куполом, а длинная тень обелиска указывала на церковь.

В наивысшей точке Яникула, глядя вниз на Рим, Гарибальди сидит на своем великолепном бронзовом коне. У Гарибальди царственная осанка и лошадь, должно быть, из королевских конюшен. Немного ниже — Анита Гарибальди едет на диком мустанге, который вот-вот понесет. При этом Анита не просто едет, она еще и держит ребенка и в то же

самое время стреляет из пистолета. Контраст между ее волнением и статуарным спокойствием ее супруга, находящегося всего в нескольких ярдах от нее, вызывает беспокойство. Вам начинает казаться, что если бы Гарибальди только знал, что происходит с его возлюбленной так близко от него, какая ей угрожает опасность, он бы немедленно спешил и бросился ей на помощь.

Здесь запечатлен тот момент в полной приключений жизни Аниты, когда ей пришлось с маленьким ребенком бежать от врагов, захвативших ее в плен, и с оружием в руках через лес выбираться на свободу. Бесстрашная Анита была прирожденной партизанкой, и случай привел ее в самую гущу кочевой жизни с погонями и засадами, которая ей так подходила. Ухаживания Гарибальди за будущей женой, вероятно, были одними из самых лаконичных в истории. Он впервые увидел ее, взглянув на бразильское побережье с палубы корабля. «Я хотел, чтобы кто-нибудь полюбил меня, и немедленно», — рассказывал он потом. С палубы своего парохода он «увидел хорошеньких девушек, занятых повседневными делами. Одна из них понравилась мне больше остальных. Мне оставалось только сойти на берег. И сделав это, я немедленно направился к дому, на который так долго смотрел». Он подошел к Аните и сказал: «Девушка, ты будешь моей», — и, удивительно, она согласилась.

Еще один интересный персонаж, на которого я с удивлением наткнулся в то утро, был Джон Уайтхед Пирд, «английский гарибальдиец», бородатый гигант из Фоуи в Корнуолле, помогавший объединять Италию. Хотя другие англичане сделали для объединения ничуть не меньше, чем он, этот огромный меткий стрелок поразил воображение итальянцев. Его рота была вооружена новым оружием, револьвер-винтовками, которые американский изобретатель Сэмюел Кольт послал Гарибальди на пробу. Но у них был один недостаток — они сильно обжигали стрелка. Самый забавный случай с Пирдом вышел, когда его ошибочно приняли за Гарибальди. Однажды он вошел со своими

людьми в город, и его встретили там, как великого освободителя. Так как для Гарибальди было стратегически выгодно, чтобы считали, что он там находится, Пирд с неохотой подыграл ему. Но скоро ситуация вышла из-под контроля. В честь Пирда — Гарибальди пропели «Te Deum», город был празднично освещен, к нему начали посылать делегации, пришлось сделать смотр войскам — в общем, ошарашенный англичанин, согласившийся выдать себя за другого, попал в очень неловкое положение. Все разрешилось приездом самого героя.

Прогуливаясь по Яникулу, я еще раз посмотрел на Аниту Гарибальди на ее бешеном скакуне и подумал о том, сколько же все-таки бронзовых и мраморных лошадей в Риме. Самая важная из них — лошадь, несущая по Капитолию сквозь века Марка Аврелия. Бронза еще хранит следы позолоты, и есть легенда, согласно которой, как только позолота сойдет, челка лошади превратится в поющую птицу и при первых звуках ее пения настанет конец света! Есть еще две великолепные мраморные лошади, сопровождающие Кастора и Поллукса на вершине лестницы, ведущей к Капитолию, и, возможно, из тех же конюшен — вставшие на дыбы лошади под обелиском на Квиринале, о которых паломники в Средние века сложили столько историй. Есть великолепная позолоченная упряжка лошадей, которой управляет на памятнике Виктор Эммануил, а слева, как зайдете в собор Святого Петра, — прекрасная летящая лошадь, изваянная Бернини. На ней сидит Константин Великий.

Я спустился к моему маленькому кафе на Виа делла Кончиллационе. Хлеб, как обычно, еще не привезли. Официант салфеткой смахнул крошки со стола и сказал, что зато он будет теплый. Пока он поливал апельсиновые Деревья в кадках, приехал мальчик на велосипеде и привез хлеб. И какой-то турист, с риском для жизни выйдя на проезжую часть, сделал первый сегодня снимок собора Святого Петра.

Глава девятая. Визит в Ватикан

Визит в Ватикан. — Государство Ватикан. — Автомобиль папы и «колесницы». — Ватиканское радио. — Сад папы. — Изысканная дача. — Забытая реликвия Стюартов.

1

Бисквитного цвета Ватиканский дворец с задернутыми шторами и окнами, сверкающими в утреннем солнце, поднимается над колоннадой Бернини под странным, неожиданным углом. Старый дворец, кажется, дремлет на солнышке. Ревностный лютеранин, посмотрев вверх, мог бы представить себе коварных иезуитов, снующих по полутемным коридорам, хотя всякий, кто хоть однажды здесь побывал, знает, что здесь никого нет, кроме скучающего зрителя и рассеянного света на фресках Рафаэля. Ревностный же католик смотрит на лабиринт зданий, гадая, в каком из них живет его святейшество.

Мэрион Кроуфорд в 1898 году писал, что всякий, кому случалось переходить площадь, непременно поднимал глаза на Ватикан, без сомнения, думая о том, что же там сейчас происходит. Он описывает бродячего торговца фотографиями, размахивающего снимками, которые тот достает из ярко-красной папки, словно Лепорелло, разворачивающий перечень побед Дон Жуана. Торговец «указывает на угловые окна во втором этаже, доверительно сообщает туристу, что Sua Santita^[117] живет именно в этих комнатах, и услужливо предлагает фотографии других интерьеров Ватикана».

Все осталось, как прежде: и пьядца, и Ватикан, и туристы, навязчивые торговцы со своими Ricordo di Roma...^[118] Все, кроме одного, но очень важного обстоятельства: с тех пор как Мэрион Кроуфорд написал «Ave Roma

Immortalis», папа переехал из роскошного второго этажа апостольского дворца на чердак.

Сейчас уже никому не кажется странным, что папа живет в помещениях, которые раньше служили спальнями слугам, и немногие задумываются о радикальных переменах, которые меньше чем за век перенесли понтифика из сверкающих золотом апартаментов Квиринала на чердак Ватикана. То, что раньше считалось несчастьем, оказалось благословением Божиим: временное Папское государство перестало существовать, но царство святейшего распространилось в умах, проникло в сознание четырехсот миллионов людей во всех частях света.

Окно папы в верхнем этаже Апостольского дворца сейчас известно лучше, чем многие виды Рима. Призраки Борджиа и Медичи, Альдобрандини и Боргезе, которые, несомненно, обитают в коридорах Ватикана, вероятно, с удивлением взирают на скромную спальню папы на чердаке, на трапезную, где он в одиночестве вкушает пищу. И еще, говорят, там живут две канарейки, которых выпускают из клетки полетать, и они садятся на плечо и на руку папе.

Начало этой простоте было положено святым Пием X, который нарушил этикет Ватикана, не пожелав, когда его выбрали папой в 1903 году, покинуть скромную комнату, выделенную ему Конклавом. До сих пор ходят легенды о его простоте и непритязательности. Когда в Ватикане поняли, что он никогда не согласится спуститься в папские апартаменты во втором этаже, для него переделали верхний этаж, который с тех пор и занимали все папы.

Пересекая в то утро площадь, я заметил небольшую группу мужчин, собравшихся в левом конце колоннады, и, присмотревшись, я понял, что это полицейские. Некоторое количество полицейских в форме стояло и у ворот, как бы между прочим поглядывая на дорогу за колоннадой. Я понял, в чем дело: папа должен вернуться из Кастель Гандольфо на какую-то конференцию или встречу. И я стал ждать, когда же он проследует из Италии в Ватикан.

Колонны Бернини окружают площадь Святого Петра густым лесом, и пространство в кольце каменных стволов

так огромно, что вряд ли кто-либо, кроме случайно оказавшихся именно в этом отдаленном уголке «леса», догадался бы, что происходит. Если бы распространился хоть какой-нибудь слухок, сотни людей, целые толпы тут же хлынули бы сюда.

Внезапно мужчина в синей пиджачной паре отбросил сигару — и превратился в важного полицейского начальника. Все отдавали ему честь. Полицейские в форме выстроились вдоль дороги, а люди в обычной одежде столпились у запертых железных ворот, ведущих в Ватикан мимо Тевтонского колледжа и Кампо Санто. Внимание мое привлекла молодая светловолосая американка в сопровождении женщины постарше. Она подошла к главному полицейскому начальнику и спросила его, что тут будет происходить. Полицейский улыбнулся очаровательной иностранке и объяснил, что приезжает папа и что для нее есть прекрасное место, в самом первом ряду.

Пока я думал о том, что женщины совершенно правы, спеша воспользоваться своим очарованием, которое так быстро утрачивают, послышался страшный рев мотоциклов, и двадцать молодых людей в синей форме, в шлемах, на мощных машинах, показались на дороге, в том месте, которое я принял за границу, а три черных автомобиля пересекли без всякого эскорта невидимую границу государства Ватикан.

Папа был один во второй по счету машине. На нем была его обычная белая сутана и темно-красная широкополая шляпа. Я успел увидеть бледное худое лицо, большие черные глаза за стеклами очков в золотой оправе, худую руку в крестном знаменье. Потом автомобиль въехал в ворота, открытые швейцарскими гвардейцами, которые опустили на одно колено и пребывали в этой почтительной позе, пока машина проезжала мимо них и поднималась на холм мимо Кампо Санто.

Одной из тех, кто упал на колени, когда показался папа, была, к моему удивлению, и та американская девушка. Теперь она встала. Глаза ее сияли.

— Боже мой! — обратилась она к своей спутнице. — Разве это не чудо? Он видел меня! Ты видела? Он благословил меня особо, именно меня!

Мотоциклисты сняли шлемы и подняли свои защитные очки; полицейский начальник долгим взглядом проводил американку и ушел, несомненно, доложить по начальству, что итальянская полиция, в полном соответствии с Латеранскими соглашениями, благополучно проводила преемника святого Петра через итальянскую территорию.

2

Когда мне впервые довелось нанести визит официальному лицу в Ватикане, я был ошеломлен, как, уверен, и многие Другие. Нет другой такой общности, как папская курия. В течение шестнадцати веков она помещалась либо в Латеранском дворце, либо в Авиньоне, либо в Ватикане — папство сменило всего три адреса со времен Константина Великого! «Папство, — по знаменитому определению Томаса Гоббса, — всего лишь призрак ушедшей в небытие Римской империи, сидящей в короне на своей собственной могиле». Это утверждение — безусловно, крайность и нуждается в уточнении, хотя многие замечали не только сходство структур католической Церкви и Римской империи, но и использование Церковью многих имперских терминов, например: епархия, префектура, викариат, консистория, и так далее. И когда папа назначает представителя, он называется «легат», как во времена Юлия Цезаря. Одно из наиболее значительных приобретений папства, на мой взгляд, — это титул Pontifex Maximus.

По всему Риму на архитравах и фонтанах, не говоря уже о надписи Павла V на соборе Святого Петра, вы можете увидеть эти слова, часто сокращенные, как на римской монете, до Pont Max, что может удивлять некоторых посетителей. Однажды я слышал, как визгливый и вульгарный женский голос, перекрывая рев фонтана Треви,

вопрошал: «Интересно, а кто такой этот Макс? Этот Понт Макс, чье имя тут на каждом углу?» «Pontifex» означает «мостостроитель», и титул Pontifex Maximus присваивался в Древнем Риме жрецу высокого ранга во время церемоний, имеющих целью умиловить духов Тибра, извиниться перед ними за строительство первого деревянного римского моста. Юлий Цезарь носил титул Pontifex Maximus. Кажется, этот языческий титул перешел к папе во времена Льва I, в 440 году, и Лонгфелло в «Золотой легенде» говорит:

Прославлен понтифик в веках,
Ибо ведает всяк:
Он — зодчий того моста,
Что ведет с земли в небеса. [\[119\]](#)

Pontifex Maximus никогда не был жрецом, служащим какому-то конкретному богу, а, скорее, регулировщиком римской государственной религии; возможно, поэтому, когда христианство сменило язычество, титул естественным образом и перешел к папе. Хоть резчики по камню немилосердно эксплуатировали этот титул и ни одна надпись на гробнице, фонтане или здании в Риме не обходилась без «Pont Max», папы себя так не называли. В своих буллах со времен Григория Великого и по сей день они называют себя «Servus servorum Dei» — «Слуга слуг Господа».

С такими мыслями я подошел к дворцу папы. Вход — через Бронзовые врата под колоннадой справа. Здесь я обнаружил швейцарского гвардейца, не только очень живописно одетого, но и живо интересующегося всеми входящими. Здесь могли бы назвать стражнику свои имена Аттила или Лютер. Через эти врата мог бы попытаться проникнуть злоумышленник, чтобы сместить папу. Каким бы фантастичным это ни показалось, но такое случалось не однажды в XVIII веке. Самым решительным был шотландский священник, который решил, что «вавилонская блудница» в «Откровениях...» — это не кто иной, как папа, и

что его долг — идти в Рим и обратиться к папе в пресвитерианство. Ему удалось приблизиться к папе на церемонии в соборе Святого Петра, и тогда он громко крикнул: «О ты, чудовище с семью головами и десяти рогами! О, мать блудниц, наряженная в пурпур и атлас, украшенная золотом, драгоценными камнями и жемчугами! Брось свою отвратительную чашу, откажись от своего грязного разврата!»

Им занялся швейцарский гвардеец, и безумца непременно отправили бы на галеры, если бы не вмешался Климент XIV, которого эта история, кажется, шокировала меньше, чем кого бы то ни было. Папа оплатил шотландцу проезд домой. И сказал, что «он очень ценит его добрые намерения и то, что тот совершил такое далекое путешествие, чтобы сделать, как ему самому казалось, доброе дело».

Так что, естественно, гвардейцы у Бронзовых врат всегда на страже и, как злые пчелы, наблюдают за вами, пока вы поднимаетесь по ступеням, но, убедившись, что вы безобидны, превращаются в веселых бабочек и, порхая, провожают вас до приемной, которая находится направо от входа. Здесь за столом, уставленным телефонами, сидят двое в черном. Они звонят тому, с кем у вас назначена встреча, и сообщают ему о вашем прибытии, а потом указывают вам, куда идти. Не требуется ни заполнять никаких бланков, ни посылать мальчика с докладом. Итак, вы вдруг оказываетесь в Ватикане.

По опыту могу сказать, что чиновники в приемной Ватикана работают гораздо лучше, чем их собратья в густых дебрях британской бюрократии. Когда я спросил об одном австралийском монсеньоре, которого когда-то знал, чиновник сообщил мне, что моего знакомого больше нет в Ватикане, что он сделался епископом и уехал куда-то в Северную Африку. Увидев, что я несколько растерян, он любезно предложил мне повидаться с его преемником. Итак, я пересек огромный внутренний двор Святого Дамаса, залитый слепящим солнцем. При этом за мной наблюдал издали единственный человек, оживлявший этот пейзаж, —

папский жандарм. Я подумал, какая все-таки большая разница: быть просто туристом или приобщиться к его истории. Подумать только: я в Ватикане по делу!

Я услышал, как автомобиль, поднимаясь на холм, переключил скорость, потом появился, проехав под аркой, в Cortile del Papagallo^[120] (интересно, чей это был попугай...) и подкатил справа к входу в Апостольский дворец. Впереди у меня были застеленные лоджии с задернутыми шторами, защищавшими фрески Рафаэля. Откуда-то из фонтана в стене капала вода, проведенная святым Дамасом, который был папой в 366 году, — для крестильной купели первого собора Святого Петра.

Жандарм поднес руку в белой нитяной перчатке к наполеоновской треуголке, а потом махнул рукой в сторону дверного проема. Меня ввели в лифт, перед которым стояли два монсеньора, едва из колледжа. Когда служитель собирался закрыть дверь лифта, в здание вошел кардинал в сопровождении секретаря; и стоило ему войти в лифт, как два молодых священника тут же стушевались, слились с фоном, как, вероятно, поступили бы младшие офицеры в военном министерстве, если бы в лифт вошел, например, начальник генерального штаба.

Мне сразу бросились в глаза пуговицы и петли красного шелка на одежде кардинала. Такого же цвета у него был пояс. Кардинал проследовал к лифту, секретарь трусил за ним, как преданный черный кролик, держа под мышкой один из тех пузатых портфелей, которые являются такой впечатляющей приметой деловых людей на континенте. Служитель ждал меня. Он провел меня по коридору и указал на скамью. К тому времени я утратил всякое представление о том, где нахожусь. Меня как будто вели с завязанными глазами по крепости, и я сгорал от любопытства понять, куда же все-таки привели. Рискнув нарушить этикет, сложившийся за шестнадцать веков, я встал на цыпочки, чуть отодвинул штору и выглянул наружу. Я находился высоко над галереей собора Святого Петра, справа, примерно на одном уровне с гигантскими святыми. Мне были видны люди, ходившие по крыше и

бросающие взгляды вниз, на площадь. На заднем плане возвышался купол, а на галерее толпились туристы, глядя вниз на Рим, на Тибр и вдаль, на Альбанские холмы.

Я спрыгнул со своей скамейки как раз вовремя. Бесшумно появившийся провожатый забавным итальянским Местом подозвал меня к себе. Он поманил меня не указательным пальцем, как это делают англичане, а едва заметным, почти зловещим движением пальцев правой руки — как будто почесал за ухом большую невидимую собаку. Я последовал за ним и встретился с молодым монсеньором-англичанином, который недавно прибыл из Японии.

3

В Ватиканском государстве нет ни подоходного налога, ни таможенной пошлины, ни валютного контроля. Когда я отправился обналичить несколько чеков в ультрасовременном мраморном Банке Ватикана, я в высшей степени вежливо объяснил кассиру, что в Риме обменял бы по более выгодному курсу, но хотел бы стать клиентом именно этого банка, чьими главными услугами пользовались епископы и монсеньоры, и что я с готовностью пожертвую несколькими лирами. Пока проверяли мой паспорт, в очередь встала пожилая монахиня и, порывшись в складках своего черного одеяния, достала чековую книжку — как я предположил, хозяйственный фонд ее монастыря. Как и все в Ватикане, банк работал тихо, быстро и аккуратно.

Никто не знает, насколько богат Ватикан. Это единственное государство в мире, которое никогда не обнародует свой годовой бюджет, и те, кто занимается его финансами, не подотчетны никому, кроме папы. Однако не секрет: чтобы компенсировать папству потерю его власти, Итальянское государство по подписании Латеранских соглашений в 1929 году передало Ватикану семьсот пятьдесят миллионов лир наличными и миллиард лир в пятипроцентных облигациях. Таким образом, Ватикан, должно быть, гораздо состоятельнее большинства

государств современного мира, к тому же у него нет национального долга, протягивающего свои ужасные щупальца к будущим, еще не рожденным поколениям.

Среди главных источников дохода Ватикана — «пенс в пользу святого Петра», взнос на содержание гробницы святого Петра, истоки которого — в англосаксонской Англии. Налог теперь платят римские католические общины во всем мире. Еще один источник дохода Ватикана — это его красивые марки. Редкий приезжий удержится от искушения послать домой открытку с маркой Ватикана, опустив ее в один из синих почтовых ящиков, и мне говорили, что средний доход от продажи марок — около 15 000 фунтов стерлингов в год.

Папа — последний в мире абсолютный монарх. Он сам себе казначей и не подотчетен никому. Как владелец всего имущества, он мог бы, если бы захотел, растратить или раздарить все свои миллионы и разорить Святой Престол, к чему был очень близок Бенедикт XV. Его щедрость была просто опустошительна.

В ящике своего стола он хранил огромные суммы денег и распоряжался ими лично, тратя их на католические школы, монастыри, поселения миссионеров, и тому подобное, — пишет Чанфарра в «Войне и Ватикане». — Епископа, который собирался попросить папу финансировать проект строительства монастыря в Палестине, предупредили не заговаривать на эту тему, потому что, увидев просьбу об аудиенции, Бенедикт заметил: «Я уверен, что он собирается просить у меня денег на что-нибудь, а у меня их нет».

Итак, будучи принят, епископ говорил на общие темы, например, о положении Церкви в Палестине, количестве монастырей и т. д. и даже не намекнул на проект. В конце концов, когда он уже собирался прощаться, Бенедикт сказал:

— Так что там насчет вашего проекта? Я уверен, что сумма допустимая.

— Около ста тысяч лир, ваше святейшество, — пролепетал потрясенный прелат.

— В таком случае мы будем способствовать, — сказал папа.

Он отпер свой ящик и вручил удивленному прелату пачку, содержащую сто банкнот по тысяче лир.

Так что неудивительно, что, когда после смерти Бенедикта XV в 1922 году кардинал Гаспарри «произвел инвентаризацию», он обнаружил, что Святой Престол практически разорен.

В Ватиканском государстве около тысячи граждан, среди которых довольно много женщин: жен и дочерей чиновников-мирян, а также немецких монахинь, которые готовят пищу для папы и занимаются хозяйством. Большинство граждан не являются людьми духовного звания. Есть швейцарская гвардия, папская жандармерия, пожарная команда, садовники и множество других жителей Ватикана. Все кардиналы Рима автоматически считаются гражданами Ватикана, как и папские нунции, посылаемые в другие государства. Эти счастливчики освобождены от подоходного налога и валютного контроля, им разрешается покупать все необходимое для жизни и кое-какие предметы роскоши беспошлинно в ватиканских магазинах под латинским названием «Annona». Этим словом в Древнем Риме обозначали годовой урожай пшеницы, винограда и фруктов.

Как отрадно, что земли Папской области, которые были разбросаны по карте Италии до 1870 года, кристаллизировались в привлекательную небольшую модель государства, где нет налогообложения, нет бедности, нет преступности и нет торговли, ибо гражданам Ватикана воспрещается заниматься приносящими доход операциями. Полагаю, последний виноградник в Ватикане был выкорчеван несколько лет назад, когда обнаружилось, что предприимчивый виноградарь производил напиток, без сомнения, такой же кислый, как тот, что описывает Марциал, и называл его «Папское вино».

Главные ворота Ватикана — это ворота Святой Анны на Виа ди Порта Анжелика. Здесь всегда на страже швейцарская гвардия, чтобы узнать, по какому вы прибыли

делу. Вверх по холму поднимается узкая тропа. Справа — церковь Санта Анна деи Палафренъери, которая сейчас является приходской церковью Ватикана; слева — столовая, где гвардейцы угощают друзей кое-чем покрепче, чем кофе, в уютной комнатке, украшенной фресками, на которых их предшественники выделывают чудеса с мечами и алебардами.

Несколько шагов вверх по холму — и вы окажетесь рядом с самым удивительным в мире почтовым отделением. Мраморный зал, где нет ни одной таблички. В центре — мраморный стол, за который вы можете сесть, как правило, вместе с неизбежным францисканцем, и написать текст телеграммы. Этот главный почтамт занимается личной почтой папы и доставляет его секретарю около тысячи писем ежедневно, многие из них — от сумасшедших и чудаков. Уже будучи очень стар, Бенедикт XV получил послание от одной дамы, которая утверждала, что ей был знак, что Антихрист уже пришел в этот мир и обнаружит себя через несколько лет. Говорят, папа с улыбкой передал это письмо своему секретарю и сказал: «Слава Богу, этим будет заниматься уже мой преемник!»

Почтовое отделение находится на углу главной улицы Ватикана, Виа дела Типография. Поблизости есть прекрасная аптека, принадлежащая Fatebenefratelli — «добродетельным братьям», — в чьем ведении также и великолепная больница на острове Тибра; а напротив — универсальный магазин, торгующий всем, включая крепкие напитки и табачные изделия, по ценам, соперничающим с Ценами на товары из Андорры. Овощи, молоко и яйца привозят с фермы папы в Кастель Гандольфо. Я с интересом разглядывал яйца, вспоминая роскошные куриные «палаццо» с их мозаикой.

Оформление витрин в Ватикане считается оскорблением покупателя. Его нельзя искушать. Магазины «Аннона» обычно переполнены и закрываются каждый день в половине двенадцатого. Однажды я видел, как доминиканец покупал бутылку бенедиктина, что показалось мне очаровательной несообразностью.

Неподалеку находится редакция «Оссерваторе Романо», Ватиканской вечерней газеты, а рядом — типография «Полиглот», где могут набрать и напечатать книгу на коптском, сирийском, иврите, и еще дюжине экзотических языков. Через дорогу — арсенал швейцарской гвардии, где хранятся стальные шлемы, алебарды, огромные двуручные мечи, которые гвардейцы берут на торжественные процессии; и все это надлежащим образом рассортировано и отполировано. Здесь же хранятся знамена и барабаны. Я проходил мимо этого здания каждый день с юным семинаристом из Английского колледжа.

— Помню, — сказал он, — как-то пришел сюда, чтобы взять оружие, которое швейцарская гвардия любезно согласилась выдать нам на представление «Домика в укромном уголке». Хозяева, при всей их любезности, наотрез отказались одолжить шлем. На нем был герб папы Юлия II, значок полка, и они считали, что это ни в коем случае не должно появляться на сцене. А все остальное они нам с готовностью предоставили!

Какой удивительный и неожиданный ракурс повседневной жизни Ватикана!

Среди чудес Ватикана я навсегда запомню импозантное здание со словами, написанными на широких воротах: «Raedis Pontificum Servandis» («Для экипажей папы») — другими словами, каретный сарай папы. Теперь это гараж. Двери были открыты, и у входа стоял черный автомобиль с номерным знаком «SCV 1» — американская машина специальной конструкции, со стеклянной крышей и только одним, похожим на трон задним сиденьем. Кстати, «SCV» — аббревиатура ватиканских номеров. От машины исходил сильный запах дезинфекции, и, заглянув внутрь, я увидел на полу несколько пакетов с камфарой.

Было еще несколько старомодных автомобилей, и я подумал, что вряд ли их используют теперь, просто хранят в надлежащем порядке. За ними высились роскошные экипажи папы, среди них огромный алый с золотом парадный экипаж, который должны тащить шесть белых лошадей. Подножку украшают упитанные резные

позолоченные херувимы: они играют с тиарой, как будто этот неудобный головной убор — забавный приз, полученный в маскараде. Из крыши «растут» восемь золотых сосен. Экипаж поднят высоко над землей на фигурных рессорах, и, наверное, он покачивался на ходу, подобно колыбели. Дверцы со скрипом открываются, покрытые ковром ступеньки могут складываться. Папа сидел в малиновое с золотом кресло, напротив иногда сидели два кардинала. По правую руку у папы — небольшой ящик, вмещающий требник или табакерку. Должно быть, в этом роскошном экипаже, медленно проплывающем по улице, понтифик был лучше виден народу и более доступен для поклонения, чем сегодня, даже несмотря на то, что у его машины стеклянная крыша.

В последний раз экипаж использовался за два дня до знаменитого Venn' Settembre^[121] в 1870 году — последний государственный выезд Пия IX. Незадолго до этого он дал разрешение английской компании на реставрацию старого акведука Марция и на возобновление поставки этой воды в Рим. Это было сделано 18 сентября 1870 года, но фонтана. У которого состоялась официальная церемония инаугурации, больше не существует: он бил там, где сегодня железнодорожный вокзал. Папа выехал с Квиринала в государственном экипаже, толпа приветствовала его криками «Да здравствует папа!». Он выпил воды и похвалил ее, поблагодарив чиновников за то, что они дали воде его имя: «Марция Пиа». Через два дня в Рим вошли войска Виктора Эммануила, и Пий IX стал первым «пленником Ватикана». Хотя старый экипаж по-прежнему пружинист на ходу и может выехать на дорогу хоть завтра, грумы, форейторы и прекрасные белые лошади все умерли, и преемников у них не появилось.

На стенах развешены седла: красные бархатные седла форейторов и верховых, сопровождавших экипаж, золотые плюмажи лошадей, украшенные чеканкой уздечки. Сталь сверкает, позолота блестит, кожа начищена. Я видел висящую сбрую белого мула, принадлежавшего папе; она сохранилась с тех времен, когда еще ездили на лошадях, и

вновь избранный папа проезжал через весь Рим, вниз по Виа Сакра, чтобы стать хозяином Латеранского дворца. На такие вещи смотришь удивленно, и перед мысленным взором возникает зрелище великолепное, галантное, символическое, какого больше не увидишь в этом мире. Последние отблески былого великолепия — величественные церемонии в соборе Святого Петра, и коронации королей и королев в Англии. Невозможно уйти от экипажей папы, не вспомнив тот день в 1769 году, когда папа в последний раз проехал по Риму.

Это был Климент XIV, избранный папой в мае 1764 года, крепкий и добродушный шестидесятичетырехлетний человек, который решил возродить блеск прежних дней и проехать от Квиринала до Латерана. Толпа с нетерпением и жадным вниманием ожидала его. Жители были разочарованы, убедившись, что фонтаны по-прежнему бьют водой, а не вином, как они рассчитывали; а разбросанные повсюду шестьдесят шесть тысяч «хлебных карточек», хотя и достаточно точно отразили дух времени, не заменили им звонкую монету, которую, как они надеялись, будут пригоршнями швырять в толпу. Процессия спустилась с холма на площадь Святых Апостолов, потом к Капитолию и по форуму, по Виа Сакра к Латеранскому дворцу. Первыми ехали всадники в розовом бархате и золотых кружевах, в медных шлемах и с позолоченными копьями — они расчищали дорогу, следом — четыре офицера охраны, за ними — обершталмейстер, за ним — лакеи и жезлоносцы кардиналов в алых плащах. Затем, на случай если папа устанет ехать верхом, несли пустые носилки, *portantina*, покрытые алой с золотом тканью, с десятью белыми мулами с грумами в красной одежде с капюшонами. За ними следовали четверо трубачей верхом, возглавляющие длинную очередь камерариев — их было не меньше нескольких сотен — все в алом; за ними — графы: Одескальки, Альбани, Джустиниани, Маттеи, Альтемп, Фиано, Каффарелли, Сальвиати, Ангвиллара и другие, со своими пажами и слугами. За ними следовал отряд швейцарской гвардии в полном вооружении, с огромными

мечами и в стальных шлемах, за ними — князь Колонна, наиболее приближенный к папскому трону, в полном вооружении, на испанском жеребце. За ними, вытянувшись в линию, ехали важные сановники и деятели Церкви и аудитор высшего суда с папским крестом; за ними еще некоторое количество швейцарских гвардейцев, и только потом уже — сам папа.

В Британском музее есть печать, где Климент XIV показан таким, каким он предстал перед своими подданными на той памятной процессии. Вероятно, это было удивительное зрелище. Он ехал не на традиционном муле, а на резвой белой лошади, украшенной розовыми кисточками и розовой с золотом попоной. Драгоценная ткань, покрывавшая седло, плотная от вышивки золотом, свисала почти до земли, но самого седла не было видно, так как фигура папы на первый взгляд напоминала фигуру дородной старой Дамы. Папа ехал, подоткнув свои текущие одежды, в кружевном стихаре, епитрахили с золотой тесьмой и красном плаще, отороченном белым мехом. Впечатление довершала огромная широкополая шляпа, надетая поверх его маленькой шапочки. По пути он благословлял собравшихся; его сопровождали двадцать четыре пажа в одежде из серебристой ткани, в белых шелковых чулках и с белыми перьями на маленьких круглых шапочках. Мальчиков отбирали по знатности рода и внешним данным, и каждый из них нес какой-нибудь предмет, который мог бы понадобиться папе: весьма предусмотрительно, как оказалось, захватили запасную шляпу, — когда Климент проезжал через арку Септимия Севера, лошадь встала на дыбы, и его святейшество упал в дорожную пыль. Он не ушибся и по-королевски невозмутимо снова забрался в седло.

Вторая часть процессии, столь же роскошная, как первая, включала в себя коллегия кардиналов в алых одеждах и в шапочках вместо кардинальских шляп. Они ехали по двое, предваряемые слугами с оружием на золоченых щитах. Среди кардиналов был и Генри Стюарт, кардинал Йоркский.

Все, что осталось от этого великолепия, висит теперь на стенах в папском гараже и, что характерно вообще для Ватикана, находится в хорошем состоянии и надлежащим образом вычищено. Носилки *portantina*, однако, там не держат, и я не смог посмотреть на них. Другие носилки, *sedia gestatoria*, конечно, хорошо всем известны и часто используются по сей день, а вот третьи, *talamo*, возможно, не столь известны, и их не видели уже несколько лет. Название, которое, скорее всего, происходит от слова *talaris* (длинная, до щиколоток одежда), дано любопытному устройству, изобретенному, полагаю, в XVII веке для праздника Тела Христова. В этот день по улице проходила процессия, и папа должен был в продолжение всего шествия стоять на коленях. Так как никто не смог бы пребывать в коленопреклоненном положении так долго, придумали *talamo*, низкую скамеечку, на которой папа сидел, а одежды его были задрапированы так, что казалось, он стоит на коленях.

Примерно в ста ярдах от гаража, напротив мощной стены Музея, находится ватиканская пожарная команда, известная под любопытным названием *vigiles* — так называлась римская полиция, реорганизованная Августом и размещенная им во всех округах и районах города. У папских *vigili* есть дежурное помещение с телефонной связью со всеми уголками Ватикана.

— И какой же номер у золотого телефона папы? — спросил я.

— Код Ватикана — 101, — ответили мне. — Но у вас возникнут некоторые сложности, если захотите поговорить с его святейшеством!

Противопожарное оборудование, не говоря уже о насосах (зимние наводнения иногда представляют серьезную опасность на Ватиканском холме), не могло бы быть эффективнее. Каждый день после закрытия Ватиканского музея *vigili* патрулируют бесконечные галереи, заглядывая в каждый угол. Раз в году, 17 января, в день Святого Антония, чьи искушения были так серьезны, что не уступали костру, и который поэтому считается святым

покровителем пожарников, *vigili* устраивают парад по всей форме и идут к мессе в церкви Святой Анны; потом, вечером, в своих богато украшенных апартаментах они принимают викария папы римского. Его приветствует сержант-майор. После ухода викария пожарные садятся за пиршественный стол.

4

В самой возвышенной точке садов Ватикана стоит ватиканская радиостанция. И здесь пролегает маршрут проулки папы. Так как эта часть холма никогда не перестраивалась, не выравнивалась, как многие из знаменитых Семи холмов, она сохранила свою первоначальную высоту. Антенны «Радио Ватикана» — опознавательные знаки Рима. Возможно, они не украшают ландшафт, но к ним привыкаешь, и в монастыре я ждал, когда они засверкают в ночи, радостные и веселые, как звезды, зажженные волшебной палочкой сказочной феи. Нынешняя радиостанция — реконструированный летний дворец, построенный Львом XIII на самой высокой площадке в садах. Он великолепен и многочисленными сортами мрамора, и гулом от электровибрации. На основании купола написаны слова Иисуса Христа, обращенные к ученикам, из Евангелия от Матфея: «Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях» (Мф 10:27).

Я не знаю более красиво расположенной радиостанции, разве что «Радио Андorra» в Пиренеях, чей настойчивый голос преобладает в эфире над всей Южной Францией и Северной Испанией. Мощнейшая ватиканская радиостанция вещает в коротком диапазоне на волне двадцать четыре метра и на трех средних волнах, на всех языках. Ее позывные, колокола собора Святого Петра и голос «*Laudetur Jesus Christus*».^[122] «Говорит „Радио Ватикана“...» известны всему миру. Это, как мне говорили, «духовный генератор папы».

Всемирный характер Римской католической церкви — общее место в речи и на письме, тем не менее то и дело удивляешься, когда находишь тому подтверждение даже в режиме вещания радиостанции: дважды в день — по-венгерски и по-чешски; дважды в неделю — по-болгарски; трижды в неделю — по-украински; четырежды в неделю — по-словенски и по-хорватски; раз в неделю — по-белорусски; трижды в неделю — по-румынски; и так далее, с периодическими трансляциями на всех восточных языках. Иезуиты — специалисты по радиосвязи и отвечают за нее на радиостанции Ватикана.

Есть одна сторона деятельности ватиканского радио, которая, возможно, мало известна: это трансляция обращений государственного секретаря к сановникам Римской католической церкви во всех частях света. У каждого кардинала, папского нунция, апостольского делегата, находящегося за границей, есть радиоприемник, настроенный на волну Ватикана. Назначено время, когда можно услышать объявления и инструкции, и налицо большая экономия времени, если кардинал, например где-нибудь в Южной Африке, в определенное время включает радио и слышит: «Мы всецело одобряем предложение, содержащееся в вашем письме от седьмого числа, но со своей стороны предлагаем...» Мне кажется, трудно представить себе более разительный контраст, чем тот, что существует между двумя зданиями, находящимися в нескольких сотнях ярдов друг от друга: «Радио Ватикана» и его каретным сараем — *Raedis Pontificum Servandis*...

Ватиканский вокзал, находящийся неподалеку, построен из белого мрамора, как один из выдающихся филиалов «Барклиз банк», и является одним из самых чистых и достойных вокзалов, но он до сих пор не видел ни одного пассажирского поезда! Здесь нет билетной кассы, газетного киоска, камеры хранения, в общем, ничего из того, что принято связывать с железнодорожной станцией, зато есть место для хора, который тем не менее ни разу еще не спел прощального гимна отбывающему папе. Вокзал был построен вскоре после подписания Латеранских

соглашений. Удивительны гигантские железные ворота, которые пересекают рельсы и могут открываться и закрываться за минуту с помощью электричества.

Итак, я спустился вниз по холму к живописной группе дворцов, вмещающих часть римской курии. Другие здания предоставляются Ватикану Римом, в них находятся отделы, которые невозможно разместить на переполненных ста восьми краях крошечного государства Ватикан.

Даже те, для кого «правительство» Римской католической церкви является тайной за семью печатями, тем не менее знают, что это старейшая администрация на свете, и многие согласятся, что мудрейшая; безусловно, ни одно другое руководство не накопило подобного опыта и знаний о человеческой природе. Это уникальное в истории непрерывное накопление опыта и развитие, и хотя этот организм много раз модернизировался, он все еще хранит множество странных примет прошлого. В отличие от правительств обыкновенных государств, которые мыслят в масштабах нескольких лет или десятилетий, Ватикан мыслит столетиями. Неважно, какой на дворе век; политика этого государства основана на вере, что человек смертен, но Церковь вечна. Такой подход приводил в ярость Наполеона. Он мог похищать и третировать папу сколько угодно, но тягаться с Церковью в целом ему было не по силам.

— Вы знаете, что я могу просто разрушить вашу Церковь? — крикнул он однажды кардиналу Консальви, государственному секретарю.

— Сир, — ответил Консальви, — даже нам, священникам, за восемнадцать веков не удалось сделать это!

Самое странное в римской курии — то, что когда папа умирает, вся администрация «умирает» вместе с ним. Все департаменты государства засыпают летаргическим сном, пока новый папа не оживит их. Так как большинство пап во время избрания уже являются довольно старыми людьми и правление их обычно не бывает долгим, частые периоды междуправления в прежние времена, особенно когда избрание нового папы откладывалось на месяцы, а иногда и

на годы, превращались в месяцы анархии. Но сегодня курия возрождается к жизни в течение двух-трех недель. А до этого момента власть принадлежит кардиналам.

Папа — последний абсолютный монарх, и его советники или члены кабинета министров назначаются священной коллегией, в которой теоретически семьдесят человек. Лишь небольшая часть этих людей является префектами, или главами департаментов, они известны как кардиналы курии. Правительство состоит из двенадцати департаментов, называемых конгрегациями, каждую возглавляет префект, который непременно является кардиналом. Сам папа — префект трех конгрегаций. Конгрегации контролируют все аспекты духовной жизни. Законодательный механизм Ватикана состоит из трех трибуналов: один занимается вопросами морали и грехами; другой — апелляционный суд; а высший суд Римской католической церкви напоминает обыкновенный суд, хотя и заседает без посторонних. Судьи рассаживаются по трое, и специалистам по церковному праву разрешено выступать в суде. Именно здесь рассматриваются все спорные вопросы, касающиеся, например, заключения браков.

Группа из шести департаментов, известных как канцелярии, занимается мирскими аспектами жизни Церкви. Самый важный из них — государственный секретариат, а самый влиятельный из министров папы — государственный секретарь, он является единственным кардиналом, живущим в Апостольском дворце и находящимся в постоянном контакте с папой.

Самый интересный в секретариате участок работы — инструкции монархам. В старые времена этот департамент отправлял монархам послания от папы на изящной латыни. Так как сегодня уже нет королей, способных прочитать подобные послания, секретарь переводит на латынь многочисленные декларации Святого Престола. «Acta Apostolicae Sedis», официальный орган святого Престола, целиком написан на латыни.

Главный латинист Ватикана — монсеньор Антонио Баччи секретарь папы по инструкциям монархам, основавший

обозрение под названием «*Latinitas*», которое борется за Использование латыни в повседневной жизни. Мне показывали номер с репортажем на латыни о футбольном матче и еще один — с рекламой стирального порошка, которая по своей выразительности, быть может, превзошла бы даже речи Цицерона.

Латынь — язык, на котором читаются все лекции в Грегорианском университете, а также это часто единственно возможный язык общения между семинаристами разных национальностей. Великолепные обрывки разговорной латыни можно услышать в коридорах Грегорианского университета, и хотя монсеньор Баччи, будучи автором словаря современной латыни, возможно, счел бы этот язык студентов недостаточно чистым для обращения на нем к королям и принцам, явного неодобрения они бы у него не вызвали. Его словарь, выдержавший три издания, называется «*Lexicon eorum vocabulorum quae difficilius Latine redduntur*». В этом словаре есть, например, такие словарные статьи:

Атомная бомба: *Globus atomica vi displodens; pyrobolus atomicus.*

Бойскаут: *Puer exploratory.* Гидроплан: *Cymba volatilis.*

Торпедный катер: *Aligera navis tranatantia missilia jactans.*

Нефтяное месторождение: *Regio bituminosi olei dives (Olei incendiarii).*

Радар: *Radioelectricum instrumentum monitorum.*

Безопасная бритва: *Novacula ab inferendis vulneribus tuta.*

Телевидение: *Imaginum transmission per electricas undas.*

Чай с молоком и сахаром: *Theana potio saccharo lacteque condita.*

Зубная щетка: *Peniculus dentarius.*

Центральное отопление: *Calefacientis aque ductus.*

Спагетти: Farina subacta et vermiculata.
Макароны: Farina aqua subacta ac tubulata.

Многие конгрегации и государственный секретариат имеют интернациональный штат. Нет такого европейского языка, и вряд ли найдется восточный, на котором бы не говорили в Ватикане. Младшие чиновники министерств набираются со всех концов света, и с таким же успехом вы можете встретить в коридорах монсеньора китайца, как и англичанина, испанца или итальянца.

Монсеньоры «приходят на работу» в половине девятого утра, а уходят в половине второго. Они не работают днем, кроме особых случаев. Странное это зрелище: священники и монахи, стоящие в очереди ранним утром, с молитвенниками и папками под мышкой, и ожидающие регистрации по табельным часам из мореного дуба, какие можно встретить на любой фабрике.

Кроме секретариата и других департаментов, Ватикан также включает в себя живописную и древнюю организацию под названием Папский двор. Он делится на капеллу и семью.^[123] Капелла включает в себя всех значительных духовных лиц, которых можно увидеть на какой-нибудь важной церемонии в соборе Святого Петра: всех этих персонажей в рюшах и с мечами, и членов царственных домов, часто носящих титулы, пожалованные за давно забытые заслуги; а также палатинскую и швейцарскую гвардию, исповедника папы иезуита, его личных капелланов, его врача, еще одного врача — хирурга, *scopatori segreti*, то есть личных слуг папы, *bussolanti*, то есть швейцаров, носильщиков *sedia gestatoria* и многих других. На бумаге количество обслуживающих папу огромно, но в действительности все сводится к лакею, двум-трем слугам и нескольким немецким монахиням, которые готовят скромную еду для понтифика и убирают его апартаменты.

Те дни, когда я празднично бродил по Ватиканским садам, были моими счастливейшими днями в Риме. Я наслаждался пением птиц, равного которому не слышал больше нигде. Сады я нашел весьма изысканными. Там есть тихие уголки под дубами и конскими каштанами, откуда не видно даже купола собора Святого Петра и не слышно никаких звуков, кроме плеска фонтанов, и еще, возможно, скрипа старой тележки садовника или шума установленного им водомета.

За последние восемьдесят лет эти сады любили многие добрые и благочестивые люди: здесь, под дубами, иногда проезжал на своем белом муле Пий IX; здесь гуляли и молились Лев XIII, святой Пий X, Бенедикт XV, Пий XI и конечно, Пий XII. Хотя сейчас папы больше не заключены, как в тюрьме, в своем дворце, за время своего добровольного заключения они успели придать садам уникальность, которая сохраняется до сих пор; и невозможно ходить здесь или сидеть под деревьями, или смотреть на фонтаны (весьма скромные на вид — такие можно увидеть и в обычном саду, и они совсем не похожи на огромные папские фонтаны Рима), чтобы воображение не нарисовало тебе белых фигур «пленных пап» под старыми стенами.

— Должно быть, я никогда больше не смогу путешествовать! — говорят, печально произнес папа Пий XI, когда посмотрел вниз на площадь Святого Петра впервые после того, как стал папой; несомненно, для человека, привыкшего вести активную жизнь, мысль о том, что ему никогда больше не выехать за пределы Ватикана, должна была показаться очень грустной.

Пий XI единственный из пап проявил практический интерес к садам и провел около пятидесяти миль труб, соединенных с бесчисленными ирригационными установками, так что сейчас можно орошать более тридцати акров земли. Только здешняя трава, вероятно, остается свежей и зеленой до конца лета.

Ватиканская вода, хорошо всем известная, так как на площади Святого Петра она наконец вырывается наружу, была проведена в город в 1612 году Павлом V, починившим

подземный водопровод Траяна. Римляне расскажут вам, что Aqua Paola — далеко не лучшая питьевая вода и, кроме того, обладает одним неприятным свойством — от нее чернеет мрамор; и все же ее очень много, и каждый, кто приезжает в Рим, знает, на какую большую высоту она может взлетать. Прежде чем вырваться наружу, она пробегает по папским садам и питает многие тамошние фонтаны.

В наиболее возвышенной части садов, рядом с рощей конских каштанов, под которыми земля осенью покрывается «лакированными» плодами, папа, когда он в Риме, прогуливается каждый день. Проложена специальная дорожка, разделенная надвое стеной, построенной под таким углом, чтобы папа гулял с одной стороны, если дует зимний ветер, и с другой — летом. Это самое тщательно охраняемое место в Ватиканских садах.

Около четырех часов дня дежурный жандарм во дворе Святого Дамаса сдержанно хлопает в ладоши, подавая знак своему товарищу в противоположном конце двора сделать то же самое. И сигнал этот разносится по садам, и каждый полицейский знает, что папа сейчас сядет в свой автомобиль и поедет на прогулку. При приближении машины даже жандарм опускается на одно колено и отдает честь. Место прогулки — повторение грота в Лурде, подаренное Льву XIII французскими католиками; и статуя Святой Девы стоит у входа, как в Массабельском гроте; и три водомета приглашают «A Uez boire a la Fontaine et vous laver!», ^[124] указана и дата — 1858.

Я заметил несколько пустых клеток по дороге к променаду папы. Время от времени в них появляются ручные животные, подаренные папе. Последним обитателем одной из клеток был орел, подаренный Пию XI в качестве живого напоминания о его альпинистских подвигах в бытность кардиналом Ратти. Птица умерла через несколько дней после смерти своего хозяина в 1939 году. Гораздо более умильное домашнее животное, которое никогда не держали в клетке, — это любимый кот Льва XII. С ним папа по-братски делил свою ежедневную миску поленты. У папы была и умная маленькая собачка, которая, по

свидетельству кардинала Уайзмана, жила после смерти Льва у леди Шрусбери. Хозяином еще одного папского кота был Пий IX. Можно себе представить, с каким важным видом и с какой грацией эти животные восседали за столом. Их выносил лакей, а после трапезы его святейшество прощался с котом и животное уносили. Лев XIII, папа, проживший более девяноста лет, первый из апостольски суровых современных пап, держал нескольких оленей, пару страусов и пеликана. Сейчас единственные домашние животные в Ватикане — это две канарейки Пия XII. Будучи любителем птиц, папа, должно быть, счастлив по утрам и вечерам слушать их пение в саду и, возможно, радоваться контрасту с тишиной итальянского пейзажа в Кастель Гандольфо, лишенном птиц.

Однажды я набрел на, как мне кажется, один из самых необычных ракурсов купола Святого Петра. Рядом со стеной Льва IV разбит настоящий садик с изгородями из самшита, прудом посередине и подрезанными падубами такой высоты и ширины, что между ними как раз мог бы поместиться купол собора Святого Петра; удивительный вид, похожий на тот, что открывается через ворота Мальтийских рыцарей, — купол собора вдали как бы служит кульминацией длинной аллеи деревьев. Отсюда кажется, что собор венчает собой вершину одного из них, и, когда я увидел его в этой деревенской арке, он был залит полуденным солнцем, а галерея наверху была черным-черна от посетителей, глядящих вниз на Ватиканские сады.

Думаю, что в садах есть несколько шутих, надо только знать, где их искать, так что у посетителей есть все шансы промокнуть до нитки. Но сейчас шутихи не работают. Думаю, последним папой, который ими интересовался, был по-детски жизнерадостный Пий IX, который под настроение любил облить водой своих кардиналов.

Мне кажется, самый красивый объект в садах — это маленький веселый летний домик, или casino, построенный Пирро Лигорио в 1560 году для мягкого, интеллигентного и очень любящего мирские удовольствия папы Пия IV, который мирно правил шесть лет. В Англии это был век

Елизаветы I. Королеве тогда было двадцать семь, и она успела пробыть на троне лишь два года. Это был тот самый год, когда тело Риццо стащили волоком по черной лестнице Холируда. А в Риме Пирро Лигорио получил разрешение отрезать от того, что сейчас стало Пьяцца Навона, стадион Домициана. Эта территория была ему нужна для летнего домика папы.

Прелестное здание, которое Ланчиани назвал «совершенным повторением древнеримского загородного дома», построено из старого камня. Очарование и торжественность этого строения достойны самых изысканных реликвий Ренессанса. Сад с вымощенными дорожками великолепен: овальное пространство, полукруг каменных сидений, похожий на нижний ярус греческого театра; и все это обнесено низкой стеной, на которой через определенные интервалы стоят урны, и в каждой растет алоэ. Целостность овала нарушается лишь высокими воротами эпохи Возрождения и классическим садовым домиком, чей фасад украшен абрикосового цвета фризом с многофигурным горельефом.

Я много раз смотрел на эту стену, очарованный тем, что вижу, но никогда не мог войти внутрь, так как домик всегда оказывался заперт. Тем не менее однажды прислали садовника с ключами, чтобы меня впустить.

В центре двора по обе стороны мраморного фонтана два херувима едут на дельфинах, и еще два находятся по обе стороны от входа — сидят на странных морских чудищах с клювами орлов, перепончатыми передними ногами морских коньков и рыбьими хвостами. Стены фонтана покрыты великолепной мозаикой из ракушек, и среди персонажей, как бы для того, чтобы подчеркнуть языческий характер общего художественного решения, присутствует многогрудая Диана Эфесская.

Покой и умиротворенность сообщает этому саду фонтан. Солнечный свет на персикового цвета стенах, процессия фигур в классических одеждах с лютнями и лирами, тяжелые фрукты и обилие цветов — все это незабываемо и, главное, совершенно не тронуто четырьмя прошедшими

столетиями. В эти декорации в любой момент могли бы войти изысканные папы эпохи Возрождения и их кардиналы в красных одеждах.

Я несколько раз возвращался, чтобы еще раз посмотреть на стену сада. Этот сад и фонтан Черепах на Пьяцца Матей — вот два памятника эпохи Возрождения, которые произвели на меня самое сильное впечатление.

Именно здесь Пий VI развлекал своих ученых друзей, здесь же слушал советы своего благочестивого племянника Карла Борromeо. Пий VIII и Григорий XVI часто устраивали на вилле аудиенции, но Лев XIII считал, что здесь нездорово, и построил себе другой летний дом в самой высокой части холма, который в настоящее время, как я уже сказал, превращен в ватиканскую радиостанцию. Славно было, наверное, пообедав в окружении расписанных изящными «гротесками» стен Ватиканской библиотеки, прогуляться под спокойным ночным небом до маленького овального садика. Pio Nono был последним папой, который устроил здесь званый обед. Он благосклонно улыбался гостям, сидя за высоким столом один, а потом мог пешком дойти до домика, чтобы там вместе со всеми выпить кофе.

6

Прогуливаясь однажды в саду в обществе офицера швейцарской гвардии, я вышел к старым ступеням, ведущим к знаменитому Корридойо ди Кастелло, проходу в стене, который со Средних веков простирался от Ватикана до замка Святого Ангела. Сержантский состав швейцарской гвардии размещается в казармах на вершине лестницы, и мне сказали, что долг гвардии — бдительно хранить ключи от коридора, по которому до сих пор можно тайно пройти в крепость.

— Естественно, мы надеемся, что если его святейшество когда-нибудь попросит ключи, то сделает это исключительно из искусствоведческого интереса, — сказал офицер. — У нас они всегда наготове.

В таких странных и мало посещаемых местах, как это, в воздухе висит дух невероятной древности. В подобных местах не делают уборку для посетителей, они остаются такими, какими нам оставили их века, они — как заваленный хламом старый чердак, где давно уже никто не бывает.

Исследуя этот странный, пыльный кусочек Средних веков, мы вышли к запертым воротам, ведущим в коридор, — место, которое обладает очарованием потайного хода. Это сводчатый коридор, едва ли достаточно широкий, чтобы в нем могли разойтись два человека. Он вымощен грубым кирпичом, и через каждые несколько ярдов в толстых стенах прорублены окна.

Я подумал о том ужасном утре 6 мая 1527 года, когда под прикрытием тумана, опустившегося с рассветом, армия Карла V двинулась на штурм Рима. В ней служили немцы-лютеране, испанцы-католики, итальянцы. Но разница между ними была невелика: все это были головорезы-наемники, которым месяцами не платили и которые изголодались по деньгам. Они бросились грабить Рим, а Климент VII, потрясенный последствиями своей политики, в это время молился коленопреклоненный в соборе Святого Петра. Сначала он было решил облачиться в парадные одежды и встретить врага, сидя на троне, как за двести лет до того Бонифаций VIII встретил Шиарра Колонну. Но когда головорезы ворвались в госпиталь Святого Духа и перебили там всех больных для устрашения горожан, когда крики умирающих и разрывы пушечных ядер слышались уже чуть ли не на ступенях собора Святого Петра, папа был вынужден бежать по крытому коридору в замок Святого Ангела. «Задержись он еще хотя бы настолько, чтобы успеть три раза прочитать „Символ веры“, — писал очевидец, — и его схватили бы».

Папу в его алом плаще с длинным шлейфом, *sarra del rара*, провели по коридору. Кардинал нес за ним шлейф, перекинув его через руку. Климент плакал, глядя вниз в окна коридора на ужасающие сцены на улицах и на площади перед собором, где швейцарская гвардия вела неравный бой.

Окна в коридоре располагались так близко друг к другу, что кардинал, боясь, что папу опознают аркебузиры внизу, накинул плащ ему на голову и плечи, и в таком виде Климент VII был доставлен в замок. Это было поистине счастливое избавление. В те дни одного кардинала чуть не затоптали насмерть в давке бегущих, другого выбросили в окно, а третьего подняли в корзине на крепостной вал. Чуть раньше в тот же день, утром, небезызвестный Бенвенуто Челлини целился из своей аркебузы в коннетабля Бурбона и был лишь одним из многих мечтавших застрелить его.

Ланчиани пятьдесят лет назад рассказывал, что римские матери до сих пор поют на ночь капризным детям колыбельную, которая начинается словами «*Fatti la pappa, e passa via Barbone!*» — «Человек с длинной бородой, Барбоне, который присвоил себе имя Бурбон», — настолько долгой оказалась память об ужасе тех дней.

Разграбление Рима двадцатью тысячами немцев, четырнадцатью тысячами итальянцев и пятью тысячами испанцев продолжалось восемь дней. Творились неописуемые безобразия: кардиналов со связанными за спиной руками тащили по городу и держали в заложниках, требуя выкупа, а одного в гробу отнесли к Капитолию и похоронили бы заживо, если бы кто-то не заплатил за его освобождение. «Святыни собора Святого Петра больше пострадали от испанцев и ломбардцев-католиков, — говорил Ланчиани, — чем от сарацинов в 846 году. Испанцы обыскивали каждую гробницу. Они сняли с тела Юлия II папские одежды; они играли со своей добычей, они валялись, растянувшись на священных алтарях; они пили из великолепных средневековых чаш ручной работы, пируя с распутными женщинами, подстилая под себя драгоценные рукописи, собранные Пием II и Сикстом IV... Бюсты святого Петра и святого Павла, голова святого Андрея и голова Иоанна Крестителя были похищены из гробниц в Латеране и Ватикане и из церкви Святого Сильвестра. Германский солдат повесил на кончик своей пики копье, то самое, которым как считали, Лонгин пронзил Спасителя на

Кресте... Плат святой Вероники, сохранивший черты Иисуса, таскали из таверны в таверну под крики пьяной солдатни».

Германцы были самыми свирепыми, пока не напивались и не начинали дурачиться: верхом на мулах, одетые в великолепные плащи и митры, с пьяной серьезностью изображали церемонии папского двора. Испанцы отличались жестокостью, а итальянцы — злобной изобретательностью.

Девяносто швейцарцев и четыреста итальянцев вместе с папой и тринадцатью кардиналами оказались осажденными в замке. Еды не было, и ослиное мясо в качестве деликатеса приберегалось для папы. В детей, которые попадались, когда пытались на веревочке спустить голодающим овощи, безжалостно стреляли испанцы, а бедную старую женщину, которая принесла папе несколько листиков салата, повесили.

Несчастный папа, на чью голову свалилось отмщение за все земные прегрешения папства, страдал безвинно, ибо сам Климент, пусть недоверчивый и нерешительный, был неплохим человеком. Он плакал и молился и в конце концов сдался. Драгоценности папской тиары, которые извлек из нее Бенвенуто Челлини и зашил в папские одежды, должны были послужить выкупом. Несколько месяцев спустя папе удалось, переодевшись садовником, бежать из Рима. В следующем году к его унижению прибавился еще один штрих: он подружился с Карлом V и возложил императорскую корону на его голову. Император — один из тех людей, которых всегда представляешь себе старыми; возможно, за это в ответе портрет кисти Тициана, хранящийся в Прадо. Между тем это был очень неприятной наружности, дурно сложенный молодой человек всего лишь тридцати лет, когда, благодаря своей ловкости и изобретательности, он зажал папство в кулак. Генрих VIII Английский, женившийся на тетке Карла, Екатерине Арагонской, когда-то счел его слабым юнцом!

В коридоре замка Святого Ангела, как и в лондонском Тауэре, вас охватывает чувство, что больше ничего радостного никогда не случится.

Ошалевшие толпы туристов всех национальностей с необыкновенной выносливостью ходят по Ватиканским музеям с десяти до двух часов. Они торопливо осматривают все, что вряд ли можно осмотреть и за целую жизнь. Однако это удивительный опыт — пройти по бесконечным коридорам, и, пусть поверхностно, ознакомиться с великой сокровищницей пап эпохи Возрождения. Туристы переходят из египетских залов в этрусские, из греческих в римские, восхищаясь богатством древнего мира.

Каждый новый папа пополнял коллекцию, папа-пуританин был редким явлением, как, например, суровый Адриан VI. Его так шокировал языческий дух ренессансного искусства, что он пригрозил побелить Сикстинскую капеллу, а «Лаокоона» выбросить в Тибр.

Кроме того, есть еще Пинакотека, где толпы людей в молчании простаивают все утро перед «Преображением» Рафаэля. Эпоха Возрождения была, возможно, самым удивительным периодом для всех художников. Рим так и не родил своего собственного гения, но богатство и роскошь папского двора привлекали художников со всей Италии, подобно Земле Обетованной, где их ожидают успех и благоденствие.

Проходя по галереям Ватикана, я часто думал, чем объяснить такое обилие гениев именно в эпоху Возрождения и почему все великие живописцы, один за другим, служили папам. В отличие от нашего века, века узкой специализации, тогда в книгах на полках одной комнаты содержалась вся мудрость мира; и прав был Пий II, говоря о Николае IV: то, чего не знает ученый, находится за пределами человеческого знания. Разносторонность великих художников была потрясающей: Леонардо да Винчи и его научные эксперименты; Микеланджело, обращавшийся то к скульптуре, то к живописи, то к архитектуре; Рафаэль, который давал советы по поводу копящих труб герцогу Феррары и писал мертвого слона по

просьбе Льва X, совершенно не думая, будто его искусство унизили.

Многие великие художники обладали крутым нравом, бывали медлительны в работе или излишне расточительны, с ними нелегко было общаться, но мне кажется, они не напускали на себя такой важности, как это случалось с их собратьями в более поздние времена. Они были прежде всего хорошими ремесленниками и очень прислушивались к пожеланиям своих покровителей.

Когда блистательная Изабелла д'Эсте пожелала отделать четыре маленькие комнаты во дворце в Мантуе, на которые и сейчас можно взглянуть, она обратилась к нескольким лучшим художникам того времени и, хотя вела себя с ними очень почтительно, как будто прося их об одолжении, явно смотрела даже на самых знаменитых из них просто как на декораторов.

Когда ей не удалось заполучить Леонардо да Винчи, который «наблюдал течение рек и полет птиц», ей посоветовали попытать счастья с Филиппино Липпи или Боттичелли, но она предпочла Перуджино. Как большинству художников, ему были нужны деньги, и он согласился на этот заказ. Он получил от Изабеллы подробное описание картины, которую должен был написать. Это была модная в то время аллегория борьбы Любви и Целомудрия. Письмо заказчицы кончалось так: «Вам запрещается делать что-либо по своему усмотрению». И бедный Перуджино, писавший изысканных мадонн и святых, ничуть не обидевшись, послушно взялся за работу над густонаселенным полотном, скорее в духе Карпаччо. За ходом работы постоянно наблюдала заказчица. Она засылала своих людей в студию, чтобы они ей докладывали о том, как продвигается картина, и когда Изабелла узнала, что Перуджино написал Венеру обнаженной, она отдала ему краткое распоряжение одеть ее, так как «если хоть в одном персонаже что-нибудь изменить, нарушится вся фабула».

Когда ходишь по Ватиканской галерее и натыкаешься на явные неудачи признанных мастеров, думаешь о том, кто

еще из гениев вынужден был работать в таких же условиях, когда ничего нельзя было делать по своему усмотрению.

В музеях Ватикана мне всегда приносила радость и дарила счастье роскошная библиотека Сикста V. Большой зал со стенами, расписанными легкими «гротесками», с потолками, которые сами по себе — картинная галерея. Это единственная известная мне большая библиотека, в которой не видно ни одной книги. Как и в классических библиотеках, копией которых она является, книги здесь не стоят, как это принято теперь, а лежат в великолепно расписанных и красивой формы комодах. Несколько особо драгоценных экземпляров хранятся под стеклом. И как удивительно наткнуться вдруг на письмо Генриха VIII к Анне Болейн!

Над лоджиями Рафаэля находятся апартаменты Борджиа. Я побывал там, и они показались мне самыми интересными из всех помещений, открытых для посещения в Ватикане. Я прошел под низкой мраморной притолокой, увидел богато убранные комнаты, переходящие одна в другую, их великолепные потолки с фресками Перуджино, и у меня возникло чувство, что пять веков словно растаяли, и что чья-то костлявая рука манит меня в одну из оконных ниш.

Эти прекрасные комнаты — драгоценные шкатулки, которые велел сделать для себя папа Александр VI Борджиа. Здесь он плел интриги и устраивал заговоры против собственных детей. Здесь он в конце концов и умер. «Я — папа и наместник Христа!» — радостно воскликнул Борджиа, когда его избрали, но, разумеется, никаким наместником Христа он не был. Он был всего лишь светский вельможа, беспринципный и жадный человек, чьи подлости история вряд ли бы и сохранила, если бы он не занимал престол святого Петра.

Его сын, пресловутый Чезаре, который вместе со своими головорезами держал в страхе ночные улицы, подозревается в большем количестве преступлений, чем те, что действительно на его совести, и принадлежит к породе итальянских разбойников, которая не вывелась и по сей день. Его дочь — небезызвестная Лукреция — молодая

женщина с нежным лицом и красивыми волосами, которые она, видимо, очень часто мыла, чтобы сохранить знаменитый золотой их оттенок. На фресках я увидел Александра, Чезаре и Лукрецию, изображенных Пинтуриккио. Портрет Борджиа великолепен. Папа стоит на коленях перед воскресшим Христом. Художник изобразил и его челюсть сластолюбца, и двойной подбородок, и изогнутый клювом нос, и его пухлые руки в кольцах, сложенные в молитве. Красивый молодой воин, стоящий рядом, — это Чезаре, а другой молодой человек в одежде римлянина — возможно, его брат, Джованни, которого Чезаре убил в 1497 году. На другой фреске изображена Лукреция в образе святой Екатерины.

Большая часть грехов Александра Борджиа проистекает из его родительских чувств. Вообще-то, каким бы чудовищем ни казался нам этот действительно далеко не святой человек, надо помнить, что мы видим его сквозь густой туман клеветы, которая замутняет для потомков образы всех властителей. Однако, как совершенно справедливо заметил епископ Крейтон, трудно отдавать семье Борджиа справедливость, не чувствуя, что оправдываешь беззаконие.

Я покинул апартаменты Борджиа, пропитанные атмосферой прошлого. Даже в лондонском Тауэре и в Хэмптон-Корте у вас возникает чувство, что те, кто жил здесь, давно уже умерли, и их больше не интересуют сцены из прошедшей земной жизни. Не таковы комнаты Борджиа — их населяют страшные призраки.

В Сикстинской капелле я был потрясен изысканной голубизной покрывала мадонны. Все смотрели вверх, на потолок. На дюжине языков гиды рассказывали, как Микеланджело провел четыре с половиной года, лежа на спине на помосте, расписывая потолок, и с тех пор, чтобы читать, например, должен был держать книгу над головой. Было бы легче оценить это божественное произведение искусства, лежа на кровати с биноклем. Гиды носят с собой зеркальца, которые раздают туристам.

Микеланджело со своим сломанным носом (ему сломал на в юности вспыльчивый Торриджано) был не только величайшим, но и самым привлекательным деятелем Возрождения: печальный, одинокий гений. Он вел очень простую жизнь, а его работы — как послание из других миров. На следующий день после его смерти — он умер в 1564 году в возрасте восьмидесяти девяти лет — в дом, где мастер давно жил один, пришел чиновник — делать опись имущества. Железная кровать под покрывалом из кожи ягненка стояла под белым балдахином. Рядом — комод с одеждой Микеланджело: одно серое пальто и еще одно, коричневое, отделанное лисьим мехом, плащ из флорентийской ткани, подбитый шелком, сатиновая блуза с красными шелковыми ленточками, две черных шляпы и девятнадцать рубашек. В погребке — фляжка с уксусом и пять кувшинов с водой Треви, а в конюшне — маленькая гнедая лошадка. Больше восьми тысяч золотых дукатов нашли завязанными в платок и рассованными по кувшинам и банкам.

Никто не покинет Рима, не увезя с собой какого-нибудь воспоминания о Микеланджело: собор Святого Петра, «Моисей» в Сан-Пьетро-ин-Винколи, «Пьета» в соборе Святого Петра, церковь Санта-Мария-делли-Анджели и, может быть прежде всего, небесная голубизна Сикстинской капеллы.

8

Библиотека и архивы Ватикана размещаются к северу от сада Кортиле ди Бельведере, и были открыты для посещения в 1881 году. Они известны только ученым и студентам и вдохновляли и продолжают вдохновлять на бесчисленное количество трудов на многих европейских языках. Главный библиотекарь — кардинал, носящий громкий титул «Библиотекарь и архивист Святой римской церкви».

В тишине читального зала, подобной безмолвию Британского музея, ученые и исследователи сидят за столами, которые тянутся во всю длину большого зала. Стены его от пола до потолка заняты полками, уставленными книгами. Сотрудники библиотеки, бесшумно подходя, кладут перед посетителями пожелтевшие от времени манускрипты, которые могут быть расшифрованы только подготовленными читателями. Я заметил среди посетителей членов религиозных орденов в монашеском одеянии и даже побеседовал с одним доминиканцем, специалистом по землевладению в Ирландии XI века.

Один из библиотекарей провел меня в стальные ниши архива и, открыв сейф, дал мне в руки пергамент с тяжелыми красными восковыми печатями, каждая — со своей подписью. Это была петиция, посланная Генрихом VIII папе. В ней король просит о расторжении своего брака с Екатериной Арагонской. Хотя этот документ публиковался, мне сказали, что имена всех тех, кто подписал его, никогда не печатались. Как только посланец короля, проехав через Европу, доставил петицию из Уайтхолла в Папскую курию, ее тщательно подшили, и сейчас она свежая и новая, как четыреста с лишним лет назад, в тот день, когда была написана.

Потом я подержал в руках протоколы допроса Галилея. Мне дали бумагу, подписанную Микеланджело; документ с подписями Фердинанда и Изабеллы Испанских с золотой печатью размером с блюдце; письмо, написанное Брунетто Латини, наставником Данте; соглашение между Наполеоном и Пием VII; и огромный пергамент с тремястами пятью подписями и печатями — акт отречения от престола Кристины Шведской. Потом, как бы поразмыслив, показали византийский пергамент XIII века с красными подписями первых Палеологов.

Все эти сокровища демонстрировались мне как бы между прочим. Так знаток мог бы показать свою коллекцию тому, у кого очень мало времени. Каждые пятнадцать минут свет гас, и его приходилось снова зажигать. Когда я спросил, почему это, мне сказали, что ученые и вообще все,

кто «живут в другом времени», довольно рассеянны и часто оставляют свет в архиве включенным, так что его автоматически отключают через равные интервалы.

Меня представили профессору, специалисту по папским буллам. От него я узнал, что канцелярия папы продолжала использовать папирус даже тогда, когда вся остальная Европа использовать его перестала. Папирус был изъят из обращения только около 1022 года. В старые времена папские буллы перевязывали либо шелковым шнурком, либо пеньковой веревкой, к которым привязывали свинцовую печать — *bullae*. Буллы с шелковым шнурком были *litterae graciosae*,^[125] а пеньковые — *litterae executoriae*,^[126] так что, еще не разворачивая, можно было сказать, хорошие в булле новости или плохие. Шелковые буллы украшало полное имя папы, а менее приятные — только его инициалы, обведенные черным.

Буллы иногда бывали столь изысканны, написаны таким странным готическим шрифтом, известным как ломбардский, без знаков препинания, что приходилось посылать вместе с ними и транскрипцию, и такая форма написания была упразднена Львом XIII лишь около шестидесяти лет назад.

Все знают, что папа после избрания получает новое имя, но что буллы он подписывает своим прежним именем, — знают далеко не все. Это единственный случай, когда он его использует. Этому имени и не слышат в Ватикане, пока папа не умрет, и его камерарий, приблизившись к постели, три раза тихо не назовет усопшего по имени, которое тот носил, прежде чем стать папой.

Одна из самых тщательно охраняемых комнат в Ватикане — это канцелярия, где хранится большая печать, или *bullae*, которой скрепляются все акты Церкви. Всякий, кто окажется рядом с этой комнатой, не представив убедительного объяснения своему присутствию там, рискует оказаться отлученным. Печать — тяжелый металлический штамп, несколько футов высотой, приводимый в движение рычагом, оттиск же — изображение

смотрящих друг на друга святого Петра и святого Павла в профиль, а также имя действующего папы.

Золотые печати, которые часто использовались монархами в их переписке с Ватиканом, редко применялись папской канцелярией, хотя иногда такое случалось. Самый ранний пример — письмо, отправленное Львом X, жалующее Генриха VIII титулом «Защитника веры».

9

Конструкция собора Святого Петра поддерживается семьей акробатов, передающих друг другу эту священную обязанность из поколения в поколение и заработавших имя *sanpietrini*. Их тренируют не бояться любой высоты, они лазают по стенам собора или качаются в люльках между колоннами под самым потолком. Мне рассказывали, что это зрелище не хуже, чем упражнение на трапеции без лонжи. В обязанности *sanpietrini* также входит копать могилы папам, и, как я уже говорил, несколькими из рабочих, облеченным особым доверием, были поручены раскопки под алтарем. В прежние времена многие из них жили со своими семьями на крыше, и там, в тени купола, все еще можно увидеть их дома.

Начальство *sanpietrini* располагается рядом с ризницей, и однажды, зайдя туда, я был поражен, увидев на дверях одной из комнат королевский английский герб под кардинальской шляпой. Разумеется, все это не могло принадлежать никому, кроме Стюартов, но их присутствие здесь очень удивляло меня, пока мне не сказали, что несколько лет назад двери спасли, когда сносили старый дом рядом с ризницей, и поместили туда, где они сейчас находятся. В доме с 1751 года жил кардинал герцог Йоркский в бытность его протопресвитером собора Святого Петра. Мне было радостно узнать эту новость. Я не думал, что можно наткнуться на доселе неизвестное упоминание о Стюартах в наши дни.

Я зашел в контору, чтобы узнать кое-что об освещении купола. Это — высшее проявление ловкости и проворства Sanpietrini. Хотя колокола собора Святого Петра сейчас звонят благодаря электричеству, sanpietrini просто ужаснулись, когда я спросил, зажигают ли они свет, щелкнув выключателем. Ни один истинный римлянин и, конечно, ни один член команды sanpietrini не смог бы вынести даже мысли, что собор Святого Петра может быть освещен бездушным электрическим светом.

Мне сказали, что обычай освещать базилику восходит к временам Бернини. Он спроектировал висячие светильники, в которых горел огонь между колоннами колоннады, а способ зажигания передавался sanpietrini из поколения в поколение, и даже используемое масло — специальная смесь, на которую есть особый рецепт.

В былые времена собор Святого Петра освещался регулярно дважды в год, на Пасху и на праздник Святых Петра и Павла. На Пасху, из-за неустойчивости погоды, использовали только светильники, но на праздник Святых Петра и Павла зажигались как светильники, так и lanteroni. Lanteroni — это свечи высотой в один фут с бумажными «абажурами».

Осветить собор Святого Петра стоит тысячу фунтов, и для этого требуется шестьдесят человек, поделенные на группы по два-три человека, чтобы каждый отвечал за несколько светильников. Перед тем как часы пробьют девять, люди прячутся в темноте, готовые по сигналу поджечь веревки своими факелами. Первым ударом дается сигнал начальнику sanpietrini, который зажигает светильник на вершине креста, и немедленно люди бросаются в темноту и наводняют купол подобно рою пчел, пока, когда часы перестанут бить, целый купол не наполнится мерцающими язычками пламени.

— А когда sanpietrini становятся слишком стары, чтобы исполнять эти акробатические трюки? — спросил я.

— Тогда мы уходим, то есть занимаемся другими делами в Церкви. За день надо сделать тысячу дел. Может быть, вы видели старика, который подметает в нефе каждое утро.

Посмотрели бы вы, что он выделявал в молодости под куполом!

Эти верные смотрители — как сторожевые духи, и никто бы не удивился, узнав, что в их жилах течет кровь тех самых рабочих, которые в свое время перестраивали собор Святого Петра.

Глава десятая. Прогулки вдоль Тибра и Трастевере

Рим под дождем. — Гостиница для паломников. — Замок Святого Ангела. — Трастевере. — Игра «мора». — Как делаются паллии. — Остров на Тибре. — Английский кардинал. — До свиданья, Рим.

1

Я встретил в соборе Святого Петра молодую пару, которая говорила по-английски с забавным легким акцентом. Когда они спросили, как я думаю, из какой они части Англии, я развел руками, но в качестве догадки высказал предположение, что из Восточной Англии. Они рассмеялись и признались, что никогда не были в Англии, что они датчане.

Новые знакомые пригласили меня на ланч в гостинице для паломников, где они остановились, в двух шагах от собора Святого Петра. Она стояла на берегах Тибра фасадом на набережную, всего в нескольких ярдах от уличного указателя, который привел меня в восторг, когда я только-только приехал в Рим: «Лунготевере-ин-Сассия». Гостиница представляла собой большое и красивое палаццо эпохи Возрождения, которое «в миру» стало, как я читал в одном из старых путеводителей, военной академией. В Святой 1950 год здание превратили в гостиницу для паломников и оно остается таковой до сих пор. Пролет невысоких ступенек, сделанных для кардиналов, ныне давно умерших, ведет в огромные апартаменты и приемные, которые сочетаются с поистине спартанскими спальнями, где усталые паломники могут отдохнуть. Комната, в которой сейчас смотрят телевизор и надписывают открытки, все еще помнит совсем другие сцены. Несколько батарей конной

артиллерии могли бы с музыкой продефилировать по великолепному двору.

Мои новые друзья жили не в гостинице — она была зарезервирована для групп паломников, а в саду, где для путешественников-индивидуалов построены флигели с отдельными номерами, где есть ванны. Этот сад привел меня в восхищение своими огромными деревьями, зарослями ежевики и пересохшими чашами фонтанов, в которые куры откладывают яйца. В кустах валялись обломки мрамора с полустертыми щитами. Это было странное и очень привлекательное место, и, когда я понял, что мои новые друзья через день-другой возвращаются в Данию, я пошел в контору и попросил себе комнату, которую они должны были вскоре освободить. Итак, я опять сменил место жительства в Риме и оказался в квартире, хотя и холодной, как монастырская келья, но в некотором смысле самой подходящей из всех, какие мне случалось занимать.

Я был совершенно свободен и мог приходить и уходить, когда хотел, и считал, что мне очень повезло. Мою комнату совершенно незаметно для меня убирали призрачно-бледные девочки-сироты в ужасающих черных одеждах и толстых шерстяных чулках. За девочками присматривали бдительные монахини.

Самое удивительное в гостинице — сами паломники. Средневековое представление о паломнике — почтенного вида человек с длинной бородой, спешащий припасть к святыням. Но в этой гостинице было трудно найти кого-нибудь старше двадцати. Они приезжали со всех концов мира, и их лица светились здоровьем и энтузиазмом. Иногда они появлялись целыми подразделениями под командованием своего приходского священника, и я думал о них как о весьма утешительном слое молодого поколения Европы и интересном последствии социальной революции. Сейчас молодые лазают по горам, занимаются зимними видами спорта, ездят на Ривьеру и в Рим и делают множество вещей, ранее доступных только состоятельным людям, не имея при себе не только денег, но и вообще

ничего, кроме рюкзака. Со времен Средневековья по континенту никогда не бродило столько народа, и мне хотелось бы думать, что такое познание жизни других наций укрепит международное взаимопонимание и сделает мир более мирным.

Переехав в комнату в саду, я задумался о том, что значит менять места жительства в незнакомом городе. Всегда есть искушение осесть в каком-нибудь одном месте и попробовать устроить себе там настоящий дом, но надо это искушение побороть. Переехать — все равно что заново начать жизнь; ты принимаешь новые ориентиры и открываешь для себя новые стороны того же города. Рим богатых, который я наблюдал с Виа Венето, отличался от делового Рима Виа Венти Сеттембре. А как поражает Яникул, с неторопливой и размеренной жизнью монахинь, когда попадаешь туда после центра, бурлящего туристами с их фотоаппаратами, картами, нейлоновыми носками, сохнувшими на подоконниках, многоязычной речью, постоянными отъездами и приездами. Теперь моя улица в одну сторону вела к собору Святого Петра, а в другую — в чудесный район Рима — Трастевере.

Я вдруг с изумлением понял, что на дворе октябрь — возможно, самый красивый месяц года в Риме. Деревья окрасились в сотни оттенков красного и золотого. Иногда город словно омывал какой-то жемчужный свет, резкий и чистый, как весеннее утро на Акрополе, а по вечерам улицы заливало розовое сияние, которое длится от сумерек до темноты. На уличных прилавках красовались гроздья великолепного винограда, черного и белого. Они напомнили мне о вакханалиях, уважаемых Церковью процессиях — такое странное сотрудничество, пожалуй, не удивило бы Григория Великого. Вакханалии регулярно проводились в винодельческих центрах *Castelli Romani*, где сейчас как раз собирали новый урожай. Это вергилиевское дуновение с утра возникало в воздухе Рима, оно появилось вместе со странными повозками, груженными рядами маленьких винных бочонков. Водитель сидел под огромным ребристым зонтиком, похожим по форме на раковину какой-нибудь

потасканной и неряшливой Афродиты. Повозки тащились в Трастевере и пополняли запасы погребков, и мне пришло в голову: а не съездить ли во Фраскати — провести моих знакомцев по винному погребку. Должно быть, они сейчас стоят по колено в винограде. Но я не поехал.

И еще мой переезд на новую квартиру совпал с первой для меня грозой в Риме. День был жарче обычного, и пахло в Трастевере примерно так, как пахнет в Танжере летом. На следующий день я проснулся ранним утром под раскаты грома и удивленно отметил, что все предметы в моей комнате то и дело вспыхивают голубым. По ветхой крыше моего жилища забарабанил дождь, и, выглянув в окно, я увидел отвесный поток падающей воды, рвущийся напоить иссохшую почву.

Я стоял у окна, вспыхивали молнии, гремел гром. И вся эта сцена была для меня приподнята над обыденностью, потому что это был Рим. Древние римляне верили, что молнию днем посылает Юпитер, а ночью — темное божество по имени Сумман, которое принимает у него эстафету с наступлением темноты. Они верили, что человека, убитого молнией, когда он бодрствовал, всегда находили с закрытыми глазами, а человека, убитого во сне, с глазами открытыми. Запрещалось приносить тела таких людей на погребальный костер, их следовало закапывать в землю. Верили также, что единственным млекопитающим, которое нельзя убить грозой, является тюлень, и именно поэтому, как утверждает Светоний, Август, который очень боялся грозы, носил одежду из тюленьей кожи.

Некоторые вспышки были так сильны и неожиданны, что я опускал занавеску и отворачивался от окна. Теперь меня не удивляло, что римские храмы разрушались от удара молнии, и я понимал, почему эти суеверные люди, которые и шагу не могли ступить, не погадав предварительно по внутренностям какой-нибудь дохлой коровы, так боялись гнева Юпитера.

Дождь продолжался весь следующий день, и Рим показался мне невероятно обветшавшим под этим влажным и облачным небом. Здания, которые обязаны своей красотой

солнечному свету, покрывающему их волшебной патиной, теперь имели весьма неприглядный вид. Они напоминали гуляку, который возвращается утром с бала в маскарадном костюме. Невероятно, насколько серьезно дождь расстраивает все городские службы Рима. Из-за этой грозы, которой Лондон и не заметил бы, остановились трамваи и даже прервалась телефонная связь! Забавно было также наблюдать удивленные лица римлян, вышедших под зонтиками и в плащах или рассекающих лужи на мостовой в своих «веспах». Казалось, город поразило какое-то стихийное бедствие. Даже у кур в саду был возмущенный вид, и, похоже, они обвинили во всем петуха, который сидел в сторонке, забрызганный грязью и, съездившись под садовой скамейкой, косил недобрым желтым глазом.

Когда дождь прекратился и небо очистилось, настало самое красивое время в Риме. Воздух как будто дочиста отмыли. Жара спала, ранним утром в городе было свежо, как в апреле. Проснувшись однажды раньше обычного, до восхода солнца, я накинул халат, прямо в шлепанцах перешел дорогу и, оказавшись на набережной Тибра, посмотрел вниз на реку. Теперь течение было гораздо быстрее, и река сменила бледный облачно-зеленый цвет на коричневый, хотя посередине оставалось еще много островков камышей и травы, образовавшихся за время летнего мелководья. Стояла чудесная тишина, Рим еще не проснулся. Всего лишь в трех мостах от меня поднимался красный округлый абрис замка Святого Ангела.

Вдалеке, у реки, я заметил какое-то движение. Пожилые мужчина и женщина, где-то, возможно под мостом, переждавшие грозу, поспешили нарезать тростника, как будто поднимавшийся Тибр грозил украсть у них даже это. Они шли по мокрой траве с охапками тростника. Я подумал: интересно, что они будут делать с этим тростником — чинить стулья или плести корзины?

Солнце сначала позолотило крылья статуи архангела Михаила на вершине замка, затем залило изъеденные временем крепостные валы, а потом наводнило светом весь город, и колокола принялись созывать к ранней мессе.

С набережной Тибра я часто смотрел на огни и тени замка Святого Ангела: несмотря на средневековый вид и обветшалость, это все еще гробница Адриана.

В последние месяцы жизни император, раздувшийся от водянки, отправился умирать в Байи, на берег Неаполитанской бухты. Испытывая сильные страдания, он приказывал докторам умертвить себя, подкупал рабов, чтобы они убили его. Он нашел точку под сердцем: резкий удар — и смерть наступила бы мгновенно. Но ни у кого не хватило смелости убить властителя мира. Странно, но в то самое время, когда он лежал больной и униженный, распространился слух, что он может творить чудеса. Одна слепая девочка прозрела после того, как приложилась губами к его колену; слепой старик пришел к нему из Паннонии, император дотронулся до него, и тот исцелился. Какая ирония судьбы в том, что все это разыгрывалось вокруг смертного одра больного и немощного человека, который себе-то самому помочь не мог.

Лежа на вилле, выходящей на бухту, Адриан сочинил следующие пять строчек, которые всегда искушали переводчиков более, чем все, что написано на латыни. Это обращение Адриана к своей душе:

Animula, vagula, blandula,
Hospes comesque corporis,
Quae nunc abibis in loca,
Pallidula, rigida, nudula,
Nec ut soles dabis jocos?^[127]

Сто шестнадцать переводов этой задумчивой строфы на английский язык собрал в 1876 году Дэвид Джонстон, и «Бат Кроникл» опубликовал их в небольшой и теперь очень редкой книжечке. Конечно, за восемьдесят лет накопилось много новых версий, потому что каждый, кто пишет книгу

об Адриане, испытывает непреодолимое желание коснуться этих строчек и предложить свое собственное прочтение.

Байрон в девятнадцать лет попытался, но добавил одну собственную строчку, что не совсем правомерно. Вот что получилось:

Ah! Gentle, fleeting wav'ring Sprite,
Friend and associate of this clay
To what unknown region borne
Wilt thou, now, wing thy distant flight?
No more, with wonted humour gay,
But pallid, cheerless, and forlorn.

Чарлз Меривейл предлагает более точный перевод:

Soul of mine, pretty one, flitting one,
Guest and partner of my clay,
Whither wilt thou hie away,
Pallid one, rigid one, naked one,
Never to play again, never to play?

А недавно я наткнулся на перевод, который мне понравился, сделанный Томасом Спенсером Джеромом в «Воспоминаниях о Риме».

Genial, little, vagrant sprite,
Long my body's friend and guest,
To what place is now thy flight?
Pallid, stark, and naked quite,
Stripped henceforth of joke and jest.

10 июля 138 года н. э. эта «маленькая бродяжка-душа» покинула тело великого Адриана и отлетела в вечную тьму. Сначала прах императора хранили на вилле Цицерона в Путеоли, потом перевезли в Рим, чтобы поместить в

мавзолее на берегах Тибра, который император начал строить за три года до смерти.

Гробница напоминала, скорее, огромный свадебный торт — дальняя родственница и предшественница памятника Виктору Эммануилу. Это была двухярусная постройка, облицованная белым мрамором, где выстроенные в круг колонны венчала роща кипарисов, границы которой охраняли более шестидесяти статуй. Тонкие, темные пирамидальные кипарисы до сих пор можно встретить на итальянских кладбищах, а этот висячий лес был снабжен гениальной дренажной системой, благодаря которой избытки воды стекали в землю и впадали в Тибр. Еще считается, что там была гигантская бронзовая еловая шишка, которая сейчас находится в Джардино делла Пинья (в Саду Еловой шишки) в Ватикане, хотя некоторые думают, что вершину венчала золотая колесница с Адрианом, правящим четырьмя лошадьми.

Император сам спроектировал это строение, такую своеобразную пирамиду. Как и в пирамидах, длинный наклонный пандус вел в гробницу, в склеп, что находился в самом сердце здания. Все, что можно увидеть сейчас, — огромная кирпичная сердцевина, так как ни кусочка мрамора давно не осталось.

В мавзолее хранился прах Адриана, Антония Пия, Марка Аврелия и Септимия Севера, императора, который, подобно Адриану, хорошо знал Британию.

Огромная усыпальница пришла на смену круглому мавзолею Августа на противоположном берегу Тибра, который ко времени Адриана был уже полон прахом цезарей.

Все эти урны оставались целы и невредимы несколько столетий, вплоть до набегов готов в V–VI веках. Надеясь найти здесь золото, варвары взломали бронзовые ворота имперских гробниц и ворвались внутрь, вынули урны из ниш и разбросали пепел.

Я был удивлен размерами замка Святого Ангела. Чтобы понять, какая это огромная цитадель, нужно затеряться в темных коридорах, пройти по петляющим лестницам и

внезапно оказаться в прекрасных покоях, расписанных такими же великолепными «гротесками», как Ватиканская библиотека; нужно выйти вдруг во дворик, полный каменных пушечных ядер, пройти дорогами часовых, увидеть амбразуры, из которых стрелял Челлини. Первым, что привлекло мое внимание, была шахта лифта эпохи Возрождения. Лифт устроил здесь папа Лев X примерно в 1513 году, чтобы избавить себя от утомительного подъема в папские апартаменты на верхнем этаже. Конечно, лифт приводили в движение вручную. Команды людей, манипулировавшие сложной системой лебедок, тормозов и шкивов, переправляли папу и его кардиналов наверх, дюйм за дюймом. Жаль, что подъемник не сохранился. Возможно, это был самый роскошный лифт из когда-либо существовавших.

Длинный наклонный пандус, часть первоначального мавзолея, петляет и петляет, и в конце концов вы оказываетесь в самом сердце здания, где стены, когда-то облицованные мрамором, состоят из огромных блоков травертина. Здесь и стояла урна с прахом Адриана. Теперь здесь нет ничего, но на ближайшую стену кто-то прикрепил трогательную дощечку со знаменитым «Animula, vagula, blandula».[\[128\]](#)

Я читал эту надпись в полутемном переходе, думая уже не о папах и антипапах, но о той гораздо более отдаленной во времени картине: умирающий Адриан, глядящий на Неаполитанский залив. Суть его небольшого стихотворения в том, что душа лишь гостит в человеческом теле и когда-нибудь должна покинуть его и продолжить свое таинственное путешествие, и печаль по этому поводу не решился бы осудить ни один христианский священник. Возможно, это мысль агностика, но не атеиста, и появление здесь этих слов производит большое впечатление: ведь это последнее высказывание человека, который изучил все религии, включая христианство, в поисках правды.

На верхнем этаже, где располагаются апартаменты столь же роскошные, как и все апартаменты в Ватикане, я увидел удивительную картину: ванная комната

Климента VII, осажденного в замке во время разграбления Рима в 1527 году. Кто бы мог подумать, читая отчеты о разрухе и голоде, что у папы была эта роскошная маленькая ванная комнатка, отапливаемая горячей водой, циркулирующей в полых стенах, с мраморной ванной. Каждый дюйм этой совершенной римской комнаты: пол, стены и потолок — веселая роспись по штукатурке — все напоминает знаменитую ванну кардинала Библиены в Ватикане. Рафаэль расписал ее сценами, которые сочли столь непристойными, что комната была заколочена на долгие века.

Всякий, кому знаком замок Святого Ангела, думаю, согласится со мной, что это одно из самых пугающих зданий в мире. Не нужно быть психически больным или даже просто чувствительным, склонным к фантазиям человеком, чтобы понять — страдания все еще живут в этих коридорах. Вы не удивились бы, если бы, поднимаясь по каменным ступеням в неверном свете, услышали страшный вопль или, открыв дверь, увидели сцену убийства или пытки. Есть очень красивые комнаты, где можно сидеть и слушать музыку, а в нескольких ярдах от них — подземелье. По крайней мере, в одной из самых веселых комнат есть потайной люк, провалившись в который, попадаешь в темницу. По сравнению с замком Святого Ангела Лондонский Тауэр — просто счастливое место!

Я подумал об этих страшных женщинах X века: о Теодоре Старшей и ее еще более ужасной дочери Мароции, которая возводила на престолы и смещала пап и, как утверждает Гиббон, возможно, причастна к странному средневековому мифу — о папе Иоанне XI. Я вспомнил о великом папе Григории VII, вынужденном искать убежища в замке Святого Ангела от ярости императора Генриха IV, которого он унизил в Каноссе.

Я видел тюрьму, где держали Беатрис Ченчи перед казнью. Хотя современные исследования пролили свет на эту трагедию, Шелли веришь больше, и люди предпочитают думать о ней как о невинной жертве неописуемо подлого отца, которого она убила, чтобы спасти свою честь.

Ее казнили сентябрьским утром, и эшафот был на мосту перед замком Святого Ангела. Склонив свою прекрасную голову перед топором палача, Беатрис умерла как романтическая героиня и живет в памяти Рима и всего мира как La Bella Cenci.

Еще одно привидение этого замка — папа Александр VI Борджиа. Как-то раз, в Святом 1500 году он стоял на крепостном валу, глядя, как его обожаемая дочь Лукреция едет через мост Святого Ангела в Латеран, чтобы посетить великие базилики. Она сидела на низкорослой испанской лошади, покрытой богатой попоной; по правую руку ехал ее муж, дон Альфонсо, по левую — одна из придворных дам. За ними следовал капитан папской гвардии Родриго Борджиа и эскорт из двухсот дворян и их дам.

Пока она переезжала мост, папа, который при всей своей жестокости был одним из самых чадолюбивых людей в истории, провожал ее глазами, полными обожания. Страстью его жизни было золото, и он стоял и с умилением смотрел на свою золотоволосую дочь, пока она не скрылась из виду.

Как неожиданно было обнаружить в одной из комнат папских апартаментов большое полотно, на котором изображен «Въезд Якова III Английского в Болонью». Классическая арка; толпа народа; экипажи на заднем плане; на переднем плане женщина указывает своим детям на изгнанника Стюарта; кардинал, снявший свой красный головной убор перед королевской особой, приглашающим жестом протягивает руку в сторону арки. На Якове пышный парик, голубой шелковый мундир со звездой и орденом Подвязки, в руке трость. В небольшой группе якобитов — удивительной красоты юноша лет четырнадцати, это, вероятно, Красавец принц Чарли. Жаль, что на картине нет даты. Думаю, она была заказана в те дни, когда Якову оказывались королевские почести при дворе папы и когда считалось, что ганноверскую династию нужно сместить. В конце концов, когда надежда постепенно иссякла, картина, как и многие другие, перекочевала на чердак, в данном случае на чердак замка Святого Ангела.

Вид с крыши замка — один из самых величественных в Риме. Западнее — собор Святого Петра и длинная узкая стена с тайным ходом, идущая от бастиона замка к Ватикану; а восточнее — весь Рим, с Тибром, огибающим Марсово поле. Незабываемое зрелище.

3

Кто-то представил меня священнику, который полностью соответствовал моему представлению об аббате XVIII века. Он был очарователен, общителен, забавен и явно привык вращаться в самом лучшем обществе. У него было хобби — фотография. Этот общий интерес привлек нас друг к другу, и, должно быть, наблюдавшие, как мы с ним подолгу неторопливо прогуливаемся под деревьями, были бы весьма разочарованы, узнав, что мы обсуждаем всего-навсего фокусные расстояния и достоинства проявителей на тонкослойных эмульсиях.

Надеюсь, что если бы какой-нибудь Веблен стал изучать социальные особенности нашего времени, он написал бы о фотографии под заголовком «значительные затраты». Около тридцати лет назад, когда изобрели эти маленькие фотокамеры, любительская фотография считалась очень провинциальным хобби. Во всяком случае, никто не стал бы утверждать, что обладание такой камерой повышает социальный статус. Снобы оценили дорогостоящие аппараты примерно с того момента, как герцог Виндзорский, принц Уэльский, не постыдился показаться в обществе с одним из них. С тех пор они еще подорожали и стали еще более популярны, а их механические несовершенства вызвали к жизни так много дополнительных приспособлений (все они имелись у моего знакомого священника), что к тому времени, когда фотограф наконец выбирал, какой инструмент ему использовать, объект, который он хотел запечатлеть, либо уже исчезал из поля зрения, либо был больше не достоин снимка. Одним из первых фанатиков малоформатной

фотокамеры был Бернард Шоу, и он, говоря о бешеном расходе пленки, которого требует это устройство, замечал, что оно подобно треске, мечущей миллионы икринок, чтобы одна из них выжила и развилась в полноценную особь.

Однажды вечером я писал у себя в комнате. Мне в окно настойчиво постучали. Передо мной стоял мой друг священник с треножником в одной руке и чемоданчиком в другой. Глаза его горели неподдельным волнением.

— Пойдемте скорее! — воскликнул он. — Нельзя терять ни секунды! Замок Святого Ангела горит!

Не имея даже времени спросить, как такое могло случиться с этой почтенной громадиной, я выбежал из комнаты, и мы вдвоем помчались через сад и двор к набережной Тибра. Там я все понял.

По случаю одного из бесчисленных конгрессов, которые вечно проводятся в Риме, в замке Святого Ангела была устроена иллюминация. Он был освещен сотнями желтых огненных брызг. Голубой свет прожекторов заливал фигуру архангела Михаила, и все это выглядело так, что мне показалось, будто вернулся XIV век. Бесчисленные светильники отбрасывали мерцающие красные блики на весь замок, и он стоял на фоне темного неба, ужасный, угрожающий и в то же самое время странно веселый. Огонь, враг замков, способный пожрать их, теперь был укрощен и одомашнен и, подобно тигру в цирке, исполнял забавные трюки для увеселения Рима.

Священник был полон энтузиазма. Использовать ли ему пяти- или девятимиллиметровые линзы? Какую выдержку поставить? И правильную ли он выбрал позицию? Хотя у него впереди была вся ночь, он вел себя так, как будто иллюминация может прекратиться в любой момент. Решив, что мы не на том берегу реки, он бросился через мост и установил свой треножник на противоположном берегу. И правильно сделал. Оттуда открывался вид еще более величественный. Можно было себе представить, что какой-нибудь средневековый папа и император Священной Римской империи вместе пируют в этой крепости в редкий момент мира и согласия.

Я ушел, но несколько часов спустя вернулся посмотреть на замок. Масляные светильники все еще горели, а там, где они погасли, зияли черные дыры.

4

Я сидел в кафе в Трастевере. Кафе было похоже на многие другие кафе в Риме, разве что завсегдатаи бросали друг на друга более внимательные, оценивающие взгляды, отрываясь на секунду от своих важных дел.

— Если хотите купить золото или бриллианты или если потеряли что-нибудь и хотите вернуть за вознаграждение, но, не задавая никаких вопросов, то вам именно сюда, — сказал мой спутник.

— Золото и бриллианты — здесь?

— Да. И говорят, не знаю, правда это или нет, что все улицы в округе изрыты тоннелями, куда стекается краденое со всего Рима.

Теперь мне уже чудилось нечто зловещее в молодых «Борджиа» с их прилизанными волосами, толпящихся у кофеварки эспрессо. Великолепный образец убийцы XV века опустил жетон в прорезь телефона-автомата в баре и заговорил, певуче и умоляюще, все время жестикулируя свободной рукой. Он наклонялся и раскачивался, ходил туда-сюда, насколько позволяла длина телефонного провода, но однажды, случайно встретившись глазами со своим приятелем, вдруг цинично ему подмигнул. Потом положил трубку и присоединился к своим товарищам, характерно, очень по-римски, пожав плечами. Я подумал, что, должно быть, где-нибудь в Риме польщенная женщина сейчас тоже положила трубку.

Как умеют себя подать на людях эти молодые итальянцы! Это то, я полагаю, что называется *far figura*, что еловарь определяет как «поражать своей внешностью, выглядеть хорошо». Но, пожалуй, имеется в виду нечто более глубокое и важное. Иметь представительный вид, сохранять лицо — все это необходимо итальянцу для

самоуважения, и ущемить его самооценку — значит нажать себе врага. Бандиты и головорезы эпохи Возрождения, должно быть, очень хорошо умели *far figura*: это видно по портретам того времени: по тому, как они нагло смотрят вам в глаза, как небрежно держат в руке перчатку, как вторая рука, униженная кольцами, лежит на рукоятке меча. В Трастевере быть *far figura* так же важно, как считаться истинным римлянином. Может показаться странным, что кому-то захочется признать свое родство с римской чернью, самыми коварными, ненадежными, подлыми людьми в истории, тем не менее жители Трастевере доказывают его дни напролет. Я думаю, что по происхождению они корсиканцы. Самодовольное «*noialtri*» можно услышать в Риме где угодно, но нигде так часто, как в Трастевере. Это значит «наши», «такие как мы» и произносится с тем же чувством удовлетворения, что испанское *nos otros*. Я спросил как-то одного приятеля, живущего в Риме, о чем, по его мнению, говорят весьма поглощенные беседой мужчины, и он ответил: «О самих себе и о Риме, но в первую очередь, конечно, о себе!» Подойдите к любой компании за столиком — и вы непременно услышите эти слова: *noialtri* и *i Romani*. Римляне вообще и жители Трастевере в особенности постоянно заняты собой и очень себе интересны.

Однажды, выходя из кафе со своим итальянским знакомым, я нарвался на вспыльчивую местную жительницу. Это была разбитная, крепкая девица, они с подругой догнали нас, и, проходя мимо, девушка сказала подруге, но явно для нас:

— Эти мне иностранцы! Приезжают в Рим посмотреть на дворцы! Почему бы им не взглянуть на мерзкую дыру, в которой мне приходится жить!

— Скорее скажите ей, что мы не прочь посмотреть! — шепнул я приятелю.

Испытывая крайнее неудобство, боясь, вероятно, показаться невежливым, мой друг догнал их и сделал, как я просил. Услышав вежливое обращение по-итальянски, девица поначалу несколько сникла. Потом презрительно смерила нас взглядом с головы до ног и выдала такое

ругательство на жаргоне Трастевере, которое даже мой друг не смог понять. Был момент, когда мне показалось, что она собирается броситься на нас. Вместо этого она пожала плечами и надменно удалилась. И я пожалел того, кто хоть раз попробовал бы поспорить с ней или перехитрить ее.

Однако не весь Трастевере сплошь состоит из бандитов и хамов. Вообще-то, это один из самых интересных районов в Риме. Это островок в петле Тибра. Он соответствует Марсову полю, что находится немного выше на противоположном берегу. Главная улица Трастевере расходится на множество улочек и переулков, в которых кипит жизнь. Есть переулки, где между домами сушится белье и самые интимные предметы туалета гордо развеваются на ветру, как флаги. Здесь можно увидеть последние следы того папского Рима, которые знали наши предки двести лет назад. Как часто бывает в Риме, начинает казаться, что лица вокруг несовременные, похожие на портреты в картинных галереях. Это люди заднего плана: мелкие дворяне, фореиторы, конюхи, носильщики, всадники. Если раз в год переодевать весь Трастевере в средневековые костюмы, как поступают в Сиене, это будет один из самых замечательных спектаклей в Европе.

Хотя и здесь, как везде в Риме, присутствуют шумные «веспы», в Трастевере больше вполне человеческих звуков, знакомых Риму Марциала. В тысяче маленьких мастерских — иные из них находятся в подвалах — работают люди, и, несмотря на занятость, у них всегда находится минута поболтать с соседом. Я встретил одного почтенного изобретателя станка для полировки автомобильных запчастей, который, ошибочно приняв мое ненавязчивое любопытство за истинный интерес к механике, затащил меня в свою темную пещеру и объяснил все детали процесса. «Мне даже из Милана работу присылают!» — с гордостью сказал он. Табачная фабрика, которая всегда производила нюхательный табак для пап, все еще работает в Трастевере, и вы можете повстречать там сотни маленьких Кармен, изготавливающих крепкие сигары и сигареты. Там, где когда-то был сад, стоят теперь печи

горшечника, а в ближайшем сарае сушатся сотни горшков и тарелок, только что снятых с гончарного круга и, без сомнения, изготовленных из той самой ватиканской глины, которая упоминалось еще в античные времена.

Веселый и праздничный вид придают Трастевере магазины, торгующие confetti, засахаренным миндалем, подающимся на свадьбах, а иногда его разбрасывают перед счастливой парой, как в древности разбрасывали орехи. Повсюду миски не только с обычным розовым и белым миндалем, но также с зеленым, красным, и бледно-голубым. Жители Трастевере любят жениться и выходить замуж за своих, и, когда играют свадьбу, семья радостно влезает в долги, чтобы с помпой отправить сына или дочь в нелегкое плавание по волнам семейной жизни.

В прошлом столетии Огастес Хэйр сказал, что убийство в его время, хоть и являлось менее распространенным преступлением в Риме, чем в Англии, в Трастевере совершалось чаще, чем где-либо, и он относил это за счет «постоянно взвинченного состояния, в котором жители Трастевере пребывают, играя в свои национальные игры, особенно в мору».

Сейчас эта игра запрещена законом, но я много раз видел, как в нее играют. Она заключается всего лишь в отгадывании, сколько пальцев внезапно поднимет ваш оппонент. В древнем Риме эта игра называлась «Micare digitis», «мельканье пальцами». Можно завернуть за угол и вдруг наткнуться на группу молодых людей, которые стоят кружком и играют в мору. Все происходит очень быстро, они громко кричат и великолепно жестикулируют. При появлении постороннего игра сразу прекращается, и иногда игроки мгновенно исчезают за углом.

Один из самых замечательных видов Трастевере — Пьяцца Сан-Калисто, где старый фонтан выбрасывает сноп воды перед церковью Святой Марии в Трастевере, первой церковью, как считают, посвященной Святой Деве. С одной стороны, в углу площади, находится старый дворец Сан-Калисто, то есть, практически, он не в Риме, а в Ватикане. Это одно из нескольких зданий, принадлежащих Святому

Престолу, которым Латеранским соглашением гарантирована экстерриториальность.

Я подумал, что фасад церкви Святой Марии, сверкающий мозаикой, — прекрасная память о первом соборе Святого Петра. Если бы вы в те времена пересекли огромный атриум церкви Константина, то здание, к фасаду которого вы вышли бы, наверно, выглядело бы именно так. Действительно, если кто хочет представить себе, каким был первый собор Святого Петра, пусть он изучит атриум Сан-Клименте, осмотрит снаружи церковь Санта-Мария-ин-Трастевере, и внутри — собор Святого Павла «за стенами».

Я вышел на пыльную площадь с маленьким веселым фруктовым рынком. Чудесная девушка продавала виноград. Я подошел купить немного, меня тут же обругали, и несколько разгневанных мужчин стали надвигаться на меня с разных сторон. Я удивленно огляделся и понял, что забрел на съемочную площадку! Такое может случиться с каждым в Риме. Дворцы, мосты, уличные рынки в то или иное время все являются декорациями фильмов. Подъезжает пара вагончиков. Осветители ставят свет, операторы — свои треножки с камерами, актеры небрежно входят в кадр. Римляне даже не всегда останавливаются поглазеть на съемки. Я извинился перед режиссером и, чувствуя себя круглым дураком, нырнул под арку. Там передо мной предстала мирная и прекрасная картина — дворик церкви Святой Цецилии в Трастевере.

Три францисканских монаха беседовали у мраморного фонтана. За ними возвышался высокий, красивой формы римский кантарус белого мрамора, должно быть, попавший сюда из каких-нибудь древних терм, и из его изящного устья бил небольшой фонтанчик воды, а другая струя стекала из «тела» сосуда в мраморную чашу. На заднем плане была церковная паперть, поддерживаемая колоннами африканского мрамора. Один из братьев, сошедшихся у фонтана, был римским жителем, двое других — паломниками. И все трое были бельгийцами. Они только что вышли из ближайшей церкви, Сан-Франческо-а-Рипа, стоящей в ограде монастыря, где останавливался святой

Франциск в 1219 году, когда приезжал в Рим попросить у папы благословения на основание нового ордена. Монахи ни о чем другом, кроме как о посещении этой церкви, и говорить не могли. Им даже довелось помолиться в келье святого Франциска!

Знаменитая фигура святой Цецилии, изваянная Мадерной, находится ниже алтаря церкви. Святая предстает перед нами такой, какой ее увидели открывшие гробницу в XVI веке. Это копия той статуи, которую я видел в катакомбах святого Каликста. Под церковью я увидел и парильню, где святую заперли ее гонители. Свинцовые трубы все еще пронизывают кирпичную кладку.

Рядом с дверью церкви — могила англичанина, кардинала Адама Истона из Хертфорда. Он был настоятелем церкви Святой Цецилии в период правления Ричарда II и умер в 1397 году. Меня взволновала эта тонкая ниточка связи между Трастевере и чистеньким маленьким английским городком, и, как только выдалась минута, я отправился в великолепную библиотеку Британской школы в Риме, чтобы выяснить, как случилось, что Адам Истон умер так далеко от дома. Это оказалась странная и дикая история.

Когда папы вернулись в Рим из Авиньона, священная коллегия состояла почти полностью из французов, и король Франции рассчитывал прибрать папство к рукам. Григорий XI, вернувшийся в Рим с помощью святой Екатерины Сиенской, скончался в 1378 году. Кардиналы собрались, чтобы выбрать ему преемника. Кровожадная римская толпа призывала выбрать римлянина, а не француза и даже протыкала, стуча копьями, половицы комнаты, где заседал Конклав. Испуганные кардиналы выбрали неаполитанца, Бартоломью Пригнано, архиепископа Бари, который, как они надеялись, стал бы послушно исполнять их волю. Вместо этого Урбан VI, как он пожелал называться, оказался настоящим зверем и начал реформы с самих кардиналов. Он был груб, неистов и в высшей степени бестактен, а некоторые католические историки даже считали его немного сумасшедшим. Но я не

думаю, что он действительно был безумен, и сейчас приведу все свои резоны.

Ненавидя папу, которого они избрали, большинство кардиналов бежали из Рима и выбрали антипапу, Климента VII; затем началась гражданская война между Урбаном и Климентом. Европа разделилась. Франция, конечно, была на стороне Климента, Англия — на стороне Урбана.

Те кардиналы, которым не удалось бежать, и среди них Адам Истон из Хертфорда, попали к Урбану в плен, и это был единственный случай в истории, когда папа остался один, вообще без кардиналов. Будучи осажден в своем замке, яростный понтифик регулярно появлялся у окна трижды в день с колокольчиком, книгой и свечой, чтобы предать анафеме своих врагов. Затем он приговорил к смерти всех кардиналов, злоумышлявших против него, за исключением Адама Истона, которого пощадили по просьбе Ричарда II. Затем Урбан создал совершенно новую священную коллегия.

Я полагаю, что Урбан VI был в своем уме, потому что святая Екатерина Сиенская взяла его под свое крыло и была на его стороне. Странная пара: яростный и страстный старый папа, изрыгавший анафемы, как выпускают военные ракеты, и святая, призывавшая его смирять свой гнев и быть кротким и смиренным! Победив своих врагов и вернувшись в Рим, этот ужасный старик снял туфли и вошел в Рим босой. Такого Урбана, пожалуй, не знал никто, кроме святой Екатерины. Она была в Риме, незадолго до своей смерти, когда римская толпа штурмовала Ватикан. Папа приказал распахнуть ворота настежь, он ожидал толпу, сидя на своем троне, и грудь его была открыта для кинжалов. Увидев его, чернь побросала оружие и все пали на колени. Если поведение Урбана и было «сродни сумасшествию», как сказал монсеньор Бодрийяр, по крайней мере, никто не осмелился бы утверждать, что ему не доставало храбрости.

Англичанин из Хертфорда пережил папу на восемь месяцев. Он бежал весьма интересным способом. Ему удалось контрабандой переправить письмо — *De sua*

calamitate^[129] — бенедиктинцам в Англию. Те отправились к Ричарду II, который попросил за его жизнь. Однако перед тем как отпустить Хертфорда, Урбан лишил его сана, и Истону пришлось восемь лет скрываться под видом простого монаха, пока, после смерти Урбана и избрания Бонифация IX, он не был восстановлен во всех своих правах. Стоя у могилы в Трастевере, я думал о том, что здесь покоятся кости английского ученого, который прожил свою жизнь еще до рождения доброго герцога Хамфри и Баллиолов, а ведь именно они всегда считались первыми английскими учеными эпохи Возрождения.

5

Паллии, которые папа посылает новым архиепископам и митрополитам, веками ткали монахини в Трастевере. Я обнаружил, что их монастырь примыкает к церкви Святой Цецилии. Это огромное старое здание, и мне сказали, что когда-то в нем была большая и богатая бенедиктинская община, но теперь лишь тринадцать монахинь живут здесь в бедности.

Каждый год 21 января, в день святой Агнессы, во время пения «Agnus Dei» к алтарю церкви Святой Агнессы на Виа Номентана приносят двух ягнят.^[130] Они лежат в двух плетеных корзинах, украшенных голубыми лентами. После того как папа торжественно благословляет ягнят, их отправляют в Трастевере под присмотр монахинь до наступления Чистого четверга. Тогда их стригут, и шерсти каждый год хватало на двенадцать паллиев.

Это узкие белые шерстяные полосы шириной в три пальца, украшенные черными крестами. Их носят вокруг шеи и поверх облачения таким образом, что одна полоса опускается спереди, а другая сзади, и все это напоминает по форме букву Y.

В старые времена это древнейшее одеяние носил только папа, и даже сегодня только он один имеет право надевать его в любых случаях. Оно бесконечно старше, чем папская

тиара, и момент, когда на папу во время коронации надевают паллий, является самым торжественным моментом церемонии, может быть, сравнимым с миропомазанием в коронации королей. «Прими паллий, — такие слова произносят, когда облачают в него папу, — во славу Господа, и Пресвятой Девы, Матери Его, и святых Апостолов, святого Петра и святого Павла и Святой римской церкви». Как только полоска шерсти ягненка ложится на плечи папы, он становится пастырем стада Христова; по крайней мере, такой смысл придали этому предмету в более поздние века.

Первые папы даровали паллий епископам как особое отличие; Григорий Великий послал первый палий в Англию святому Августину в Кентербери. В наши дни считается неканоническим для вновь назначенного епископа приступить к исполнению своих функций, не получив паллий, но, получив, епископ может его носить только по особо торжественным случаям; и его всегда хоронят с ним.

Соткав новые палии, монахини Трастевере спешат передать их не в Ватикан, как можно было бы подумать, а иподиаконам собора Святого Петра, которые в свою очередь передают их каноникам, а те помещают в ларец под высоким алтарем Святого Петра, непосредственно над гробницей апостола. В этом акте смешались несколько красивых и достойных идей и обычаев. Вспоминаешь об Агнце Божиим и Добром Пастыре, несущем на своих плечах ягненка. Вспоминаешь также и о средневековых паломниках, приносивших одежду и четки, чтобы освятить их, прикоснувшись ими к гробнице святого Петра.

6

Трастевере связан с Римом Семи Холмов несколькими мостами и... едой. Модно перейти через мост и пообедать в Трастевере, лучше поздно, так поздно, как обедают в Испании, в каком-нибудь маленьком ресторанчике, где,

поверьте моему опыту, готовят вдвое лучше, чем где-нибудь еще в Риме, и все гораздо дешевле.

Я почувствовал, что стал здесь своим, когда сумел не заблудиться в Трастевере ночью. Должен признать, что сначала я несколько запутался в переулках, где почти не было света, но успокаивал себя тем, что сейчас грабители и убийцы не носят масок, как в XV веке. Масок я боялся с детства. Встретить человека в маске на улицах Трастевере — таково мое представление о леденящем душу ужасе. Удивительно: читая биографии Борджиа, замечаешь, как часто люди тогда ходили по улицам Рима ночью. Похоже, все к этому привыкли. Этих «прогуливавшихся» так и называли — «маски». «Маска» разговаривала с герцогом Гандиа в ту ночь, когда он был убит. Часто становился «маской» Чезаре Борджиа. Эти «маски» — последний штрих к портрету страшного века элегантных убийств.

Учитывая мое отношение к «маскам» от меня потребовалось собраться с духом, чтобы подойти к человеку, который по всем статьям напоминал «маску», и небрежно спросить по-итальянски, как пройти к Viale Trastevere. Но ответ этой предполагаемой «маски» навеки исцелил меня от страха перед темными переулками. Этот человек сразу превратился в дородного жителя Трастевере в рубашке с короткими рукавами, который когда-то попал в плен в Ливийской пустыне (Египет), был знаком с несколькими английскими монахинями, знал целый куплет из «Сари Марэ»^[131] и благожелательно проводил меня через лабиринт переулков к свету.

У меня было несколько любимых ресторанов. Один — рядом с Порто Сеттимиана, претендовавший на то, чтобы считаться домом возлюбленной Рафаэля, Форнарины. Я всегда садился под шпалерой, увитой виноградом. Вечером здесь было восхитительно прохладно сидеть, заказав какое-нибудь простое итальянское блюдо из напечатанного на машинке меню. Ресторанчик отличался прекрасной кухней, и готовили где-то совсем близко, под жизнерадостные голоса и звяканье тарелок. Люди с другого берега Тибра начинали стекаться часам к десяти. Ресторанчик вполне мог

бы находиться где-нибудь в Мадриде. Модным молодым женщинам нравилось, чтобы их доставляли сюда на заднем сиденье мотоцикла, и к одиннадцати вечера все окрестные улицы были полны припаркованными «веспами». Приходили музыканты: гитарист и певец, исполняли свои номера и, пустив шляпу по кругу, уходили в следующий ресторан. Ни один итальянец никогда не откажется дать что-нибудь этим невозмутимым артистам, как не откажет в милостыне нищему.

Второй мой любимый ресторанчик посещали в основном жители Трастевере. Похоже, единственными иностранцами, появлявшимися там когда-либо, были люди, которых я приводил с собой. Перед входом висела занавеска из бусинок, посетитель проходил сквозь нее, как Алиса в Зазеркалье, чтобы оказаться среди восхитительных кухонных запахов. Этот ресторан славился рыбным супом, итальянской ухой и средиземноморским салатом из даров моря. В нем присутствовали креветки, омары, кусочки трески, осьминога, кальмара, в общем, всего, что нашлось в тот день утром на рыбном рынке. Это было полезное и сытное блюдо, и, кроме него, больше уже ничего не хотелось. Там также умели готовить прекрасный *fritto misto di mare*,^[132] почти такой же восхитительный, как *zarzuela de mariscos*^[133] в Барселоне, а это в моих устах высшая похвала блюду.

К полуночи в ресторане стоял гул, как на вечеринке с коктейлями к тому моменту, когда незатушенные сигареты беззаботно оставляют на красном дереве и слоновой кости и когда из гула голосов уже можно вычленить лишь *i Roman!... noialtri... noialtri... i Romani*. Однажды я с удивлением обнаружил, что друг-итальянец, которого я пригласил в trattoria, понимает лишь половину того, что ему говорят. Жители Трастевере двуязычны: они говорят по-итальянски, как все остальные, но предпочитают свой собственный колоритный диалект.

Как-то раз ночью я вышел к одинокой красной башне когда-то могущественных графов Ангиллара и к площади, украшенной статуей человека в элегантном сюртуке и

цилиндре, возвышающейся над бегущими такси. Человек этот, к моему удивлению, оказался Чосером Трастевере, поэтом, творившем на диалекте. Его настоящее имя — Джузеппе Джоакино Белли. Он, судя по всему, был одним из перевоплощений Пасквино и счастливейшим из поэтов: женитьба на состоятельной женщине не убила в нем вдохновения, но обеспечила его досугом, чтобы заниматься любимым делом, и прекрасным цилиндром, который вместе с ним обессмертил скульптор.

Однажды вечером я отправился в лучший в Трастевере магазин *confetti* и приобрел несколько килограммов белого, голубого, розового, красного, желтого и зеленого засахаренного миндаля. Я купил особую коробочку, тщательно уложил в нее купленное и подписал ее своему другу, чья дочь собиралась замуж. И тут передо мной встала проблема: отправить посылку из Италии в Англию.

Злобные сивиллы в черном в окошечках итальянской почты презрительно отшили меня, занявшись человеком, который стоял в очереди позади. И мне потребовалось некоторое время, чтобы понять наконец, что я должен отнести свою посылку на главный почтамт. Там я потерял в очередях полчаса, после чего велели идти в центральное почтовое отделение на Пьяцца ди Сан-Сильвестро. Там, в грязной комнате, все те, кто намеревался отправить посылки за пределы Италии, даже если это всего лишь Корсика или Сицилия, проходят все круги ада. Сначала мне пришлось купить за сотню лир три экземпляра бланка декларации, которые я должен был заполнить, указав, кому и зачем посылаю *confetti*; затем мною занялись таможенники, которые взяли с меня еще сто десять лир за еще один бланк, после чего распотрошили мою тщательно упакованную посылку. Они передали ее другому чиновнику, который был уже наготове с коричневой бумагой, бечевкой и свинцовыми штампами. Наконец посылку мне вернули, разрешив взвесить ее и поставить штемпель. Я смотрел, как она уезжает по покатому настилу, и боялся, что она тут же, описав круг, вернется ко мне через окошечко. Однако ее довольно быстро доставили в Англию.

Прилавок отдела посылок был завален старыми брюками, рубашками, блузками, юбками, будильниками, детскими игрушками, гроздьями винограда и самыми разными предметами, которые люди посылали друзьям и родственникам. Даже итальянцы толком не знали правил и приносили большие посылки упакованными так, что их приходилось распарывать и снова упаковывать после досмотра.

Одна женщина рассказала мне о волоките, в которую она оказалась втянутой, когда получила небольшое наследство из-за границы.

— Я неделями обивала пороги министерств, — пожаловалась она, — заполняла бланки, указывала имена моих дедушек и бабушек, девичью фамилию моей матери, отвечала на тысячу вопросов, чтобы в конце концов обнаружить, что взяла бланк, на котором нет штампа; я просиживала часы в приемных, пока однажды не разрыдалась и, крикнув чиновникам: «Я отказываюсь! Возьмите наследство и распорядитесь им, как сочтете нужным!», не выбежала из здания.

7

Было чудесное утро, безветренное и безоблачное, и это было мое последнее утро в Риме. Воздух казался шелковым, чистым, как будто его отфильтровали. Это, безусловно, подарок Риму от Греции, он становится таким после первых дождей, и все купола, дворцы и церкви вырисовываются с незабываемой четкостью. Идя вдоль Тибра, я увидел отражение краснокирпичной гробницы Адриана в желто-зеленой воде реки, потом церковь Санто-Спирито-ин-Сассия, а чуть дальше — собор Святого Петра.

Ciornelli, или, как некоторые называют их, girarelli, вращались, как обычно. Это, безусловно, самый ленивый способ ловли рыбы, какой когда-либо существовал. С лодок, пришвартованных к берегу, в воду опущены вертящиеся сетки, похожие на лопасти ветряных мельниц.

Предположительно, рыбак следит за работой этого хитроумного устройства, и, когда видит, что в сеть попалась рыба, подскакивает и старается выхватить ее, пока сеть снова не погрузилась в воду. Но сколько я ни смотрел, я всегда видел эти оптимистично вращавшиеся сети только пустыми.

На Палатинском мосту стоял человек с длинной бамбуковой удочкой. Он позволял своей леске тихонько дрейфовать в сторону «Великой Клоаки», и, не оставляя надежды хоть раз увидеть, как кто-нибудь поймает рыбу с моста, я долго околачивался неподалеку. Здесь, как писали многие древние писатели, ловили лучших *lupi*. В старых книгах говорится, что *lupus* — это щука, но, кажется, современные ученые верят, что это сельдь. Ничего не произошло, я устал ждать, и перешел мост, чтобы посмотреть, что там выше по течению.

Здесь моему взору предстал самый романтический вид в Риме — маленький островок на Тибре. Это небольшой клин земли посреди реки, и он все еще похож на корабль, как в римские времена. Он застроен зданиями и напоминает средневековый замок, плывущий вниз по реке. Хотя остров соединен с берегом мостом и, таким образом, легко Доступен, я никогда не пытался обследовать его. И вот решил попытаться.

Из всех мест на земле, которые мог бы захотеть посетить медик, остров Тиберина является, я бы сказал, самым вдохновляющим. Почти за три столетия до Рождества Христова остров был посвящен Асклепию, здесь воздвигли храм богу-целителю и больницу. Сегодня весь остров занимает одна из лучших римских больниц — Святого Иоанна Калибита, — находящаяся на попечении членов братства Святого Иоанна Богослова.

Пока я ждал на центральной площади, раздумывая, в какой колокольчик позвонить, по набережной пронеслась машина «скорой помощи», свернула по мосту на остров и подкатила к амбулаторному отделению. Рядом с ним обнаружилась большая аптека, где многие бедные люди получали от братьев лекарства. Братья в своих белых

одеждах с широкими наплечниками и капюшонами были похожи на бенедиктинцев.

Меня провели в комнату с портретами госпитальеров, Добродетельных братьев (Fatebenefratelli). Основатель этого заведения, святой Иоанн, был португальским солдатом, который после ранения в бою решил посвятить свою жизнь Богу. После выздоровления в 1538 году он собрал вокруг себя других мирян, решивших помогать бедным и исцелять больных. Они основали больницу и аптеку, где раздавали лекарства бедным. Их странное самоназвание произошло от ящика для милостыни с надписью «Fate bene, fratelli».^[134]

В комнату вошел приор с двумя братьями, один из которых был австралиец. Они весьма дружелюбно ответили на мои вопросы и с радостью показали мне больницу. Пока мы обходили светлые палаты и современные операционные, они рассказали мне, что пятьдесят братьев из двенадцати разных стран работают в больнице, которая, помимо этого, нанимает большой штат из тридцати врачей, пяти дантистов, двух фармацевтов и ста двадцати других сотрудников. Проходя по просторным приемным и рентген-кабинетам, я с удивлением подумал: с набережной Тибра казалось, что там должны лежать соломенные подстилки и работать алхимики.

— В прошлом году мы сделали четыре тысячи шестьсот серьезных операций, — сказал приор, — и приняли сто шестьдесят четыре тысячи амбулаторных больных.

Один из братьев, который работает над древней историей острова, спустился со мной к воде, чтобы показать посох и змею Асклепия, сохранившиеся там, где в римские времена была «корма корабля».

— Это необычная история, — сказал он. — Около 291 года до н. э., когда Рим поразила чума, было решено послать делегацию врачей и священников в Эпидавр, в Грецию, попросить помощи у Асклепия в его знаменитом храме. Результат был довольно оригинальный. Одна из змей, обитавших в храме, проникла на корабль римлян. Посланцы вернулись домой, радуясь такой большой чести, но не успел корабль встать на якорь в Тибре, как змея

соскользнула за борт и спряталась в тростниках острова Тиберина. Римляне сочли это знаком от Асклепия, и посвященный ему храм построили именно здесь, а острову в память о том плавании придали форму корабля. В центре поднимался обелиск, символизировавший мачту. Храм стал знаменит, и больные даже из-за границы приезжали сюда, чтобы посоветоваться с докторами и попить чудодейственной воды, которая все еще есть в колодце церкви Святого Варфоломея, в которой мы будем через минуту. Подобно храму в Эпидавре, этот римский храм Асклепия стал знаменит исцелениями во сне. Опиумом ли одурманивали пациентов или каким-то другим наркотиком, навевавшим сновидения; являлись ли эти сны просто галлюцинациями, или один из Жрецов исполнял роль Асклепия и в неясном свете говорил с пациентами, врачуя их дух; применялся ли тут гипноз, — этого мы знать не можем. Но такие исцеления во сне были знамениты здесь и в Греции, и, похоже, змеи тоже играли свою роль в исцелении и были соответствующим образом натренированы — дрожали своими язычками около больного места. Собак, посвященных Асклепию, также дрессировали — чтобы зализывали раны.

То, что остров, ставший больницей за двести лет до Рождества Христова, все еще является больницей, могло бы показаться удивительным в любом городе, кроме Рима...

Мы поднялись к темной церкви Святого Варфоломея, основанной императором Отгоном III. Античные колонны римского храма поддерживают крышу. Мы заглянули в колодец, чьи воды были знамениты еще до рождения Христа. Я подумал, интересно, не исцелился ли Рагере от своей малярии именно на острове Святого Варфоломея. И не здесь ли он узрел святого, что впоследствии подвигло его основать церковь в Лондоне. Вполне возможно, ключ к названию английской больницы нужно искать на острове Асклепия.

Я пожалел о том, что открыл для себя этот удивительный маленький остров лишь в последний свой день в Риме. Узнай я о нем раньше, не раз бы сюда вернулся.

Стоя на набережной Тибра и глядя на остров, я подумал, что в мире, где зло сражается за господство над умами людей, с радостью и благодарностью видишь, как добрый поступок прорастает через столетия. Приходить к добрым мыслям — привилегия тех, кто прожил, неважно сколько, в городе-родоначальнике всех западных городов.

На следующее утро, когда самолет поднялся в воздух, я на секунду увидел Рим в сиянии нового дня. С благодарностью посмотрел я вниз, на город, где столько узнал. Но ведь никто не прощается с Римом навсегда.

Приложение

Чарлз Эндрю Миллз

(1760-1846)

В конце XVII века лондонский золотых дел мастер по имени Мэттью Миллз отплыл из Грейвсенда в Вест-Индию. [\[135\]](#) С него началась на острове Святого Киттса история семьи процветающих плантаторов, к которой принадлежал и Чарлз Эндрю Миллз.

Его дедушка, тоже Мэттью Миллз, был убит на дуэли, состоявшейся на рассвете на пустынном берегу острова Святого Киттса 19 ноября 1752 года. Питер Мэттью Миллз, сын убитого на дуэли, стал отцом Чарлза Эндрю. Он умер в 1792 году, оставив Чарлзу (своему третьему сыну) 10 000 фунтов и сахарные плантации. Мать Чарлза Эндрю Миллза Кэтрин Гамильтон вела свой род от Уолтера Гамильтона, наемника, прибывшего в Вест-Индию около 1690 года с экспедицией каперов. Гамильтон утверждал, что состоит в родстве с герцогами Гамильтон, и пользовался покровительством сэра Тимоти Торн-хилла, который сделал его капитаном и своим адъютантом при войсках, вверенных ему для противостояния французам. В 1713 году Уолтер Гамильтон был назначен губернатором Подветренных островов и получил чин генерал-лейтенанта. [\[136\]](#)

Миллз часто упоминается в летописях острова Святого Киттса как почтенный Чарлз Эндрю Миллз — звание, которое указывает на то, что он был членом Законодательного совета. Он также был хорошо известен в Лондоне, хотя чем он занимался до сорока шести лет — тайна, которая, возможно, ждет своего разрешения, и ответ, видимо, можно найти в бумагах Государственного архива или в анналах истории острова Святого Киттса. Самое раннее известное мне упоминание о нем — это письмо,

написанное Кеппелом Крейвенем Чарлзу Киркпатрику Шарпу в 1808 году.^[137] «Ожидаю, что меня посетит Миллз по пути в Вест-Индию», — писал Крейвен, из чего следует, что Миллз, в ту пору сорокашестилетний, был достаточно известен среди эстетов и археологов-любителей, — в той среде, где вращались Эдвард Додвелл, греческий путешественник, и сэр Уильям Джелл, в обществе которого Миллз провел свою старость в Риме.

В случае, упоминаемом Крейвенем, Миллз, вероятно, возвращался в Вест-Индию, чтобы исполнять обязанности начальника таможенного управления в Гваделупе, находившейся тогда под управлением Британии, — пост, который он занимал с 1809 по 1817 год. В конце этого периода его освободили от должности, что показалось ему несправедливым. Два его недовольных письма можно обнаружить в так называемых документах Ливерпуля в Британском музее, том LXXIX. Это бумаги лорда Ливерпуля, который в то время был премьер-министром. Миллз писал из Лондона, ул. Королевы Анны 16, Мэрилбоун, 8 сентября 1817 года Чарлзу Арбетноту, одному из секретарей министерства финансов:

Безусловно, крайне унижительно после почти восьми лет службы, во время которых я прилагал все старания, чтобы приносить пользу, оказаться уволенным без всякой компенсации...

...Могу предположить, что претендентов на должность в министерстве финансов так много, что невозможно удовлетворить всех. Мое увольнение было бы менее болезненным, если бы лорд Ливерпуль оказался достаточно вежлив для того, чтобы представить меня Принцу Регенту, и оказал бы мне честь, рекомендовав меня как государственного служащего, который честно служил правительству...

...Я был бы признателен, если бы меня посвятили в рыцари в доказательство одобрения моей службы,

и польщен таким признанием того, что я оправдал доверие Его Светлости.

Прошел почти месяц, и Миллз, не получив никакого ответа из министерства финансов, послал Чарлзу Арбетноту второе письмо, датированное 6 октября:

Мое здоровье требует небольшой смены обстановки, и я должен на некоторое время отправиться на континент, не дождавшись ответа на просьбу, содержащуюся в моем письме Вам и обращенную к лорду. Я склонен надеяться, что Его Светлость не откажет в этой небольшой милости человеку, который честно трудился восемь лет в нездоровом климате, который отказывается от права на вознаграждение, но который, безусловно, хочет сообщить миру, что верно служил обществу.

Миллз прибыл в Рим в конце 1817 года. Есть история, согласно которой он был с молодым человеком, предположительно, со своим приемным сыном. Доктор Альфонсо Бартоли, директор Палатинского музея, которому я обязан этой информацией, вспоминает, что видел письмо, написанное этим таинственным молодым человеком, но теперь оно потеряно. Вскоре после приезда Миллза в Рим Каролина, принцесса Уэльская, супруга принца-регента, проживающая отдельно от него (впоследствии королева), тоже посетила Рим, путешествуя по континенту. Сэр Уильям Джелл был управляющим ее двором. Будучи старым другом Джелла, Миллз стал появляться на королевских обедах. Если он все еще не утратил надежд на рыцарское звание или на получение какой-нибудь милости от принца-регента, то именно таким способом этого можно было добиться скорее всего.

В 1820 году оба, Миллз и Джелл, выступали свидетелями защиты на процессе королевы Каролины, обвиненной в адюльтере, в Палате лордов. Показания Миллза были краткими и по делу: он много раз обедал за королевским столом, но никогда не замечал ничего компрометирующего

в поведении хозяйки. Архивы Виндзорского дворца, где сейчас хранятся материалы дела, содержат письмо Миллза адвокату: еще одно письмо о невыплате денег. Он указывает, что получил только 58 фунтов 16 пенсов в уплату своих расходов по процессу вместо 108 фунтов 11 пенсов. Письмо написано 15 ноября 1820 года.^[138]

Я уверен, что Вы не могли желать, чтобы все произошло недолжным образом, — писал Миллз, — и Ее Величество тоже не может быть заинтересована в том, чтобы ее друзья не только страдали от несвоевременности выплаты, но и испытывали финансовые затруднения. Задержка моего отъезда повлечет за собой дополнительные расходы. Теперь мне придется путешествовать в крытом экипаже, что потребует больше лошадей, а в горах все расходы удваиваются... Для меня крайне болезненна необходимость вести переписку подобного рода, которой, при должной деликатности, я уверен, можно было бы избежать.

Приехав в Рим, Миллз вернулся на виллу на Палатинском холме. Владение ею и тот странный облик, который она приняла за то время, что ему принадлежала, теперь остаются его единственной возможностью прославиться. В 1818 году он приобрел эту недвижимость совместно с сэром Уильямом Джеллом, но позже стал ее единственным владельцем. Это был старый дом, который столетиями стоял над руинами дворца Домициана и получил имя Вилла Спада. Его главная достопримечательность — небольшой, покрытый фресками портик, спроектированный и расписанный Рафаэллино дель Колле: на фресках Венера зашнуровывает сандалии, Юпитер преследует Антиопу в образе сатира, разыгрываются другие мифологические сцены. В 1824 году Миллз нанял Камуччини отреставрировать фрески.

Однако скоро Стробери-Хилл и Фонтхиллское аббатство отбросили тень на Палатинский холм, и, не исключено, что под руководством модного английского архитектора, который мог и перезимовать в Риме, Вилла Спада Превратилась в виллу Миллз, с башенками, бойницами, казематами и двориками, окруженными крытыми

галереями. Над сводами арок помещались медальоны с розой, чертополохом, трилистником, а над воротами красовались барельефы — два куста чертополоха. Благодаря всему этому Миллз прослыл «эксцентричным шотландцем», хотя его эксцентричность была не более чем данью архитектурной моде времени, а чертополох — гордостью тем, что он ведет свой род от губернатора Подветренных островов Гамильтона. Такой вот облик имело странное готическое здание, где давали последние обеды на холме цезарей.

Судя по всему, Миллз вовсе не был приятным человеком, разве что леди Блессингтон находила его очаровательным. Совсем другое впечатление он производил на Генри Фокса, который обедал с ним и Додвеллом однажды в 1827 году и отозвался о них, как о «совершенно невозможных людях». Через несколько дней Фоксу довелось отобедать с Блессингтонами, и единственным их гостем, кроме него, опять-таки был Миллз. «Леди Блессингтон сочла возможным громко признаться, — писал он, — а вернее, даже проповедовать без всякого на то повода свое недоверие к христианству, а Миллз льстиво соглашался с ней».^[139]

В следующем, 1828 году, леди Блессингтон прогуливалась в саду виллы Миллз «с нашим добрым другом, владельцем виллы, мистером Чарлзом Миллзом», когда приехала мать Наполеона и леди Блессингтон ей представили. Генри Фокс снова посетил Рим в мае 1830 года и нашел Миллза и Джелла парой сварливых старых холостяков, чья дружба явно уже превратилась в плохо скрываемую вражду. Он отправился с ними на пикник в Вейи и обратил внимание на едкие высказывания Миллза в адрес Джелла. На следующее утро он завтракал с ними на вилле Миллз и наблюдал, как они «напустились друг на друга, причем Миллз вел себя очень агрессивно. Они очевидно сильно недолюбливали друг друга, но притворялись, что искренне друг к другу расположены».

В 1842 году, когда Миллзу было восемьдесят два года, Гэрриет, леди Грэнвилл, попросила его сдать ей виллу, но он отказался. В письме к герцогу Devonshireскому леди

Грэнвилл описывает утро на Палатине и упоминает о «саде мистера Миллза, полном роз, кустов жасмина и гелиотропа», а также о «самом мистере Миллзе и леди Шарлотте Бери, вышедших из дома и совершенно испортивших впечатление».^[140]

Таковы, насколько мне известно, последние воспоминания современников о Чарлзе Эндрю Миллзе. Он умер четыре года спустя, 3 октября 1846 года, и похоронен на протестантском кладбище. На надгробной плите указан возраст восемьдесят шесть, но запись в книге захоронений церкви Всех Святых в Риме, засвидетельствованная Джеймсом Хатчинсоном, капелланом британцев в Риме, показывает другую цифру — восемьдесят семь. Вилла Миллз затем перешла во владение полковника Роберта Смита, а в 1856 году стала монастырем ордена визитандинок, и тогда же было пристроено еще одно крыло, в котором теперь размещается музей Палатина. Саму же виллу Миллз снесли в 1926 году и провели раскопки древнего дворца под ней. Две хорошие фотографии виллы Миллз, до и после его разрушения можно найти в очаровательной книге Маргарет Р. Шерер «Чудеса старого Рима», на странице 325.

Миллз написал два завещания, одно — в Париже 27 июня 1842 года, другое — в Риме. Мне удалось напасть на след римского завещания, а копия французского находится в Сомерсет-Хаусе. Он оставил все свое имущество, кроме того, что находилось в Италии, своей племяннице, Кэтрин Амелии, баронессе Галлус де Глаубиц. Приблизительная стоимость поместья, как записано в книге исков о наследстве за 1847 год, составила «тысячу фунтов, в провинции (Кентербери)».

Я обязан многими биографическими подробностями, использованными в данном очерке, мистеру С. У. Шелтону, который привлек мое внимание к ливерпульским документам; и «Кариббеане» Оливера, а также мистеру Челленджеру с острова Святого Киттса — за информацию о семьях Миллз и Гамильтон и мистеру Честеру Л. Шейверу, который любезно выслал мне копию французского завещания Миллза.

Библиография

Автор хотел бы выразить признательность следующим писателям, чьими текстами он пользовался в работе над книгой:

- Barry W. The Papal Monarchy.
Bury J. B. The Invasion of Europe by the Barbarians.
Carcopino J. Daily Life in Ancient Rome.
Cesare R. de. The Last Days of Papal Rome.
Crawford F. M. Ave Roma Immortalis.
Creighton M. History of the Papacy During the Period of the Reformation.
Dill Samuel. Roman Society in the Last Century of the Western Empire.
Fowler W. Warde. Social Life at Rome in the Age of Cicero.
Frazer/ G. The Golden Bough / Рус. пер.: Фрэзер Дж. Дж. — золотая ветвь. М., 1998.
Frothingham A. L. The Monuments of Christian Rome.
Gibbon Edward. The Decline and Fall of the Roman Empire / Рус. пер.: Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. М.; СПб., 1994.
Gregorouius Ferdinand. History of the City of Rome in the Middle Ages / Рус. пер.: Грегоровиус Ф. История города Рима в Средние века. СПб., 1902–1912. Т. 1–5.
Hale J. R. The Italian Journal of Samuel Rogers.
Hare Augustus. Walks in Rome.
Hayward F. A History of the Popes.
Hutton Edward. Rome.
Kirby P. F. The Grand Tour in Italy.
Lanciani Rudolfo. Pagan and Christian Rome.
Lanciani Rudolfo. New Tales of Old Rome.
Lanciani Rudolfo. Ancient Rome.
Lanciani Rudolfo. The Destruction of Ancient Rome.
Lanciani Rudolfo. The Ruins and Excavations of Ancient Rome.

Lowrie W. Christian Art and Archaeology.
Lyall A. Rome Sweet Rome.
Northcote]. S., Brownlow W. R. Roma Sotterranea.
O'Flaherty H., Smith, J. O Roma Felix.
Parks G. B. The English Traveller to Italy.
Richmond I. A. The City Wall of Imperial Rome.
Rodd Rennell. Rome of the Renaissance and Today.
Rostovtzeff M. A History of the Ancient World / Рус. пер.:
Ростовцев М. И. Очерк истории древнего мира. Берлин, 1924.
Scherer M. R. Marvels of Ancient Rome.
Story W. W. Roba di Roma.
Toynbee J., Perkins J. W. The Shrine of St. Peter.
Tucker M. A. R., Malletson H. Handbook to Christian and
Ecclesiastical Rome.
Wiseman N. P. Recollections of the last four Popes.

Путеводители:

Baedeker Karl. Rome and Central Italy. 1930.
Muirhead L. Russell. Rome and Central Italy (Blue Guide).
1956.
Nagel. Rome and its Environs. 1950.

От автора

Выражаю благодарность тем, кто сам столкнулся с трудностями освещения данной темы, и чьи книги я упоминаю здесь, а также следующим господам за их содействие и доброе отношение: монсеньору Хью О'Флаггерти, отцу Энтони Кении из Английского колледжа, отцу Альфреду Уилсону из церкви Святых Иоанна и Павла, майору швейцарской гвардии Дитеру де Бальтазару, доктору Анджелини из Музея Рима, Марчелло Пьерматтеи, суперинтенданту некатолического кладбища, доктору Гвидо Риччи и доктору Дзаккардини Марио из Commissariato per il Turismo^[141] в Риме, а также доктору Аучано Мерло из Ente Provinciate per il Turismo^[142] в Риме, господам Лонгману и Грину за разрешения цитировать «Гробницу святого Петра», сэру Алеку Рэнделлу и господину Уильяму Хайнеманну, за разрешение цитировать «Ватиканское назначение», Мэрилендскому историческому обществу за фотографию Элизабет Паттерсон Бонапарт, мисс Маргарет Р. Шерер из музея «Метрополитен» в Нью-Йорке, господам из «Глин, Миллз и К°» за очерк графа д'Орсэ о Чарлзе Миллзе, и их архивисту, мистеру Ч. У. Шелтону, без чьей помощи мне никогда не удалось бы разрешить загадку Чарлза Эндрю Миллза. Моя искренняя благодарность — также мистеру Д. Х. Варли, главному библиографу Южноафриканской публичной библиотеки в Кейптауне, и его квалифицированным и доброжелательным сотрудникам.

Г. В. М.

Лондон, 1957 год.

Примечание ко второму изданию.

Я очень благодарен мистеру Э. К. Кеннеди из Мэлверн-колледжа за то, что он после выхода книги утешил меня

сообщением, что я погрешил против многих выдающихся авторитетов, в том числе, против Британской энциклопедии, повторив «легенду об Августе» в связи с реформой юлианского календаря. Эту ошибку я исправил.

Г. В. М.

1958 год.

---

notes

Примечания

1

Внутренний дворик *(ит.)*.

2

Пансион (ит.).

У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Перевод М. Зенкевича.

Молитва «Господи, помилуй» *(греч.)*.

Лоренцо Бернини решил для торжественности расставить на мосту статуи ангелов в развевающихся одеждах, держащих орудия пыток. В целом все выглядит впечатляюще, что вполне объясняет народное название фонтана, которое можно приблизительно перевести как «маньяки на ветру». — *Примеч. ред.*

6

Предметы религиозного культа *(ит.)*.

Священные реликвии (ит.).

Спагетти, каннеллони, сальтимбocca по-римски (ит.). Каннеллони — толстые короткие макароны, фаршированные мясом, шпинатом, сыром и т. п. Сальтимбocca по-римски — обжаренные в масле рулетики из телятины с ломтиком сыровяленого окорока, подаются с овощами. — *Примеч. ред.*

Музыкальный термин «очень тихо» (*ит.*).

Музыкальные термины: «медленно», «убедительно», «очень громко» *(ит.)*.

Неистово, яростно *(ит.)*.

Воплощение дьявола, дьявол во плоти *(ит.)*.

Пространство (*англ.*).

У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Перевод М. Зенкевича.

Скитаться, странствовать; бродить, прогуливаться
(англ.).

Экипаж (ит.).

Мальчишки *(ит.)*.

Пчелы — геральдический символ семьи Барберини. Маффео Барберини (Урбан VIII), став понтификом, активно покровительствовал своим родственникам, задаривая их кардинальскими титулами и наиболее доходными должностями в Папском государстве. Конечно, многие из них жили в Риме. Кроме того, по приказу Урбана VIII был воздвигнут дворец Барберини, окруженный кованой решеткой с изображением пчел, а также фонтан Пчел на Виа Витторио-Ве-нето. — *Примеч. ред.*

Прочь! *(ит.)*

Не хотите прокатиться в экипаже? (*искаж. англ.*)

Пиффери, род свирели, дудка *(ит.)*.

Серый вулканический туф (*ит.*).

Суфле (*фр.*).

Битва, штурм (*ит.*).

У. Шекспир. «Юлий Цезарь». Перевод М. Зенкевича.

Капитолийский холм (*лат.*).

Крестьяне (ит.).

Гай Юлий Цезарь был убит у стен театра Помпея (где проходили заседания Сената), располагавшимся на Марсовом поле, в районе нынешней площади Торре-Арджентина, в полумили от Форума. Но погребальный костер Цезаря горел на Форуме. — *Прим. ред.*

Согласно традиции лорд-канцлер в Палате лордов сидит на такой подушке, символизирующей одну из наиболее развитых сфер британского производства. — *Прим. ред.*

Спальные покои августов (*лат.*).

Беседка (*фр.*).

Я американский гражданин (*лат.*).

Краснолаковая керамика (terra sigillata) — важнейший вид столовой посуды определенного периода римской истории (с последней четверти I в. до н. э. до середины I в. н. э.), что примерно совпадает со временем правления упомянутых автором императоров — *Прим. ред.*

Изогнутая, искривленная стена (*ит.*).

Извините (ит.).

Позвольте, разрешите (*ит.*).

Остановка (ит.).

Строгость (*лат.*).

Ватиканская долина *(лат.)*.

Простота (*лат.*).

Так назывался квартал Рима между Субурой и Форумом, где находились лавки ремесленников и книготорговцев. — *Примеч. ред.*

«Полдень настал!» *(лат.)*

Перевод Ф. А. Петровского.

Центумвиры — члены коллегии судей, решению которой подлежали гражданские дела, касавшиеся римской собственности, преимущественно споры относительно прав наследства. — *Примеч. ред.*

Септимий Север распустил старую преторианскую гвардию, состоявшую из полноправных римских граждан, и создал новую, Рекрутировавшуюся из солдат дунайских и сирийских легионов, а также сделал офицерское звание доступным любому выходцу из провинции. — *Примеч. ред.*

«...и Гета, благороднейший цезарь» *(лат.)*.

Атрий, передний или входной двор древнеримского дома
(лат.).

Мрамор с прожилками *(ит.)*.

Коралловый известняк *(ит.)*.

Изображение Афины Паллады. — *Примеч. ред.*

Плутарх. Нума Помпилий. Перевод С. П. Маркиша.

Дом, где жил понтифик максимус. — *Примеч. ред.*

Одна из технологий строительства I в. н. э., когда стены строили из камней, аккуратно обтесанных в форме усеченной пирамиды. Камни укладывали по диагонали по принципу «решетки», скрепляющий раствор (он был очень прочным) почти всегда делали из гашеной извести, вулканического туфа и речного песка. — *Примеч. ред.*

«Исчисление года» (*лат.*).

Страчателла по-римски *(ит.)* — бульон, заправленный взбитыми яйцами и тертым сыром.

Эскалоп по-марсальски *(ит.)*.

Хозяин (ит.).

Тайный, секретный сад (*ит.*).

Папская булла, а также бык (*англ.*).

Папский портшез *(ит.)*.

Да, святейший папа, да, да, да! *(ит.)*

Да, папа, всегда, всегда *(ит.)*.

Волнующий (*исп.*).

Мягкий итальянский сыр из коровьего молока с нежным сладковатым вкусом. Впервые изготовлен в Ломбардии. — *Примеч. ред.*

Автор вспоминает рубаи О. Хайяма «И льву и ящерице
вход открыт / В тот зал, где древле пировал Джемшид...»
(перевод О. Румера). — *Примеч. ред.*

Стержень *(лат.)*.

Рожки *(лат.)*.

Тент, натягиваемый над аренами и амфитеатрами на специальные мачты (*лат.*).

Senatus Populus que Romanus — Сенат к народ римский
(лат.).

Зернистый туф (ит.).

Дж. Г. Байрон. «Паломничество Чайльд Гарольда». Песнь четвертая. Перевод В. Левика.

Поразительно! (*фр.*)

Пирс Иган (1772–1849) — английский писатель, издавал юмористический журнал «Жизнь в Лондоне», описывавший нравы горожан. К именам персонажей Игана, франту Коринтию Тому и его провинциальному кузену Джерри Готорну, восходит английское выражение «Том и Джерри», означающее буйное поведение. Именно поэтому так и были названы герои известного американского мультсериала. — *Примеч. ред.*

Перевод Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского.

Строки из стихотворения ирландского поэта Сидни Лайсата (1860–1941).

Сдельно (ит.).

«Тише! Тише!» *(ит.)*.

Пассионисты — проповеднический орден Святого Креста и Страстей Господних. — *Примеч. ред.*

Несчастный случай *(ит.)*.

«Виктор Эммануил, король Италии» *(ит.)*.

Джордж Маколей Тревельян (1876–1962) — английский историк, автор трудов по истории Италии эпохи Рисорджименто. — *Примеч. ред.*

Имя папы Пия IX звучит для итальянца как «Благочестивый Девятый».

Campo dei Fiori — поле цветов *(ит.)*.

Речь идет о бегах — состязаниях, чрезвычайно популярных в Древнем Риме. Поставка лошадей для беговых состязаний была отдана на откуп специальным обществам, которые назывались *factio* — «партия», и чтобы победителя на бегах было видно сразу, «партии» стали одевать своих возниц в разные цвета: красный, синий, зеленый. — *Примеч. ред.*

«Славься, вечный Рим» *(ит.)*.

Находящийся вровень с землей и предназначенный для благородных господ *(ит.)*.

«Галиньяни», а точнее «Вестник Галиньяни» — английская газета, которую итальянец Джованни Антонио Галиньяни с 1814 г. издавал в Париже для англичан, проживающих на континенте. — *Примеч. ред.*

Т. Нэш. «Злополучный скиталец, или Жизнь Джека Уилтона». Перевод Е. Бируковой.

Палладио Андреа (1508–1580), итальянский архитектор. Автор трактатов по архитектуре, оказал огромное влияние на развитие европейского зодчества, вызвав к жизни течение классицизма в XVII–XVIII вв. Едва ли не самым известным его творением является здание театра «Олимпико» в Виченце, ставшее одним из первых театральных помещений нового времени и примечательное тем, что амфитеатр сопоставлен с оптически-иллюзорной сценой пятью улицами, сходящимися в искусственно усиленной перспективе). — *Примеч. ред.*

См. Приложение.

Пикник (ит.).

Джордж Бо Браммелл (1778–1840) — самый знаменитый Денди эпохи регентства, вошел в историю как законодатель мод и автор книги «Мужской и женский костюм». — *Примеч. ред.*

Камилавка (ит.).

Сутана (ит.).

Августовские празднества *(ит.)*.

Мороженица (ит.).

Слуги (ит.).

Булочница (ит.).

Старинная шотландская баллада. — *Примеч. ред.*

Прозвище Карла Эдуарда Стюарта (Красавца принца Чарли), сына Старшего Претендента Якова Эдуарда Стюарта. — *Примеч. ред.*

Кастелли Романи — это название объединяет 13 городков, расположенных вблизи от Рима, на Альбанских холмах. — *Примеч. ред.*

Вкусные оливки *(ит.)*.

«Алтарь мира» Августа (*лат.*).

Мужская привилегированная частная средняя школа для католиков в Вулвергемптоне, графство Стаффордшир. — *Примеч. ред.*

Дословно: «Приветствую цветы, обреченные на смерть» (лат.) — этими словами начинается католический гимн «*Salvete flores martyrum*» в память о «цветах мученичества», невинно убиенных Иродом младенцев Вифлеема. — *Примеч. ред.*

Между двух столбов (*лат.*).

На Ватиканском холме рядом с цирком *(лат.)*.

Осквернение могил (*лат.*).

Ранние отголоски — две колонны университетской церкви Святой Девы Марии в Оксфорде, воздвигнутой в 1637 году, всего четыре года спустя постройки балдахина Бернини. — *Примеч. автора.*

Артишоки по-еврейски — артишоки с удаленной сердцевинкой жарят, погрузив в оливковое масло, пока они полностью не раскроются. — *Примеч. ред.*

111

Цыпленок на сковородке *(ит.)*.

Подкидыши (ит.).

Перевод К. Ковешникова.

Короли-бездельники (*фр.*) — так называли последних Меровингов, лишенных власти и безвольных. — *Примеч. ред.*

Констант II перевез в Константинополь позолоченную бронзовую крышу в 655 г. — *Примеч. ред.*

Перевод К. Ковешникова.

Его Святейшество *(ит.)*.

Здесь: на память о Риме *(ит.)*.

Перевод К. Ковешникова.

Дворик с попугаем *(ит.)*.

Двадцатое сентября (ит.).

Слава Иисусу Христу! *(лат.)*

В 1969 г. Папский двор был реформирован. — *Примеч. ред.*

«Пейте и купайтесь в источнике!» *(фр.)*

Благодарственные послания (*лат.*).

Обвинительные послания (*лат.*).

Душенька моя, летучая, чудная,
Гостя тела и спутница,
В какой теперь уходишь ты,
Унылый, мрачный, голый край,
Забыв веселость прежнюю? *(лат.)*

«Душенька летучая чудная» *(лат.)*. — Строка из стихотворения императора Адриана (II в. н. э.).

О своих несчастьях (*лат.*).

Сначала их благословляет аббат ордена каноников Святого Августина, после чего их приносят в Ватикан, чтобы их благословил папа, а потом отдают монахиням. — *Примеч. автора.*

Эта песня была популярна среди командос африканеров во время англо-бурской войны (1900–1902). Написана она в 1889 г. поэтом Ж. Тёрином, одним из первых, начавших писать на языке африкаанс, и посвящалась жене поэта, Марэ. Ее пели также в английских окопах во время операций в Северной Африке во Вторую мировую войну. В 1950-х песня стала гимном подразделений австралийского спецназа. — *Примеч. ред.*

Жаркое из даров моря с овощами *(ит.)*. — *Примеч. ред.*

Буквальный перевод с испанского: «оперетта даров моря», блюдо из рыбы и ракообразных в специальном соусе. — *Примеч. ред.*

Творите добро, братъя! *(ит.)*

Олдмиксон Джордж. Британская империя в Америке.
1741. Т. II. С. 295.

Френч Джордж. Ответ на клевету. 1719.

Письма от и к Чарлзу Киркпатрику Шарпу. В 2-х т. 1888.

Виндзорские архивы. Документы по делу королевы
Каролины. Ящик 10.10.

Дневник достопочтенного Генри Фокса, изданный графом Илчестерским. 1923.

Письма Гэрриет, графини Грэнвилл. 1894.

141

Управление по туризму (ит.).

Общество по организации туризма в провинции *(ит.)*.